КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Barrington J. Bayley

Collision Course

The Fall of Chronopolis

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ

ПАДЕНИЕ ХРОНОПОЛИСА

★

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Б41

Серия основана в 1992 году

Barrington J. Bayley
COLLISION COURSE
1973
THE FALL OF CHRONOPOLIS
1974

Перевод с английского О. Битова («Курс на столкновение»), О. Колесникова и Б. Кадникова («Падение Хронополиса»)

Серийное оформление А. Сальникова

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).

Печатается с разрешения издательства Wildside Press
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 27.02.02. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7 000 экз. Заказ № 221.

Бейли Б.
Б41 Курс на столкновение. Падение Хронополиса: Романы: Пер. с англ. / Б. Бейли. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 414, [2] с. — (Координаты чудес).

ISBN 5-17-012748-0

…Жизнь на Земле существует лишь в пределах «волн времени».

Не потому ли развалины, которые исследует ученый-археолог, становятся не древнее, а — МОЛОЖЕ?!

Не потому ли экспедиция на машине времени отправляется не в прошлое, а — в Будущее?

Туда, где на Земле идут, навстречу друг другу, две небывалые по силе «волны времени», и жить Земле — пока они не встретятся в страшном катаклизме. В катаклизме, что раз и навсегда потрясет пространство и время…

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Barrington J. Bayley, 1973, 1974
© Перевод. О. Битов, 2002
© Перевод. О. Колесников, Б. Кадников, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ

© Перевод. О. Битов, 1993

Глава 1

«Не бывало, наверное, и не будет победы без зазнайства и хвастовства», — подумал Ронд Хешке. Знамена, везде знамена...

На возвышенной террасе перед Политдворцом, штабквартирой Всемирного Политического бюро, знамена развевались словно исполинские паруса, поднятые на сотню футов над мостовой. Хотя последнее из сражений с низшими подвидами, война против амхраков, было успешно завершено двадцать лет назад, знамена эти до сих пор вывешивались как напоминание о походной славе. И до сих пор проводились ежегодные парады, звучали напыщенные речи, а по видеосети демонстрировались документальные фильмы, безвкусные и крикливые.

«Война за обладание Землей», — так ее окрестили. Но теперь-то Земля была завоевана и бесповоротно принадлежала Человеку Истинному, и про себя Хешке считал, что трубам триумфа пора бы и приумолкнуть.

Он пересек террасу, слегка напуганный огромными черно-красными портьерами у входа, которые заглатывали посетителей, как букашек. Вне сомнения, Политдворец был самым впечатляющим среди множества прекрасных дворцов в административных кварталах Прадны — его сомкнутые стеклянные фасады вздымались до высоты в тысячу футов, будто излучая величие. Ощущение величия быстро подавило непочтительные мыслишки, и они начали казаться почти кощунственными. Хешке вступил в просторный

вестибюль и проверил, куда держать путь, по генеральному плану здания.

На лифте на двадцатый этаж, а потом по коридорам, которым не видно конца. Навстречу то и дело попадались высокие, стройные красавцы и красавицы из Титановых Легионов, самозваные «попечители Земли», захватившие за последние столетия всю полноту политической власти над человечеством. Блестящие черно-золотые мундиры и сознание своего генетически безупречного происхождения позволяли им посматривать на Хешке с презрением, чего тот предпочитал не замечать. Он давно пришел к выводу, что любая военная элита склонна упиваться чувством собственного превосходства. Для них он всего-навсего штатский, да еще пожилой, с намечающимся брюшком. К тому же он, насколько это вообще возможно в современную эпоху, не интересовался политикой — его интересы лежали отнюдь не в будущем, а в прошлом.

На двадцатом этаже располагались апартаменты Бюро пропаганды. Кабинет, куда его вызвали, принадлежал Отделу археологии (сокращенно Бюропроп — Арх). Он явился вовремя, а потому его заставили ждать не более десяти минут. Затем миловидная, но безучастно деловая секретарша предложила ему войти.

Титан-майор Браурн поднялся из-за стола с приветливой улыбкой.

— Рад видеть вас, гражданин Хешке! Прошу садиться.

Позади Браурна стоял человек в чине капитана, которого Хешке прежде не встречал, — моложавый, бледный, высокомерный. У капитана было покалечено левое веко, и это придавало лицу неприятно насмешливое выражение. Вообще-то дефекты внешности в Легионах не прощались. Оставалось только гадать, какими заслугами капитан компенсировал свой недостаток, иначе ему просто не разрешили бы вступить в ряды титанистов.

— К вашему сведению, гражданин, это титан-капитан Браск, — сообщил Браурн. — Я пригласил его принять участие в разговоре по причинам, которые станут ясны позднее.

Майор сел и откинулся на спинку кресла, твердо опустив крупные руки на стол. Он был плотный, грузный, широкоплечий не по росту; форменные черные ремни, наде-

тые крест-накрест поверх мундира, подчеркивали впечатление. Темные волосы, когда-то густые и пышные, уже поредели, лицо многоопытного любителя наслаждений начало оплывать под влиянием сидячей работы, но карие глаза смотрели в упор. Хешке предпочел бы видеть майора подчеркнуто деловитым и резким, а не играющим в радушие, как теперь. Подобное радушие всегда служило лишь прелюдией к чему-то совсем другому.

Взгляд Хешке переместился на археологическую картосхему, висевшую на дальней стене. Схема была выполнена вполне профессионально, хотя, пожалуй, слишком откровенно отражала приверженность титанистов к интерпретациям исторических находок, заданным заранее. Она была призвана четко отразить циклическое возвышение и падение цивилизаций как неизменную основу всей человеческой истории. Хешке все еще разглядывал схему, когда титан-майор заговорил снова:

— Итак, гражданин, что нового? Как продвигается изучение развалин?

— К сожалению, не могу доложить о новых открытиях, если вы именно это имеете в виду...

Хешке опасливо вертел в руках свой портфель. Голос титан-майора сразу огрубел, утратив любезный тон.

— Уж не хотите ли вы сказать, что за все это время не продвинулись ни на йоту?

— Нельзя постоянно рассчитывать на то, что успех в научных исследованиях развивается по прямой, — ответил он, защищаясь. — Мы знаем об инопланетных захватчиках немного, но прежде всего то, что они были уничтожены полностью, сметены почти без следа. В известном смысле нам еще повезло, что существуют хотя бы такие объекты, как Хатарские развалины...

Браурн поднялся из-за стола и принялся мерить комнату шагами, с каждым шагом становясь все серьезнее.

— Победа за нами, но ее надлежит закрепить в веках, — провозгласил он. — Историю Распада и Темных столетий надо изучить досконально и доказательно, если мы не намерены лишить грядущие поколения правильной исторической перспективы...

Титан-капитан Браск взирал на майора и Хешке отрешенно, словно со стороны и сверху, а Браурн распалялся все более:

— Мы одержали победу над низшими подвидами, но они никогда не были главной угрозой. Я не должен бы напоминать вам, гражданин Хешке, что это за угроза и какое значение придается в этой связи вашей области исследований. Вам известно не хуже меня, какие грандиозные битвы могут ожидать нас в будущем. Мы не вправе допустить, чтобы планета и впредь оставалась беззащитной со стороны космического пространства...

Он остановился и вновь уставился на Хешке в упор.

— Наше нынешнее неведение нетерпимо. Существует официальное предписание уделить особое внимание исследованиям, связанным с нашествием инопланетных захватчиков...

Хешке не знал, что и ответить на такую тираду. Ему хотелось бы вернуться к своим развалинам и спокойно продолжать работу с коллегами, а вовсе не выслушивать нотации легионеров.

— Чтобы говорить о новых успехах, надо бы сначала обнаружить новые объекты, — заметил он. — Скажу прямо, в Хатарских развалинах мы уже изучили практически все, что могли.

«А какие умозаключения я, по-вашему, должен был сделать из осмотра пустых каменных руин и нескольких нечеловеческих скелетов? — добавил он про себя. — Ведь ни машины, ни предметы инопланетного происхождения почти не сохранились...»

И тут впервые заговорил молодой капитан. Голос у него был ясным, тон снисходительным.

— К счастью, гражданин, мы не стали возлагать надежды на вас, и только на вас. У нас есть собственные археологические отряды, и должен вам сообщить, что они добились лучших результатов, чем вы.

«Ну конечно, — подумал Хешке. — Потому что вы, титанисты, подходите к любому делу с идеологических позиций, исповедуя свое кредо. Чего же проще — выкопать раз-

розненные останки и истолковать их так, как велит доктрина, которая давным-давно готова...»

Однако Хешке полагал себя ученым и исследователем, а не идеологом. Для него факты были просто фактами, и не более. Что же касается инопланетных захватчиков, фактов было слишком мало, чтобы составить цельную картину.

О да, общая концепция вырисовывалась довольно отчетливо. Около восьмисот лет назад могущественная, зрелая цивилизация классического типа пришла к тотальному, почти мгновенному крушению. На Земле начались Темные столетия — период, охвативший без малого четыреста лет, — и лишь затем цивилизация была мало-помалу отстроена заново.

Но не менее очевидным было и другое: где-то в пределах последнего тысячелетия на планете, бок о бок с человеком, появилась и иная цивилизация внеземного происхождения. Она тоже была сметена, причем еще более, много более основательно. Как могло случиться, что эта цивилизация исчезла столь бесследно, оставалось загадкой. Точный возраст инопланетных развалин по сей день был предметом дискуссий, хотя пропагандисты из Легионов пришли к определенному выводу раз и навсегда: прежняя человеческая цивилизация погибла в героической борьбе, отстаивая Землю от интервентов. Человечество преуспело в этой борьбе, но затратило слишком много сил и восстановить прежнюю жизнь уже не сумело.

Гипотеза представлялась вполне основательной. Инопланетные постройки лежали в руинах, и было очень похоже на то, что здесь бушевали яростные сражения. Вывод, что меж двумя цивилизациями разгорелась война, напрашивался сам собой. И все-таки, если задуматься... Хешке опять бросил взгляд на археологическую схему на стене. Крушение цивилизации классического типа едва ли можно было назвать событием, единственным за всю историю. Скорее следовало бы говорить о серии подобных крушений, повторяющихся примерно каждые две тысячи лет, словно человеческая цивилизация была изначально не способна поддерживать себя, вновь и вновь разваливаясь под собственной тяжестью. Самые оголтелые из титанистов объясняли

эту странную цикличность повторяющимися вторжениями из космоса, но в пользу такого предположения не было ровным счетом никаких доказательств.

Не было, впрочем, и решающих доказательств в пользу того, что последняя из классических цивилизаций погибла действительно в результате яростных инопланетных атак. Не было, несмотря на сумасшедшие усилия самого Хешке и его бесчисленных коллег. Лично он придерживался мнения, что все гораздо больше походило на упадок под воздействием внутренних причин, который растянулся почти на сто лет и в конце концов закончился бурным всеобщим крахом. К тому же ни один из исторических источников, обнаруженных доселе, об интервентах из космоса практически не упоминал, и это было необъяснимо. Тем не менее Хешке склонялся к тому, чтобы принять теорию интервенции, хотя бы и с оговорками: так или иначе, она оставалась наиболее вероятной. Не приходилось спорить, что инопланетяне побывали на Земле и могли, например, пустить в ход оружие, не оставившее следов.

Не без колебаний он открыл свой портфель и вытащил пачку глянцевых фотографий.

— Признаюсь, долго не мог решить, показывать вам их или нет. Они весьма любопытны в своем роде...

Он передал фотографии через стол. Браурн и Браск наклонились, чтобы рассмотреть их получше. На снимках, сделанных с разных точек, были запечатлены инопланетные развалины, те самые, где ныне расположился лагерь археологов.

— Они попали мне в руки совсем недавно, — пояснил он несмело. — Мне передал их коллега, изучающий древний город Хехос, который, как вам известно, предназначен к сносу. По нашему мнению, снимки сделаны лет триста назад, вероятно, каким-то историком-любителем. Сперва нам подумалось, что они представляют чисто академический интерес, однако... — Он еще раз залез в портфель и вынул еще один пакет с фотографиями. — Вот эти снимки сделаны ради сопоставления с тех же самых точек, но в наши дни...

Браурн в недоумении переводил взгляд со старых фотографий на новые.

— Ну и что?

Хешке склонился над столом.

— Видите эту коническую башню? Нетрудно заметить, что даже сегодня она сохранилась совсем неплохо. А на старой фотографии, сделанной триста лет назад, ее нет, одни остатки фундамента...

— Но этого быть не может! — фыркнул Браурн.

— Да, конечно, — согласился Хешке. — Есть и другие очевидные несообразности — на старых снимках стены осыпались, да и кладка выветрилась и раскрошилась. В общем, если бы мы поверили этим фотографиям, пришлось бы считать, что развалины сегодня в лучшем состоянии, что они стали моложе, чем три века назад.

— Ну и что из того?

Хешке пожал плечами.

— Не остается сомнений, что фотографии были отретушированы и подправлены, чтобы развалины выглядели гораздо старше, чем на самом деле.

— Кому и зачем могло это понадобиться?

— Не имею ни малейшего представления. Но, по-видимому, это подделка. Другого объяснения не нахожу.

— Очень остроумно. — В голосе Браурна звучал сарказм, и Хешке пожалел, что сдуру решился затронуть эту тему. — Если снимки фальсифицированы, то их историческая ценность равна нулю, — продолжал титан-майор, не отводя, однако, глаз от фотографий. В конце концов он вручил обе пачки Браску. — Распорядитесь, чтобы с них сняли копии...

Подделка, напомнил себе Хешке, была выполнена поразительно достоверно. Старые пожелтевшие отпечатки оставляли гнетущее, мрачное впечатление.

Браурн солидно прокашлялся и вновь обратился к ученому:

— Мы поневоле задаем себе вопрос: испытываете ли вы должный энтузиазм по поводу задачи, которая на вас возложена? — По спине Хешке пополз неприятный холодок. — Возможно, вы просто не способны оценить, насколько се-

рьезна та опасность, которой все мы смотрим в лицо. Помните, что ваши исследования преследуют отнюдь не единственную цель. Разумеется, есть нужда в научных знаниях, максимально точных и полных, о великой героической битве, которую наши предки вели против инопланетных захватчиков. Политические установки должны зиждиться на надежной исторической базе. Но есть еще и другая цель. Агрессоры уже однажды пытались отнять у нас нашу Землю, и кто скажет: предпримут ли они новую попытку и когда? Нам необходимо знать, откуда они явились. Необходимо знать, не рыщут ли они и сегодня где-нибудь в ближнем космосе. Настоятельно необходимо знать, как они вооружены.

В разговор опять вмешался Браск. В его холодных голубых глазах загорелся стальной отблеск, и необычное выражение лица стало просто пугающим.

— Вы не знакомы с новейшими теориями о том, почему возникли низшие подвиды? Для нас всегда было загадкой, почему случилась эта мутация, в то время как естественный ход эволюции решительно склонялся в пользу чистокровного Человека Истинного. Ссылаться на влияние радиоактивности невозможно: в классическую эпоху ядерное оружие уже было радиологически чистым. И вот не так давно физики установили, что магнитное поле Земли отбрасывает потоки частиц высоких энергий, идущие из космоса. Если видоизменить это поле с тем, чтобы такие частицы достигали земной поверхности, скорость биологических мутаций неизмеримо возрастет. Не исключается, что именно здесь и кроется причина возникновения низших подвидов.

Хешке нахмурился.

— Разве можно изменить характер земного магнетизма? — спросил он с сомнением.

— Теоретически — да. Пока еще мы не догадываемся как, но, разумеется, физики не прекращают работу. Думаю, уже сейчас можно не сомневаться в том, что низшие подвиды развились вследствие применения инопланетного оружия, нацеленного на разрушение нашей генетической чистоты, иначе говоря — на извращение самой природы.

Браурн кивнул в знак согласия.

— Нам известно, что пострадал не только человек. К примеру, тысячу лет назад некоторые породы собак, ныне широко распространенные, не существовали вообще.

Хешке оставил этот сомнительный аргумент без внимания.

— Если удастся установить, что магнитное поле Земли в самом деле претерпело изменения в указанный срок, тогда, конечно, ваша теория получит известное подкрепление. Но даже в этом случае, — осмелился он добавить, — кто сможет поручиться, что это не было наше земное оружие?

Титан-капитан Браск отверг домыслы Хешке с негодованием:

— Чтобы Человек Истинный поставил на карту свою кровь, свое будущее? Что за абсурдная, недостойная идейка! Нет, вмешательство могло быть только извне, и не исключено, что враг, осуществивший его, жив и готовится к новому нападению. Нам придется защищать не только родную Землю, но и наш генетический код!..

И он уставился на Хешке ледяными глазами.

— Вот так-то, гражданин Хешке, — подытожил Браурн смертельно серьезным тоном. — Теперь вам, надеюсь, ясно, почему ваши раскопки имеют такое важное значение?

Хешке усталым кивком подтвердил, что ему все ясно. Длинные теоретические рассуждения титанистов утомили его, хотя в то же время приходилось признать, что их настойчивые требования имеют под собой серьезные основания. Пусть подчас они прибегают к неприятным методам, но остаются силой, необходимой в обществе. И вдруг в его душу проник страх куда более жгучий, чем тот, что возникал исподволь, когда они бубнили свои замаскированные угрозы. Он представил себе кривые пальцы инопланетян, бесстрастно перебирающие земные гены, и содрогнулся от ужаса.

— Вы правы, совершенно правы, — произнес он подавленно. — Чтобы отразить посягательства такого масштаба, надлежит мобилизовать все наши силы. Но повторяю с полной откровенностью: я просто не вижу, что могу сделать еще сверх того, что уже делаю. Хатарские развалины практически исчерпаны. Не представляю себе, что можно прий-

ти к каким бы то ни было новым выводам без нового материала.

Офицеры обменялись взглядом. Браурн кивнул, и в тот же миг в кабинете воцарилась иная, менее напряженная атмосфера.

— Мы понимаем ваши затруднения, — сказал титан-майор, — и у нас есть новости, которые вас заинтересуют. В другой части света сделано открытие, вам пока не известное. Мы хотели бы предложить вам принять участие в небольшой экспедиции.

Хешке испытал мгновенное острое облегчение. Значит, они все-таки не намерены его увольнять! Привычно подозрительные по отношению к любому и каждому, они испытывали его, заставляли высказаться, проверяя, подходит ли он для предстоящей работы. Видимо, речь шла о чем-то, чего они не могли поручить своему персоналу: Хешке не сомневался, что Легионы с удовольствием отказались бы от услуг штатских в принципе, да не получалось. Разработки ученых-титанистов, предоставленных самим себе, слишком часто грешили привязанностью к догмам и при объективном анализе рассыпались прахом. А Хешке был как-никак виднейшим специалистом в своей области, и Легионы волей-неволей нуждались в нем и в таких же беспристрастных ученых, как он.

Ему нередко случалось задумываться: а что бы он предпринял, если бы ему, вопреки его воле, предложили вступить в титанисты? Принять предложение было бы самоубийством, отказаться — тем более.

— Экспедиция будет в высшей степени необычной, — продолжал Браурн. — Должен предупредить вас, что она, возможно, сопряжена с определенной опасностью...

Хешке на мгновение зажмурился.

— Вы имеете в виду физическую опасность?

— Да. Хотя, наверное, совсем не такую, с какой археологи сталкиваются изо дня в день. Но тут уж...

Браурн передернул плечами и неопределенно повел рукой.

— Нет, нет, вы не подумайте... — воскликнул Хешке, приходя в возбуждение. — К профессиональному риску все мы всегда готовы — неизвестные регионы и все такое про-

чее... Но куда именно мы держим путь? В резервацию мутантов?

— Извините, подробности пока что совершенно секретны. Когда придет время, вам сообщат...

«Да нет, конечно, это одна из резерваций», — решил Хешке. Где же еще на давно изученной, полностью подвластной человеку планете экспедиция может быть сопряжена с риском для жизни? Только там, где горсткам мутантов разрешено влачить жалкое существование в интересах науки. Должно быть, титанистам удалось открыть в этих диких местах что-то важное, возможно даже — неизвестное до сих пор инопланетное поселение.

— Право же, вы могли бы дать мне хоть какой-то намек, — попытался он настоять на своем. — Надо же мне знать, к чему готовиться...

Браурн был в нерешительности — в состоянии, ему вовсе не свойственном.

— Одним из наших отрядов обнаружен инопланетный механизм в хорошем состоянии. Без преувеличения — работоспособный механизм. Самая значительная находка на памяти многих поколений... Боюсь, что большего я сказать вам не вправе. Да, по правде говоря, я и сам знаю не намного больше. Но вы должны быть готовы к выезду по первому требованию...

Он снова поднялся на ноги, давая тем самым понять, что беседа окончена.

— Ну что ж, гражданин, я рад, что вы относитесь к своему делу с подобающим энтузиазмом. Надеюсь, мы сможем положиться на вас и впредь. Надеюсь, вы не пожалеете сил ради нашего дела... И ради человечества...

Хешке тоже поднялся, коротко поклонился и вышел.

Глава 2

Приплюснутые конические башни.

Разбросанные по всему миру, они сохранились лучше, чем остальные постройки инопланетной архитектуры, — по-видимому, сама форма сооружений помогала им противостоять разрушительному натиску времени и людей. Среди

руин, которые Хешке исследовал со своим отрядом, такие башни попадались на каждом шагу.

Он вернулся из Прадны в час заката. Хатарские развалины, как было принято их называть, считались одним из важнейших объектов внеземного происхождения хотя бы потому, что уцелели лучше других. Типичная картина выглядела иначе: на месте городов и поселений, подвергшихся ядерной бомбардировке, ныне лежали лишь поля оплавленного стекла. Хатарские развалины не испытали ядерного удара и, хотя серьезно пострадали от оружия меньшей силы, до сих пор как бы излучали чужую мысль, хранили душу ушедшей расы. К небу устремлялись стены, странно изогнутые и закругленные. А среди них, притом на разных уровнях, то и дело встречались эти самые конические башенки. Трудно было поверить, что инопланетяне провели на Земле совсем немного лет, — а приходилось верить, иначе историческая наука вообще потеряла бы всякий смысл. Но ведь этот город и другие, еще крупнее, были возведены их строителями по всему свету с явным расчетом на долгий срок, на века...

Археологи только что закончили свой дневной урок, тщательно просеяв очередную груду земли. Хешке поспешил к палатке, где сортировали и обрабатывали находки, в надежде увидеть что-нибудь новенькое, например, если очень повезет, какой-нибудь образчик таинственной инопланетной письменности, до сих пор не поддающейся расшифровке. Как обычно, надежды оказались тщетными. В северном секторе, в здании, которое археологи прозвали собором, кто-то обнаружил прозрачную штуковину, каких уже было найдено несколько дюжин. Предполагалось, что это заурядный предмет домашнего обихода вроде соковыжималки.

Именно к таким банальностям все, как правило, и сводилось. Обычные предметы быта, простейшие инструменты, разрозненная мебель. Сохранившиеся скелеты давали более или менее ясное представление о физическом облике пришельцев. Однако продукты их мастерства, машины, оборудование, записи — в сущности, весь спектр достижений цивилизации, несомненно, высокоразвитой, — исчезли в безумии аннигиляции: люди прошлого задались целью разне-

сти все чужое вдребезги, испепелить его, разложить на атомы. Было найдено лишь несколько ржавых механизмов, искромсанных на части, и самый острый ум не смог бы судить по ним, хотя бы приблизительно, о принципах внеземной технологии.

Хешке не считал себя вправе осуждать тех, кто сокрушал до основания все инопланетное: им выпала горькая судьба видеть Землю ограбленной, а общество уничтоженным, — однако задним числом их поведение выглядело не слишком разумным. Скорей бы уж посмотреть на работоспособный механизм инопланетян, о котором говорил Браурн...

Он следил за тем, как один из молодых стажеров старательно очищает «соковыжималку» от грязи, и вдруг обернулся, ощутив за спиной чье-то присутствие. Это был Блэр Обломоут, его ближайший помощник.

— Ну как там, Ронд? — бодро осведомился Блэр. — Что понадобилось от тебя титанистам?

Хешке кашлянул и нервно покосился на стажера. Само собой подразумевалось, что кто-то в составе отряда был «наблюдателем» от Легионов, и это не прибавляло душевного спокойствия. Коротким кивком он показал Блэру на выход и, как только они выбрались наружу, предложил:

— Может, пойдем к тебе, пропустим по стаканчику?..

До палатки помощника было недалеко. И все же Хешке наконец обратил внимание, что в лагере царит непривычная тишина да и сам Блэр, пожалуй, слегка встревожен. Такого за Обломоутом не водилось: он был грубоват, вечно взъерошен, но вывести его из себя было почти немыслимо. Приподняв полог своей палатки, он пригласил Хешке войти. Присел за деревянный столик, нацедил обоим по стакану вина и сообщил как бы невзначай:

— Здесь сегодня были гости. Из Легионов. Приставали с вопросами. Допросили всех и каждого, по правде говоря...

— С какими вопросами? — вскинулся Хешке.

— С политическими, какими же еще. — Блэр пожал плечами и отвел глаза. — Знаешь, по-моему, на нас вот-вот налетят холодные ветры. Будет новая чистка. Между прочим, ты их тоже интересуешь. И даже очень.

Хешке опустил недопитый стакан на стол, внезапно оцепенев. До сих пор он как-то ухитрялся сводить влияние титанистов в отряде к минимуму. Ему доводилось наблюдать, что бывает, когда Легионы засылают своих людей работать бок о бок со штатскими: не успеешь и моргнуть, как титанисты заберут в свои руки всю власть на объекте, и первой их жертвой станет научная добросовестность. Не хотелось бы, чтобы нечто подобное случилось и здесь.

И в ту же секунду его осенило, что за сегодняшними событиями кроется холодный расчет. Титанисты решили наведаться на развалины в день его заведомого отсутствия. Но во имя чего?

— Что именно они хотели узнать обо мне? — спросил он жестко.

— Хотели выяснить, как бы это сказать поточнее, на чьей ты стороне. За них или против. А в самом деле, на чьей ты стороне, Ронд? И что вообще происходит? Нас выживают отсюда?

Хешке медленно покачал головой.

— Нет, тут что-то другое... — Он помолчал, потом добавил недоуменно, вполголоса: — Мой Бог, похоже, они затеяли что-то грандиозное...

— О чем ты, Ронд? — Блэр смотрел на ученого с любопытством, свет настольной лампы подчеркивал обострившиеся черты его лица. — Ну что ж, мои убеждения тебе известны. Не стану скрывать, сегодня мне стало по-настоящему страшно. Думаю, пора сматывать удочки.

Хешке прищурился:

— Не смеши меня, Блэр. Тебе не о чем беспокоиться. Проверяют не тебя, а меня. Они сделали серьезное открытие и хотят, чтобы я им помог... Вообще-то я не должен бы тебе говорить, но чтоб им пусто было, я же все равно знаю не намного больше, чем ты. Представь, они откопали какую-то инопланетную машину и, похоже, совершенно на ней свихнулись. Так или иначе, мне предстоит участие в экспедиции. Сам не знаю куда. Видимо, в резервацию мутантов...

— Не верится, — нахмурился Блэр. — А почему — видимо?

— Потому что они упомянули, что экспедиция связана с определенным риском. Больше они ничего не сказали.

Блэр хмыкнул:

— Положим, в резервациях в наше время тихо, как на кладбище. За исключением тех случаев, когда титанисты устраивают там рейды. Может, они имели в виду вовсе не резервацию.

— Может, и так. Просто-напросто мне хотелось доказать тебе, что никакой чистки не предвидится.

— Спасибо на добром слове, Ронд, но мне все равно сдается, что лучше смыться. Назревает что-то еще, сегодня я понял это в полной мере. Раньше я был здесь в безопасности, теперь нет.

Хешке уставился на помощника в недоумении:

— Ты сам-то соображаешь, что говоришь, Блэр?

Собеседник беспокойно заерзал и отхлебнул вина. Лампа, стоящая на столе между ними, отбрасывала на брезент палатки резкие тени, и каждое движение Блэра отражалось в пляске теней утрированным до гротеска.

— Лучше уж быть откровенным до конца. Черт побери, я уверен, что тебе можно доверять, как никому другому. Ты знаешь, кому я симпатизирую. Знаешь, что у титанистов есть политическая оппозиция. Думаю, что они напали на мой след, и нетрудно догадаться, как это истолкуют, если я буду болтаться здесь, словно ничего не случилось...

— Напали на твой след? — переспросил Хешке, по-прежнему ничего не понимая. — Конечно, политическая оппозиция существует, как существовала во все времена. Вряд ли принадлежность к оппозиции можно считать преступлением. Разве что...

Он умолк на полуслове. С Блэром Обломоутом они работали вместе уже много лет. Как и сам Хешке, Блэр считался видным специалистом, хоть и уступал своему начальнику в опыте. Не было для Хешке тайной и то, что помощник ненавидит титанистов и придерживается либерально-анархических взглядов. Они казались не то причудой, не то капризом; нет-нет, торопливо поправил себя Хешке, все это неточные определения, — скорее выражением своенравной

индивидуальности, не лишенной обаяния... Но кто же мог подумать, что дело дойдет до открытого вызова...

Мысли Хешке, как до того слова, замерли на полдороге. Блэр отвечал сбивчиво, волнуясь:

— Рано или поздно приходит момент, когда надо выбирать между гражданским послушанием и оппозицией. Совмещать то и другое уже не получается. Что считается допустимым, хоть и предосудительным, в условиях мира, в военное время равносильно измене. Фигурально выражаясь, наше общество жило и живет под ружьем. Приходится принимать решение, трудное и окончательное решение. Я такое решение принял...

Блэр потер лицо ладонью. В его глазах Хешке вдруг прочитал усталость, огромную усталость, и еще подумал: «Немудрено, общение с легионерами не прошло для него бесследно. Да, вероятно, и для меня тоже...»

— Послушай, ты что, выходит, из этих?

Обломоут кивнул:

— Выходит, из этих. Титанисты сами вели меня к такому решению шаг за шагом. Они схватили нас за горло и держат мертвой хваткой. После войн с мутантами эта хватка ничуть не ослабла и даже усилилась. Идеология стала еще более нетерпимой. Хорошо, что в Легионах не научились читать мысли, а то и мысли стали бы предметом судебного разбирательства. Так что если принадлежишь к нелегальной организации, поклявшейся бороться с ними, чего бы это ни стоило, если веришь, что так называемые мутанты не меньше нашего заслуживают места под солнцем...

— Блэр, одумайся! Что ты говоришь!..

— Вот видишь, — Обломоут пожал плечами, — даже ты не способен переварить столь еретическую идею. А ведь ты обожаешь титанистов, в сущности, не больше моего...

Хешке поник. Как не поникнуть, если старый друг Блэр Обломоут признается в расовом предательстве, в прямой связи с презренным подпольем, которое в последней войне тайно помогало амхракам. Самая мысль об этом была нестерпимой. Но, несмотря на полное замешательство, он сумел взять себя в руки и произнес рассудительно:

— Разумеется, титанисты не ангелы, их можно критиковать. Но они не творцы своей идеологии, а лишь главный ее инструмент. И инструмент совершенно необходимый. Земля должна быть защищена, и точность эволюционных процессов не в меньшей мере. Право, Блэр, ты меня просто ошеломил. Неужели ты сам этого не понимаешь?

— Защищать Землю от пришельцев из космоса — кто же против, — возразил Обломоут. — Но ведь нам никакие пришельцы не угрожают. Нашей цивилизации давно ничто не грозит, вторжение было много веков назад. А вот что касается всего остального...

Он не докончил фразу, а только грустно покачал головой. Хешке чувствовал, что для одного дня споров уже хватает с избытком, но такие дикие рассуждения нельзя было оставить без возражений.

— Все это части одного целого, — заявил он. — Кровь в жилах тех, кто составляет Титановые Легионы, та же, что текла в жилах их предков, отразивших нашествие. Угроза не исчерпана, не исчерпана и задача — владеть Землей и оберегать ее!

Он не мог не слышать, что повторяет лозунги титанистов, но это в данный момент беспокоило его меньше всего. Он впитал их как непреложные истины и всерьез никогда не оспаривал. На лице Блэра мелькнула саркастическая усмешка.

— И в жилах так называемых низших подвидов течет та же самая кровь. Мы все потомки Человека Классического.

— Разумеется, но...

— Да знаю я, знаю, что ты сейчас скажешь. Что только мы одни унаследовали в неизменности облик Человека Классического, а потому мы одни заслуживаем титула Человека Истинного. Остальные расы — отклонения от естественного пути эволюционного развития. Что правда, то правда: мы действительно ближе всех к людям классического века. В физическом отношении по крайней мере. А возможно, и в умственном. С этим я спорить не собираюсь.

— Ну вот и хорошо. Именно это я и хотел сказать.

— Но что из этого следует? Да, мы похожи на людей прежних эпох, однако с чего мы взяли, что новые расы хуже?

Пойми, Ронд, я и мои единомышленники не против эволюции. Напротив, мы хотим спасти эволюцию от попыток притормозить ее или остановить совсем. Титанисты волей-неволей ведут нас именно к такому исходу. Природа по сути своей изменчива, главный ее метод — создавать все новые и новые формы. А титанисты истребляют новые формы во имя строгого единообразия. И в конце концов, честное слово, жертвами этих фанатиков окажемся мы все вместе взятые.

Новые для Хешке идеи произвели на него пугающее впечатление.

— Титанисты считают, — сказал он, — что появление мутантов связано с инопланетным оружием, воздействующим на гены.

— Да, я знаком с теориями такого рода. Может, они и верны. Или это было не их оружие, а наше собственное. Ну и что из того? Каковы бы ни были мутационные воздействия, они всего-навсего ускорили эволюцию, сжали до нескольких веков процессы, которые в противном случае шли бы десятки миллионов лет, если не дольше. Но подвиды, которые мы называем низшими и старательно уничтожаем, развились бы так или иначе.

В палатке повисла неловкая тишина. Хешке покачал головой и глубоко вздохнул.

— Я по-прежнему утверждаю, что на Земле есть место для одной, и только для одной, расы, — объявил он торжественно. — Ну скажи мне, ради всего святого, как, по-твоему, следовало нам поступить, когда лорины начали против нас тотальную войну?

Обломоут подумал и кивнул:

— В этом частном случае ты прав. Лорины оказались еще более агрессивными, чем мы. Их нельзя было не уничтожить — планета не выдержала бы двойной нагрузки. Но на этом мы не остановились, а выступили против всех остальных. Не спорю, лорины представляли собой угрозу для человечества, а амхраки? — Он усмехнулся. — Нет, Ронд, они никому не угрожали. А урукури, те и вовсе не способны держать оружие. В сущности, их вообще нельзя называть отдельным подвидом, разве что с натяжкой. Все, чем они

отличаются от нас, — подчеркнуто негроидной внешностью да мирным нравом.

— Но подумай о риске смешанных браков! О том, что наша кровь может быть осквернена кровью урукури или амхраков. — От подобного предположения Хешке вздрогнул. — Представь себе, что твоя дочь изнасилована одним из них. Разве тебе неизвестно, что они иногда насилуют наших женщин?

Обломоут покопался в шкафчике и достал новую бутылку. Он словно и не слышал предыдущей тирады. Наконец он произнес сумрачно:

— Налей себе еще, Ронд. Не укоряю тебя за то, что ты думаешь, как большинство. Пропаганда у титанистов поставлена ловко, все мы подвержены ее влиянию. Тебе даже кажется, что ее постулаты разумны, вот как ловко она ведется. Но она врет.

Стакан был наполнен заново. Потягивая вино, Хешке спросил с ноткой раздражения в голосе:

— Ну ладно, а почему ты решил излить мне душу? Не боишься, что я донесу на тебя?

— Нет, я тебе доверяю. В общем и целом ты не из титанистов, ты из другого теста. Мне хотелось, чтобы ты понял, отчего я покидаю тебя. Когда дела примут скверный оборот — а к тому идет, — вспомни обо мне. Вспомни, что идеология титанистов — не единственно возможная для землян, что ей есть альтернатива.

Он поднял свой стакан, словно предлагая Хешке присоединиться к тосту:

— За лучшее будущее!..

— Куда ты намерен податься? — осведомился Хешке, впрочем, без особого интереса.

— Скроюсь на время. У меня есть друзья. — Блэр осушил стакан до дна. — Прости, старик, что поневоле сделал тебя изменником...

— Да ладно, — пробурчал Хешке смущенно. — Ты же знаешь, что я ни за что не донесу на тебя...

Он не ощущал в себе энергии, чтобы опровергать аргументы Обломоута, и, выпив еще немного, отправился к себе. Уже наступила ночь, в небе поднялась полная луна, и разва-

лины сияли мертвенным, сверхъестественным светом. Он взглянул вверх — там была не только луна, рядом сверкал вооруженный спутник, форпост титанистов. Мимолетно подумалось об одиноких часовых, которые неусыпно охраняют подступы к Земле, вглядываясь в пустоту вплоть до окраин Солнечной системы: не видно ли где захватчиков, не надумали ли они вернуться?

Затем, наверное, в тысячный раз, мысли Хешке обратились к самим развалинам. Даже при свете дня он не мог избавиться от ощущения какой-то связанной с ними призрачной тайны. Невозможно было точно понять, в чем дело, — он всегда относил это странное чувство за счет того, что руины имеют заведомо внеземное происхождение. На полпути домой он остановился и положил руку на изъеденную временем стену. Руку свело холодом — однако в глубине сознания зазвучали слова «живой камень». Действительно, в камне будто теплился след жизни, стены будто хранили память о тех, кто возводил их. Хешке напомнил себе о фотографиях, не поддающихся объяснению, и в отчаянии замотал головой. Башни и стены, которые в ходе веков восстанавливаются сами собой? А если это розыгрыш, то какую цель мог преследовать неведомый фальсификатор?

У себя в палатке он без промедления лег в постель, но память вновь и вновь возвращала его к разговору с Обломоутом. «Спору нет, — уговаривал себя Хешке, — титанисты — мастера пропаганды. Тем не менее их пропаганда основана на земных реальностях, а не на подделках, подобных тем фотографиям. Сила и убедительность пропаганды — в том, что она опирается на мудрость природы, неизменную от начала времен. Одна кровь, одна судьба. Редкий человек не откликнется на такой призыв...»

В его собственных жилах течет та же кровь — и он разделит ту же судьбу.

Перед самым рассветом его разбудил вой реактивных леталок.

Свалившись с походной койки, он приподнял полог палатки и уставился наружу затуманенными со сна глазами. Две леталки с эмблемами Легионов уже приземлились в са-

мой середине лагеря, две другие остались в воздухе, заняв позицию у внешнего края развалин. Операция была проведена в чисто военном стиле. Реактолеты, зависшие над лагерем боевым охранением, шарили по земле лучами прожекторов, и все вокруг выглядело небывало контрастным.

Хешке поспешно оделся и выбрался из палатки. Луч прожектора ударил его в лицо, задержался на мгновение, ослепил и побежал дальше. Когда зрение вернулось, он увидел двух титан-сержантов, целеустремленно шагающих в его сторону.

— Гражданин Хешке? — осведомился один из них. — Пожалуйста, следуйте за нами.

Сержанты дружно повернулись на каблуках и зашагали прочь, предоставив археологу безвольно плестись позади.

У ближайшего реактолета их поджидал стройный офицер, и Хешке узнал титан-капитана Браска.

— С добрым утром, Хешке, — произнес тот слегка надменно, но все же почти приветливо. — Мы предупреждали вас, чтобы вы были готовы к отъезду в любую минуту. К сожалению, время не ждет. Вы понадобились нам раньше, чем мы сами предполагали.

Хешке ничего не ответил — мозг еще плохо соображал со сна.

— Что бы вы хотели захватить с собой? — вежливо осведомился Браск. — Быть может, книги, записи, схемы? Впрочем, мы наверняка сумеем доставить вам все, что вы пожелаете.

Повернувшись, Хешке увидел Блэра Обломоута. Помощник шел медленно, его сопровождали легионеры. В предрассветной мгле позади белели силуэты остальных археологов: один за другим они выбирались из палаток, изумленно следя за происходящим.

— А что, Обломоут тоже приглашен участвовать в экспедиции?

Браск ответил коротким, резким смешком.

— Уж о нем-то мы знаем все, абсолютно все. Он отправится по другому маршруту...

Когда группа приблизилась, Блэр бросил на Хешке странный взгляд, не то умоляя о чем-то, не то восклицая безмол-

вно: «А что я тебе говорил!..» Браск пресек этот взгляд повелительным взмахом руки:

— Отвезите его в Политдворец-Два. Хешке поедет с нами.

На глазах Хешке его друга втолкнули в соседнюю леталку. В душе словно что-то оборвалось. «Политдворец-Два, — подумал он. — Надо же...» До сей поры он и не догадывался, что существует номер второй. Ему казалось, что дворец, где он был вчера, единственный в своем роде.

Внезапно он сообразил, что его личные вещи и туалетные принадлежности так и остались в палатке, но решил не возвращаться и ничего не брать. Браск был явно не расположен ждать, и к тому же в чем, в чем, а в мелочах быта титанисты преуспели вполне, тут на них можно было положиться.

Он молча поднялся в реактолет, который сразу же взмыл вверх и с воем устремился на север.

И вдруг — яркая вспышка и оглушительный взрыв. Хешке задохнулся от ужаса: леталка, где находился Блэр Обломоут, охваченная пламенем, потеряла высоту и камнем рухнула на темную землю. Браск вскочил на ноги, изрыгая проклятия:

— Идиоты! Мало их учили, они забыли его обыскать! А у него оказалась граната отчаяния!..

Хешке с трудом отвел глаза от костра, полыхавшего внизу, и в недоумении уставился на титан-капитана. Браск смерил ученого подозрительным взглядом:

— Вы, конечно, ни о чем таком не слыхали? В последнее время эти гранаты вошли у подпольщиков в моду. Избавляют их от допросов и к тому же дают возможность утащить за собой на тот свет кого-нибудь из нас...

У ног Хешке словно разверзлись пропасти, о которых он и не подозревал.

— Я... я не догадывался...

— Само собой, вы не догадывались. По видеосети об этом не сообщают, а слухи мы умеем пресекать в корне. К вашему сведению, на Земле есть организованное подполье, и ваш приятель Обломоут был его активным участником. Этого вы тоже не знали? Или все-таки знали?

— Нет, я ничего не знал, — промямлил Хешке. — До самой этой ночи...

В течение двух-трех минут они висели над местом трагедии, следя за тем, как догорает поверженный реактолет. Затем одна из трех уцелевших машин опустилась рядом с пожарищем, а две другие, свистя турбинами, продолжили свой путь. Взошло солнце, а они все летели — куда? Об этом Хешке так и не сообщили.

Глава 3

В городе Симбел они пересели на скоростную межконтинентальную ракету. На борту был предложен завтрак. Браск за два часа полета не проронил почти ни слова. Он и с места поднялся только раз, чтобы пройти вперед в пилотскую кабину и получить радиограмму, и сразу вернулся серьезным и озабоченным.

Трасса длиною пять тысяч миль привела их вновь в зону сумерек, и когда ракета достигла цели, было по-прежнему раннее утро. Приземлилась она вдали от городов, но на хорошей взлетной полосе. Подъехавший экипаж доставил их к низкому, массивному бетонному сооружению, отстоящему от полосы на несколько сотен ярдов.

Внутри сооружения царила обычная для титанистов атмосфера эффективности пополам с суетой. Коридоры буквально гудели от шума, идущего непонятно откуда. Невразумительные для Хешке символы указывали дорогу к неведомым ему отделам и подотделам. Он повернулся к Браску:

— Где мы?

— На секретном исследовательском полигоне.

— Инопланетный механизм находится здесь?

Капитан кивнул.

— Полигон построен специально для всестороннего изучения механизма.

Брови у Хешке поползли вверх.

— Выходит, его нашли уже давно?

— Пять лет назад. Может быть, чуть-чуть больше.

— Пять лет? И вы молчали о таком открытии?

Браск ответил сухой улыбкой.

— Терпение, гражданин, терпение. Вскоре вы все поймете.

Они подошли к тяжелой двери, охраняемой двумя легионерами при полном вооружении. Браск предъявил пропуск. Раздался вздох пневматического замка, и дверь отворилась.

В охраняемой зоне было много тише и спокойнее.

— Мы попали в главный исследовательский центр, — пояснил Браск. — Через несколько минут я познакомлю вас с новыми товарищами по работе. Как обычно, они начали трудовой день с идеологического семинара. Не угодно ли присоединиться? Семинар, вероятно, уже подходит к концу.

Хешке нехотя согласился. Браск проследовал дальше по коридору и ввел археолога в аудиторию. Человек двести мужчин и женщин в белых халатах взирали на большой экран, на котором, сменяя друг друга, появлялись иллюстрирующие дикторский текст картины.

Видеоряд, не мог не отметить Хешке, был выполнен добротно и умело. В момент их появления на экране высветился красочный пейзаж: солнце садилось за одетые лесом холмы, а на переднем плане синяя морская волна лизала неровный скалистый берег.

Но пейзаж погас, и на его месте быстрой чередой замелькали разные виды вирусов и почвенных бактерий. Внезапный переход от привольной панорамы леса, моря и солнечного неба к невидимому миру микроорганизмов, миру на грани живой и неживой природы, был, по мнению Хешке, весьма впечатляющим. Его внимание было захвачено с первой минуты, и он стал не без интереса вслушиваться в сочный, убедительный голос, который связывал фрагменты видеоряда в последовательное целое.

— Перед нами, — журчал голос со звуковой дорожки, — жизнь, которую можно назвать зачаточной. В этих первичных живых частичках была сконцентрирована вся потенциальная мощь планеты Земля, ее душа, ее сущность. Энергия, заимствованная у скал и почв, у океана, солнца и молний, породила эти зародыши всего грядущего. С той поры

на Земле, прежде бесплодной, появились молекулы ДНК. И из этих молекул, как гигант из пены морской, в должный срок неизбежно вырос тот, для кого вся предшествующая земная жизнь была лишь первоосновой. Эволюция достигла высшей точки, ее увенчал человек.

Видеоряд на протяжении этого монолога был стремительным до головокружения. Вирусы исчезли, и по экрану, мгновенно сменяя друг друга, побежали спиральные цепочки ДНК, танцующие хромосомы, делящиеся клеточные ядра, а в очередь с ними — все новые и новые стадии эволюции, все более и более сложные формы жизни. И в конце всего ряда, точно в ту секунду, когда прозвучало последнее слово диктора, перед зрителями возникла фигура обнаженного молодого мужчины божественного сложения и красоты (его, несомненно, сыграл кто-то из легионеров). Мужчина простер руки к аудитории, его силуэт словно вспыхнул, эффектно обведенный светом из невидимого источника, а потом силуэт медленно исчез, и на экране возник земной шар, плывущий в пространстве.

— Мы приходим к выводу, — продолжил рассудительный голос, — что эволюция — это не вереница произвольных случайностей, а единый процесс, ведущий к логически предопределенному завершению. Мы приходим к выводу, что по смыслу законов природы на Земле есть место лишь для одного наивысшего вида: такова неумолимая логика развития, и она повторяется, по-видимому, на любой из обитаемых планет во Вселенной. Земля — наша мать, наш дом, наша опора. Земные соки питают нашу кровь. Мы сыновья Земли, и отнять ее у нас не сумеет никто и никогда!..

С торжественным оркестровым звоном экран погас. Хешке был почти восхищен увиденным. «Одна кровь, одна судьба», — подумал он снова. Как ни парадоксально, завывания лектора показались ему отталкивающими и одновременно привлекательными: они звучали вульгарно и все же завораживали мистическим поклонением Земле и верой в судьбу. «Кто знает, — сказал он себе, — может, в этом что-то и есть. Может, движение эволюции действительно идет только так и не иначе...»

Зрители поднялись и потянулись к выходу. Браск легонько подтолкнул Хешке локтем.

— Сейчас я познакомлю вас с теми, с кем вам предстоит работать.

Три человека, отстав от остальных, собрались вокруг небольшого столика в задних рядах. Браск и Хешке присоединились к ним. Все трое были в халатах, но было легко догадаться по нарукавным повязкам, да и по выправке, что двое принадлежат к титанистам, в то время как сутулость и какая-то неряшливость третьего выдавали в нем штатского. К тому же у него была нелепая привычка поминутно оглядываться по сторонам, словно в надежде куда-нибудь скрыться, а на губах кривилась горькая саркастическая усмешка.

— Прошу познакомиться, — сказал Браск. — Титан-лейтенант Варданян. Титан-лейтенант Спейуорт. Гражданин Лэрд Аскар. А это гражданин Ронд Хешке.

Все обменялись короткими кивками.

— Извините, господа, вы тоже археологи? — осведомился Хешке как мог вежливее, поскольку никогда прежде этих имен не слышал.

— Да нет, мы простые физики, — отозвался Лэрд Аскар. Голос у него вполне соответствовал внешности, звучал иронично и насмешливо.

Браск пригласил всех садиться.

— Ну что ж, — произнес он, адресуясь к Хешке, — пришла пора посвятить вас в то, чем мы тут занимаемся. Надеюсь, вы способны усваивать необычные факты сразу и не переспрашивая. Такая способность вам весьма пригодится...

На столике была панель управления. Капитан щелкнул переключателем, и экран засветился вновь, хоть изображение и не появилось.

— Мы сообщили вам, что обнаружили инопланетный механизм в рабочем состоянии. Вы, вероятно, вообразили, что мы нашли его при раскопках или что-нибудь в таком роде. В действительности он лежал совершенно открыто в чистом поле, притом, обратите внимание, вдали от любых известных нам вражеских поселений. Хуже всего, что изготовлен он, несомненно, совсем недавно...

Экран ожил и воспроизвел картину, в точности соответствующую словам Браска: просторный травяной луг, цепочка деревьев на горизонте, а на переднем плане серебристый, закругленный с двух концов цилиндр. На обоих концах видны тусклые непрозрачные прорези вроде иллюминаторов. Рядом с цилиндром — легионер, поставленный, вероятно, для масштаба. Получалось, что размеры инопланетного механизма — примерно семь футов в диаметре на двенадцать в длину.

— Сами видите, это какое-то средство передвижения, — продолжал Браск. — Внутри оказались два инопланетянина, по внешним признакам погибшие от удушья. Таким образом мы впервые получили в свое распоряжение их неповрежденные тела, и наши сведения о враге были существенно расширены.

Экран мигнул, затем на нем загорелось новое изображение. Цилиндр был вскрыт, но, вероятно, снимать сквозь образовавшуюся щель было очень неудобно: рассмотреть двух его обитателей как следует не удавалось. Маленькие пушистые создания, пожалуй, не крупнее юного шимпанзе, с заостренными мордочками и розовыми перепончатыми лапками, были пристегнуты бок о бок к узеньким сиденьицам, похожим на ведра. Секунд через десять экран опять мигнул, и те же два трупа стали видны полностью, распятые на лабораторном столе.

Вглядываясь в снимки с острым интересом, Хешке испытал внутреннее удовлетворение: инопланетяне во плоти выглядели очень похоже на выполненные им реконструкции, воссозданные по скелетам.

— Значит, это космический корабль, — сказал он.

— Поначалу мы тоже так подумали. Но ошиблись. Лишь постепенно, изучая шаг за шагом инопланетный двигатель, мы начали догадываться о его назначении.

Хешке заметил, что физики дружно опустили глаза. Создавалось впечатление, что проблема в изложении Браска изрядно их раздражает.

— Оборудование на борту корабля оказалось основано на принципах, совершенно нам неизвестных. Удалось установить, что с его помощью действительно можно передви-

гаться в пространстве, но на относительно небольшие расстояния и притом в воздухе, а не в космосе. Перемещение в пространстве — это, как выяснилось, лишь побочный эффект, а основное назначение корабля — перемещение не в пространстве, а во времени. Вражеский корабль, угодивший нам в руки, оказался машиной времени!

Физики по-прежнему упорно смотрели в пол. Хешке буквально физически ощутил, как потрясающая новость овладевает его сознанием.

Господство над временем. Машина времени. Мечта каждого археолога.

— Значит, они из прошлого, — выговорил он наконец, не сводя глаз с погибших путешественников во времени.

— Достаточно очевидный вывод, — согласился Браск. — Можно предположить, что они открыли способ перемещаться во времени в последние годы своего вторжения на Землю. Но воспользоваться открытием уже не сумели. Будем надеяться, что оно осталось неизвестным на их родной планете. Впрочем, скажу прямо: если б это было не так, мы, вероятно, столкнулись бы с ними напрямую давным-давно.

— Да, конечно. Разумеется, — пробормотал Хешке. — Есть от чего испугаться...

— Вот вы сами все и сказали, — откликнулся капитан.

Хешке нервно прокашлялся.

— А эта экспедиция, о которой вы упоминали... — Он замялся. — Вы имели в виду экспедицию во времени?

— Может быть. А может, и нет.

— Простите, не понимаю.

Браск взглянул на титан-лейтенанта Варданяна.

— Будьте любезны объяснить.

Рослый физик с повязкой титаниста кивнул и обратился к Хешке:

— Надо ли говорить, что мы не могли подвергать единственную имеющуюся у нас машину времени бессмысленному риску и использовать ее для прогулок? Пять лет напряженного труда ушло на то, чтобы разобраться в принципах ее действия и скопировать механизм. В конце концов нам удалось добиться своего и построить нечто работоспособное — по крайней мере мы считали, что работо-

способное. Мы совершили несколько пробных рейсов, но получили такие результаты, что нам необходим ваш совет, совет специалиста: похоже, что наша машина работает как-то не так.

Хешке по-прежнему ничего не понимал. Лейтенант потянулся к панели управления и стер с экрана изображение мертвых инопланетных пилотов.

— Смотрите внимательно. Я покажу вам снимки, сделанные нашими людьми во время путешествия.

Экран замерцал, затем возникло ощущение стремительного движения, словно многоцветную картинку дергали взад и вперед или она проносилась слишком быстро и глаз не успевал за нею. Секунд через пять Хешке подметил, что единственно устойчив лишь какой-то ободок по краю. Потом до него дошло, что этот ободок — не случайность, а контур какого-то другого экрана или рамка окна, сквозь которое ведется съемка. Трудно было поверить, что все это происходит на самом деле, что он своими глазами наблюдает прошлое. А лейтенант в деловой, неспешной манере продолжал повествовать о вещах, которые всегда считались немыслимыми, и даже смерть Блэра Обломоута отдалилась куда-то и казалась призрачной, привидевшейся во сне.

Внезапно мерцание прекратилось, картинка застыла. Перед ними раскрылся равнинный ландшафт. Высоко в небе сияло солнце, а под ним лежали руины, руины на много миль. Они совсем осыпались и заросли, почти слившись с равниной, но наметанный глаз Хешке сразу распознал их внеземное происхождение.

— Развалины Веричи. Так они выглядели примерно девятьсот лет назад, — тихо произнес Варданян. — Отнюдь не то, чего можно было бы ожидать, не правда ли?

О да, согласился Хешке про себя, действительно не то. Девятьсот лет назад на месте развалин Веричи — то есть нынешних развалин — должен был находиться многолюдный город, хлопотливый и преуспевающий. А на экране расстилались каменные осыпи, по которым бродила, спотыкаясь, одинокая фигура в бронежилете.

— Больше похоже на то, что такими развалины станут через девятьсот лет, — произнес он. — Вы случаем не перепутали прошлое с будущим?

— Сперва мы тоже заподозрили что-то в этом роде, — сказал Варданян. — Чтобы разобраться, сделали пять остановок на протяжении двух столетий. И нигде не обнаружили ни одного живого инопланетянина, только руины. И все в аналогичном состоянии. Однако вскоре выяснилось, что руины руинами, а мы тем не менее попали в эпоху Распада, вокруг идут войны, классическая цивилизация корчится в смертных муках. Так что это все же прошлое, нравится нам оно или нет.

— Какая-то бессмыслица, — нахмурился Хешке.

— Не спорю. Исходя из всей суммы наших знаний, как раз во время войн эпохи Распада произошло массовое вторжение инопланетян. Неужели историки ошибались и вторжение было гораздо раньше? Это, конечно, объяснило бы плачевное состояние руин — но как объяснить, что сегодня они выглядят много моложе? Прямо скажем, все возможные догадки с исторической точки зрения лишены смысла. Так что пришлось прийти к иному и очень неприятному выводу: наша машина времени сыграла с нами злую шутку. На деле мы не перемещались во времени вообще.

— Слушайте, я отказываюсь что-либо понимать. К чему вы клоните?

Варданян сделал неопределенный жест. Возможно, физику не хватало слов, чтобы выразить нечто передаваемое обычно в абстрактных символах.

— У временных двигателей есть специфические особенности, допускающие несколько предположений. Эти двигатели в принципе не могут работать, если ими не управляет разум. Беспилотная, автоматическая машина времени попросту не тронется с места. Можно сформулировать и по-другому: путешествовать во времени — удел живых. Приняв это в расчет, мы разработали гипотезу, согласно которой машина — к вражеской машине это, может быть, и не относится, но наша машина, та, что мы здесь построили, — движется не в объективном времени, а в каком-то ином. Она попадает в зону некоего воображаемого времени, назовем

его так, и преподносит нашему сознанию элементы прошлого и будущего, сплавленные воедино. Не исключено, что эти элементы извлечены из подсознания пилота и пассажиров.

— То есть вы хотите сказать, что все увиденное — иллюзия?

— Грубо говоря, да, — поколебавшись, ответил Варданян. — Хотя куда-то машина все-таки отправляется. Ведь из лаборатории она исчезает.

Хешке не мог не заметить, что в течение последних двух-трех минут Лэрд Аскар, и без того угрюмый, хмурится все сильнее и ворчит что-то себе под нос. Варданян бросил в сторону ворчуна многозначительный взгляд.

— Таково было объяснение, которого все мы, за одним исключением, придерживались до вчерашнего дня.

— И тут вы предъявили нам старые фотографии, — выпалил Браск. — И спутали все наши карты.

Вот именно, фотографии. Снимки, запечатлевшие Хатарские развалины три века назад в состоянии много худшем, чем теперь. Снимки, которые логика — жесткая, неумолимая, объективная логика — требовала считать подделкой. Снимки, которые просто не могли быть подлинными.

— Это показалось нам уже слишком, — сказал Браск. — Независимое, беспристрастное свидетельство, подтверждающее наблюдения, которые мы считали сугубо неточными и иллюзорными. Мы немедленно послали машину времени на Хатарские развалины, высадились приблизительно в том периоде, когда были выполнены ваши фотографии, и провели еще одну съемку с тех же точек. — Он выдвинул ящик стола и достал пачку глянцевых отпечатков. — Вот полный набор снимков обеих серий. Можете удостовериться, что все практически совпадает.

Хешке присмотрелся. Одна серия снимков была многокрасочной. Другая, старая, — черно-белой. Он в раздражении отшвырнул обе серии: для одного дня происшествий и загадок на его долю выпало более чем достаточно.

— Да, все сходится. Ну и что это доказывает? Что вы путешествовали в прошлое не в воображении, а на самом деле?

— Да! — убежденно воскликнул Лэрд Аскар.

Заговорил и молчавший до сих пор лейтенант Спейуорт. Он держался в манере осторожной дотошности, медленно подбирая слова.

— Возможны и другие объяснения. Фотосъемку нельзя считать ни подкреплением наших наблюдений, ни их опровержением. Старые фотографии можно было подделать. Или, скажем, переместить из эпохи в эпоху. Сделать снимки в будущем, а затем, коль скоро путешествия во времени стали возможными, отвезти их в прошлое. Могу предложить и другие непротиворечивые версии, не исключая и неисправности нашей машины.

«А ведь и правда, — подумал Хешке. — Кто-то взял пакет с фотографиями, сделанными триста лет спустя, и перекинул их на триста лет в прошлое. Снимки совершили прыжок протяженностью в шесть веков. Теоретически это возможно. Но зачем?..»

Гадать бесполезно. Причин могли быть тысячи — невообразимых, эксцентрических и банальных, самых разных причин.

— Господа, — произнес он. — Признаюсь, вы меня совсем сбили с толку. Может быть, вы объясните мне хотя бы, зачем я вам здесь понадобился?

— Да, конечно, — с готовностью откликнулся Браск. — Мы не собирались призывать вас на помощь, пока не выявим все дефекты временного двигателя и не устраним их. Но ваши фотографии привели нас в изрядное замешательство. Теперь мы хотим, чтобы вы совершили путешествие на Хатарские развалины трехсотлетней давности.

— Я? Зачем? — удивился Хешке.

— Видите ли... — Браск замялся. — В настоящий момент мы, честно говоря, блуждаем впотьмах. Настоятельно необходимо выяснить, являются ли наши нынешние путешествия во времени реальностью или плодом воображения. Психологи утверждают, что если путешествие — иллюзия, это не может не вызвать отклонений в восприятии действительности за пределами нашей собственной эпохи. Ссылаются на то, что сны никогда не повторяют реальных событий с абсолютной точностью. Должны быть какие-то дета-

ли, отличающие вторую серию снимков от настоящих Хатарских развалин.

Хешке вгляделся в фотографии еще раз.

— Не вижу между ними особой разницы.

— Ее и нет. Но, быть может, есть различия, неуловимые на пленке. Вы знаете Хатарские развалины лучше, чем кто бы то ни было, за последние годы они стали вашей узкой специальностью. Вот мы и просим вас отправиться в прошлое и осмотреть там все, что сможете. А вдруг вы сумеете найти ключ к головоломке?

— Довольно смутное задание.

Браск пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Но вы будете не один, Лэрд отправится вместе с вами. Может, вы додумаетесь до чего-нибудь сообща.

Хешке задумался на минуту, потом спросил:

— Это путешествие в воображаемое прошлое — оно подобно погружению в глубины подсознания?

— Вероятно, так, — ответил лейтенант Варданян.

И тут Лэрд Аскар наконец не выдержал и расхохотался:

— Да не слушайте вы их, Хешке! Воображаемое прошлое — что за чепуха! Временной двигатель работает как положено!

— Что же происходит с развалинами? — мягко осведомился археолог.

Аскар не ответил. Казалось, он опять ушел в себя. Хешке решительно повернулся к Браску:

— Когда отправление?

— Чем раньше, тем лучше. Если можно, прямо сегодня.

— Мне понадобятся записывающая аппаратура и инструменты.

— Мы это предусмотрели, — кивнул капитан. — Думаю, вы без хлопот найдете у нас все, что вам нужно.

— Вы говорили, что нас подстерегает опасность...

— Лишь постольку, поскольку машина еще не до конца испытана. Это единственный фактор риска.

— Не считая инопланетян, — уточнил Хешке. — Судя по всему, они добились впечатляющих технических успехов.

— Не стоит преувеличивать, — вмешался Спейуорт. — Не так уж они нас превзошли. Сумели же мы скопировать их временной двигатель. Отсюда следует, что уровни нашего развития вполне сопоставимы.

— А вы уверены, что мы и впрямь сумели его скопировать? — возразил Браск, метнув на лейтенанта досадливый взгляд.

— Разумеется, сумели! — взорвался Аскар.

Первым делом Хешке осмотрел аппаратуру, затем перешел в комнату, отведенную ему для отдыха. Прикорнул на часок-другой, а когда проснулся, то принялся, не вставая, размышлять обо всем, что довелось узнать.

Экспедиция, как он понял, должна была состоять из четырех человек: его самого, физика Лэрда Аскара и двух титан-инженеров, пилотирующих машину времени. Отправление было назначено на послеполуденный час, и по мере приближения старта нервы начали сдавать. Ему принесли обед, а вскоре явился посетитель — Лэрд Аскар собственной персоной. Оказалось, что физик провел все утро за работой, отлаживая свое детище.

— Привет, Хешке! Что, волнуетесь? — спросил он с обычной для себя кислой миной. Хешке не ответил. — Не стоит нервничать, дело безвредное и, уж во всяком случае, безболезненное. Я лично отправляюсь в прошлое в третий раз.

— Путешествие будет долгим?

— Удается идти со скоростью приблизительно сто лет в час. Так что можно считать — три часа туда, три обратно.

— Но ведь Хатарские развалины очень далеко. Я имею в виду расстояние не во времени, а в пространстве...

— Это не проблема. Когда мы путешествуем во времени — строго говоря, путешествуем не во времени, а вне времени, — мы можем маневрировать над поверхностью Земли как нам заблагорассудится. Выйдем точно к цели, не сомневайтесь.

— Отсюда до Хатара за три часа? — переспросил Хешке. — Звучит недурно. Значит, вашу машину времени можно использовать для межконтинентальных перевозок?

Аскар усмехнулся:

— В сообразительности вам не откажешь. Но нет, для перевозок машина не подойдет. Путешествуя на ней, вы как бы обмениваете пространство на время. Чтобы попасть на другую сторону Земли, вам придется отдалиться лет на сто, не меньше. Думаю, можно вернуться в свою эпоху, маневрируя туда-сюда, пока пространственные координаты не совпадут с временными. Однако смею вас заверить, провозитесь вы столько, что лучше уж воспользоваться ракетой.

Физик порылся в карманах, извлек на свет скомканную скрутку табака и прикурил. По комнате поплыл ароматный дым. Хешке заметил, что глаза у Аскара не то слегка выпучены, не то воспалены.

— Не возражаете, если я сяду? Ковырялся в этом проклятом временном двигателе, пока не обалдел. Признаться, мне и самому тревожно...

— Ну конечно, будьте как дома. — Аскар опустился на единственный стул, а Хешке устроился лицом к нему на кровати. — Не скрою, мне очень любопытно... Как она действует, ваша машина времени?

— Как? — отозвался физик с ухмылкой. — Очень просто: отделяя часть текущего времени от времени и перемещая ее вне времени.

Хешке потряс головой и вздохнул:

— Для меня это полная абракадабра.

— Я тоже решил бы, что это абракадабра, пока мы не обнаружили инопланетную машину. Да и потом я разобрался в этом не сразу. Но теперь наконец понимаю. И твердо знаю, что придуманная титанистами теория воображаемого времени, или как там она называется, — совершенный бред...

Аскар пыхтел своей скруткой с таким видом, словно табак был эликсиром жизни. Хешке вдруг почувствовал, что физик нервничает едва ли не больше, чем он сам.

— Простите, если огорчу вас, но, по-моему, ваша миссия — пустая затея. Машина времени делает именно то, для чего ее построили, — передвигается по времени, действительно и безусловно, в обоих направлениях, в прошлое и в будущее. Уж мне-то можно бы поверить, ведь именно я раскусил им эту задачку. Без меня они ковырялись бы с ней до сих пор.

— Профессиональная ревность? — улыбнулся Хешке.

Собеседник раздраженно махнул рукой:

— Какая там ревность! Зачем мне ревновать? Ученые титанисты прекрасно справляются с любой задачей, если у нее есть прямолинейное решение. Дайте им предпосылку, и они обоснуют ее самым скрупулезным образом. Но там, где требуется творческое мышление, они пасуют, потому что то и дело оглядываются на свою идеологию. А уж нам-то с вами известно, что это куча наглого вранья...

Хешке беспокойно заерзал, спрашивая себя, не припрятаны ли в комнате потайные микрофоны.

— Никогда бы не заподозрил, что услышу такие речи в цитадели титанистов.

Физик передернул плечами:

— Они вынуждены меня терпеть. Я включился в это предприятие с самого начала, целых пять лет назад. Тогда было как-то полегче. Теперь меня от них просто тошнит...

— В самом деле? Почему?

— Я построил им машину, какую они хотели, а теперь они заявляют, что она не работает, потому что им, видите ли, не по нраву то, что обнаружилось в прошлом. Они разочарованы тем, что инопланетяне, по-видимому, не принимали в войнах эпохи Распада никакого участия. Вот к чему, в сущности, сводятся все их сомнения. А ведь мы, можно сказать, к исследованиям еще и не приступали. Может статься, инопланетяне бродили по Земле в то самое время, только где-нибудь в другом месте...

— Вы разочарованы?

Аскар затянулся.

— Устал. Пять лет беспрерывных попыток постичь природу времени иссушили мой мозг. Не обращайте внимания на мое нытье, гражданин. Во мне развился культ моей собственной личности, это одно из его проявлений.

— А развалины? — напомнил Хешке. — Если судить по внешним признакам, то с течением времени они не стареют, а молодеют. Но ведь такого не может быть! Или может?

— Какого черта вы от меня хотите! — огрызнулся Аскар. — Откуда мне знать? С той поры, как мне открылось непостоянство времени, ничто уже не кажется мне невозможным. Раз

индивидуальное время может быть отделено от абсолютного времени... Хорошо, попытаемся найти объяснение. — На его лице вдруг мелькнула хитренькая улыбка. — Ну, например, такое. Много тысяч лет назад инопланетяне, прибывшие на Землю, высеяли на ней семена. Семена особого рода. С тех пор семена проросли и стали медленно превращаться не в траву и овощи, не в кусты и деревья, а в каменные сооружения и металлические конструкции. Развалины, которые вас смущают, с течением времени, подобно деревьям, созреют и станут полноценными домами, городами, замками и чем угодно еще. А когда они созреют, инопланетяне вернутся, чтобы поселиться и жить в них...

Хешке рассмеялся, идея его позабавила. Ему нравилось, что у Аскара живое воображение, что он не боится встречи с необъяснимым и готов сопоставлять странные факты и делать из них дерзкие выводы.

— А скелеты? По-вашему, они тоже выросли из семян?

— Почему бы и нет? Почему бы инопланетянам не подбросить на Землю дюжину-другую скелетов специально для того, чтоб одурачить будущих археологов?

Но по тону было очевидно, в том числе и для Хешке, что физик шутит.

В комнате воцарилось молчание. Аскар шумно курил и шаркал подошвами, глядя в потолок, и, казалось, совершенно забыл про Хешке. В конце концов тот решился напомнить о себе.

— А вы не пытались вступить в контакт с людьми прошлого? Ведь они, вероятно, могли бы разрешить многие наши сомнения.

— Что?.. — Аскар рывком вернулся к действительности, но уставился на Хешке стеклянными глазами. — Ах да! Вы что, даже этого не знаете?

— Этого — чего? — переспросил Хешке сердито.

— На что похожа жизнь в прошлом. Никаких контактов там быть не может, потому что люди вас не слышат. И не видят, коль на то пошло. Хуже того, можно сшибить их с ног, а они не реагируют, валятся, как кегли, и тут же поднимаются снова. Короче, ведут себя как роботы, повторяющие движения, которым их в свое время выучили. — Хешке

замер в недоумении. — Понимаю, что звучит это полной дикостью, — физик покрутил пальцами, — но что попишешь, это так и не иначе.

— Они что, лишены сознания?

— Они ведут себя так, будто лишены сознания. Как роботы, — повторил Аскар, — как механизмы с заданной программой.

— Ваш рассказ... на мой взгляд, это напоминает сон. Вы убеждены, что теория титанистов неверна?

— Напротив, это как нельзя лучше подкрепляет теорию, но не их, а мою теорию о том, как работает машина времени. Вы, наверное, читали романы о путешествиях во времени и поневоле восприняли представления о времени у древних авторов. В романах прошлое и будущее физически ничем не отличаются от настоящего. Однако сегодня мы знаем, что они отличаются, и даже очень.

Физик прикончил свою скрутку и, выбросив окурок, сразу полез в карман за новой. Хешке предложил ему табачка из своих запасов и дал прикурить.

— Отличаются? Чем?

— Попробую объяснить. Представьте себе Вселенную в четырех измерениях — три из них пространственные, известные из повседневного опыта, а четвертое — дополнительное измерение, которое называется временем и простирается бесконечно далеко как в прошлое, так и в будущее. Если изъять из этой картины нас самих и наше «сейчас», можно с тем же успехом представить Вселенную в четырех измерениях пространства. Иначе говоря, получить статичную четырехмерную матрицу. По существу, это так и есть, Вселенная именно такова, но вмешивается еще один фактор — мимолетное «сейчас», которое проносится по четвертому измерению, как бегущая волна.

Хешке не был физиком, но читал немало и был в известной степени знаком с тем, что излагал Аскар. Он сделал попытку представить себе все это наглядно.

— Выходит, мы замкнуты в своем «сейчас», как в ловушке, а оно непрерывно смещается от нынешнего момента к следующему.

— Совершенно верно. Но что такое «сейчас»? Может ли что-либо существовать за его пределами? На протяжении веков философы спорили, существуют ли прошлое и будущее — или только настоящее, в котором мы живем. Ну вот, теперь мы нашли ответ: прошлое и будущее существуют, но в них нет «сейчас», а значит, фактически нет времени. В этом смысле нет и разницы между «прежде» и «потом». Они мертвы, что мы и обнаружили.

— Так вот почему люди прошлого вели себя как роботы!

— «Сейчас», следуя за бегущей волной, ускользнуло от них. А сознание работает только на гребне волны — выясняется, что оно каким-то образом связано с «сейчас» и, выражаясь математически, является его функцией.

— Но самая волна времени — что она такое?

— Этого мы пока не знаем. Некая форма энергии, которая перемещается в четырехмерном пространстве подобно ударной волне. Скорость ее известна и теоретически равна скорости света. Именно волна в своем движении дает событиям силу свершаться, а материю организует в живые формы. Помните, в древности любили говорить о так называемой жизненной силе? Это она и есть.

И тут Хешке осенила неожиданная мысль.

— Вы говорите, что в прошлом времени нет. А что, если вы, вернувшись в прошлое, что-нибудь там измените? Что случится с тем прошлым, которое вы изменили? Очевидно, какое-то время там все же должно быть, потому что остаются «прежде» и «потом». «Прежде» — то есть до вашего вмешательства и «потом» — то есть после него...

Он запутался и умолк. Аскар усмехнулся.

— То, о чем вы толкуете, называется парадоксом возврата. Мы тоже упражнялись в подобных рассуждениях в первые месяцы после того, как осознали, что путешествие во времени — вполне возможная штука. По сути, парадокс возврата повторяет, в чуть измененном виде, старинную философскую головоломку: если время непрерывно движется, значит ли это, что оно непрерывно умирает? В данный момент «сейчас» находится в одной точке, а в следующий момент — в соседней точке. От точки к точке, от события к событию — вот вам и кажется, что «прежде» и «потом» мо-

гут сосуществовать в один и тот же момент: «прежде», когда точка совпадала с «сейчас», и «потом», когда она передвинулась. Вы ведь это имели в виду?

— Да, пожалуй, — неуверенно вымолвил Хешке.

— Теперь, когда мы обрели способность проводить непосредственные наблюдения в прошлом, — продолжал Аскар, — все парадоксы по большей части улетучились. Чтобы обосновать наблюдаемую картину, теоретики выдумывают добавочное пятое измерение, но, прямо скажем, оно тут ни при чем. Вселенная совершенно безразлична к любым искусственно вызванным изменениям, да и к тому, где находится наше с вами «сейчас». Она просто не замечает разницы между двумя вариантами событий, новым и прежним, а потому, что бы вы ни предприняли, вызвать действительные изменения вы не в силах.

Хешке потерял способность что-либо понимать.

— Но остается старая загадка: что, если я отправлюсь в прошлое и убью своего отца до своего собственного рождения?

— Выяснится, что вы по ошибке убили не отца, а кого-то другого, — ответил Аскар язвительно. — А если без шуток, то допустим, вам и впрямь удалось подстеречь своего отца и «убить» его — и тем не менее чуть позже он окажется жив по-прежнему. Причина и следствие, как мы их воспринимаем, имеют значение лишь на гребне «сейчас», по нашей терминологии, в пределах Абсолютного Настоящего. Это установлено экспериментально. Вселенная как таковая равнодушна к нам и нашим усилиям, и если вы навязываете ей изменения, последствия таких изменений будут не накапливаться, а гаснуть...

— Вы меня совсем запутали, — произнес Хешке нетвердо. — Все это как-то трудно усвоить... Настанет завтра, а я, выходит, буду все так же сидеть здесь и курить эту скрутку, только уже ничего не сознавая...

Аскар потер подбородок и устало зевнул.

— Именно так. Наконец-то вы уловили суть. Вот мы сидим здесь, а спустя мгновение Абсолютное Настоящее уйдет вперед, унося с собой наше сознание. Но прошлое не исчезнет, просто вы утратите способность видеть его, точно

так же, как вы не способны увидеть будущее, хоть оно поджидает нас и мы не избежим его. Машина времени действует как рычаг, отделяющий частицу настоящего и перемещающий ее независимо от движения волны. Если эта частица включает в себя ваше сознание, вы обретаете возможность видеть прошлое. Или будущее.

— А как далеко вы были в будущем? — встрепенулся Хешке.

Аскар опять скорчил кислую мину.

— Лет сто, наверное. Забираться дальше нет смысла.

— Как это? Почему?

— Потому что... Знаете, что вам откроется? Безлюдье и запустение. Ничего живого — ни человека, ни зверя, ни травинки, ни птиц, ни деревьев, вообще ничего. Микробов и вирусов — и тех как не бывало. Одна секунда в будущее — и мир совершенно безжизнен, и стулья, на которых мы с вами сидим, пусты.

Хешке в ужасе уставился на собеседника не мигая. Физик улыбнулся какой-то извращенной улыбкой.

— А ведь это логично, если разобраться. В прошлом жизнь есть, пусть люди ведут себя как автоматы, поскольку волна времени уже прокатилась, а все живое по-настоящему живет лишь на гребне волны. Но до будущего-то волна еще не дошла! Все, что мы создали из неорганических материалов — здания, машины и тому подобное, — все это есть и в будущем, хотя без нашего надзора неизбежно приходит в упадок. Однако что касается наших тел и нас самих, мы в будущем пыль, просто-напросто пыль!..

Хешке немо застыл, представив себе будущее — необъятную мертвую пустоту.

Глава 4

Времялет, сконструированный титанистами, был заметно больше своего инопланетного прототипа. Тот имел цилиндрическую форму, этот напоминал прямоугольную клеть с ребристыми жалюзи. На одном конце клети находилась кабина для экипажа и пассажиров, на другом — громоздкий

двигатель. Тем не менее у обеих машин, земной и внеземной, были и общие черты, например, иллюминаторы из толстого, почти непрозрачного материала, оснащенные регуляторами изображения, способные то задерживать свет, то пропускать его беспрепятственно. А контрольные приборы повторяли инопланетную модель один к одному.

В отправлении машины времени из настоящего участвовал еще и какой-то механизм даже больших, чем она сама, размеров. На стартовой позиции машина как бы составляла с этим механизмом единое целое, выдаваясь из его чрева наподобие языка, но, как только старт был дан, продолжала движение сама по себе и теряла всякую связь с базой. Это не прибавляло бодрости, однако Хешке постарался подавить свои страхи и позволил надеть на себя жесткий боевой костюм: титанисты настояли, чтобы он отправился в путь в полном вооружении.

— Вам удобно? — спросил юный техник из персонала.

Хешке не стал спорить, хотя квазикожаный костюм сильно стеснял его и казался каким угодно, только не удобным.

Минут пять в зале отправления не было слышно ничего, кроме истошного воя: пусковая установка разогревалась, а может быть, набирала обороты. Аскар и два инженер-пилота, которым было поручено вести времялет, уже напялили такие же костюмы. Физик поманил Хешке и осведомился:

— Все в порядке? Оборудование готово?

— Оно на борту.

Не то чтобы он предвидел, что оно ему понадобится. По правде говоря, он вообще не ведал, что будет делать, когда — и если — доберется до развалин.

— По местам!..

Хешке вслед за Аскаром полез в кабину. Она оказалась довольно просторной, девять футов на девять. Он сел рядом с физиком и пристегнул ремни. Друг за другом вошли инженеры — на них костюмы сидели получше, пожалуй, даже с известным изяществом. Едва они опустились в пилотские кресла, вой оборвался: входной люк скользнул в пазах и закрылся наглухо, времялет стал звуконепроницаемым.

Тело Хешке, каждый его мускул напряглись помимо воли. Пилоты переговаривались вполголоса друг с другом и по

лингафонной связи со стартовой командой в зале отправления. Потом опять донесся шум, теперь уже сзади. Шум был негромким, но неприятным. Один из пилотов полуобернулся к пассажирам:

— Полетели...

И только-то? Ком в желудке у Хешке стал таять. Не было ни малейшего ощущения движения, но за полупрозрачными иллюминаторами бежали быстрые красочные мазки, странно покачиваясь то туда, то сюда, словно машина хаотично меняла курс.

— Родина, — произнес Аскар. — Прощай, родина!.. — Хешке вопросительно посмотрел на него. Физик ответил хмурым, укоризненным взглядом. — Не понимаете, о чем я? У вас что, нет никаких предчувствий?

— Вроде бы нет...

— Поймите, мы покинули Абсолютное Настоящее. Конечно, это наша родина, что же еще? Единственное место во Вселенной, где может существовать разум. Нет, вы подумайте, только подумайте: перед нами громада прошлого, она простирается вглубь до бесконечности. И чем глубже в прошлое, тем дальше мы от крохотной точки, где есть жизнь. Дальше и дальше, пока мы не станем призраками, микроскопическими частичками времени в бездне безвременья... И то же самое в другом направлении — в будущее. Неужели вас не пробирает до самых костей?

Глаза у Аскара опять воспалились, на лбу выступили мелкие капельки пота.

— Так вот каково путешествовать во времени, — тихо сказал Хешке. — Для вас это как падать в бездну...

— А это и есть бездна, пропасть без дна. И в этот самый момент мы спускаемся в пропасть все глубже и глубже.

Внезапно Хешке отдал себе отчет в том, что творится с Аскаром. Как бы физик ни подбадривал археолога, ему самому было страшно. Ему было страшно, что машина забарахлит и что они окажутся отрезанными от родины, от времени, от жизни. У Аскара было слишком богатое воображение, и оттого он невольно впадал в мелодраматический тон. Мелькнула мысль: а что, если сумасшедшее пятилетнее

напряжение сказалось на его психике? Не слишком ли запредельным оказался предмет его одиноких раздумий?

Для самого Хешке все эти рассуждения о времени и безвременьи оставались по-прежнему слишком невразумительными, чтобы поверить в них до конца: попытки вдуматься в теорию приводили лишь к тому, что голова шла кругом. Никак невозможно было понять, почему бегущая волна «сейчас», то есть, простите, волна времени должна находиться в каждый данный момент в одной временной — именно временной! — точке.

Да нет, опять не так. Ведь она, и только она, эта волна, и создает время...

Большую часть пути они провели в молчании. Аскар съежился в кресле, насколько это было мыслимо в боевом костюме, и изредка бурчал что-то себе под нос. Через три часа инженер-пилот объявил, что времялет заходит на посадку.

Прозвучал гонг. Стремительные красочные мазки за бортом, почти убаюкавшие Хешке в полете, приостановились, но, как он ни старался, толстенные иллюминаторы не позволяли различить ничего определенного. Аскар расстегнул ремни и предложил археологу последовать его примеру.

— Ну-ка выгляньте из окошка, — пригласил он. — Может, вам и понравится...

Вслед за физиком Хешке принялся всматриваться в ближайшее, словно заиндевевшее стекло. Аскар тронул кнопку — стекло прояснилось.

Снаружи все казалось успокоительно мирным и знакомым. Судя по солнцу, было чуть-чуть за полдень. Под синим небом стелилась сочная зеленая саванна, кое-где торчали отдельные тощие деревца. А вблизи — тут уж Хешке никак не мог ошибиться, несмотря на разницу в три столетия, — лежали Хатарские развалины, осыпавшиеся и запустелые, заросшие мхом.

— Замечаете что-нибудь? — спросил Аскар с вызовом.

И Хешке заметил. В поле их зрения летел ворон — но в том-то и дело, что ворон не летел. Он был совсем близко, он раскинул крылья, и на них четко различалось каждое перышко, но при этом он просто замер в воздухе, повис без движения.

— Птица неподвижна, — прошептал удивленный Хешке.

— Совершенно точно, — подтвердил Аскар, почти ликуя. — Потому что машина стоит как вкопанная. Мы видим застывшее мгновение.

— Но если это так, — поделился Хешке неожиданной догадкой, — мы бы вообще ничего не видели. Ведь свет бы тоже застыл.

Аскар улыбнулся с видом превосходства.

— Остроумное возражение, гражданин, но неверное. Свет не может застыть, его скорость остается неизменной для любого наблюдателя без всяких исключений. В известном смысле можно сказать, что у света нет скорости. Неспециалистам это почти недоступно... — Он подал знак пилоту. — Тем не менее, исходя из практических соображений, изучать происходящее предпочтительно в привычных для нас условиях, иначе говоря, в движении.

Пилот дотронулся до контрольной панели. Ворон ожил, взмахнул крыльями и улетел. Саванна шевельнулась под легким ветерком.

— Теперь мы движемся в будущее с привычной для нас скоростью секунда за секунду. Скорость поддерживается автоматически. Можно выйти наружу.

Входной люк с шипением приоткрылся, в кабину ворвался свежий воздух. Хешке достал из заднего отсека видеокамеру, полевой набор инструментов и сумку для образцов. И следом за Аскаром выбрался на волю.

Сомнений не оставалось. Фотографии, найденные в Хехосе, не были подделкой. Их нельзя было приписать дурной случайности либо странному стечению обстоятельств. На них были запечатлены те самые развалины, где Хешке с Аскаром высадились в данный момент.

Позади, на травянистом склоне, стоял времялет под охраной одного из титан-пилотов. Второй занял позицию поближе, у самых развалин, и пристально вглядывался в окружающий ландшафт в поисках признаков опасности. Кто уж их разберет, какие опасности мерещились им здесь, в этом нигде и никогда, на глубине трех веков вневременного ада,

но они вели себя как часовые в строгом соответствии с уставом.

Нет, не верилось, никак не верилось, что времялет в самом деле перенес экспедицию на триста лет назад, в бездну безвременья. Воздух, проникавший в ноздри, был напоен летней свежестью, солнце сияло, и все вокруг казалось таким обыденным и спокойным...

— Вы абсолютно убеждены? — спросил Аскар.

— Абсолютно. Я знаю эти развалины как свои пять пальцев. Я ползал по ним годами. Это Хатарские развалины, и они выглядят в точности так, как должны выглядеть через триста лет после нас. Должно быть, мы все-таки в будущем.

— Нет, в прошлом.

Аскар тяжко насупился. По-видимому, он был сильно взволнован и оттого хмурился все сильнее.

— Ну что ж... — Хешке положил руку на выветрившуюся стену, возведенную внеземными строителями, и ощутил знакомую дрожь, посещавшую его здесь не раз и не два. — Следовательно, мы вновь сталкиваемся с парадоксом, который внешне подкрепляет гипотезу титанистов: прошлое и будущее каким-то образом перемешались, и вокруг нет ничего реального. Только я лично вынужден отвергнуть и эту гипотезу. Развалины слишком совершенны, слишком материальны, неоспоримы до последней мелочи. С тех пор, как я был здесь, они действительно стали старше на три столетия, и старение шло естественным порядком, точно так, как следовало ожидать.

— Но мы в прошлом, — повторил Аскар.

Хешке вскинул видеокамеру на плечо и сказал, грустно покачав головой:

— Пойдемте, я покажу вам...

Карабкаясь по крупным камням, археолог подвел Аскара к прямоугольнику низких, еле различимых стен — что-то подсказывало, что некогда в этих стенах располагались жилые комнаты. Присев на корточки, Хешке коснулся камушка, с которого чуть раньше ободрал слой мха.

— Это решает спор, — произнес он, глядя на Аскара снизу вверх. — Видите борозды?

Физик нагнулся пониже. Солнечные лучи играли на пыльных осыпях, посверкивали на сколах камня и на ворсе мха, оттеняя короткие зарубки, прорезанные на трех каменных глыбах и в особенности заметные на одной из них.

— Вижу.

— Я сам помогал делать эти зарубки. Мы заподозрили, что там есть потайная каморка, ниша в стене. И не ошиблись. Потом мы поставили камень, который запечатывал нишу, обратно на место. Подсобите-ка мне немного.

Хешке достал из мешка с инструментами пару ломиков, и Аскар помог ему выдавить камень из гнезда. Это потребовало усилий, но в конце концов камень подался: он был гораздо тоньше, да и закреплен был гораздо слабее, чем казалось. Хешке посветил в открывшуюся полость фонариком, потом подвинулся, освобождая место другому.

— Спорим на годовое жалованье, что там сохранилась надпись. Поищите ее без моей подсказки.

Аскар сунул голову в дыру. Потайная ниша была просторнее, чем он предполагал. Пахло сыростью, но пыль сюда не проникала. На дальней стене виднелась надпись довольно крупными буквами, сделанная, по всей видимости, электрическим камнерезом.

— Скелет номер тридцать один, — прочел он вслух. — Стеклянный сосуд номер четыреста восемьдесят девять...

— Правильно. Я сделал эту надпись собственноручно. Чтобы не забыть, что мы тут нашли, и дать находкам номера по каталогу.

Аскар поднялся и шумно перевел дух.

— Ну вот вам и доказательство, — закончил Хешке. — Мы в эту минуту находимся по отношению к нашей эпохе в будущем, а не в прошлом.

— Вы эксперт, вам и карты в руки, — отозвался Аскар на удивление миролюбиво. — Пререкаться я не намерен.

Времялет быстро набирал скорость, и Хешке расслабился, лениво наблюдая, как мелькают за иллюминаторами цветные мазки и пятна, и прислушиваясь к неясному гулу двигателя. В начале обратного пути на исследовательский полигон он пытался завести беседу с Лэрдом Аскаром, но фи-

зик опять ушел в себя и сидел, уставясь в пол стеклянными глазами, не то ошеломленный увиденным, не то погруженный в глубокие раздумья.

Хешке попросил было у пилотов позволения отстегнуть ремни, поскольку они казались совершенно ненужными и только затрудняли путешествие, и без того изнурительное. В просьбе было отказано, правда, с пояснением, что в случае перемены курса машина может дать резкий крен.

«Интересно, — подумал он, — как-то примут мой отчет титанисты на полигоне?..» Он уже успел поделиться впечатлениями с двумя пилотами. Те были достаточно подготовлены, чтобы сразу уловить суть его наблюдений, — но со свойственной легионерам надменностью от комментариев воздержались.

Это его, пожалуй, обидело, и он уже не сводил глаз с их широких, обтянутых боевыми доспехами спин. Такие же равнодушные легионеры, напомнил он себе, убили его друга Блэра Обломоута. Только теперь до него дошло, что с того часа он жил как бы под наркозом или во сне. Вероятно, гибель Блэра была из числа событий, которые осознаются не вдруг. Но ведь Обломоут, по собственному его признанию, был предателем — какое-то невероятное сплетение обстоятельств...

Зазвенел гонг, иной по тону, чем тот, который оповестил их об окончании первой половины пути. Пилот соблаговолил разъяснить:

— Приближаемся к Абсолютному Настоящему...

Аскар оторвал взгляд от пола у себя под ногами. В тот же миг второй пилот шепнул что-то своему товарищу, обращая его внимание на какой-то прибор на своей половине контрольной панели.

— Гражданин Аскар, на борту неисправность. Регистратор Абсолютного Настоящего, по-видимому, вышел из строя...

Голос у пилота был озадаченный.

— Что?!

Аскар вскочил, отшвырнув ремни, и бросился вперед к прибору, о котором шла речь. Даже не поднимаясь с места, Хешке ясно видел вертикальную шкалу с градуировкой: едва

прозвучал гонг, шкала начала мигать, а стрелка прибора заскользила вниз к нулевой отметке — совпадению с волной времени. Но затем стрелка задрожала и заметалась по шкале, то придвигаясь к нулю, то отступая вновь.

— Найти «сейчас» и синхронизироваться с ним без приборов будет трудновато, — предупредил титанист.

— Неисправность, как же! — прошипел Аскар. — Регистратор должен быть в порядке.

— Но он показывает полную ерунду, — возразил дотошный пилот. — Ясно, что прибор не в порядке...

Аскар замолк на мгновение, потом сказал, взвешивая слова:

— Почему ерунду? Не обязательно. Регистратор отмечает присутствие реального времени, но слишком слабое для того, чтобы это было Абсолютное Настоящее. Черт возьми, но ведь мы тоже несем в кабине частицу времени. И такую частицу несет с собой любой другой времялет!..

Он подскочил к иллюминатору и настроил его на почти полную прозрачность. Быстро выглянул наружу и, перебежав кабину, сделал то же самое на другой стороне. Там, совсем близко, на фоне калейдоскопических цветных мазков, уравняв свою скорость с времялетом, завис закругленный с обоих концов цилиндр. В точности такой же, как вражеская машина времени, которую им показывали на экране.

Хешке осторожно расстегнул ремни и присоединился к Аскару у иллюминатора, завороженно глядя сквозь мерцающее стекло. Не было и тени сомнения, что оттуда, из-за тусклых иллюминаторов чужой машины, на них смотрят такие же пристальные глаза. Инопланетные, вражеские глаза.

— Великая Мать Земля! — тихо воскликнул кто-то из пилотов.

Аскар стремительно повернулся к нему:

— Ради всего святого, парень! Не позволяй им выследить нас до полигона!

Титанист понял его с полуслова.

— Все по местам, — приказал он.

Хешке еще не успел выполнить команду, как времялет заложил тошнотворно крутой вираж и устремился куда-то в неизвестно каком направлении. Хешке было не до направлений — он еле ухватился за что-то, чтобы его не сбросило на пол, и поспешно застегнул ремни.

Регистратор Абсолютного Настоящего замигал интенсивнее.

— Мы синхронизируемся и произведем посадку в отдаленном районе Земли, — возвестил пилот, — и доберемся оттуда до полигона на обычных средствах передвижения. Так будет легче избавиться от вражеского преследования.

— Ничего подобного, — заявил Аскар. — Продолжайте полет.

— Куда? Зачем? — резко откликнулся титанист. — У нас приказ — вернуться на базу без проволочек.

— Продолжайте полет. Вперед, в будущее. — Голос Аскара звенел от возбуждения. — Я должен выяснить это немедля. Это жизненно важно для всех нас. Продолжайте полет!

Пилот оглянулся через плечо и смерил физика возмущенным взглядом. Наверное, ему, как и Хешке, стало ясно, что Аскар не владеет собой.

— Вы что, гражданин, предлагаете, чтобы мы отклонились от полетного задания? Это строжайше запрещено! А если у вас возникли новые соображения, их надлежит довести до сведения руководства.

— Да, разумеется! До идеологов, которые не видят очевидного, даже когда факты смотрят им в лицо! — прорычал Аскар в ярости. — Они начнут совещаться и тянуть, тянуть, а когда решатся, может быть слишком поздно. С человечеством будет покончено!..

Физик опять вскочил на ноги. Хешке встревожился не на шутку: в руке у Аскара блеснуло оружие, выхваченное откуда-то из боевого костюма. Хешке, вскрикнув, в свою очередь освободился от ремней и бросился вперед в надежде — довольно легкомысленной — остановить безумца. Но в ту же секунду Аскар выбросил другую руку, ухватился за рычаг на контрольной панели и рывком послал его от себя. Времялет рвануло с чудовищным ускорением, выбросило

из Абсолютного Настоящего и понесло в неведомое. Рывок сбил Хешке с ног, он упал, ударившись головой о подлокотник, и его поглотила тьма.

Когда Хешке пришел в себя, оказалось, что он опять сидит в своем кресле, спеленутый ремнями. Голова раскалывалась от боли, но боль тут же забылась, как только он с ужасом осознал, что произошло. Второй пилот лежал навзничь у борта. Он был мертв. Первый пилот, разоруженный, стоял недвижимо у дальней стены и с опаской следил за Аскаром, который уверенно вел времялет, не спуская, впрочем, глаз с побежденного.

— У-у... что случилось? — промычал Хешке.

Аскар едва посмотрел в его сторону.

— Добро пожаловать. Боюсь, тут была потасовка. Лейтенант Хоск убит. В сущности, не по моей вине...

Последнюю фразу он произнес сердитым шепотком.

— А инопланетный времялет?

— Мы ушли от него, — отозвался Аскар с сухой, недоброй ухмылкой. — Я довел скорость до предела, почти до ста пятидесяти лет в час.

«Вы сошли с ума!» — хотел воскликнуть Хешке, но восклицание замерло у него на губах.

— Где мы?

— В будущем. Примерно в четырех столетиях от наших дней.

Хешке откинулся на спинку кресла, пытаясь побороть отчаяние. Разум Аскара, вполне очевидно, не выдержал перегрузки. Теперь им с первым пилотом предстоит набраться терпения, прежде чем удастся справиться с душевнобольным.

— В будущем? Что же вы рассчитываете там обнаружить? — Хешке с трудом подбирал слова. — Разве не вы говорили мне, что там нет ничего, только мертвая пустота?

— Факты вопиют, они кричат в полный голос, — ответил Аскар. — Что отличает подлинного ученого, как, по-вашему, Хешке? Умение принимать факты как они есть, даже если они вступают в конфликт с теорией, и делать из них

очевидные выводы. Именно этого нам до сих пор и недоставало.

— О каких фактах вы говорите?

Хешке беспокойно покосился на титаниста, который, в свою очередь, неотрывно следил за физиком.

— Прежде всего, — вещал Аскар, — о том непреложном факте, что руины стареют наоборот, вопреки ходу времени. Если бы мы посмели оценить этот факт по достоинству, то сразу догадались бы, что руины из будущего. Теперь мы с вами летим проверить это...

Его прервало пение гонга. Регистратор Абсолютного Настоящего замигал вновь, вторично за период обратного полета.

— Вот оно! — ликующе возвестил Аскар.

У титаниста отвисла челюсть. Он пялился на регистратор, не в силах поверить своим глазам.

— Мы же в четырех столетиях от Абсолютного Настоящего!

— Да. От нашего Абсолютного Настоящего.

— Оно единственное, — по инерции настаивал пилот. — Вы же сами вывели соответствующие уравнения... И на их основе открыли нам секрет временного двигателя...

— Ну что ж, иногда я тоже бываю не прав, — отпарировал Аскар сдержанно. — Чем, по-вашему, я занимался все три часа обратного полета — просто сидел как болван, ни о чем не думая? — Он фыркнул от возмущения. — Ничего подобного, я пересматривал эти самые уравнения, которые вы почитаете неприкосновенными. И мне пришло в голову, что я, возможно, знаю о времени отнюдь не так много, как хотелось бы, и что уравнения могут быть неверны. Я начал строить иные гипотезы. Что, если Абсолютное Настоящее вовсе не уникально, как мне представлялось ранее? Что, если существуют и другие волны времени, отделенные друг от друга миллионами и миллиардами лет — или только столетиями? А может быть, таких волн многое множество и они гуляют по Вселенной, завязывая ее волновую структуру в невообразимо сложные узлы? Так или иначе, я понял, что, если видоизменить уравнения с тем, чтобы они предусматривали еще и такие возможности, основной принцип вре-

менного двигателя остается незыблемым. Правда, с прежними теоретическими построениями придется расстаться. И как бы не пришлось расстаться заодно и с молениями по Великой Матери Земле...

Монолог не мешал Аскару искусно управлять времялетом. Он ловко делил свое внимание между контрольными приборами и плененными пассажирами. А правая его рука ни на мгновение не удалялась от оружия более чем на один-два дюйма.

— Что, если, — продолжал он вроде бы бессвязно, — одна из волн времени движется в направлении, прямо противоположном по сравнению с нашей волной? Не из прошлого в будущее, если по нашим меркам, а из будущего в прошлое? Конечно, в таком контексте самые понятия прошлого и будущего теряют смысл. При любом направлении движения то, что осталось позади, — прошлое, а то, что поджидает впереди, — будущее... Прибыли!..

На последнем слове он перешел на крик, на пронзительный воинственный вопль. Стрелка регистратора Абсолютного Настоящего пересекла нулевую отметку и замерла в волоске от нуля, по другую сторону черты. Аскар повернул верньер, возвращая иллюминаторам прозрачность.

— Выгляньте, — предложил он. — Нас не увидят, мы в застывшем времени...

Хешке медленно встал и приблизился к стеклу.

Это была Земля — и не Земля. Небо было синее, и на нем величественно висели белые облака. Солнце сияло по-прежнему, сохраняя привычный вид, форму и цвет. Но на том сходство и кончалось. Правда, вокруг росла трава, зеленая трава, но зелень была оливковой с перламутровым отливом, а другая растительность имела вид совершенно внеземной: причудливо изогнутые деревья словно корчились от боли и ничем не напоминали ни одну из известных Хешке пород.

Однако и деревьям, нанизанным на склоны травянистого холма, где Аскар посадил времялет, не суждено было завладеть вниманием на долгий срок. Мельком Хешке еще заметил неведомую летающую тварь, зависшую в воздухе,

как тот ворон, и тут же его взор приковала к себе немыслимая картина, раскрывающаяся под холмом.

Хатарские развалины. В том-то и дело, что не развалины, которые Хешке изучал годами, и не те, по которым он бродил в глубине столетий. Перед ним раскинулся населенный город в лучшую свою пору, целый и невредимый. Археолог впитывал в себя зрелище четко очерченных, блистающих конических башен и более крупных зданий во главе с Собором (назначение которого он так и не установил), тесных квартальчиков сотообразной жилой застройки, перевитых дорог и просторных площадей...

Все так или почти так, как он представлял себе в воображении десятки раз. Все чужое, враждебное, но живое. Шумное, суетливое обиталище людей-нелюдей.

Они заполняли Хатар. Пушистые, остромордые, они стояли в треугольных дверях, гуляли по улицам и площадям. Нет, не гуляли — застыли на полушаге, как на стереофотографии: времялет был неподвижен, но недвижимо было и время.

— Инопланетные захватчики! — прошептал титан-пилот. Оба они, пилот и Хешке, совершенно забыли про свой молчаливый сговор скрутить Аскара, как только выпадет удобный случай.

— Они самые. Только никакие они не захватчики, хотя в известном смысле и впрямь инопланетяне.

Титанист сжал кулаки.

— Значит, мы заблуждались. Враг атакует нас из будущего. Вот где они высадились, вот откуда пытаются завоевать Землю...

— Да нет же, нет! — произнес Аскар в удивительно терпеливой, нетипичной для себя манере. — Смотрите внимательно: я привожу времялет в движение с нормальной для нас биологической скоростью секунда за секунду.

Он подрегулировал что-то на панели, и сцена ожила. Облака поплыли по небу, деревья закачались, а существа, населяющие город, зашагали по своим делам.

— Они идут задом наперед, — глуповато заметил Хешке.

Так и было. Словно видеофильм запустили наоборот, от конца к началу.

— Это потому, что мы движемся во времени в направлении, нормальном для нас. Но не для них. Теперь смотрите, что случится, когда времялет пойдет с той же скоростью секунда за секунду, но в противоположную сторону.

Он коснулся приборов еще раз. И на глазах свершилось чудо, будто пленку в иллюминаторах перемотали и запустили нормальным образом: существа зашагали как положено, мордами вперед. Правда, походка у них была диковинная, враскачку, и вообще они держались не так прямо, как люди.

— Вот теперь мы наблюдаем их, — сказал Аскар, — в нормальном для них ходе времени, хотя по отношению к нам это обратный ход. Дошло до вас наконец? Эти существа не чужие на Земле. Они такие же земляне, как мы. Они развились на нашей планете, но за миллионы лет в будущем. Впрочем, точно так же можно сказать, что мы поселились в их будущем. Земле суждено было стать колыбелью двух независимых потоков эволюции, разделенных во времени и привязанных к разным волнам времени. К несчастью, волны движутся навстречу друг другу. И вскоре неизбежно столкнутся.

Шок, овладевший Хешке и титан-лейтенантом, как только они осознали смысл сказанного Аскаром, продолжался минут пять, если не дольше. Они просто оцепенели, не в силах вымолвить ни слова.

— Но Мать Земля!.. — заикаясь, вымолвил титанист.

Физик грубо расхохотался.

— Мать Земля, — повторил он, и в его устах это прозвучало ругательством.

Хешке обратился к Аскару, показав пальцем за иллюминатор:

— А мы не слишком выставились? Что, если нас заметят?

— Не заметят. Мы не синхронизированы с их настоящим, а движемся немного позади него.

— Волны столкнутся! — выдохнул титанист. — Непостижимо! Что же будет, Аскар?

Физик опять расхохотался, необузданно и беспощадно.

— Взгляните правде в лицо. Встречные волны сближаются и отстоят сегодня друг от друга всего на четыре столе-

тия. Две расы уже знают о взаимном противостоянии, и каждая из них вскоре начнет готовиться к тому, чтобы истребить другую. — Глаза у Аскара сверкали, он как бы всматривался в чудовищную перспективу, видимую ему одному. — И пусть волны времени еще разделены веками, на Земле разразится небывалая война на уничтожение. Каждая из цивилизаций будет видеть, что в жизненных ее центрах и вокруг них поднимаются сооружения, созданные противником, что они, как по волшебству, год от года становятся все новее. И каждая из сторон будет испытывать все больший страх. И каждая попытается овладеть ситуацией, используя одни и те же средства, но из разных точек времени. И все впустую. Что будет, когда волны времени действительно столкнутся? Сможет ли что-нибудь пережить подобное столкновение? Аннигиляция — вот что будет. Аннигиляция, а вслед за ней полная остановка времени...

Сделав усилие над собой, титан-лейтенант вырвался из-под гипноза речей Аскара, звучавших как заклинания, и выпрямился во весь рост.

— Нельзя терять ни секунды. Высшее командование должно быть поставлено в известность обо всем этом без промедления.

— Да, долг повелевает так, — произнес Аскар. Наступила нервная реакция, его била дрожь. Он выбрался из кресла пилота, оставив оружие на контрольной панели, и отер пот со лба дрожащей рукой. — Примите управление, лейтенант.

Титанист сел на свое привычное место и коснулся приборов, устанавливая начальную скорость. Самообладание вернулось к нему и когда он заговорил, то прежним тоном — тоном командира, не сомневающегося в своей правоте.

— Следует признать, что вы оказали человечеству большую услугу, гражданин Аскар. Тем не менее по возвращении в Абсолютное Настоящее вам будут предъявлены обвинения в неподчинении приказам и в убийстве титан-офицера.

— Да оставьте вы его в покое, ради Бога! — взмолился Хешке. — Разве вы не понимаете, что он помешался?

— Помешался... — прошептал Аскар. — Кто бы не помешался... Пять лет наедине с собой в этой мышеловке — кто

угодно сойдет с ума... Какое напряжение, какая ответственность... Знать, что на Земле нет больше никого, кто способен решить эту задачу, раскрыть человечеству тайну путешествий во времени... Я же не был уверен, что у меня получится. Враг опередил нас, и мы должны были догнать его, догнать во что бы то ни стало — или погибнуть... Впрочем, какая разница, ведь теперь мы погибнем все равно...

Неясный гул временного двигателя нарастал, и машина, набрав обороты, вспорхнула с оливкового склона и с нарастающей скоростью устремилась в прошлое. Хешке устроился поудобнее. Было приятно видеть, что времялет снова в руках долговязого лейтенанта, а Аскар, по-видимому, исчерпал свои силы и впал в апатию.

Без малого час они провели в молчании. Хешке даже задремал, но очнулся от резкого вскрика пилота, за которым последовал леденящий душу крен. Времялет заложил вираж и еще вираж...

Бросилось в глаза, что регистратор Абсолютного Настоящего вновь подмигивает. А тут пилот перевел иллюминаторы в режим прозрачности, и Хешке различил за стеклом цилиндрический контур вражеской машины времени. Аскар выкрикнул что-то бессвязное, и в тот же миг времялет содрогнулся от сильного удара и завалился в штопор.

Сильно закружилась голова. Когда Хешке пришел в себя, времялет стоял неподвижно, но покосившись набок, а в бортовой броне зияла огромная дыра. Временной двигатель позади кабины постанывал неровно, как раненый зверь. Только тут археолога наконец-то осенило: вражеская машина времени была вооружена!

— Проклятие! — проскулил Аскар. — Проклятие!..

Хешке кое-как поднялся на ноги. Титан-лейтенант уже был у дымящейся дыры и осторожно выглядывал наружу. Хешке присоединился к нему — как раз вовремя, чтобы заметить призрачный цилиндр, который полуматериализовался в воздухе, померцал секунду-другую и тут же вновь исчез. Он мгновенно отпрянул назад в кабину, но пилот уже успел выбраться и спуститься на почву. Тогда Хешке решился последовать его примеру — и замер, озираясь по сторонам.

Если смерть означает отсутствие жизни, то смерть подобных масштабов не могла бы привидеться и в самом страшном сне. Во все стороны, куда ни глянь, расстилалась смерть — серая безжизненная равнина, ровная как стол, если не считать нескольких холмиков к западу и бесформенных руин к северу. Нигде ни травинки, никого и ничего, что хоть бы чуть-чуть шевельнулось. И пыль, пыль, пыль — Хешке и представить себе не мог, чтобы где-нибудь существовали такие пространства пыли, разве что на поверхности Луны.

Вслед за ними из кабины выкарабкался Аскар. Выкарабкался и застыл, бледный как привидение.

— Двигателю конец, — воскликнул он сдавленно. — Эти мерзавцы знали точно, куда стрелять!.. — Он беспомощно осмотрелся вокруг. — Вы, Хешке, спрашивали меня о будущем. Вот оно, будущее, которого не достигли волны времени. И мы застряли здесь навсегда!..

«Именно этого ты и боялся», — подумал Хешке.

— Мы провалили задание, — заявил пилот похоронным голосом. — Наши товарищи теперь никогда не услышат нашего доклада...

— Идиот! — огрызнулся Аскар. — Какое это имеет значение, если всем и всему на Земле осталось жить не более двух столетий! И — гибель. Всеобщая, неотвратимая гибель...

«Одна кровь, одна судьба», — повторил про себя Хешке.

Одна кровь, одна судьба.

Они стояли у времялета, молча глядя на мертвую пустыню вокруг.

Глава 5

Далеко-далеко от Земли, а вернее, на полпути между Альтаиром и звездой Барнарда, на максимальном удалении от любых небесных тел во тьме пространства плыла МКО — Межзвездная космическая община, известная ее обитателям как Колба. Прозвище возникло закономерно, поскольку снаружи община действительно походила на сдвоенную колбу или на вытянутые, изящно очерченные

песочные часы. Можно считать, что это был Город-Колба или, если совсем точно, город в колбе. Со стороны космоса Колба была прозрачной и даже отсвечивала, как стекло. Внешний наблюдатель мог бы различить под стеклянной оболочкой не только контуры поселения, выстроенного в форме двойного веретена, но и смутный отблеск городских огней и мелькание транспортных устройств, снующих по улицам туда и сюда.

История общины насчитывала приблизительно пять тысячелетий, прошедших по большей части тихо и без потрясений. Управители общины предполагали, что в пространстве могут скрываться и другие поселения МКО, разбросанные в радиусе ста световых лет от Солнца: идея отречься от жизни на поверхности планет во имя искусственных городов в межзвездной пустоте была в свое время очень популярной. Но никто не знал наверняка, уцелели ли другие осколки исчезнувших земных цивилизаций, а прочесывать космос наудачу в поисках двоюродных братьев не возникало нужды.

В обиходе две половины МКО именовались «Нижняя Колба» и «Верхняя Колба»; при этом подчеркивалось не столько их положение относительно друг друга, сколько социальный статус. Официально они носили названия «Зона Труда» и «Зона Покоя». И никто, кроме новорожденных младенцев, не передвигался из нижней зоны в верхнюю и наоборот.

Или почти никто.

Ху Сюмень выключил свой станок и постоял минуту-другую в раздумье, озираясь вокруг: в просторном цехе помещалось множество станков, таких же, как его собственный, и всяких других. Мало-помалу появлялись рабочие новой смены. Кто-то еще медлил, развлекаясь дружеской болтовней, а кто-то уже развернул листы чертежей, запустил станки и с головой погрузился в работу.

Большинство товарищей Ху Сюменя по смене закончили все дела и ушли. Он собирался последовать их примеру, когда к нему обратился улыбчивый молодой человек не намного старше его самого:

— Привет, Сюмень! У меня на участке сегодня почти нечего делать. Может, ты не станешь возражать, если я помогу тебе и поработаю над твоим заданием?

Ху Сюмень задержался с ответом. Задание, выпавшее в последние дни на его долю, оказалось небезынтересным, и он намеревался вернуться к нему назавтра — а по правде сказать, просто-напросто оттягивал момент, когда надо будет перейти к завершающей фазе другого, личного проекта: ему казалось, что для этого он еще не накопил сил. Он перевел взгляд на полусобранный комплект изящно выточенных деталей — новый тип калибратора для какого-то невообразимого инструмента, заказанного умниками из Верхней Колбы.

— Ладно, что уж там, — произнес он, мирясь с судьбой. — Продолжай за меня, если хочешь. — Развернув чертежи, он принялся объяснять подробности, указал, на чем именно остановился, и добавил: — Не торопись. До срока поставки еще больше месяца...

Молодой человек кивал, а сам впивался глазами в чертежи.

— Терпеть не могу такого вялого ритма. Но с этими несрочными заказами всегда так...

Сюмень выбрался из цеха, в раздевалке сбросил спецовку, вымыл лицо и руки, сбрызнул тело освежающим раствором. Гормонально насыщенный туман садился на кожу, проникал в ноздри, улучшая самочувствие и обостряя мысли, унося утомление, естественное после многочасового сосредоточенного труда.

Из раздевалки он вышел помолодевшим, стройным, элегантным. По винтовой лестнице к лифтам он спускался длинными шагами, и в голове уже начали жужжать разные захватывающие идеи в развитие его тайных бунтарских замыслов. Но как только кабина устремилась вниз к жилым уровням, его заметил Ли Ким, давний приятель еще по подготовительным курсам, и стал подбивать на партию в пинг-понг. Не найдя подходящего предлога для отказа, Сюмень покинул кабину вместе с Кимом, и они направились к ближайшим залам развлечений.

Ким на ходу извлек из автомата две банки пива и вручил Сюменю одну из них. Они решительно прошли сквозь галерею игорных машин, миновали подъезды театров. Теперь из-за стен раздавались глухие удары мячей, там сражались в какие-то стремительные игры, скорее всего в крикетбол.

«Пинг-понг, — подумал Сюмень, — вот и все, что можно себе здесь позволить. Там, в Верхней Колбе, в пинг-понг не играют. Всемогущее время, какие игры там в ходу!..»

Однако даже пинг-понг, пусть его считают забавой для рабочих, в варианте, какой игрался в Колбе, был достаточно интересен. Они заняли стол, Сюмень взял ракетку. Стол был вогнут, как широкая плоская чаша, и разделен пополам тонким алюминиевым экраном. Ли Ким осушил свою банку, усмехнулся, подкинул мяч и закрутил подачу.

Несколько раз они перебросили мячик туда-сюда, следя за отскоком. Ким играл хорошо, как Сюменю не раз доводилось убедиться и прежде. Вогнутая поверхность, конечно же, требовала отличной реакции и острого глазомера — но это было не все.

Сюмень почти промазал, еле дотянувшись до мяча в последнюю долю секунды, и с силой послал его над левой частью экрана.

Едва достигнув разделительной линии, мяч исчез. Одновременно исчез и Ким. Но мгновением позже мяч пулей вернулся к Сюменю, а следом возник и противник, успевший занять позицию у центра стола.

Такое развитие игры как нельзя лучше указывало на главную специализацию Колбы — умение управлять временем. Стол делился на временные зоны, каждая из которых в каждый данный момент чуть сдвигалась по фазе по сравнению с соседней. И это требовало уже не просто молниеносной реакции — надо было стать почти ясновидцем, чтобы догадаться, откуда прилетит мяч и когда. Фазы можно было настроить на большую или меньшую разницу во времени или, еще таинственнее, перепутать их так, чтобы мяч, посланный, например, налево, сверхъестественным образом вернулся справа. Можно было добиться даже того, чтобы мяч вернулся раньше, чем его послали.

И ведь для жителей Нижней Колбы в таких технических выкрутасах не было ничего необычного. В конце концов, технология времени была делом их жизни.

Ким находился в прекрасной форме, исчезая и появляясь куда проворнее, чем Сюмень мог проследить или предвидеть. Возможно, удалось бы сопротивляться подольше, если бы Сюмень был в состоянии сосредоточиться на игре, да не получалось: в сознании то и дело вспыхивали иные мысли, мешавшие точности движений. Ким выиграл первую партию и, ухмыльнувшись, спросил:

— Еще одну?

Сюмень положил ракетку.

— Как-нибудь в другой раз. Не думаю, что сегодня мы можем играть на равных, я что-то не в настроении...

— Тогда в межвременные шахматы? Каждый ряд клеток под разным углом к настоящему?

Сюмень покачал головой. Межвременные шахматы требовали такой концентрации внимания, такой феноменальной памяти, что у него не осталось бы ни одного шанса из тысячи.

— Так, может, тебе хочется просто отдохнуть? Пойдем на шоу? Или к девочкам?

— Спасибо, Ким, меня ждут домашние дела. Ты уж как-нибудь обойдись без меня.

— Ладно. Не стану тебя отговаривать. Но уж и ты как-нибудь обойдись без меня...

Весело махнув на прощание рукой, Ким побежал, приплясывая, к яркому навесу, за которым расположился зал для прыжков на батуте.

Сюмень покинул зону развлечений и направился туда, куда и собирался, — домой.

«Ким меня не понял бы нипочем, — подумалось ему. — А если бы проведал о моих планах, пришел бы в ужас. Да, наверное, меня не понял бы вообще никто, просто не сумел бы понять — ни в нижней половине города, ни в верхней. Люди не в состоянии понять того, что выходит за рамки их личного опыта. Для всех, кроме меня, другая Колба там наверху — а если смотреть оттуда, то колба внизу, — понятие чисто абстрактное...»

Лифт летел вниз, сквозь бессчетные ярусы фабрик и мастерских, развлекательных заведений и жилых кварталов. В конце концов Сюмень вылез из кабины и лабиринтом узеньких улочек добрался до аккуратного домика, как бы слитого с дюжиной таких же домиков в одно беспорядочное строение и все же отдельного от них. Он приложил большой палец к замковому устройству и вошел.

Дед сидел за столом, посасывая шипучую минеральную воду. Говоря по правде, дед был не таким уж старым — еще одно доказательство достигнутого в Колбе господства над временем, — а точнее, всего на двадцать шесть лет старше внука. Сюмень поздоровался с ним довольно небрежно, достал себе еду, сел и принялся уплетать цыпленка с синтетическим рисом и побегами бамбука под соусом карри.

— Как сегодня работалось? Интересно было? — осведомился дед, задумчиво глядя на внука.

Сюмень рассеянно кивнул:

— Да ничего...

За целых десять лет он так и не перестал удивляться тому, что почти все разговоры в Нижней Колбе, в том числе и дома, в быту, вертятся вокруг работы. Социальная система действовала как ее и задумали: каждый живущий здесь, внизу, был поглощен производственными заботами, изготовлением новых предметов. Он тоже был поглощен — в конце концов, это было интересно на самом деле, — но для него эти заботы не исчерпывали всей жизни. Они не могли перекрыть более широкого взгляда на вещи, недоступного этим... слугам.

Смахнув остатки пищи в мусоросборник, он откинулся на спинку стула в глубоком раздумье. Дед включил стенной экран. Какой-то технарь объяснял, как сконструировать цепь растяжки времени — время и впрямь можно было растянуть, отделяя от бегущего «сейчас» малую часть с тем, чтобы она двигалась по кругу. Сюменю этот трюк уже был знаком, и он косился на экран, не вслушиваясь. За технической передачей пойдут мелодрамы, комедийные шоу и так далее, и так далее... В душе вскипела обида, и он сам не заметил, как сказал вслух:

— Посмотрел бы ты, что показывают в Верхней Колбе!..

Дед вздохнул чуть слышно и повернулся к внуку с насмешкой:

— Уж не намерен ли ты начать свои песни сначала?

— Но, дедуль, неужели тебе не хочется хотя бы взглянуть на жизнь наверху? — откликнулся Сюмень. — Уж можешь мне поверить, там все иначе. Они живут гораздо лучше нас, все там такое роскóшное... Тебе следовало бы взглянуть на это своими глазами.

Старший рассмеялся тихим снисходительным смехом.

— Твоему отцу, безусловно, есть за что держать ответ, — произнес он. — Ты говоришь, там живут лучше нашего. Нет, не думаю. — Он криво усмехнулся. — Никакой работы, никакого производительного труда. Такая жизнь кажется мне лишенной смысла. Мне больше нравится здесь.

«В том-то и штука, — подумал Сюмень. — Именно потому системе удается успешно поддерживать себя. Ни одна из частей разделенного города не завидует другой. Обитатели Зоны Покоя относятся к рабочим, которых никогда не видят, как к обезличенному бытовому удобству. А рабочие, в свою очередь, полагают, что те, кто купается в благах утонченной культуры, — просто праздные трутни, которые были бы много счастливее, если бы занялись чем-нибудь полезным...»

Потому-то все шло гладко до тех пор, пока те и другие не встречались друг с другом. Потому-то в случае Ху Сюменя система дала сбой.

— Ну брось, брось, — проворчал дед, — наша жизнь здесь совсем недурна, разве ты не согласен? Не тревожь себя тем, что осталось там, наверху. Пусть они там живут как живут. А по мне так и здесь все хорошо...

Социальная система Города-Колбы была, вероятно, единственной в своем роде. Ее создатели проявили хитрость и изобретательность. Обитатели Зоны Труда и Зоны Покоя были строжайшим образом разделены — и в то же время придерживались причудливой демократии, предусматривающей, чтобы с каждым поколением классы менялись местами. Всех без исключения младенцев через несколько часов после рождения отбирали у родителей и перемещали в

другую Колбу, где отдавали на воспитание родителям родителей, то есть бабушкам и дедушкам.

В основе такого установления лежал простой этический принцип: человек был обречен провести всю свою жизнь в Зоне Труда, зато испытывал удовлетворение от сознания, что его дети наслаждаются изысканной роскошью Зоны Покоя. И наоборот, житель Зоны Покоя был вынужден обречь своих детей на каждодневный труд и жесткую дисциплину Нижней Колбы, зато его вознаграждали тем, что взамен детей ему отдавали внуков.

И все шло воистину без сучка и задоринки. Насколько мог дознаться Сюмень, на протяжении веков почти никто не отступал от существующего порядка и уж вовсе никто не пытался его оспорить. Впрочем, Сюмень дорого дал бы за то, чтобы увериться в полной точности исторических записей: тогда, наверное, было бы легче избавиться от упреков в собственный адрес и от мучительных воспоминаний.

Потому что он сам оказался жертвой одного из немногих отступлений, а точнее, по его сведениям, единственного за последние годы.

Его отец Ху Шао занимал в Зоне Покоя очень высокий пост — Сюменю казалось даже, что отец был министром правительства. Но в его психологической подготовке допустили какой-то дефект: он, выросший в обществе, где все давным-давно приспособились к вековечным порядкам, он так и не сумел смириться с мыслью, что его новорожденного сына отправят в Нижнюю Колбу. И преступил закон, втайне удержав сына при себе и выдав его за внука, присланного снизу.

Невероятно, чтобы обман такого рода прошел незамеченным, и уж тем более — чтобы Сюменя не хватились там, где ему надлежало быть, — но каким-то образом Ху Шао ухитрялся скрывать свое преступление целых десять лет. И все же правда выплыла наружу. Закон есть закон, он не ведает исключений. До десяти лет Сюмень воспитывался в обстановке, быть может, самой утонченной из культур Галактики — и вот, невзирая на возраст, его безжалостно отправили вниз, в иную, куда более грубую среду, к людям, начисто ему незнакомым.

Первые несколько лет после этого он прожил как в кошмаре. Потом, конечно, в определенной степени приспособился, но затаил жгучую обиду на общество, разделенное пополам. А его отец, сын человека, сидящего сейчас за столом напротив, понес наказание. Наказание, продолжавшееся и по сей день.

Сюмень бросил еще один взгляд на деда и вдруг понял, что все эти годы был для того источником раздражения. Внук появился в семье слишком поздно и казался посланцем с того света.

«Да какое же у них было право поступить так! — подумал он. — Уж меня-то надо было оставить в том мире, к которому я привык...»

Он поднялся из-за стола и, отодвинув одну из ширм, разделявших убогое жилище, проскользнул в свою крохотную домашнюю мастерскую. Не теряя ни минуты, снял с изящной подставки модель Города-Колбы, изготовленную собственноручно, — два стеклянных веретена, соединенных металлическим пояском и посверкивающих изнутри путаницей металлических же деталей.

Он трудился над этой моделью почти два года. На самом деле это была не просто модель — форму он выбрал ради камуфляжа. Это был прибор, в который он вложил всего себя, всю свою сноровку, сообразительность и терпение. В чем, в чем, а в этом менеджерам Зоны Труда не откажешь — рабочим профессиям они умели учить хорошо.

Устройство, которое он создал, должно было помочь ему вернуться туда, откуда его насильно вырвали, — к отцу.

Несколько часов он провел, проверяя устройство снова и снова с помощью подручных инструментов. Услышал краем уха, как дед перебрался на спальный коврик, а вскоре до Сюменя донеслось легкое похрапывание. Он провел последнее испытание, проник в свою жилую каморку и переоделся в свободно ниспадающую тунику с высоким воротником. Засунул модель Города-Колбы в матерчатую сумку и вышел на улицу.

Через пять минут он был уже в скоростном лифте, направляющемся в доставочный конец Зоны Труда — к тому самому металлическому поясу, который все предметы и то-

вары преодолевали, прежде чем попасть по назначению, в другую половину города. За стенами лифта мелькали исполинские блистающие конструкции из стали, алюминия и титана, составные части непрерывного процесса производства, замкнутого в конечном счете на цех доставки. В любых других обстоятельствах многое здесь показалось бы замечательным, даже завораживающим, — но не сейчас, не сегодня.

Никто не обратил на Сюменя внимания, когда он покинул лифт и стал пересекать сортировочный двор, где большие цилиндрические тележки выстраивались рядами, чтобы их пропихнули через узкое металлическое горло в другую колбу. Обогнув главный распределительный узел, он поднялся по коридору, которым явно почти не пользовались, миновал череду дверей и в полутьме начал карабкаться по тесной винтовой лесенке, уходящей вверх и вверх, в бесконечность.

Чтобы отыскать этот маршрут, понадобилось изрядно покорпеть над планами и схемами, а потом провести не одну разведку на местности. Выяснилось, что подобных маршрутов несколько: пространство между колбами было напичкано проходами и лесенками для персонала. Человеку решительному следовало лишь запастись терпением и еще соответствующим снаряжением.

В конце концов он достиг верхушки лестницы и очутился на галереях, примыкающих к массивным спиралям, которые выстилали решетку между колбами изнутри. Малопомалу возникли странные ощущения, затем они охватили все тело, предупреждая о близости мощных полей переменного времени, разделяющих два общества. Что-то неприятно сдавило переносицу, зрение слегка расфокусировалось, а сердце протестующе прыгнуло и застыло.

Если бы он тайком забрался в какую-нибудь из грузовых тележек, чтобы проделать путь быстрее и комфортабельнее, крутые перепады временных фаз убили бы его, невзирая на любые меры предосторожности. А так, как действовал он, преодолевая строй безжалостных машин, словно игла дюжину петель подряд, у него сохранялся шанс выжить. Он достал из сумки поддельную модель города и коснулся впа-

янных в нее кнопок. Внутри вспыхнул рой тусклых огоньков — янтарных, зеленых и белых.

Он коснулся кнопок еще раз, настраивая прибор поточнее. Теперь модель приняла на себя контроль над его персональным «сейчас», защищая хозяина от безумства энергий, загнанных в гигантские спирали. Хотелось надеяться, что она смягчит удары окружающих временных полей и поможет пересечь запретный пояс без тяжких повреждений.

И Сюмень двинулся дальше. Двинулся как сквозь исполинскую пещеру, забитую механизмами до того, что они сливались в сплошную массу без стыков и щелей. И все же он находил щели, протискивался меж поверхностей и стоек, и только гул в ушах звучал минута за минутой громче и громче. Раз-другой он задерживался, чтобы вновь подправить свой прибор, и наступил момент, когда прибор бесстрастно подтвердил то, о чем Сюмень уже догадался сам.

Он преодолел временной барьер и синхронизировался с временем Зоны Покоя.

Теперь-то уж никаких серьезных препятствий не предвиделось. Он продолжал, как червяк, ползти меж машин, контролирующих время, и вскоре понял, что может выключить прибор совсем. Однако тут его поджидало затруднение. Ведь там, где он прожил последние десять лет, ни планов, ни схем Верхней Колбы не было и в помине. Теплилась надежда, что район приемки товаров окажется хоть в какой-то мере похож на район их отправления, и, значит, должна найтись лестница, ведущая вниз, наподобие той, по которой он взбирался наверх. Но где она, такая лестница?

Он искал ее, искал долго и нашел, но не лестницу, а небольшую платформу, которая и вынесла его за пределы пограничья, обозначенного разделительным металлическим поясом. Он был снова в Зоне Покоя.

Сверху был хорошо виден весь участок приемки товаров, поставляемых городу его добровольными рабами. Да, это был сортировочный двор, очень похожий на тот, который Сюмень недавно оставил, с одной существенной разницей: все операции здесь шли, похоже, под кибернетическим контролем. Тележки раскупоривались, и их содержи-

мое перегружалось в вагончики меньших размеров, которые разбегались по тысячам направлений.

Спрыгнув с платформы, Сюмень решительными шагами двинулся прочь. Опасаться было некого и нечего: никто не посмел бы остановить его и спросить, что он здесь делает. Беспокоить встречных вопросами в Зоне Покоя было не принято.

И уже в первые минуты он начал с волнением ощущать разницу между этой зоной и той, откуда вырвался так недавно. Самый воздух здесь казался иным. За долгие годы в роли рабочей скотинки он просто перестал замечать, что в Зоне Труда воздух непременно отдавал смазкой и какими-то другими бессчетными и безымянными машинными запахами. Здесь вместо этого чувствовался слабый привкус духов и еще чего-то приятного для обоняния.

Не раз и не два он воссоздавал в уме общую планировку Верхней Колбы. Заранее было решено, что он не станет тянуть, а сразу же приступит к осуществлению своей миссии.

Следующие полчаса пролетели как во сне. Сюмень шагал по тем самым пышным садам и широким площадям, образы которых сохранились на дне его памяти. Мимо шли люди, спокойные, безмятежные, не связанные никаким расписанием или графиком, шли по неспешным своим делам, чтобы предаться отвлеченным, цивилизованным поискам в искусстве и философии, в любой иной сфере утонченной культуры. Это была жизнь предельно изысканная, непостижимая для обитателей Зоны Труда, которые просто не получили должного воспитания, чтобы оценить ее. Но Сюмень-то получил такое воспитание, а затем был отлучен от этой среды. И по мере того как атмосфера Зоны Покоя завладевала его сознанием, годы, что прошли там, внизу, стали покрываться туманом...

Он взял себя в руки. Кто мог сказать, как долго ему удастся пробыть здесь? Надо успеть исполнить свою задачу, задачу величайшей важности.

Эта тихая часть Верхней Колбы использовалась по преимуществу как правительственный квартал. Но и тут никто не задержал Сюменя, и он беспрепятственно шел по коридорам, полным свежих ароматов и задрапированным тканя-

ми оранжевых и лимонных тонов, пока не достиг знакомых апартаментов и душа не всколыхнулась от боли. Здесь, именно здесь замуровали его отца.

Десять лет назад он стал свидетелем того, как Ху Шао начал свое заключение. Карательный совет прибег к ужасному наказанию, исходя из тяжести совершенного преступления. Сюменя нисколько не удивило, что вокруг не было ни души: люди должны инстинктивно избегать такого соседства.

Замок на двери оказался простеньким, хоть его и нельзя было открыть изнутри. Сюмень снял с пояса инструмент и, повозившись немного, проник в вестибюль со стеклянными стенами, сквозь которые просматривалась комната-камера. Это было обиталище, отчасти похожее на то, которое Сюмень делил со своим дедом, но все-таки побольше и много, много богаче. Казалось, что в комнате никого нет. Но на дальней стене вестибюля была контрольная панель, и Сюмень тщательно обследовал ее циферблаты, кодовые устройства и так далее. Вынул из сумки свой самодельный регулятор временных фаз, взмахнул им перед панелью, приглядываясь к огонькам под стеклом, и притронулся к двумтрем кнопкам.

Затем он взял микрофон и произнес, стараясь не выдать голосом никаких чувств — ни волнения, ни тревоги:

— Досточтимый отец, я знаю, что ты видишь меня, хоть я не вижу тебя. Я твой сын, Сюмень. Я вернулся, чтобы освободить тебя, если смогу.

Отложив микрофон, он вновь вернулся к настенной панели и прижал к ней металлическую пластинку, прикрепленную к одному из концов прибора-самоделки. Магнитные возмущения, вызванные пластинкой, должны были повлиять на контрольные цепи аппаратуры, укрытой в стене.

Сюмень никогда не согласился бы поверить, что отец заслуживает наказания, какому его подвергли. Карательный совет приговорил его к одиночному заключению в прошлом. Отца вывели из синхронизации — с момента приведения приговора в исполнение его личное «сейчас» отставало на минуты, а возможно, лишь на доли секунды от общего «сейчас» Зоны Покоя. Более полного одиночества нельзя было

себе и представить, и оно вряд ли смягчалось от того, что отец не обязан был постоянно находиться в четырех стенах — в какие-то дни и часы ему разрешалось прогуливаться на улице, хоть и в строго определенном районе. Но ведь личное время всех других людей шло впереди его времени: он видел их, а они не могли ни видеть, ни слышать его, ни ответить ему. Он стал привидением, обреченным бродить среди живых, которые его не замечали.

«Более жестокой ссылки, — подумал Сюмень, — не изобретали за всю историю...»

Огоньки внутри стеклянного сосуда мигнули и ускорили свой бег. Внезапно комната за перегородкой словно вздрогнула, искусственное отставание времени отключилось. В комнате стоял Ху Шао, он глядел на Сюменя изумленными глазами, но, как и сын, старался сохранять достоинство и выдержку.

Бывший министр был очень похож на своего отца, оставшегося в Зоне Труда — они ведь оказались примерно ровесниками, обоим было под пятьдесят, — но сходство отступало перед различиями в обычаях двух обществ. Ху Шао носил длинную негустую бороду и тщательно ухоженные усы с концами, свисающими по сторонам рта. Брови были частично выщипаны с тем, чтобы внешние их края загибались вверх, лицо сохраняло следы косметики. Седеющие волосы, бережно зачесанные назад, были отпущены куда длиннее, чем рекомендовалось внизу, — там предпочитали короткую стрижку.

Ху Шао следил, не шевелясь и не мигая, как Сюмень отпирает внутреннюю дверь. И только когда тот вступил в комнату, спросил:

— Сын мой, какую глупость ты затеял?

А Сюмень в ответ лишь уставился на отца, не в силах произнести ни слова, не в силах ничего объяснить. Невероятно, но в своих мечтах он никогда не заходил дальше этого трогательного момента: сын освобождает осужденного. Наверное, ему мерещилось, что отец с его признанным умом и находчивостью подскажет, что делать дальше.

Только теперь он понял наконец, что эти подсознательные надежды были по сути своей надеждами десятилетнего

мальчика, как бы застывшими в секунду, когда его оторвали от отца. Ребяческое обожание все эти годы сохранялось неизменным. И только теперь, когда он оказался с Ху Шао лицом к лицу, до него дошло, что отец так же беспомощен и растерян, как и он сам.

Глава 6

Тишина воцарилась среди собравшихся в комнате, затерянной в глубине заброшенного дома на безвестной боковой улочке. Собри Обломоут не поднимал глаз от стола, ему было слегка не по себе в лучах сочувствия, будто исходящих от всех остальных.

— Нам очень жаль, Обломоут, — заявил председатель. Получилось у него это довольно неуклюже. — Но по крайней мере твой брат погиб как герой. Ушел, хлопнув дверью. И прихватил с собой четырех титанистов.

— Не такое уж это самопожертвование, как кажется, — сказал Обломоут деревянным голосом. — Я бы тоже покончил с собой, лишь бы не попасть в лапы этих мерзавцев из Политдворца-Два.

Руководитель ячейки из Кансорна кивнул в знак согласия.

— Что-то легионеры в последнее время очень разошлись. Не стыжусь признаться, что просыпаюсь иной раз в холодном поту. И никогда не расстаюсь со своей эсгранатой.

— Присоединяюсь, — произнес сосед кансорнца по столу. Этот носил маску и говорил, используя модификатор голоса: он был настолько известен на планете и его сотрудничество с Лигой представлялось столь важным, что право на анонимность подразумевалось само собой. — Лига шатается под ударами Легионов, — продолжал он. — За последние месяцы арестованы почти триста бойцов. Наша сеть в другом полушарии практически уничтожена. Если репрессии будут продолжаться и дальше, я боюсь за судьбу всего нашего дела.

Участники собрания впали в такое уныние, что его, казалось, можно потрогать. Председатель пошаркал под столом ногами и заговорил громче и убедительнее:

— Оснований для тревоги меньше, чем думается многим из вас. Репрессии — признак нашей растущей силы, а отнюдь не слабости. Вспомните, какой кризис мы пережили двадцать лет назад. Был период, когда число членов Лиги общечеловеческих ценностей снизилось буквально до пятидесяти человек. — Он горестно улыбнулся. — Само ее название звучало тогда насмешкой. Так было в военную пору. Но теперь, после долгой мирной передышки, мы сумели расширить нашу деятельность и приумножить наше влияние. Странно было бы ожидать, что титанисты не откликнутся на наши успехи по-своему.

— Может, это и верно, — сказал руководитель кансорнской ячейки. — Но вся проблема в том, как нам ответить на их атаки. Все, буквально все зависит от того, переживем ли мы эту бурю.

Настала очередь председателя согласно кивнуть кансорнцу.

— И это возвращает нас, — сообщил он, — к главной теме предстоящего обсуждения. На предыдущем собрании было внесено предложение не принимать впредь в члены Лиги лиц смешанной крови. Авторы предложения, как вы помните, обосновывали его необходимостью защитить нашу репутацию, — председатель сделал вид, что эти слова ему крайне неприятны, — чтобы никто не мог объявить, как бывало, что мы организация калек и недочеловеков. Полагаю, вы все успели взвесить внесенное предложение?

— Я против, — раздался взволнованный голос. — Это идет вразрез с нашими идеалами. Словно мы тоже считаем другие подвиды человечества низшими. Нельзя позволить, чтобы нас втянули в расистские игры титанистов.

— А я — за, — заявил кансорнец, — прежде всего по тактическим соображениям, какие уже приводились.

— Сколько людей смешанной крови в нынешнем составе Лиги? — неожиданно спросил Собри Обломоут.

— Статистический отдел дает цифру двадцать процентов, — ответил председатель. — Существенный процент,

вполне достаточный для того, чтобы подкрепить направленную против нас пропаганду.

— Пропаганда — не главная наша печаль, — буркнул кансорнец. — Но титанисты начали кампанию против смешанной крови, и она набирает силу. Не успеем мы и глазом моргнуть, как эти полукровки и цветные укажут Легиону путь к самому сердцу Лиги. Выступая против них, титанисты выступают против нас...

— Однако эти люди видят в нас своих защитников, — вставил Собри. — Если мы их изгоним, то едва ли сможем рассчитывать на их лояльность. И окажемся уязвимы куда сильнее прежнего.

— Есть еще одна сторона медали, — снова вмешался тот, кто первым высказался против. — Мы что, будем вынуждены прервать все наши связи с резервациями?

Возникла напряженная пауза, затем председатель сказал:

— Вероятно, нам в любом случае придется снизить активность в резервациях. Контроль легионеров в резервациях стал таким плотным, что эти районы становятся слабым звеном во всей нашей сети. Немало наших агентов были перехвачены именно при попытках перейти границу. И даже несчастные, запертые в резервациях, стали относиться к нашим намерениям настороженно. Они потеряли всякую надежду на свободу, и теперь им хочется только одного — чтобы их оставили в покое...

При этих словах некоторые участники собрания откровенно возмутились. Самая мысль о том, что кто-то способен сдаться на милость титанистов, снедаемых ненавистью, их ученых приспешников и «экспертов по наилучшему использованию земель» (неизменно настаивающих, чтобы участков, «утраченных Человеком Истинным», стало меньше), была, по мнению горячих голов, смехотворной. Все обратили свои взоры к человеку в маске, чье суждение, несмотря на анонимность, считалось очень весомым.

— Предлагаемый шаг решителен, — объявил тот после раздумья. — Но выгоды, которые он обещает, пожалуй, слишком малы для того, чтобы оправдать измену нашим принципам. В конечном счете даже этот шаг не поможет нам опровергнуть миф о Черном сговоре.

«Ну разумеется, — подумал Собри, — Черный сговор...» Немыслимо подробный, фантастически утонченный план извести Человека Истинного, якобы разработанный сотни лет назад объединенными усилиями злых гениев всех низших подвидов, живших в ту эпоху. Лига общечеловеческих ценностей была стопроцентно убеждена, что ни подобного плана, ни документа, сколько-нибудь напоминающего подобный план, никогда не существовало. Но вокруг Черного сговора было сплетено немало сложных, получивших широкое хождение легенд, и Титановые Легионы поддерживали эти легенды и распространяли их. Говорилось, например, что сама Лига — часть одной из альтернативных схем сговора, которая вступила в силу после провала изначальных попыток уничтожить Человека Истинного физически, дабы заменить его ошибками природы, неудачными шутками Матери Земли — мутантами и уродами.

Это было такое нагромождение бессмыслиц, что Собри Обломоут подчас впадал в отчаяние: очевидно, Лиге вовек не добиться своей цели, цивилизацию от глупостей не излечишь.

Дискуссия шла кругами, и он стал вспоминать о брате. С тех пор, как ему сообщили печальную весть, он думал о Блэре поминутно. «Покончил с собой, — повторял он уныло. — Исчез в пламени взрыва, когда его арестовали. Это будет иметь прекрасный вид в каких-нибудь летописях после победы или в надписи на постаменте памятника в каком-то ином, лучшем мире. Но здесь, в грязи подполья, это выглядит просто-напросто жутко...»

Блэр стал активным членом Лиги совсем недавно, и Собри был теперь одержим комплексом вины: ведь это он, Собри, заманил брата на опасный путь. Сначала намеками, потом доводами и призывами к рассудку он убедил Блэра примкнуть к оппозиции. Не то чтобы Блэр очень сопротивлялся — и все равно брат был слишком ярый идеалист и слишком наивный простак, чтобы преуспеть на нелегальной работе. Теперь Собри осознал свою ошибку со всей ясностью. Не надо было впутывать Блэра в подобную заваруху. И вовсе не Блэру следовало бы взорваться вместе с эсгранатой.

На месте Блэра должен был оказаться он, Собри.

Председатель объявил дискуссию законченной и приступил к голосованию. Предложение было отклонено, хоть и незначительным большинством.

Обсудили тактические тонкости. Решили распустить несколько ячеек и разбросать их активистов по разным районам земного шара с тем, чтобы они вели себя там тихо и смирно до дальнейших распоряжений. Напоследок председатель поднял еще один короткий вопрос.

— Вопрос этот связан с твоим братом, Обломоут. Возможно, ты знаешь, что он работал вместе с известным археологом Рондом Хешке на инопланетных Хатарских развалинах. Похоже, что в ту ночь, когда погиб твой брат, Хешке тоже забрали.

— Я и не знал, что Хешке связан с Лигой, — нахмурился Собри.

— Нет, не связан. По нашим данным, он правоверный гражданин с сертификатом о расовой чистоте. Нам стало известно, что его переправили сюда, в Симбел, и посадили на борт межконтинентальной ракеты без опознавательных знаков. Мы не вполне уверены, но ракета, кажется, приземлилась в пустыне Сарн.

— Ну и что? — Собри уставился на председателя в недоумении.

— У титанистов там секретный исследовательский центр, — пояснил тот. — Стерегут его как зеницу ока, и мы так и не сумели установить, что там такое. Но если туда перебросили Ронда Хешке, это подтверждает предположение, что центр каким-то образом связан с инопланетными захватчиками.

— А это небезразлично и для нас, — произнес Собри сдержанно.

— Совершенно верно. Мы, как и все остальные, хотим понять, кто они, откуда явились и что собой представляли. Не исключено, что расовая нетерпимость на Земле началась с антагонизма между людьми и инопланетянами. Если так, то, по мнению психологов, надо преодолеть страх перед инопланетянами, и ненависть к другим подвидам иссякнет сама собой.

Собри кивнул. Рассуждение не было внове для членов Лиги. И не надо было призывать психологов, чтобы увидеть в нем логику.

— Я затронул эту тему потому, что нам нужно знать больше, а получить информацию по обычным каналам почти невозможно, — сказал председатель в заключение. — Передайте по сети запрос: слышал ли кто-нибудь о каких-либо поставках в пустыню Сарн? Если да, то что это за поставки? Ситуация выглядит, пожалуй, еще занятнее от того, что Ронда Хешке забрали из Хатара внезапно, устроив из этого целый спектакль...

Человек в маске глухо рассмеялся.

— Ничего это не значит. Титанисты обожают устраивать такие спектакли.

— Да, возможно...

Председатель запнулся на полуслове: дверь позади него открылась, и он выхватил пистолет. Но это оказался всегонавсего охранник.

— Разрешите доложить, председатель. В окрестностях появились титановые патрули. Мы решили поставить вас в известность.

— Спасибо. Теперь скройтесь и передайте уличным постам, чтобы сделали то же самое. — Дверь закрылась, и председатель распорядился: — Сматываем удочки, если хотим уцелеть. Есть тут кто-нибудь, кто не озаботился прикрытием?

Собри поднял руку. По профессии художник, он обычно мог путешествовать, не выставляя каких-то особых причин. Остальные, чтобы оправдать свое пребывание в Симбеле, должны были придумать убедительный предлог делового или личного характера. Большинство из них были зарегистрированы как участники предварительного этапа Всемирной конференции по экономической интеграции — именно в силу этого Симбел и назначили местом встречи.

— Тогда ты уходишь первым, — приказал председатель. — Если охранники еще здесь, попроси провести тебя мимо патрулей и покинь город немедленно. — Он обвел взглядом всех сидящих за столом. — О времени и месте следующей встречи вы будете оповещены.

Собри покинул комнату не прощаясь. Он знал, что другие должны последовать за ним с десятиминутными интервалами и что последним окажется человек в маске.

Охранников уже как ветром сдуло. Собри внимательно оглядел проулок и выскользнул из заброшенного дома. Он шел быстро, почти бежал, пока не добрался до тесного проходного двора, выводившего на большую улицу.

«Наверное, — подумал он мельком, — титанисты сообразили-таки, что всепланетные сборища дают подпольщикам отличную возможность для тайных встреч. Право, председатель мог бы придумать что-нибудь поостроумнее...»

Он заметил двух-трех легионеров в форме, но сразу сообразил, что в большинстве своем они переодеты в гражданское. Кто бы не обратил внимание на высоких, хорошо причесанных молодых людей, всматривающихся в лица прохожих с видом холодного превосходства. А может, им были известны чьи-то приметы и они искали кого-то конкретно.

Каждый раз, приближаясь к ним, он заставлял себя не спешить и не ежиться от страха. Его беспокоило, что связь с покойным братом — вещь очевидная. Но брат погиб уже почти месяц назад, а ночного стука в дверь все не было. Оставалось думать, что сам он неплохо заметал следы.

А тот след, которого было не замести, Блэр уничтожил по своей воле. Эс-гранатой.

Добравшись до огромного симбельского летного поля, он купил себе билет на ближайшую ракету в Саннан. До вылета оставалось еще больше часа. Нервы совсем разыгрались, пришлось выпить. Потом в голову пришло, что зал ожидания — не лучшее место для того, чтобы болтаться без дела. Он вышел на улицу, побродил минут десять по примыкающим к полю кварталам, пока не обнаружил общественную распивочную. Выпил еще пару рюмок, стало полегче.

«Да нечего мне бояться, — твердил он себе. — Председатель переосторожничал, и его можно понять. Лига общечеловеческих ценностей не продержалась бы больше столетия, если бы не научилась выживать при любой погоде...»

Еще несколько рюмок — и ракета с ревом взмыла вверх с Собри на борту. В течение двухчасового полета по дуге

почти за пределами атмосферы он старался заснуть, но голова раскалывалась от боли — оставались мысли о брате, и только о брате.

Наступил ранний осенний вечер, когда ракета спланировала и села в его родном Саннане. Саннан был красивый город, войны с мутантами его не затронули. К небу поднимались громады жилых кварталов, сияя мягкими красками в косых лучах заходящего солнца. С ними спорили величественные купола и шпили соборов — некогда Саннан был известен как средоточие старых религий. Ныне религии не поощрялись и практически исчезли, а соборы использовались для пышных церемоний титанистов и для обрядов во славу Матери Земли.

Как только он вышел с ракетодрома, голова в свежем вечернем воздухе слегка прояснилась. Домой он добрался подземкой и открыл дверь своей квартиры с чувством вновь обретенного убежища. Здесь его ждала Лайелла — женщина, с которой он жил.

Бывали дни, когда все надоедало, надоедала и идея, которой он служил, и одолевало искушение уступить каждодневному нажиму со стороны общества и сказать себе: к черту, буду жить как все, в комфорте и покое. Какая разница, что там происходит с другими? Ведь все вокруг живут именно так и не иначе. Титанисты, в конце концов, стараются ради нашего блага, ради живых людей. С кем-то что-то случается, конечно, но каждому не поможешь...

Но довольно было посмотреть на Лайеллу, чтобы воля к борьбе вспыхнула с новой силой. Она была причиной, главной причиной, по которой он никогда, ни при каких условиях не прекратит борьбы. Потому что в жилах Лайеллы текла смешанная кровь.

В расовом смысле нечистая. С примесью крови амхраков.

Примесь была незначительной — женщина и сама не ведала, откуда она взялась, от бабушек или от прабабушек, а может быть, случайно всплыл какой-нибудь рецессивный ген, но, поскольку Лайелла умело пользовалась косметикой, средние граждане ничего не подозревали. Однако Собри не был средним гражданином, с Лайеллой его связывали дол-

гие любовные отношения, он знал наперечет все ее отличия и не уставал восхищаться экзотической красотой, какую они ей придавали. От амхраков у нее была маленькая округлая головка — хотя и не чрезмерно маленькая — и большие ласковые глаза, которые она ухитрялась уменьшать с помощью теней. Самой опасной чертой ее внешности были уши, и она прятала их под волосами — под копной мягких, ухоженных апельсиновых волос. Кожа у нее была, пожалуй, тоже неправильного цвета, слегка отливая красноватой бронзой, как у амхраков, — но тут можно было прибегнуть к пудре и красителям.

Ну а мелкие неточности в сложении и пропорциях тела Лайелла скрывала, умело выбирая платья.

До тех пор, пока жизнь текла тихо и беспечально, она была в безопасности. Разумеется, они не могли пожениться, поскольку для регистрации брака обе стороны обязаны были представить сертификаты о расовой чистоте. А во всем остальном ни один обычный человек не отличил бы ее от Истинной Женщины.

Увы, Собри знал — да что там, они оба знали, — что Лайелле никогда не пройти антропологический осмотр у особо уполномоченных Легионами расовых экспертов. Эксперты набросились бы на нее с миллиметровыми лентами и циркулями, измерили бы ей нос и череп плюс сто одну косточку во всем теле. Протерли бы ей кожу растворителями, чтобы снять даже самый малый след краски, а потом определили бы натуральный оттенок по колориметрической шкале. Срезали бы несколько волос, чтобы испытать их на замаскированную курчавость. Раздели бы ее донага и пригляделись бы, как она ходит и как сидит, а если бы захотели по́лучить исчерпывающие данные, сняли бы отпечаток сетчатки глаза и провели хромосомный анализ.

Но куда вероятнее, подумалось ему, ничего этого вообще не понадобится. Чтобы распознать в Лайелле нечистую кровь, не придется прибегать к сложным измерениям. Ему рассказывали, что в числе расовых экспертов были подлинные виртуозы, способные, по собственному их хвастливому заверению, «распознать кровь с первого взгляда». Им довольно будет просто посмотреть на Лайеллу или заставить

ее пройтись по комнате, а то выставить на середину обыкновенный стул и посадить ее, обращая внимание на положение ее ягодиц. И все, у них не останется сомнений. Ее уведут и сделают ей безболезненный укол или — это, наверное, еще хуже — отошлют в резервацию к амхракам.

Он бросился на кушетку, изнемогая после длинного дня, и выждал, чтобы она принесла успокоительную чашку супа. И только потом сообщил ей о смерти Блэра.

Надо отдать ей должное, ее сочувствие не раздражало, как соболезнования партнеров по Лиге. Она изучила его привычки, инстинктивно угадывала его настроения. Она просто села рядом и безмолвно положила руку ему на колено.

Он быстро выпил суп и, печально вздохнув, откинулся к стене.

— Лайелла, — выговорил он не без труда, — нам надо расстаться.

Ее глаза расширились в неподдельной тревоге.

— Это еще почему?

— Совместная жизнь становится слишком опасной.

Он тщетно искал подходящие, понятные ей слова. В известном смысле она была поразительно безразлична к риску, подстерегающему ее на каждом шагу чуть не с самого рождения. «Ну просто как Блэр», — подумал он вдруг, сам удивившись такому сравнению.

Ведь что касается Лайеллы, он упорно отказывал ей в праве лично присоединиться к Лиге, хотя из разговоров с глазу на глаз она была хорошо осведомлена об его участии в организации. Он не мог утаить от подруги эту важную сторону своей жизни — но отдавал себе все более полный отчет, что сам становится едва ли не главной угрозой ее благополучию. Если его заберут, у нее не будет ни малейшего шанса спастись.

— Не хочу, чтоб по моей милости погиб еще кто-то, — заявил он круто.

— Еще кто-то? Как прикажешь тебя понять?

— Ты что, никак не сообразишь, почему Блэр покончил с собой?

Он смотрел на нее снизу вверх и старался изо всех сил, чтобы его душевные муки не заставили голос дрогнуть.

— Ты бы на его месте сделал то же самое, — сказала она, пытаясь его утешить. — Это было необходимо.

— Да нет, ты не о том. — Он сжал кулаки. — Блэр по природе своей не самоубийца... не был самоубийцей. Он бы упирался до последних сил. Он был оптимистом. И уж нипочем не стал бы убивать себя с места в карьер — а ведь случилось именно так. Он рванул гранату сразу же, как его забрали, прежде чем выяснил, много ли им известно. И поступил он так ради меня. Чтобы ни при каких обстоятельствах меня не выдать. Ему же больше и выдавать было некого. У него просто не было прямых связей ни с кем другим... — Собри замолк, молчала и Лайелла, и тогда он закончил с тяжелым вздохом: — Теперь ты видишь, почему нам надо расстаться. Мы и без того слишком долго шли на риск. Не хочу оказаться виновником еще и твоей гибели, не хочу!..

— Но ты брат Блэра, это общеизвестно, — подчеркнула она. — Если бы они подозревали тебя в чем-нибудь, то пожаловали бы сюда давным-давно.

— Откуда нам знать, не следят ли за нами? — возразил он. — Обломоуты — большая семья, к тому же рассеянная по всей планете. Да, они могут не заподозрить, что между Блэром и мной была прямая связь. Но это ничего не меняет. Рано или поздно они доберутся до меня лично. Вот почему ты должна уйти.

— Нет, — ответила она твердо, взяв его за руку. — Ты мой муж, или назови это как тебе нравится. Я остаюсь с тобой и разделю все, что тебе уготовано.

Он резко встал и, пройдясь по комнате, выглянул за окно. Надвигались сумерки, там и сям вспыхивали городские огни, то гроздьями, то целыми созвездиями.

— Как все запуталось! — произнес он, вновь ощущая, как на плечи наваливается усталость. — Чертовы титанисты, зачем им такая тирания? Во всем мире не осталось уголка, куда можно скрыться, где можно дышать свободно...

— А может, это и не их вина, — сказала Лайелла довольно мягко и искренно. — Может, это затеял вовсе не Человек Истинный, как они теперь вас называют. Вероятно, это были лорины.

— Нет, не лорины, — возбужденно воскликнул Собри. — Началось еще раньше. Это инопланетяне — именно после их вторжения все обезумели. Не будь инопланетян, все человеческие расы, наверное, жили бы в мире и согласии. Ведь до вторжения они жили, по-видимому, именно так...

Она подошла к нему со спины, обвив его руками. Он ощутил ее пышную грудь, а она склонила голову ему на плечо. С того места, где они стояли, он мог заглянуть сквозь открытую дверь в свою маленькую мастерскую, заполненную холстами и пластмассовыми скульптурами. Многие из них изображали Лайеллу. С горечью подумалось, что он даже не пробовал рисовать ее так, как хотелось бы, из страха, что кто-нибудь когда-нибудь увидит эти рисунки. Не рисовал ее без маскировочной косметики и тем более не рисовал обнаженной — соотношение торса и бедер выдало бы ее с головой. Подумалось и о детях, которых они не позволяли себе завести, поскольку не знали, что это будут за дети и что с ними станет.

Все казалось безнадежным. Какие бы цели ни провозглашала Лига общечеловеческих ценностей, их не удастся достичь на протяжении его жизни. Может, эти цели и представлялись значимыми при обсуждении внутри Лиги, но объективно они оставались мелкими и банальными. Вспомнилось, что председатель повторял много раз: Лига работает на идеалы, которых не достичь раньше, чем через века. Вспомнилось его настойчивое требование заглядывать далеко, далеко в будущее.

— Слушай, — сказала Лайелла, — расставания я не вынесу. Для меня это был бы слишком жестокий удар. Оставь Лигу, если хочешь, если считаешь, что такого напряжения тебе больше не вынести. Давай уедем куда-нибудь, где никто не догадается, откуда мы взялись. Нет, я не упрашиваю тебя уехать. Но только не выгоняй меня...

— Ладно, — ответил Собри. — Оставайся, если стоишь на своем. Если считаешь себя способной выдержать то, что может ждать нас завтра. Но из Лиги я выходить не стану. Интересы Лиги превыше всего.

* * *

А вдали от Саннана, в величественном замке неподалеку от Прадны, в это время проходило другое собрание, по стилю даже отдаленно не напоминающее тайные сборища Лиги общечеловеческих ценностей.

В чем Титановые Легионы продвинулись очень далеко, так это в пышности своих ритуалов. На каждом кресле с высокой спинкой была табличка из титана, окаймленного золотом, а на каждой табличке выгравировано определенное имя. Стол, вокруг которого расположились стулья, был из красного дерева с платиновыми инкрустациями, а по стенам висели гобелены на вдохновляющие темы: Мать Земля со своим стройным, неподкупным сыном и сцены славного прошлого — поворотные пункты исторических битв.

Совет титан-генералов собирался раз в год в обязательном порядке, а также всякий раз, когда это было угодно планетарному лидеру Лимниху. Когда он вошел, члены совета сидели на своих местах, закрыв глаза, глубоко погруженные в самоусовершенствование, которое вменялось им в обязанность, особенно в дни пребывания в замке. Планетарный лидер Лимних лично настаивал на том, чтобы его генералы практиковали подобные упражнения, незаменимые, как он считал, для укрепления силы воли. Упражнения, унаследованные с древнейших времен, но доступные только привилегированным — Людям Истинным, доказавшим свою одухотворенность.

— Внимание!..

Слово прозвучало тихо, но отчетливо — Лимних произнес его в ту же секунду, как огромные дубовые двери с еле слышным чавканьем сомкнулись у него за спиной. По стандартам титанистов он был ниже среднего роста, бледнолицый, с запавшим, унылым подбородком, но с пышными щеками и поразительно холодными глазами за круглыми очками, которые он безоговорочно предпочитал модным контактным линзам.

Генералы, вырванные из медитации, живо разомкнули веки и замерли по стойке «смирно», пока планетарный лидер не уселся во главе стола. Затем они в свою очередь чопорно расселись по креслам.

— Добрый вечер, господа, — приветствовал их Лимних довольно сухо и обыденно. — Вы, должно быть, недоумеваете, зачем я созвал вас на совет, когда осталось совсем немного до очередной ежегодной встречи. Как можно догадаться, меня вынудили к этому события чрезвычайной важности. Однако вначале я желаю выслушать ваши сообщения.

Один за другим генералы выступили с краткими докладами. Доклады были более чем конспективными — каждый член совета отвечал за обширную сферу деятельности, полные их доклады представляли собой объемистые документы, с которыми могли управиться разве что компьютеры. Но Лимних никогда не отказывал себе в удовольствии придерживаться традиций. И наклонил голову в знак внимания, когда речь зашла о репрессиях против Лиги общечеловеческих ценностей и о вылавливании расово нечистых особей, ведь до сих пор, через много лет после окончания войн с мутантами, известное их число правдами и неправдами выдавало себя за нормальных граждан.

— Работа велика и трудоемка, господа, — заметил планетарный лидер, — но она должна быть доведена до конца. И вести ее следует с неослабной энергией. Судьба Земли зависит от стопроцентной чистоты нашего расового наследия... Ну а теперь перехожу к главной теме моего сегодняшнего выступления.

Голос его упал до драматического шепота под стать полутемной комнате, все освещение которой составляли затененные электрофакелы. Именно к такому шепоту он прибегал во время своих очень редких выступлений по видеосети: планетарный лидер Лимних был, вне сомнения, самым могущественным человеком Земли, но это было могущество в тени трона, а не на троне как таковом. Официально его титул давал ему право лишь на командование Титановыми Легионами. Верховная власть вроде бы принадлежала гражданскому лицу, всемирному расовому президенту, которому Легионы принесли клятву на верность. Однако в действительности Лимних вершил почти все практические дела, принимал все важнейшие решения, хотя по большей части после консультаций с президентом.

— Все вы знаете о работах на полигоне в пустыне Сарн и о сделанных там открытиях, — сказал Лимних, возложив руки на стол и вперив взгляд в полированную поверхность красного дерева. — Вы также получили секретный меморандум о таинственном исчезновении нашей первой действующей машины времени вместе с ведущим физиком Лэрдом Аскаром и археологом Рондом Хешке.

Утрата Аскара — существенный удар по нашим усилиям, поскольку именно его гений во многом способствовал развитию теоретических представлений о времени. Но, к счастью, это развитие достигло такой стадии, когда мы не зависим более от одного человека. Мы оказались в состоянии быстро привести в действие машины «Предел-Два» и «Предел-Три» и отправить их на поиски невернувшейся экспедиции. Было установлено, что экспедиция добралась до места своего назначения. Затем были предприняты тщательные поиски по всему маршруту, намеченному в полетном задании, а также вблизи маршрута и на альтернативных направлениях, которые могли быть использованы в чрезвычайных обстоятельствах. Никаких следов машины времени не обнаружено.

Лимних выждал паузу и посмотрел на собравшихся сквозь очки сердито, почти угрожающе, как разъяренный гоблин, и закончил:

— Мы пришли к выводу, что машина перехвачена инопланетными захватчиками, а экипаж похищен...

Волна ужаса почти зримо прокатилась вокруг стола, генералы окаменели. Такие происшествия происходят в кошмарах — в детстве, да и позже, каждому мерещились диковинные чудовища, которые волокут свои жертвы в бездну. А можно ли вообразить себе бездну более бездонную, более неизведанную, чем бездна времени?

— Принимая во внимание, что похищенных могут вынудить раскрыть местонахождение Сарнского полигона, я немедля отдал приказ рассредоточить его функции по разным районам земного шара и любой ценой расширить наш времялетный потенциал. Путем целенаправленной мобилизации ресурсов стало возможным собрать без малого двадцать аппаратов и в течение считанных недель начать сис-

тематическое изучение нашего ближайшего окружения во времени.

В одном из первых полетов наша машина времени была обстреляна и уничтожена противником. Однако я еще ранее распорядился, чтобы времялеты отправлялись в путь эскадрильями по три и более. Ведомые погибшей машины бросились в погоню за нападавшими, и те отступили в будущее, где и сумели скрыться от нас. Позднее были выявлены и другие признаки инопланетного присутствия, создавшие в итоге крайне угрожающую ситуацию. По-видимому, инопланетяне в высшей степени активно передвигаются во времени, не только в прошлом и настоящем, но и в будущем.

— Простите, лидер, вы сказали — в будущем? Но как это может быть?

Дородный титан-советник, генерал на седьмом десятке, озадаченно повернулся к Лимниху. Как и многие командиры Легионов, он родился и вырос в эпоху войн с мутантами. Жизнь его была целиком соткана из завоевательных походов и прямого насилия, и он с трудом усваивал новые абстрактные концепции. Лимних и сам сознавал, не мог не сознавать ограниченность своих генералов в контексте современного мира. Кое-кого из этих старых служак, внушал он себе, придется отправить на покой, заменив их людьми более подготовленными и молодыми. Такими, кто в состоянии воспринимать теорию, а не только схватиться с врагом в рукопашной.

— Мы располагаем все более убедительными данными, что враг основал крупную базу в будущем, — ответил он, — в нескольких столетиях от наших дней. Очевидно, враг полагает, что таким образом можно уйти от возмездия — но этим расчетам не сбыться!.. — Внезапно бледные рыбьи черты исказились гримасой ярости, и Лимних хлопнул кулаком по столу. — Господа, я намерен внушить вам простую истину, что события обязывают нас вновь ступить на тропу войны. Второе сражение с инопланетными захватчиками, к которому мы готовились долгие годы, теперь неизбежно...

Возможно, совет и мучился недопониманием происходящего, но с этими словами лидера сомнениям пришел ко-

нец, участников захлестнуло общее возбуждение. Вот наконец то, что они понимали, в чем видели честь и славу.

Война!..

— Незамедлительно приступайте, каждый в своем секторе, к переводу промышленности на военные рельсы, — продолжал Лимних уже более хладнокровно. — Как только мы подготовим технический персонал, овладевший новой наукой управления временем, вы начнете получать соответствующие чертежи. Мною уже предприняты необходимые шаги, чтобы путешествия во времени стали возможны в самых широких масштабах. Все это приведет к тому, что в составе Титановых Легионов появятся новые батальоны, снаряженные и обученные вести войну в веках. — Выдержав новую паузу, он впал в лозунговый язык, которому, если уж выпадал случай, просто не мог противостоять. — Мать Земля в очередной раз зовет верных своих сыновей защитить ее от посягательств! Мы должны подтянуться и, собрав все свои силы, нанести удар прежде, чем противник разовьет превосходство и начнет атаку, к которой готовится. У нас нет ни минуты на передышку — мы вступаем в новую эру ожесточенной борьбы...

Лимних встал и подождал с достоинством, пока все не поднимутся в ответ и не вскинут руки, сжав кулаки в титан-салюте. Затем, не проронив больше ни слова, повернулся и спокойно вышел из зала.

Глава 7

Вплоть до начала второго дня неизбежность смерти оставалась для Хешке абстракцией, недоступной восприятию. Мысли упрямо двигались по привычным дорожкам, словно бы ему предстояло жить и жить как ни в чем не бывало.

Но на второй день кончилась вода. Титан-инженер лейтенант Ганн выступил с предложением отправиться на поиски источника или реки, однако Лэрд Аскар высмеял его идею.

— Что это даст? — заявил физик с усмешкой. — Может, мы даже найдем воду, но уж чего не найдем здесь наверняка, так это еды. Мы на мертвой планете.. — Он погладил свой пистолет. — Я скажу вам, как поступлю я лично. Когда жажда сделается непереносимой, я использую эту штуку...

И тем не менее, хоть Аскар беспрестанно облизывал пересохшие губы и заунывно, хриплым голосом жаловался на жажду, себя он все же не убил. Хешке, кажется, знал почему: могучий мозг этого человека продолжал работу, полный решимости перед смертью вырвать у природы как можно больше ключей к загадке времени.

Выкопав неглубокую могилу и похоронив мертвого титаниста, они сидели в тени искалеченного времялета и вели бессвязный разговор. Поначалу лейтенант Ганн продолжал сетовать на провал экспедиции, но Аскар успокоил его:

— Не пройдет и нескольких недель, как исследования возобновятся. Правда так или иначе выплывет на свет. На полигоне, может, и полно тупиц, но они не остановятся и проникнут в будущее... чтобы вовремя подготовиться к катастрофе.

Сухая, бесстрастная манера, в какой физик пророчил всеобщую гибель, приводила Хешке в содрогание.

— А если говорить о нас троих, каковы наши шансы на спасение? — осведомился он.

— Никаких. Не питайте на этот счет иллюзий. Чтобы найти нас, им пришлось бы обшарить целую планету и кучу столетий. Это попросту невозможно.

— Но чужая цивилизация будет обнаружена?

— Да, конечно. Не так быстро, как обнаружили ее мы — повторить логику моих рассуждений им не придет в голову, — но рано или поздно ее обнаружат.

— Их же могут сбить так же, как и нас.

— Вероятно, два-три первых аппарата собьют. Потом они разберутся что к чему и вышлют вооруженные времялеты. Ну и так далее...

В беседу вмешался лейтенант Ганн.

— Наше открытие настолько ужасно, — произнес он глухо, — что вдуматься в него и то не получается. Лобовое столкновение, про которое вы толкуете, — это же немысли-

мо! Вы безусловно уверены, Аскар, что столкновение неизбежно?

— Я все-таки не понимаю, — признался Хешке. — Они что, цивилизация путешественников во времени? Неужто они нашли способ перемещать во времени все общество целиком?

Аскар покачал головой:

— Все гораздо хуже. Это целая биосфера, биологический мир, совершенно не связанный с нашим. Думаю, что это естественное явление, а не искусственное. Ясно, что наше настоящее, наш поток времени — не единственные на Земле. Их два, по меньшей мере два, летящих в четырехмерном пространстве навстречу друг другу. Когда потоки столкнутся, это будет как если бы Господь Бог хлопнул в ладоши. А меж его ладоней окажется все живое...

— В вашей интерпретации это звучит как конец Вселенной!

Физик пожал плечами, затем ответил со вздохом:

— Может, и нет. Может, всего-навсего конец времени. Не знаю. Пока не знаю...

— И еще одна мысль беспокоит меня, — продолжал Хешке после паузы. — Предполагается, что другую цивилизацию сегодня отделяют от нас лишь четыре столетия. А по состоянию их построек, например, Хатарских развалин, я могу определенно утверждать, что постройки покинуты более четырех веков назад. Подобные вещи трудно точно датировать, но самая вероятная оценка их возраста, по-моему, — лет восемьсот, если не тысяча. Какая-то аномалия...

Несмотря на муки жажды, Аскар не сдержал жутковатой усмешки, исказившей черты его лица.

— Собственно, это и стало одним из толчков, повернувших мои мысли в нужном направлении. Распад и разрушение материальной культуры происходят двумя путями. Разрушение может происходить по мере движения Абсолютного Настоящего — нормальная энтропия. Но есть и распад иного рода, наступающий за пределами бегущей волны времени, — распад вне времени. Такой распад начинается сразу, как только исчезают созидательные силы текущего момента, и на первых порах проявляется много быстрее, чем в

настоящем. Вот почему, когда вы стартуете в будущее, вещи рассыпаются буквально на глазах. А все живые формы, к примеру, исчезают вообще. — Слушатели еще не сумели переварить слова Аскара, а он уже добавил самым обычным тоном: — Разумеется, с приближением волны времени вещи воссоздаются будто по волшебству. В том самом виде, как им положено...

Хешке уже обдумал следующий вопрос, но, прежде чем успел задать его, сверху, к общему удивлению, послышался воющий звук. Они подняли глаза к небу. То, что они увидели, заставило их непроизвольно вскрикнуть и отпрянуть под защиту времялета. Прямо из небесной голубизны к ним быстро спускалось нечто металлическое. Они схватились за оружие. Хешке чуть не бросился бежать, хоть и понимал, что некуда, — а небесный гость удивительно ловко затормозил и произвел посадку в каких-нибудь трехстах — четырехстах ярдах.

— Кажется, проклятые чужаки решили вернуться за нами, — прошипел Аскар сквозь зубы.

Титанист осторожно коснулся руки археолога.

— Они не должны взять нас живыми, — произнес он без выражения. — Долг повелевает нам умереть от собственной руки...

— Конечно, конечно, — пробормотал Хешке.

И все же каждый оттягивал роковой момент. Хешке вертел оружие в руках, не в силах набраться храбрости и послать пулю себе в голову. Аскар буркнул что-то сердитое и, не сводя глаз с корабля чужаков, выступил на шаг вперед и приподнял свой пистолет. Безрассудная храбрость этого человека вызвала у Хешке невольное восхищение.

«Он, по-видимому, — решил археолог, — хочет прихватить с собой в небытие парочку-другую врагов. Мне, наверное, следует поступить так же...»

Странное дело — аппарат, опустившийся в пустыне, совершенно не походил ни на одну из машин времени, какие он видел. Скорее эта штука отдаленно напоминала космический челнок. Она имела овальную форму и стояла на выдвижных опорах. В точности как конструктор-человек пре-

дусмотрел бы для аппарата, приземляющегося из межпланетного пространства.

Недоумение усилилось еще более, когда открылся люк и на землю спустились фигуры, неотличимые от людей. Пистолет Аскара обвис у него в руке. А лейтенант Ганн выдвинулся вперед и вперился в эти фигуры острым, подозрительным взглядом.

— Будь я проклят! — вырвалось у Аскара.

Хешке рассмеялся неуверенным смешком:

— А вы говорили, что нас никогда не спасут...

— Заткнитесь! — перебил Аскар раздраженно.

И Хешке замолчал. Люди, шествовавшие к поверженному времялету, не носили ни мундиров Легиона, ни его эмблем. Коль на то пошло, на них не было и знакомых боевых костюмов.

Их было трое. «Столько же, сколько и нас, — сказал себе Хешке с облегчением. — Уже одно это доказывает, что они не враги...» Их одежда на вид казалась неправдоподобно легкой и цельнокроеной, без каких бы то ни было нашивок или кокард. Головы были защищены простыми шлемами в форме чаш, дополненных тонюсенькими антеннами. Подойдя поближе, незнакомцы вытянули руки, повернув их ладонями вверх, улыбнулись и заговорили на странном певучем языке.

Хешке спрятал оружие: дружелюбные их намерения были очевидны. Но тут он сумел различить под шлемами их лица — кожа выглядела желтоватой, нет, буквально желтой, скулы были неестественно высокими, носы какими-то приплюснутыми, а глаза — раскосыми... Хешке помимо воли ощутил сильный приступ тошноты. Лейтенант Ганн вздрогнул, с шумом втянул в себя воздух и выкрикнул:

— Мутанты!..

Аскар попятился, пистолет у него в руке неуверенно задрожал.

— Кто эти животные? Откуда, к черту, они взялись? Что они здесь делают?.. — спрашивал он, дико озираясь, не владея собой.

Сомнений не оставалось. Незнакомцы не принадлежали к породе Человека Истинного. Правда, их физические

отличия не были столь разительными, как у подвидов, с которыми велись недавние войны, но любой, кто овладел хотя бы азами расовой науки, мог определить безошибочно, что эти отличия не укладывались в рамки требований, четко сформулированных антропометристами Легиона. Иными словами, эти существа также принадлежали к низшим подвидам.

Рядом с Хешке грохнул выстрел. Стрелял лейтенант Ганн, лицо его приобрело выражение суровое и непреклонное. Один из мутантов повернулся, как на шарнире, и упал, зажимая рану рукой. Хешке вновь потянулся за пистолетом. Он был несколько смущен, однако решил в конце концов, что надо помочь в схватке с врагом. Только времени на выстрел ему не дали. Двое уцелевших дружно припали на одно колено и прицелились из каких-то приспособлений, слишком миниатюрных для того, чтобы толком их разглядеть. Под черепом что-то коротко зажужжало, и он лишился чувств.

Сознание вернулось вдруг и сразу в полном объеме, словно где-то щелкнули выключателем. Тем не менее Хешке знал наверняка, что определенный кусок времени из памяти выпал.

Освоиться в непривычной обстановке оказалось непросто. Он лежал полуоткинувшись на своеобразном кресле-кушетке, в помещении длинном и узком, украшенном по торцевым стенам поблескивающей золотой филигранью. И он был один, если не считать желтолицего мутанта у прибора с плоским серым экраном. Мутант послал Хешке отстраненную, холодную улыбку.

— Вы чу... чуствовать... нолмально? — поинтересовался он с немыслимым акцентом, медленно и старательно выговаривая каждое слово. Хешке кивнул. — Холошо. Стлелять... извините.

Внимательно вглядевшись в необычное лицо своего пленителя, Хешке понял, что эти мутанты напоминают ему кого-то. Они не относились ни к одному из нынешних подвидов, но, кажется, он видел что-то похожее на фотографиях подвидов, которые давно истреблены. Как же их называли?

Шинги? Ченки? В любом случае это была небольшая группа. Совершенно непостижимо, каким образом они очутились в будущем, да еще в машине времени — а может, в космическом корабле?

— Где двое моих друзей? — спросил он жестко.

Мутант вежливо выслушал, но, похоже, ничего не понял. Очевидно, если он и владел языком, то очень слабо.

Ничто не удерживало Хешке на кресле-кушетке. Он встал и приблизился к мутанту с угрожающим видом.

— Что вы сделали с моими друзьями? — повторил он, переходя на крик.

Мутант отбросил его одним легким, плавным движением.

— Вы... бояться... нет, не надо, — произнес он, широко улыбаясь.

И указал на стол, где стояла всякая всячина: кувшин, чашка, тарелки с едой. Затем не торопясь отступил от Хешке, отворил дверь, которой пленник прежде не заметил, и вышел, прикрыв ее за собой.

Хешке подошел к столу, усе́лся на предусмотрительно поставленный стул и с интересом познакомился с тем, что здесь предлагали. В кувшине — археолог не мог не оценить его изящную форму и ослепительную глазурь, бледно-желтую, почти благоухающую, — была жидкость лимонного цвета, которую оставалось лишь налить в чашку с широким ободком и жадно выпить. Вкус был неподражаемым — восхитительный, божественный лимонад. Хешке выпил еще и только потом обратил внимание на изумительное мастерство, с каким была сделана сама чашка. Невесомый, похожий на кость материал, такой легкий и нежный, что казался прозрачным. Украшений не было вовсе — изделие было столь совершенным, что не нуждалось в них. Сам собою напрашивался вывод, что те, в чьих руках находился Хешке, знали толк в чувстве прекрасного.

Ощутив волчий голод, он набросился на еду — смесь мяса, специй, овощей и почти безвкусных белых зерен, названия которых он не ведал. Сперва его разочаровала температура пищи: он предпочитал горячую еду, а эта оказа-

лась чуть теплой, — однако вкус был так или иначе приемлемым, и он проглотил все предложенное без остатка.

На сытый желудок жизнь представилась много более привлекательной. Естественно, его по-прежнему тревожило, что они попали в лапы к мутантам, — но ведь, честно говоря, ситуация была непостижимой в любом смысле слова. Самое главное — он был жив и питал надежду остаться в живых и далее. Уже одно это отличало положение вещей от того, каким оно выглядело совсем недавно, в лучшую сторону.

Размышления не мешали ему приглядываться к комнате, куда его занесло. Пропорции ее были приятны глазу. Каково, интересно, соотношение длины и ширины — четыре к одному? Вряд ли то соотношение, какое он выбрал бы для себя, но неведомым образом оно удовлетворяло его эстетическому вкусу. Кто бы ни создавал все это, мутанты или не мутанты, но они, несомненно, были художниками.

Ему вспомнился Блэр Обломоут с его мятежным протестом против идеи неполноценности низших подвидов, и он ощутил неожиданный укор совести. Бедняга Блэр...

Откуда-то из-под пола донесся едва различимый шум. Комната внезапно качнулась, накренилась, выровнялась опять. Ну разумеется, он же на борту корабля...

Перейдя комнату, обрамленную горизонтальными рейками медового цвета, Хешке остановился перед прибором, тем самым, у которого в минуту пробуждения торчал желтолицый. Прибор был установлен на подставке и чем-то напоминал умывальную раковину. Как только Хешке приблизился, плоский серый экран загорелся голубоватым светом, а затем появились слова:

Вы на пути в межзвездное пространство.

Буквы были аккуратными, но примитивными и неудобными для чтения. Следом за ними вспыхнула схема из мелких и крупных точек, наложенных на концентрические круги. В центре схемы возникла стрелка и медленными рывками двинулась к краю, свободному от точек. Хешке догадался, что это какая-то звездная карта, однако, не будучи астрономом, не улавливал ее истинного значения.

Он подождал еще минуту-другую, но экран не предлагал никакой новой информации. И все же он испытывал чув-

ство сродни благоговейному. Цивилизация, к которой он принадлежал, так и не освоила межзвездных путешествий, хотя планеты вплоть до Сатурна были исследованы весьма основательно. А эти мутанты продвинулись куда дальше. Воспитанная в нем уверенность в своем расовом превосходстве испытала серьезный удар, и мозг автоматически принялся искать иные объяснения, которые сопрягались бы с догмами о дефективности низших подвидов, об их интеллектуальной и духовной неполноценности. Увы, приемлемого объяснения не находилось.

Он слонялся по комнате, глубоко погруженный в раздумья, и рассеянно потрогал дверь, за которой скрылся желтолицый. Толкнул ее, затем потянул в сторону. К немалому его удивлению, дверь отворилась, скользнула по полозьям и скрылась в стене.

Перед Хешке открылся пустой коридор, обрамленный такими же медовыми горизонтальными рейками, как и комната. Он замер в нерешительности. Неужели желтолицый попросту забыл запереть дверь? Через несколько секунд он все-таки решился, выбрался в коридор и двинулся вперед, ощущая себя почему-то виноватым и беззащитным, поминутно оглядываясь и ожидая, что его вот-вот схватят и вернут под стражу.

Коридор вывел в круглый зал-перекресток, откуда веером расходились другие коридоры. Он прижался к стене, несмело оглядывая их один за другим. И остолбенел: в коридоре справа вдруг появился мутант, деловито шагающий к перекрестку.

В тот же миг Хешке решил, что не окажет никакого сопротивления, и повернулся к мутанту лицом, безвольно опустив руки. Тот задержал шаг и всмотрелся в археолога с интересом, что-то соображая. А потом поднял руку, по-видимому, приветственным жестом, коротко кивнул и прошел мимо. Все, что осталось, — удивленно смотреть на его удаляющуюся спину.

— Гражданин Хешке!..

Окрик испугал его. Голос принадлежал лейтенанту Ганну. А вот и сам лейтенант появился из третьего коридора почти бегом.

— Слава Матери Земле, я вас нашел, — произнес запыхавшийся лейтенант. — Я боялся, как бы они что-нибудь с вами не сделали...

— Так вы, выходит, тоже свободны?

— И я, и Аскар, — подтвердил Ганн. — Этим дьяволам, очевидно, нет до нас дела. В нашем распоряжении весь корабль.

— Но как это понять?

— Кто знает? Мутанты отличаются чертовской хитростью, а то и извращенностью. Возможно, они решили изучить нас и потом захватить врасплох.

Он осмотрелся по сторонам, ощупал взглядом стены, пол и потолок, явно выискивая следящие устройства.

— Где Аскар? — спросил Хешке.

— У себя в комнате. Он в дурном настроении, сидит сиднем и не вступает в разговор.

Хешке пристально вгляделся в заострившиеся черты титан-офицера. На лице Ганна явственно читалось нервное напряжение. Лейтенант был неглуп, отлично тренирован, но сейчас на него давил непереносимый гнет: он очутился — согласно доктрине, которую исповедовал, — в самой утробе ада.

— Пойдем, — прошептал Ганн, подталкивая Хешке локтем. — Будем надеяться, у них не получится четкой записи, пока мы движемся... — Лейтенант повел Хешке по одному из коридоров, держа быстрый темп и продолжая вполголоса: — Говорите тише. Не стоит помогать им, если этого можно избежать...

— Вам удалось что-нибудь выяснить? — спросил Хешке.

— Мы на пути в межзвездное пространство. Корабль предположительно оснащен как временным двигателем, так и двигателем для межзвездных полетов. Но мы, в сущности, всегда знали, что у врага есть что-то в этом роде. И в любом случае это опровергает теорию Аскара, что инопланетные захватчики — уроженцы нашей Земли...

— Инопланетные захватчики? — не понял Хешке. — Но ведь...

Ганн осадил его сердитым взглядом:

— Разве это не очевидно? Мутанты сотрудничают с инопланетянами. Что вполне на них похоже. Сейчас они, должно быть, везут нас на какую-нибудь из баз инопланетного флота.

«Ну конечно, — сказал себе Хешке, — для Ганна это звучит более чем логично. Теперь он может возобновить свои молитвы Матери Земле, очистив ее от обвинений в том, что она произвела на свет двух равноправных сыновей...»

Однако и для Хешке, не слишком верящего в доктрины титанистов, рассуждения Ганна звучали достаточно логично.

— Но какие у нас доказательства? — спросил он. — А может, мутанты сами додумались до всего этого?

Ганн не отвечал, пока не осмотрелся еще раз, потом отрубил, энергично махнув рукой:

— Никак нет, гражданин. Вы видите этот корабль, видите, что он отвечает высокому уровню культуры. Не верю, что мутанты могли самостоятельно достичь такого уровня. К тому же это означало бы, что они должны были сами, без посторонней помощи, изобрести временной двигатель, то есть продемонстрировать технический гений. Ущербные расы лишены подобной интеллектуальной силы. Хитрость, коварство — это у них есть, но никак не гений. Нет, гражданин, за этим прячутся инопланетяне.

И вновь рассуждения титаниста представлялись состоятельными. Хешке с трудом поспевал за его размашистыми шагами. «Но ведь, — мелькнула пугающая мысль, — если Ганн прав, тогда мы действительно имеем дело с заговором космических масштабов, направленным против Человека Истинного...»

Ганн опять подтолкнул его локтем, принуждая повернуть в боковой проход. Они пересекли не то фойе, не то салон, где мутанты толпой собрались перед большим настенным экраном, на котором вспыхивали загадочные схемы. Они вели какой-то негромкий спор между собой, прервав обмен мнениями разве что на мгновение, когда Ганн и Хешке поравнялись с ними. Лейтенант хранил молчание, пока они не вышли в очередной безлюдный коридор.

— Вам известно, к какой расе они принадлежат? — задал он вопрос, чуть повышая голос. — Да нет, вряд ли. А я прослушал обширный курс расовой идентификации в годы учебы...

— Нет, — ответил Хешке. — Чего не знаю, того не знаю.

— Это чинки, — сообщил Ганн. — Считалось, что последняя их группа истреблена пять веков назад. Очень интересная разновидность мутантов. По преданию, они отличались почти сверхчеловеческой хитростью...

— Сверхчеловеческой? — Хешке не верил своим ушам. — И вы тем не менее отрицаете их интеллектуальный потенциал?

— Это больше похоже на ум животных, развитый в очень высокой степени. Интеллектуальные способности у мутантов непременно так или иначе извращены, отсюда бытующие среди них странные умения и обычаи, не исключающие, а подразумевающие чрезвычайную хитрость. Представьте, было даже выражение: «дьявольски хитрый чинк»...

Хешке нашел выражение забавным и улыбнулся, но Ганн погасил улыбку жестким взглядом в упор.

— Тут не до смеха. Вам стало бы вовсе не смешно, угоди вы в чинкскую головоломку.

— В чинкскую головоломку? Это еще что такое?

— Один из изобретенных ими видов оружия, способный парализовать нервную систему. По-видимому, какое-то хитроумное приспособление из проволоки и кусочков металла. Тот, кому его вручали, мгновенно сталкивался с непреодолимыми трудностями и загадками такого рода, что мозг оказывался полностью парализованным. Самое скверное, что получившего головоломку не освобождали до тех пор, пока он не решит ее, а это по силам лишь самим чинкам. — Хешке тяжело вздохнул, поняв, что развеселился, пожалуй, преждевременно. — Как видите, — закончил Ганн, — эти существа — самые естественные кандидаты в союзники инопланетных захватчиков. Не исключено, что они выступали союзниками инопланетян с самого начала.

— Что же нам делать сейчас?

— Долг повелевает нам постараться захватить корабль и отвести его назад на Землю — и в Абсолютное Настоящее.

— Но как? — изумился Хешке, подавленный дерзостью предложения.

— Еще не знаю. Я еще не завершил рекогносцировку. Однако, как мне кажется, команда корабля не очень велика.

— Допустим, нам удастся захватить управление, во что я, признаться, не верю. Но разве мы сможем летать на таком корабле?

— Я умею пилотировать времялет, а инопланетная его модель не слишком отлична от нашей. С помощью Аскара справимся и здесь. Я добьюсь его помощи, даже если мне придется выколачивать ее из него ногами...

Титанист запнулся. Они вышли в широкий проход или, скорее, галерею, одну стену которой сплошь занимали шелковые экраны, украшенные изящными, едва намеченными силуэтами мужчин, женщин и ивовых деревьев. Кисть художника работала экономно, мазки лежали редко, но очень выразительно.

— Ну ладно, — произнес Ганн, — в общем, вам уже все ясно. Можно с тем же успехом вернуться в комнаты. Я еще ничего не ел и здорово проголодался.

— Разве они не дали вам еды? — удивленно спросил Хешке.

— Какую-то еду они оставили. Но я увидел, что дверь не заперта, и решил первым делом что-нибудь разузнать. Я прошел без преувеличения по всему кораблю.

«Так вот почему он настолько опередил меня», — подумал Хешке. Воистину преданность титаниста своему долгу была всепоглощающей.

— Вряд ли я сумею самостоятельно найти дорогу, — признался археолог.

— Я покажу вам, куда идти. А можете, если хотите, пойти со мной. Хотя разговаривать в отведенных нам комнатах, боюсь, небезопасно.

Хешке послушно следовал за Ганном по коридорам, а лейтенант тем временем объяснял общую планировку корабля: надо отдать ему должное — он разобрался в ней с поразительной быстротой. Перед тем как расстаться с прово-

жатым, Хешке повернулся к нему и даже поднял палец, словно приглашая к дискуссии.

— Вы упомянули о чинкских головоломках. А я все удивлялся, чего ради они позволяют нам разгуливать где нам заблагорассудится, беседовать и строить планы. Откуда нам знать, не оказались ли мы внутри подобной головоломки? Не играют ли с нами в кошки-мышки?

Мрачное, упрямое выражение лица титаниста подсказало, что страшненькая эта догадка пришла в голову не только одному Хешке.

Следить за часами на корабле чинков было затруднительно. Еду доставляли не по расписанию, а по заказу. Достаточно было нажать одну из кнопок подле прибора с серым экраном, и спустя несколько минут появлялся веселый, улыбчивый чинк с подносом, заставленным пищей под непривычными приправами.

Лейтенант Ганн ел лишь изредка, посвящая дни напролет поискам путей захвата корабля, и Хешке оказался волей-неволей вовлечен в это безумное предприятие. Запрет на разговоры в комнатах вскоре был снят. Археологу наскучило носиться по коридорам рядом с двужильным титанистом — а кроме того, он пришел к выводу, что чинки из экипажа почти не понимали земного языка. Вполне вероятно, что подслушивающих устройств в комнатах не было вовсе.

Они провели эксперимент, высказывая вслух самые насильственные намерения. Ганн ожидал, что в комнату немедля ворвутся разъяренные стражники, — однако ничего не случилось.

И лейтенант, и Хешке многократно пытались разговорить Лэрда Аскара. Но физик, похоже, ушел в себя еще глубже, чем всегда, и едва узнавал их. Зато чинкскую пищу он поглощал в огромных количествах, заказывая блюдо за блюдом, и вроде бы наслаждался тем, что Ганн относится к его экзотическим вкусовым пристрастиям с явным неодобрением.

— Все ваши планы — бред, — проворчал он наконец, когда Хешке в очередной раз пытался вразумить его. — И теории ваши тоже.

Хешке опешил. Каково бы ни было состояние психики Аскара, но его проницательность по-прежнему и помимо воли внушала к себе уважение.

— Меня удивляет занятая вами позиция, — произнес археолог увещевающе. — Мне казалось, что вы стремитесь к поражению врага никак не меньше, чем любой из нас.

Аскар пожал плечами, едва удостоив Хешке ироничным взглядом, и продолжал ложка за ложкой отправлять в рот рис, сваренный на пару.

— Ясно, что мы не можем рассчитывать на него изначально, — нехотя признал Ганн, как только они вернулись в каюту, отведенную титанисту. — Тем не менее надеюсь, что он не откажет нам в технической помощи, когда пробьет час. Но с самой опасной работой придется управляться вдвоем...

Хешке, который в глубине души не испытывал большого энтузиазма по поводу затеянного предприятия, произнес со вздохом:

— Не вижу, как мы можем справиться с чем бы то ни было вообще. Вдвоем против целого корабля...

— Наш долг — попытаться, как бы мизерны ни были наши шансы. И не забывайте, что, если мы потерпим провал, нам придется убить себя прежде, чем корабль прибудет к месту назначения. Мы не вправе допустить, чтобы нас допрашивали. Так что нам нечего терять. — Лейтенант был мрачен. — Аскара тоже придется убить...

— Ну хорошо, допустим. Что теперь?

— У меня появился план.

Запустив руку под мундир, Ганн извлек оттуда остро заточенный нож.

— Где вы его взяли? — удивился Хешке.

— На корабельной кухне. Забрел туда и ухитрился прикарманить раньше, чем меня выперли.

— Одного ножичка маловато, — заметил Хешке скептически.

— Это не все. Минутку терпения. — Расстегнув мундир и задрав рубашку, он нащупал в верхней части живота, сразу под ребрами, какую-то точку. — Потрогайте. — Хешке подчинился, и пальцы наткнулись на твердый бу-

горок. А Ганн пояснил с ноткой удовлетворения: — Чинки об этом и не догадываются. Капсула с нервно-паралитическим газом. — И вдруг без предупреждения швырнул нож археологу: — Держите!..

— Что? — не понял тот.

— Вырежьте ее!

Борясь с тошнотой, Хешке тем не менее вновь подчинился. Ганн прилег на кресло-кушетку, зажав манжету рубашки зубами. А Хешке принялся орудовать ножом, не в силах забыть, что причиняет другому боль. К счастью, капсула была вшита прямо под кожей. Вшита умело, чтобы на коже не осталось никаких следов хирургического вмешательства. «Интересно, — подумал Хешке, — все ли легионеры снабжены такими же капсулами?..» Вполне вероятно, что да: еще один продуманный штрих, подчеркивающий принадлежность к избранным, подобно, например, группе крови, вытатуированной у каждого титаниста на внутренней стороне запястья.

Освободить капсулу — сфероид в форме яйца, скользкий от крови, — оказалось совсем нетрудно.

— Благодарю, — выдохнул Ганн. — Я мог бы, наверное, справиться и сам, но мог бы и напортачить...

— У вас кровь идет, — перебил Хешке.

Ганн осмотрелся, сорвал скатерть со столика, одним сильным движением отодрал от нее полоску и обмотал вокруг талии, укутав свежую рану.

— Пока сойдет. Слушайте план наших действий, Хешке. — Осторожно приподняв капсулу, он очистил ее от крови. — Мы должны, во-первых, завладеть оружием, а во-вторых, захватить командный центр. Чинки в большинстве своем, кажется, не вооружены, но вы заметили на борту людей, одетых не как другие, в куртки с высокими воротниками? — Хешке кивком подтвердил, что заметил. — Есть основания полагать, что эти с оружием. То ли какие-то должностные лица, то ли военные. Один из них всегда на посту у входа в центр управления. Вы подойдете к нему и отвлечете его внимание. А я тем временем обогну его сзади — поняли?..

Он поднял нож и показал, как хватает часового сзади и перерезает ему горло. Хешке чуть не вывернуло, однако он снова кивнул.

— Значит, поняли. Затем забираем оружие и кидаем капсулу с газом в командный центр. Газ быстродействующий, но рассасывается за полминуты. После этого мы становимся хозяевами ситуации. Если кто-нибудь примчится на шум с такой стороны, что газ его не возьмет, мы его просто застрелим.

— А что потом?

Ганн нахмурился:

— Боюсь, что потом придется импровизировать. Надо еще справиться со всей остальной командой. Но мы окажемся в выгодном положении, в мозговом центре корабля, и не будем испытывать недостатка в оружии. По крайней мере они не одолеют нас без боя...

«Убийство — не мое ремесло, — повторял про себя Хешке, шагая вслед за лейтенантом по намеченному им маршруту. — Я археолог, я всего лишь пожилой археолог...»

Как ему хотелось бы обнаружить какой-либо иной путь действий! Но такого пути не было. В известном смысле то, что противниками выступали мутанты, делало их собственную задачу проще: убить мутанта все-таки морально легче, чем убить Человека Истинного. И тем не менее убить собаку и то неприятно...

Мысли все еще вертелись бешеным и бесплодным водоворотом — а они уже подошли к последнему перекрестку перед центром управления. Ганн тронул Хешке за локоть, подбадривая, и проскользнул в боковой проход. Археологу оставалось лишь плестись следом, пока они не подошли вплотную к центру. Чинк, стоящий у порога, походил на швейцара у подъезда дорогого отеля. При виде него Хешке застыл, мгновенно окаменев. Чинк выглядел таким молодым и приветливым...

В свою очередь молодой часовой повернулся и увидел его, прочитал, видимо, и испуг, написанный на его лице. С другой стороны возникла долговязая, мрачноватая фигура лейтенанта Ганна. Исподтишка он показал рукой:

продолжай, мол, как договорились. Хешке сделал робкий шаг вперед.

И тут, устав ждать помощи от нерешительного Хешке, Ганн прыгнул. Захватив чинка за шею рукой, как крюком, он отогнул ему голову назад и тем самым открыл его горло ножу. Хешке вытаращил глаза, не желая смотреть и не в силах отвернуться.

Но в ту секунду, когда должно было произойти самое худшее, с потолка внезапно сорвалась световая стрела и ударила Ганну в спину. На лице титаниста не успел шевельнуться ни один мускул, а тело уже обмякло, осело на пол и чуть не увлекло за собой часового.

Однако чинк сумел все же сохранить равновесие и уставился на тело у своих ног в неподдельном ужасе. Затем он распахнул вращающиеся двери и выкрикнул что-то высоким певучим голосом. Из контрольного центра высыпала целая толпа чинков. Они смотрели на распростертого Ганна, переводили взгляд на Хешке, пытались что-то втолковать ему, и лица у них были озабоченные, опечаленные, соболезнующие.

Наконец один из них взял Хешке за руку и ввел в помещение центра. Археолог тупо озирался по сторонам — его окружали изогнутые пульты управления и мерцающие экраны, на которых быстро сменялись картины и символы, не говорящие ему ровным счетом ничего.

Провожатый подошел к пульту и набрал что-то на клавиатуре. Недолгая пауза — и на экране над головой чинка высветились слова:

Корабль обучен защищать себя. Очень печально, что друг умер. Следовало предупредить. Сожалеем.

Хешке угрюмым кивком подтвердил, что понял, затем отвернулся и направился к выходу, где все еще стояла небольшая толпа. Откуда ни возьмись появился Аскар. Задержался над мертвым лейтенантом, не выразив на лице никаких чувств, и вдруг сжал кулак и приветствовал Ганна титан-салютом.

— Честь храброму офицеру!

— Он был действительно храбрым офицером, — ответил Хешке.

— Да, я знаю.

Археолог ощутил себя невыразимо усталым. Вернувшись к себе в комнату, он поставил целью не покидать ее до конца полета. Неудача нападения на чинков была в известной мере и личной его неудачей, но, как ни странно, смерть Ганна затронула его гораздо меньше, чем можно было предположить.

И он так и не собрался убить себя. Шаг за шагом он пришел к выводу, что Аскар прав: Ганн оценивал людей, спасших их из вневременья, слишком предвзято. Не было никаких реальных признаков, что чинки относятся к спасенным враждебно.

Хешке ел и спал, ел и спал, пока не понял, что отдохнул. И настал день, когда явившийся за ним чинк вновь позвал его в центр управления. Присутствовал и Аскар, удостоивший Хешке не только взгляда, но и поклона. По всему чувствовалось, что физик уже хорошо знаком с центром, почти обжился в нем.

Чинк показал на экран, и Хешке сразу понял, что им с Аскаром демонстрируют порт назначения. В недоуменном восторге смотрел он на блистающий контур — удлиненные песочные часы, висящие в черноте космоса на фоне жестких ослепительных звезд. В душе мелькнула тень прежних опасений. Какая-то инопланетная цитадель или...

Или что это такое?

Глава 8

Сквозь прозрачную стену своей пространственно-временной обсерватории Шу Кунцен наблюдал, как корабль возвращается из рейса на Землю и входит в расположенный неподалеку шлюз. Лично он не испытывал по этому поводу ни малейшей радости: корабельный двигатель создавал помехи в работе аппаратуры, и пришлось приостановить эксперименты до тех пор, пока шлюзование не будет завершено.

Он набрался терпения и сидел, попивая зеленый чай и созерцая черную, затканную звездами Вселенную, раскинувшуюся вокруг. Такое занятие приносило ему отрадное ощущение собственной ничтожности, уверенность, что органические, думающие существа чужды мирозданию. Ибо оно есть бесконечная протяженность вневременья, ибо первоначально Вселенная была сотворена вообще без времени. И только затем тут и там возникли локальные временные процессы, по большей части слабые, хотя в отдельных случаях достигающие значительной силы, процессы, развивающиеся во всех направлениях, под самыми разными углами друг к другу. Иногда процессы даже пересекались. Они были случайным явлением малого значения и ограниченной длительности, но благодаря им становилась возможной жизнь.

И надо же, чтобы на Земле произошло стечение обстоятельств, самое неблагоприятное во всем мироздании: два отчетливых временных потока закрепились на одной и той же планете. Более того, они оказались нацеленными на прямое, лоб в лоб, столкновение.

Не то чтобы события подобного рода были невероятно редки, особенно в галактиках, где силы «инь» и «янь» разбалансированы настолько, что порождают бесчисленные временные системы. Кстати, еще один весомый довод в пользу поселений в межзвездном пространстве, так сказать, подальше от магистралей с напряженным движением. Тем не менее даже Город-Колба несколько веков назад пострадал от неприятного инцидента — некая сущность, шествующая по Вселенной в собственном векторе времени, нанесла городу удар по касательной. Шу Кунцен до сих пор поддерживал контакт с этой сущностью. По правде говоря, именно она и служила объектом его нынешних экспериментов.

Наливая третью чашку ароматного чая, он отметил про себя, что звездовремялет вошел в шлюз целиком. Нет сомнения, что земные пассажиры, прибывшие с кораблем, будут биться в истерических мольбах о помощи и его ждут нелегкие и утомительные дни. Лично Шу Кунцен возражал против того, чтобы предлагать Земле какую бы то ни было помощь вообще. Основанием для возражений было опасе-

ние, что это может потребовать всей производственной мощности Зоны Труда и вызовет неудобства, например, отсрочку в доставке оборудования, заказанного им для собственных надобностей. Однако другие члены кабинета, вероятно, из сыновнего почтения к планете, взрастившей человечество, не согласились с ученым.

Прибор под рукой Шу Кунцена сообщил ему, что прибывший корабль заглушил двигатели. Хозяин обсерватории поднялся, подозвав кибернетических слуг.

— Все в порядке. Можно начинать.

Машины покатились в рабочую зону для последних приготовлений. Но Шу Кунцену пришлось отвлечься вновь: нежным голоском пропел сигнал входной двери обсерватории, и в комнату степенно вошел премьер-министр Вэн Ву.

— Добро пожаловать в мою обитель, досточтимый коллега, — произнес Шу Кунцен тоном, в котором трудно было не почувствовать раздражения. — Ваш визит связан, очевидно, с прибытием корабля с Земли...

Гость подтвердил догадку.

— Один из пассажиров, как выяснилось, довольно известный ученый. По-видимому, тот самый, кто стоял за недавним для землян открытием путешествий во времени. Он жаждет знаний. И, безусловно, потребует длительного разговора с вами.

Потеребив себя за бороду, Шу Кунцен выругался:

— Выходит, теперь я должен растрачивать свои силы на дискуссии с варварами? Вы не нашли никого другого, кто мог бы просветить невежду? Есть сколько угодно людей, пригодных для этой цели...

Вэн Ву выразил удивление:

— Не будем неучтивыми, Кунцен. Мне доложили, что этот человек отличается упорством и будет настаивать на встрече с крупнейшим авторитетом в данной области, а это вы.

— Ну хорошо, хорошо. Но неужели встреча не может подождать? У меня идет важный эксперимент. Я намерен восстановить контакт с Косвенной Сущностью.

— Что вы говорите! — Вэн Ву заломил руки, укрытые в просторных рукáвах. — Разве она не отдалилась за пределы возможной связи?

— Да, если действовать прежними методами. Но мой новый аппарат использует принцип прямого всечувственного восприятия.

— А вам не кажется, что это несколько опасно? — вежливо осведомился Вэн Ву. Шу Кунцен вместо ответа пожал плечами, и премьер-министр, помолчав, согласился: — Разумеется, встреча с землянином не требует особой спешки. Ему еще предстоит пройти курс обучения языку. Скажите, а эксперименту не повредит, если я останусь и...

— Наблюдайте сколько угодно, — сказал Шу Кунцен, — хотя, собственно, наблюдать будет почти нечего...

Кибернетические слуги дали сигнал, что все готово. Шу Кунцен, заслуживший в Городе-Колбе славу ведущего исследователя феномена времени, вошел в стеклянную сферу. Снаружи сфера была прозрачной, но тот, кто входил в нее, оказывался в полной темноте. Ученый отдал шепотом какую-то команду, предназначенную для киберраспорядителя.

Вэн Ву бесстрастно следил за происходящим. Он видел, как Шу Кунцен внезапно застыл, словно парализованный. Глаза перестали видеть, уши не воспринимали звуков, даже кожа не ощущала более ни прикосновения одежд, ни жесткости пола под подошвами. Тело Шу Кунцена осталось в обсерватории, но все его чувства, а вместе с ними и разум, переместились за сотни световых лет в направлении, не доступном ни одному телескопу, — косвенно во времени.

— Что будем делать, отец?

Бывший министр Ху Шао взглянул на Сюменя, с болью осознав, каким красавцем стал его сын за эти годы.

— Что делать? — переспросил он удивленным тоном. — Но это твоя затея. Что ты сам намеревался делать?

— Я надеялся на твои указания, отец, — вяло ответил Сюмень. — Мы могли бы, например, исчезнуть из города, отправиться на Землю...

— Хм-м... Может быть, может быть, хотя я сомневаюсь в успехе. Да и ты, видимо, не осведомлен о земных условиях. Вряд ли мы способны там выжить...

Нет — и не надо. Этот план занимал в надеждах Сюменя ничтожное место. Прежде всего ему рисовалось, пусть смутно, что они с отцом будут сражаться плечом к плечу. Он наконец преодолел первоначальный столбняк и, воспользовавшись случаем, заговорил с новой решимостью:

— Тогда вернемся вместе в Зону Труда. В ней полным-полно малопосещаемых районов и заброшенных уголков. Я найду для тебя там надежное убежище.

— Значит, сменить одну тюрьму на другую? — нахмурился старший. — Что же я выиграю?

— Нет, это не все. — Замысел вдруг принял определенную форму, и голос Сюменя зазвенел от страстного напряжения. — Нам предстоит большая работа. Работа по ниспровержению всего общественного устройства!

Отец посмотрел на сына как на сумасшедшего.

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь? — воскликнул он потрясенным шепотом.

— Но разве не затем ты пошел на преступление и пытался спасти меня от уготованной мне судьбы? Разве ты не сознаешь несправедливость нашего образа жизни? Одна часть населения привязана на всю жизнь к производственному труду, а в нерабочие часы вынуждена пробавляться грубыми развлечениями, в то время как другая часть блаженствует и пьет из них кровь...

— Зато мы сохранили высочайший уровень цивилизации! — вскипел Ху Шао. — Искусства и науки достигли здесь, в Зоне Покоя, невиданной утонченности, не говоря уж об изяществе нашего стиля жизни. Как могли бы мы посвятить себя всему этому, если бы тратили время еще и на материальное производство!..

Сюмень слегка опешил от реакции отца — такого он не ожидал.

— Обитатели Нижней Колбы, — произнес он, — могли бы тоже пользоваться этими благами, представься им такая возможность. Прямая несправедливость, что они лишены

ее. Все должны делить все поровну — как производство, так и высшие ценности.

— И нам ни за что не удалось бы добиться нынешнего уровня ни в производстве, ни в науках и искусствах, — отрезал отец, махнув рукой. Голос его звучал все более приглушенно и мрачно. — Вынужден признать, что мотивы моей попытки удержать тебя в Зоне Покоя были чисто эгоистическими. Я просто хотел, чтобы мой сын жил так же, как я. В более широком смысле мысль о социальной несправедливости не приходила мне в голову. Очевидно, она может зародиться лишь в том случае, если побываешь по обе стороны границы.

— Так спустись вместе со мной в Нижнюю Колбу и взгляни на все собственными глазами!

— Кажется, — сказал Ху Шао со вздохом, — я поставил на карту гораздо больше, чем думал, когда укрывал тебя в секретной комнате. Социальная революция, надо же!

— Так ты согласен? Если мы поторопимся, то, быть может, о твоем бегстве узнают еще не так скоро.

— Уже знают, — ответил Ху Шао, указывая на контрольные приборы у входа. На одном из них горел янтарный огонек. — Машины, создающие временное смещение, послали сигнал о вмешательстве в их программу.

Сюмень задохнулся в смятении. Подскочив к приборам, он высвободил модель Города-Колбы, которую использовал для контроля времени, и неистово замахал ею.

— Быстрее! — крикнул он отцу. — Быстрее, пока они не ворвались сюда! Надеюсь, с помощью этой штуки я сумею вывести нас обоих из местного времени и сделать невидимыми...

На лице Ху Шао читались печаль, жалость, раскаяние. Вслед за сыном он вышел из квартиры в коридор, а Сюмень отчаянно возился со своим приборчиком, вызывая в его недрах фонтаны разноцветных огней.

— Ну вот! — удовлетворенно провозгласил он. — Мы на целых полминуты позади нормативного времени. Если не будем мешкать, то доберемся до Нижней Колбы не позже чем через час...

Ху Шао задержался на миг, терзаясь сомнениями, потом, видимо, пришел к решению и двинулся за Сюменем по напоенным ароматами коридорам, оставаясь в поле действия сконструированного сыном приборчика. Сюмень шагал размашисто и возбужденно, но не успели они покинуть правительственный квартал, как случилось то, что старший предвидел заранее, хоть и надеялся оптимистически, что пронесет.

Для Зоны Покоя это было редкое зрелище — сразу четверо граждан в одеяниях служителей закона, тугих синих мундирах с высокими воротниками. В этой расслабленной атмосфере они казались неуместно суровыми и вышагивали по коридорам наперерез беглецам хладнокровно и самоуверенно. Их предводитель держал перед собой, как факел, небольшой цилиндр. Едва завидев этот цилиндр, Сюмень почувствовал легкое головокружение и понял с испугом, что их принудительно вернули в нормативное время. Рука потянулась к модели Города-Колбы, но тут же безвольно повисла: стало ясно, что мощность самодельного приборчика превзойдена во много раз.

Предводитель перевел взгляд с одного беглеца на другого, и по его лицу скользнула тень удовлетворения.

— Будьте любезны следовать за нами, — предложил он преувеличенно вежливо. — С сожалением вынуждены констатировать, что вы злостно нарушили принятые в городе этические установления.

Люди в синих мундирах развернулись и зашагали в обратном направлении, предоставив арестованным плестись следом якобы по доброй воле. Сюмень чуть не плакал, отдав себе отчет, сколь тщетны оказались все его потуги.

С момента, когда их выпустили из корабля и вывели в немыслимый космический город, Ронд Хешке и Лэрд Аскар окунулись в хаос богатейших впечатлений. По сравнению с изобилием, в каком купались жители города, корабль, на котором они прибыли, представлялся аскетичным, сугубо функциональным.

Воздух, бодрящий и свежий, был напоен пленительными ароматами. Как только они выбрались за пределы дока,

куда корабль вписался с поразительной точностью, перед ними раскрылось зрелище, почти непостижимое в своей сложности. Бесчисленные уровни и подуровни, экраны и прерывистые стены, бегущие туда и сюда, переплетенные как в лабиринте, но позволяющие увидеть мельком сады и парки, одетые в мятежные краски.

Все здесь дышало роскошью, продумывалось во имя роскоши. Повсюду были цветы, хрупкие нежные орхидеи свисали со стен и потолков. Порой казалось, что землян решили познакомить с неким черновым эскизом рая.

Очередной чинк провел их под низкую арку и жестом предложил сесть в экипаж, который, к удивлению Хешке, казался выточенным из зеленого полудрагоценного камня. Экипаж бесшумно двинулся по извилистым дорожкам, заполненным пешеходами, что дало Хешке удобный случай понаблюдать за ними. Одевались жители города разнообразно, однако у мужчин преобладали длинные ниспадающие шелковые халаты с огромными рукавами. Пожилые обычно отращивали реденькие бороды, и оттого их раскосые лица выглядели еще более странными, едва ли человеческими с земной точки зрения.

Одежда женщин отличалась эксцентричностью. Иные кутались в пышные шелка, иные носили коротенькие юбочки с соблазнительными разрезами или не носили почти ничего, но все без исключения украшали иссиня-черные волосы цветами. Несмотря на все свое врожденное отвращение к мутантам, Хешке не мог отвести восторженных глаз от этой чуждой красоты. Подкупали и грациозные, полные достоинства движения, в равной мере свойственные как женщинам, так и мужчинам.

С каждой секундой его «просвещенное» отношение к низшим подвидам терпело все более ощутимые удары, рассыпалось прахом. Утверждать, как лейтенант Ганн, что все это создано инопланетянами, теперь просто не представлялось возможным. Приходилось также сделать очевидный вывод, что эти чинки обладали утонченным чувством прекрасного — а ведь, согласно учению титанистов, оно присуще лишь Человеку Истинному. Подумалось, что

Блэр Обломоут, вероятно, не был бы удивлен увиденным ни в малейшей степени.

И тут же вспомнилось мнение Аскара, что идеи титанистов ложны от начала до конца. А ведь Аскар вовсе не был подпольщиком, тайным доброжелателем мутантов. Хешке повернулся к физику, хотел как-то прокомментировать свои впечатления, но вдруг понял, что Аскар вообще не воспринимает происходящего — сидит, не отрывая взгляда от собственных колен и не расставаясь с обычной мрачной ухмылкой.

«Да он же не замечает ничего вокруг, — сообразил Хешке с изрядной долей изумления. — Интеллект в чистом виде, слепой и глухой ко всему, кроме абстракций...»

Экипаж подъехал к вертикальным направляющим вроде рельсов и, раздвигая благоухающую листву, взвился на другой уровень. Здесь не было садов, и тем не менее перспектива напоминала нескончаемый летний домик, отдельные помещения которого разделены легкими, богато украшенными передвижными ширмами. По просьбе провожатого они вылезли из экипажа и немного прошлись пешком по этому открытому взорам жилищу. Хешке обратил внимание на скудную меблировку и осознал, что излишек мебели сразу испортил бы эффект легкости, воздушности обстановки. А в этом городе все, совершенно все было устроено так, чтобы создавать ощущение безупречной гармонии.

Обогнув угол, они очутились в небольшой комнате, где их поджидал высокий бородатый старик, осмотревший гостей внимательно, но с холодной отчужденностью. Рядом с ним на столе стоял набор сосудов и лежали тонкие иглы, золотые и серебряные. В дальнем конце стола расположился аппарат непонятного назначения, а на стене висел вполне нормальный телевизионный экран.

Старик произнес вполголоса несколько слов и жестом, исполненным достоинства, предложил Хешке откинуться на ближайшем кресле-кушетке. Археолог послушался, хоть и без большой охоты, но вскочил в ужасе, когда чинк взял со стола одну из длинных тонких игл. В душе всколыхнулась прежняя антипатия к мутантам, из недр памяти поднялись легенды о практикуемых ими отвратительных, беспредель-

но изощренных пытках. Увидев, что Хешке испугался, старый чинк замер, чуть склонив голову.

И тут заговорил Аскар, мучительно борясь с непривычными слогами. К безграничному восхищению Хешке, физик ухитрился усвоить десяток фраз невообразимо трудного языка. Он вслушался в ответ чинка, намеренно медленный и четкий ради простоты понимания, и, кивнув, обратился к Хешке:

— Не волнуйтесь, он не собирается вас мучить. Это какой-то обучающий процесс. Они намерены научить нас своему языку...

Отчасти успокоившись, Хешке вновь откинулся на спинку кресла. Старик приблизился, пробормотал что-то неразборчивое и дотронулся до головы пациента за ухом. Место, которого коснулись пальцы, мгновенно онемело. Туда и вонзилась приготовленная игла, и по движениям чинка Хешке мог судить, что она уходит под кожу все глубже и глубже.

Совсем глубоко — в мозг!

Хешке стоило больших трудов удержать себя в руках. А чинк со сноровкой и бережностью искусного врача разместил еще дюжину игл по разным частям тела, главным образом на голове, шее, на тыльных сторонах ладоней и предплечьях. И по мере того как шла процедура, Хешке охватывало странное чувство успокоения, страхи угасли. В конце концов старик отступил от пациента, но вскоре вернулся, надел на него что-то наподобие наушников, а затем и защитные очки, погрузившие Хешке во тьму. До археолога донесся щелчок переключателя.

И он мгновенно уснул.

Когда он очнулся, проспав неведомо сколько, старик ловко вынимал иглы из-под кожи. Процедура над Аскаром также была завершена. Физик поднялся с соседней кушетки и послал Хешке ехидную улыбку.

— Превосходно, — сказал старик. — Да пребудете вы оба почетными гостями нашего города...

Старик говорил на певучем чинкском языке — и тем не менее Хешке понимал все до слова.

— Это просто удивительно! — воскликнул он.

Однако старик жестом остановил его.

— Вы отвечаете мне по-прежнему на своем языке, — заявил он нараспев. — Постарайтесь найти у себя в памяти другой язык. И скажите то же самое опять.

Озадаченный Хешке попытался выполнить указание и заговорил снова, тщательно вслушиваясь в себя:

— Я хотел отдать должное эффективности ваших процедур. Хотелось бы понять, как вы этого добиваетесь...

И в тот самый миг, когда строилась ответная фраза, он обнаружил «второй язык», лежащий в глубине сознания рядом с первым, готовый запрячь голосовые связки и мускулы рта в иную упряжку и выражать мысли так же автоматически безошибочно, как на родном наречии. Последние свои слова Хешке произнес на языке чинков.

Поначалу это было непривычно, будто он получил способность по желанию переключаться на другой видеоканал. Старик вежливо улыбнулся.

— Принцип очень прост, — объяснил он. — За время, что вы провели в бессознательном состоянии, в вашу память с высокой скоростью был внедрен компьютерный языковый курс с тем, чтобы каждому слову, каждой фразе, хранящимся в речевом центре вашего мозга, соответствовали эквивалентные слова и фразы нашего языка.

— Очень впечатляюще, — вмешался Аскар, также на безупречном чинкском. — Никогда не слышал ни о чем подобном. И не предполагал, что этого можно добиться в принципе, особенно в считанные минуты...

— Способность мозга усваивать информацию с компьютерной скоростью, по-видимому, еще неизвестна вашему народу, — ответил старик. — Нам удалось достичь этого при помощи старинной техники, которая носит название акупунктуры. — Он показал на иглы, разложенные на столе. — Вводя эти тонкие иглы под кожу в строго определенных местах, мы можем временно омертвить или, напротив, стимулировать нервы, притом селективно. Именно так мы открываем нервные пути, ведущие к мозгу, с тем чтобы он мог накапливать информацию гораздо быстрее обычного. Добавлю, что у акупунктуры есть и много других применений.

— Но этот способ кажется таким примитивным, — заметил Хешке, неотрывно глядя на иглы. — Да и аппарат, что здесь на столе, вряд ли особенно сложен...

— Результаты акупунктуры зависят более от знаний и мастерства, чем от технических дополнений. Это очень древний метод, хотя можно отметить, что в нашем Городе-Колбе его серьезно усовершенствовали и развили. По преданию, акупунктуру изначально изобрел древний философ Мао Цзедун. Он же, как уверяют, изобрел электричество. — Тут чинк сдержанно улыбнулся. — Однако легендам, конечно же, доверять нельзя. Они утверждают, что он еще и изгнал злых демонов Лю Шаоци и Линь Бяо...

Аскар, хмыкнув, удостоил Хешке саркастическим взглядом.

— Наш врачеватель прав — история не содержит в себе ничего, кроме недостоверных сказок...

Хешке пропустил насмешку мимо ушей и обратился к старику:

— Как я понимаю, ваши соотечественники привезли нас сюда с какой-то определенной целью. Скоро ли мы узнаем, с какой именно?

Чинк вздохнул:

— Да-да, все это очень печально. Но это не моя область. Вам предстоит встреча с представителями кабинета, может быть, даже с самим министром. Имейте терпение.

— Черт бы побрал терпение! — прорычал Аскар на земном языке, найдя, вероятно, что ругательства Города-Колбы недостаточно сильны и ему не по вкусу. — Когда я наконец увижусь с вашими физиками?

Ввиду серьезности преступления премьер-министр Вэн Ву председательствовал в судебном заседании лично. С ним были еще два министра, а за боковым столом расположились судебные советники, эксперты в области логики и права.

Ху Шао ввели первым и предложили ему зеленого чая, от которого подсудимый отказался. Он признал себя виновным в попытке прервать одиночное заключение и добавил, что намеревался укрыться в Зоне Труда, где рассчитывал на

помощь своего сына. Голос его выдавал напряжение и усталость, но выступал он спокойно и хладнокровно.

Вэн Ву пришел к тревожному выводу, что судебное слушание нарушит его внутренний покой. По такому делу можно вынести единственный приговор — а ведь этот человек был некогда его близким другом.

— Считаю необходимым сделать перед судом еще одно заявление, — продолжал Ху Шао, — а именно: моего сына Сюменя следует освободить от ответственности полностью. Он согласился отвести меня в Зону Труда при моем прямом подстрекательстве и был движим при этом чувством сыновнего долга — он относится ко мне точно так, как другие относятся к своим дедам. Более того, если он отклонился от правильного пути, то вследствие моих поступков. Не соверши я предыдущего преступления, он вел бы счастливую, безупречную жизнь производственного работника, не ведающего никаких иных ценностей. По-моему, подвергать его наказанию было бы несправедливо.

Эксперт в области логики поднял руку, получил слово и возразил.

— Утверждение обвиняемого, что это он побудил своего сына отвести себя в Зону Труда, — заявил эксперт тихо и мелодично, — противоречит фактам. А факты таковы: Ху Шао и Ху Сюмень были задержаны при попытке покинуть временную фазу, где содержался Ху Шао. Ху Шао не отрицает этого. Но что касается его заявления о дальнейших намерениях, тут он лукавит. Ху Шао, безусловно, знал, что его вместе с сыном задержат до того, как они покинут Зону Покоя, хотя Ху Сюменю это, допускаю, было и невдомек. Однако сам Ху Шао не мог планировать нечто заведомо невозможное, и, следовательно, его намерения были иными.

— Каковы же они были? — осведомился Вэн Ву.

— Принимая во внимание все обстоятельства дела, представляется вероятным, что Ху Сюмень появился в апартаментах своего отца неожиданно для последнего и освободил того от десинхронизации личного времени. И тем поставил отца в затруднительное положение: Ху Шао знал, что план, разработанный его сыном, неосуществим и что

сын неизбежно подвергнется суровому наказанию. С этого момента главный мотив поступков Ху Шао — во что бы то ни стало отвести наказание от непосредственного виновника. Вспомним о необычных узах, существующих между ними, — необычных, разумеется, с нашей точки зрения. Ху Шао сделал вид, что одобряет план Ху Сюменя, с тем чтобы впоследствии выставить себя ответственным соучастником и снять часть вины с плеч сына.

Вэн Ву обратился к обвиняемому:

— Подтверждаешь ли ты такую версию событий?

Ху Шао просто кивнул — эксперт безжалостно обнажил внутреннюю логику его поведения. А тот еще не закончил:

— Тем не менее заявление Ху Шао подлежит дальнейшему анализу. Вину за помраченное состояние Ху Сюменя следует, конечно же, целиком и полностью возложить на его отца. Но можно ли сделать отсюда вывод, что младший не заслуживает наказания? Это другой вопрос. Нельзя столь легко отказываться от принципа персональной ответственности...

Премьер-министр вслушивался в доводы логика с большим вниманием, взвешивая их под всеми углами зрения, и наконец обратился к обвиняемому с новой речью:

— Я нахожу тебя виновным в непротиводействии попытке побега, но не в сознательной разработке его. Нарушение этических установлений города в данном конкретном случае не катастрофично, однако суть рассматриваемого вопроса в другом. Суть в том, что проявились новые последствия твоего первоначального и действительно серьезного преступления. Ты создал личность с неисправимыми криминальными наклонностями — в своем предварительном заявлении твой сын уже признал, что является решительным противником всей нашей социальной системы.

Он потрогал себя за кончик бороды, размышляя.

— Твое преступление непростительно, ибо подрывает самые устои общества, — провозгласил он. — Если разрешить подобным тенденциям набрать силу, они способны разрушить цивилизацию, плодами которой мы наслаждаемся в Городе-Колбе. Вынесенный тебе приговор был тем не ме-

нее относительно мягким, поскольку это было первое дело такого рода за много столетий. Теперь о снисхождении не может быть и речи. С прискорбием извещаю, что вынужден приговорить тебя к потере жизни. — Он хладнокровно глянул Ху Шао в глаза. — Согласен ли ты с таким приговором?

И Ху Шао снова кивнул. Он мог почти зримо распознать ход мыслей премьер-министра. Приговор был нацелен не только на него одного — такой приговор давал Вэн Ву возможность покарать Сюменя, не прибегая к прямому наказанию. Принципы совести и права были соблюдены в равной мере, хотя казалось, что в данном случае они находятся в неразрешимом противоречии.

— Да будет приговор приведен в исполнение незамедлительно.

Ху Шао резко повернулся и вышел в неприметную дверь справа.

Спустя минуту-другую перед судом предстал Сюмень. Выслушал формальное обвинение, признал себя виновным, а в последующем заявлении добавил в категорических выражениях, что его отец решительно ни в чем не виноват.

Тем временем в одной из соседних комнат Ху Шао расслабленно возлег на кресло-кушетку, и ему подали чашку освежающего зеленого чая.

Чашка была из лучшего фарфора, с выпуклым рисунком того стиля, каким Ху Шао особенно восхищался, — пальцы художника оставили на фарфоре едва заметный след. Приговоренный отхлебнул чаю, оценив его тонкий аромат. И почти сразу по конечностям потекла немота: в чай был подмешан яд. Впрочем, немота была не слишком неприятной. Ху Шао поставил чашку, не допив, на ближайший низкий столик и тихо скончался.

Выслушав Сюменя, Вэн Ву бесстрастно повторил и объяснил приговор, вынесенный отцу обвиняемого.

— Приговор, — добавил он, — к настоящему времени должен быть приведен в исполнение.

Реакция Сюменя на эту новость заставила всех, кто был в судебном присутствии, испытать что-то похожее на брез-

гливость. Оказывается, между двумя подсудимыми, которым вообще не следовало бы знать друг друга, действительно существовали тесные эмоциональные узы. Сюмень смертельно побледнел и скрючился, будто его ударили в живот. С трудом придя в себя, но все еще бледный, он выпрямился и бесстрашно посмотрел премьеру прямо в глаза.

— Будьте прокляты, — произнес он хрипло. — Будьте вы все прокляты! Вся ваша система безнравственна и потому когда-нибудь будет разрушена...

— Мы знакомы с вашими убеждениями, — сказал председательствующий, — а равно с вызвавшими их причинами. Мы также осведомлены о том, что вас нельзя переубедить. И перед нами встает вопрос: что с вами делать? Наказание неприменимо — в той мере, в какой вы заслужили его, оно уже состоялось: вы знаете, что ваши действия привели к смерти отца. Однако мы не можем разрешить вам жить в Зоне Покоя, поскольку это противоречило бы закону. А если мы вернем вас в Зону Труда, где ваше законное место, вы, вне сомнения, вновь затеете смуту. Так что вопрос остается прежним: что же с вами делать?..

Глава 9

С раннего возраста Лэрд Аскар был одержим одной-единственной проблемой.

Проблемой времени.

Он мог припомнить день — в тот день ему исполнилось ровно десять лет, — когда загадка времени впервые поразила его как загадка, как парадокс, невозможный и неотвязный. Скоротечное настоящее, которое находится в вечном движении из прошлого в будущее, а будущее в свою очередь возникает вроде бы ниоткуда. А можно еще головоломнее — впоследствии он узнал, что это называется парадоксом возврата: как это время «проходит», если нет никакого времени, которое бы «пришло»?

Загадка времени перечеркнула для него все другие интересы. Он прочел на эту тему все, что мог понять, а затем

занялся физикой и математикой, чтоб углубиться в то, чего не понял. Развитой не по годам, он опережал своих сверстников по любым предметам, за какие брался. У него никогда не было друзей, и все же он мог бы сделать карьеру в любой области физики, если б не предпочел посвятить себя безуспешным, проводимым на свои деньги исследованиям природы времени. Среди более приземленных людей он прослыл психом, эксцентричным чудаком, и затеянные им эксперименты то и дело останавливались на полдороге из-за нехватки средств.

Потом он вступил в контакт с научными учреждениями Титановых Легионов, и они, надо отдать им должное, предоставили ему возможность продолжать работу. Вслед за победой над мутантными подвидами начался взрыв хвастливого покровительства наукам в уверенности, что Человеку Истинному по плечу все что угодно. Не только Аскару, но и подлинным безумцам, без двух минут психопатам, — фонды предоставлялись всем, каждому давался шанс довести свои идеи до воплощения. И Аскар продвигался вперед шажок за шажком, пока не настал тот невероятный день, когда титанисты выяснили истинное назначение захваченного инопланетного корабля.

Тот день стал вершиной всей его жизни. Новая вершина забрезжила, когда его познакомили с Шу Кунценом, ведущим экспертом по проблемам времени в городе, где время уже раскрыло людям почти все свои секреты.

Аскара нисколько не беспокоило, что его сызмальства приучали относиться к людям расы Шу Кунцена как к неполноценным. Физик без колебаний склонился бы перед шимпанзе, если б только шимпанзе мог передать ему недостающие знания.

Они уселись напротив друг друга. Хозяин безостановочно прихлебывал зеленый чай, подливая себе из сосуда, который дымился рядом на лакированном столике. А вокруг простиралась обсерватория Шу Кунцена, где, насколько понял Аскар, исследовали и время, и пространство: с одной стороны изгибалась прозрачная стена, открывающая вид на пустынный бархатный космос, а с другой ровными рядами

выстроились приборы, назначения которых землянин еще не успел постичь.

Самого Шу Кунцена Аскар нипочем не отличил бы от других его соотечественников: все чинки были для физика на одно лицо. Держался ученый скромно и одет был скромно — простой шелковый халат без всяких украшений, подпоясанный кушаком, и длинная шелковистая борода, типичная для людей его возраста. Но нельзя было не заметить, что ногти у него крашеные и очень длинные. Напрашивался вывод, что Шу почти не знает ручного труда: да, оборудование создавалось по его чертежам, но где-то в другом месте, а затем самые сложные приборы устанавливались и обслуживались роботами. Люди беседовали, а механические слуги деловито жужжали в дальнем конце обсерватории.

— Что ж, весьма интересно, — произнес Шу Кунцен после того, как вежливо выслушал землянина. Аскар пытался вкратце обрисовать свои идеи насчет времени и ход рассуждений, который привел его к ним, но, к сожалению, вынужден был ограничиться словесным изложением. Выяснилось, что выведенные физиком уравнения ничего не говорят собеседнику, а чинкские уравнения начисто непонятны Аскару: Шу применял математические символы, которым не находилось эквивалента, и пройденный с помощью игл лингвистический курс тут не помогал.

Отчаявшись, Аскар сложил руки на груди и вздохнул. Не в силах скрыть раздражения, он принялся качаться на кресле взад и вперед.

— До недавних пор мне все казалось ясно. Я думал, что докопался до самого дна вековой загадки. Но с того дня, как я открыл другое «сейчас» — временную систему, движущуюся в противоположном направлении, — я в замешательстве и не знаю, что думать. По сути, вся созданная мною картина имеет смысл только в том случае, если Абсолютное Настоящее неповторимо... — Он смерил Шу пристальным взглядом. — Скажите мне прямо: что, наступает конец Вселенной?

Морщинистое лицо Шу повеселело, он даже хмыкнул, словно выслушал забавную шутку.

— Да нет, что вы! Конец не Вселенной, а органической жизни на Земле. Если точнее, на Земле в скором будущем остановится время. — Он дал отмашку, и кибернетический слуга подкатил с чайником свежего чая. — Знаете, хоть вам и кажется, что вы преодолели парадокс возврата, на самом деле вы от него еще отнюдь не избавились...

Аскар нахмурился:

— Давайте сперва установим, одинаковый ли смысл мы вкладываем в это понятие. Для меня так называемый парадокс возврата указывает на видимую невозможность движения времени. Он формулируется так: возьмем три последовательных события — А, Б и В. Одно из событий имеет место «сейчас», два других в прошлом и в будущем. Допустим, событие Б — «сейчас», с тем чтобы А было в прошлом, а В — в будущем. Но ведь отсюда следует, что некогда А было «сейчас», а Б и В оставались в будущем, и точно так же наступит момент, когда В окажется «сейчас», а А и Б отступят в прошлое. Можно начертить три схемы взаимного расположения этих трех событий и дать им в общей сложности девять отчетливых обозначений. Но ведь на этом нельзя остановиться: если остановимся, возникнет три одновременных «сейчас», а «сейчас» может быть только единственным. Значит, мы должны выбрать одно из обозначений и закрепить наше «сейчас» за ним, и только за ним, что ведет к возникновению «сейчас» второго порядка, определяемого не одним отдельно взятым событием, а динамическим взаимоотношением всех трех событий, и положение нашего истинного «сейчас» может быть выявлено лишь таким способом. Но ведь и на этом мы остановиться снова не можем. Каждому из трех взаимоотношений может, в свою очередь, соответствовать «сейчас» второго порядка — по той простой причине, что «сейчас» движется. Приходится чертить новые схемы, где первоначальная схема повторена трижды, количество групп А-Б-В достигает девяти, а число отдельных событий — двадцати семи, и в результате возникает «сейчас» третьего порядка. И процесс можно повторить в четвертый и в пятый раз, а затем до бесконечности...

Шу замахал на Аскара руками, затянувшаяся лекция вывела его из терпения.

— Да знаком я со всеми этими рассуждениями, знаком! Но с чего вы взяли, что вам удалось разрешить парадокс?

— Ну видите ли, — медленно ответил Аскар, — когда состоялись первые путешествия в прошлое и в будущее и обнаружилось, что там нет «сейчас», я попросту сделал вывод, что спор основан на ложных посылках. Факты показали, что вернуться в прошлое нельзя, а значит, и парадокса не существует...

— И вы даже не удосужились спросить себя: а почему нельзя? — ядовито заметил Шу. — Вы предпочли, как школьник, подсмотреть ответ и сразу же забыть про саму задачу.

Аскар довольно долго молчал.

— Ладно, — наконец проговорил он, — в чем я ошибся?

— Главная ваша ошибка в предположении, что время — феномен, единый для всей Вселенной. — Шу тщательно выбирал слова, подчеркивая каждое. — Вы вообразили себе Абсолютное Настоящее как точку пересечения трех измерений, движущуюся синхронно во всем мироздании наподобие читающей головки, которая скользит по магнитной ленте и вызывает к жизни запечатленные на ней образы. Согласны вы с таким сравнением?

— Да, — ответил Аскар, — сравнение довольно точное.

— Но как же вы не замечаете, что, если принять такую картину, парадокс возврата остается в неприкосновенности?

— Нет, почему же, — начал было Аскар, — поскольку точка пересечения проходит через каждое мгновение лишь один раз... — Он вдруг запнулся, а затем признал нехотя: — Вы правы, теперь я понял. Такая картина означала бы бесконечное множество вселенных, по числу мгновений в нашей собственной Вселенной, аналогичных во всем, кроме того, что точка пересечения — Абсолютное Настоящее — находится в разной фазе движения. И в каждый данный момент среди этих вселенных обязательно есть такая, где Абсолютное Настоящее соответствует любому мгновению в прошлом, настоящем и будущем...

— И помимо этого, — подхватил Шу, — придется допустить существование еще одного множества вселенных, нет, бесконечного числа множеств, бесконечного в бесконечной степени, чтобы они соответствовали парадоксу второго по-

рядка, третьего и так далее. Сама бесконечность превращается в фикцию...

Аскар поспешно кивнул:

— Хорошо, я принимаю критику. Признаю, что нарисованная мной картина основана на ложных посылках. Но какова же истина?

— Истина прежде всего в том, — ответил Шу, — что во Вселенной в целом нет никакого времени. Нет никакого «сейчас», синхронного и повсеместного. Вселенная в принципе, в основе своей статична, мертва, безразлична. В ней нет ни прошлого, ни будущего, нет и «сейчас»...

Он долил в чашку чаю, позволив Аскару перебить себя:

— Но время-то существует!

— Существует, — терпеливо разъяснил Шу, — как локализованный, случайный феномен, не имеющий серьезного значения. Временные процессы могут протекать на небольших пространствах и обычно замыкаются на планетах, хоть и не обязательно. Все сводится к потокам энергии, перемещающимся из одной точки в другую, к маленьким бегущим волнам «сейчас». Философски это объясняется так: Вселенная по замыслу Высшего создана как взаимодействие сил «инь» и «янь» и должна находиться в полном, ненарушимом, гармоничном равновесии. Однако иногда эти силы слегка выходят из равновесия, порождая потоки энергии, известной нам как время. Энергия истекает до тех пор, пока равновесие не восстановится. В своем движении волны времени организуют материю в живые формы, давая начало процессу, который мы называем эволюцией.

— Выходит, время — не космический феномен, а биологический?

— Скорее биология как таковая — одно из последствий времени. Не единственное последствие, есть и другие отклонения. Но жизнь и сознание могут развиться только в пределах бегущего настоящего и движутся вместе с ним... Теперь вы видите, — продолжал Шу, — почему путешествовать во времени относительно легко. Мы попросту отделяем фрагмент бегущей волны «сейчас» и перемещаем его по истинному статичному миру вневременья. Фрагмент отде-

ляется без большого труда, потому что это локальная энергия, а не фундаментальная часть мироздания.

— Да, мы сразу обнаружили, что машина времени может действовать лишь в присутствии живого пилота. Следствие, логически вытекающее из сказанного...

— Ну нет, это следствие того, что ваши машины еще примитивны. Здесь, в Городе-Колбе, мы научились перемещать во времени и неодушевленные предметы.

— Понимаю... — Даже Аскару стоило известного напряжения охватить мысленным взором концепцию, какую обрисовал Шу Кунцен. — Давайте подведем итоги, — выговорил он. — Вселенная представляет собой статичную четырехмерную матрицу...

— Отнюдь не четырехмерную, — поправил Шу. — Все ваши теории об измерениях в корне ошибочны: измерений не существует вообще. Впрочем, их допустимо использовать ради удобства описания. В таком случае, чтобы описать все существующие направления, понадобится не четырех-, а шестимерная матрица. Волны времени, если возникают, могут двигаться в любом из шести направлений. С нашей точки зрения, вперед, назад, в сторону, вверх, вниз, шиворот-навыворот — это направление зрительно непредставимо. Но для каждого, кто находится внутри волны, она всегда создает трехмерное окружение. И кроме того, для наблюдателя, запертого в ней, неизбежно возникает прошлое и будущее.

— А парадокс возврата? — напомнил Аскар. — Что с ним?

— Его также не существует. Проблема возникает, лишь если время рассматривается как абсолютный фактор, действующий во всей Вселенной. А на деле это фактор случайный и несущественный. В целом Вселенная не замечает времени, безразлична к нему, как и к любым его порождениям, например, к живой природе. И если так, нет и противоречий, связанных с движением преходящего «сейчас», с «прежде» и «потом», с прошлым и будущим. В масштабах Вселенной время не может вызвать никаких перемен, вневременье поглощает мелкие процессы, не удостаивая их вниманием...

Шу был достаточно тактичен, чтобы дать земному физику переварить услышанное. Аскар уставился в пол, опустив подбородок на руки, и после долгого молчания вымолвил:

— Значит, что произошло на Земле? Там зародилась еще и вторая временная система, она создала свой процесс эволюции, но движется в направлении, противоположном нашему. И две системы должны столкнуться...

— Совершенно верно, — подтвердил Шу без выражения.

— И все же это трудновато усвоить. Выходит, время может двигаться наоборот, но во всех своих проявлениях оно остается неотличимым от нашего. Я привык смотреть на законы природы, на химические реакции и законы термодинамики, как на необратимые. К примеру, закон энтропии — он должен бы задавать времени какое-то определенное направление независимо от...

— Это вам кажется оттого, что вы привыкли смотреть на время как на явление, имеющее абсолютный характер. Взять закон энтропии, который гласит, что тенденция к распаду обладает свойством усиливаться, — он тоже есть следствие движения волны времени. Любая волна времени создает две противоположные тенденции — тенденцию к распаду и тенденцию к объединению. Вторая тенденция проявляется, например, в биологических системах. Своим рождением эти тенденции обязаны силам «инь» и «янь», присутствующим в волнах времени, но не взаимодействующим, а воюющим друг с другом. «Инь» несет с собой тенденцию к объединению, «янь» — тенденцию к распаду. Довольно им прекратить войну между собой, чтобы время остановилось.

— Именно это и произойдет на Земле?

— Нет. Вашей цивилизации чрезвычайно не повезло, как и той, что обречена столкнуться с вами. Будет катастрофа, насильственное, жуткое столкновение необоримых сил, едва ли не самое фантастическое событие, мыслимое во Вселенной...

— И чем оно кончится?

— С вероятностью почти сто процентов — полной остановкой времени. Два встречных фронта погасят друг друга в некоем подобии временного взрыва.

— Я, в сущности, подразумевал более частный вопрос, — произнес Аскар, избегая смотреть чинку в глаза. — На что это будет похоже для тех, кто окажется там в момент, когда фронты времени приблизятся друг к другу?

— Хотите знать, на что это будет похоже? — переспросил Шу. — Представьте, в какой-то мере я могу вам это показать. — Поднявшись на ноги, он направился в дальний конец обсерватории к прозрачной сфере примерно восьми футов в диаметре. — Нашему Городу-Колбе однажды случилось пережить подобное происшествие.

Аскар, мгновенно вскочив, догнал Шу Кунцена.

— И вы уцелели? — воскликнул землянин.

— У нас сближение фронтов не было столь чудовищным, как в вашем случае, — ответил Шу как мог мягче. — Во-первых, угол сближения был незначительным. Сущность, с которой мы встретились, двигалась во времени своим путем, по отношению к нам по касательной, а не в лоб, как на вашей планете. Во-вторых, мы использовали преимущества нашего положения в свободном межзвездном пространстве. Будучи предупреждены заранее, мы несколько передвинули Колбу, с тем чтоб избежать прямого физического контакта. Тем не менее фронты времени соприкоснулись, и последствия оказались очень неприятными. За всю нашу историю мы никогда не были так близки к гибели...

Подойдя к сфере вплотную, чинк остановился.

— События тех дней запечатлены на всечувственной пленке. Вам на Земле известна всечувственная запись? — Аскар недоуменно покачал головой. — Как подразумевается в самом названии, такая запись охватывает все чувства, все ощущения, и внешние, и внутренние, нервные, телесные и так далее. Где чувства, там и разум, — в результате, проигрывая запись, вы переживаете все, что пережили непосредственные участники событий. Если хотите, я вам прокручу одну из таких записей, — добавил Шу, обращаясь к гостю. — Но предупреждаю, вам уготовано тяжкое испытание...

— Да-да, конечно, — с готовностью откликнулся Аскар. — Хочу знать, как это выглядит и как воспринимается...

Шу ответил отрешенным кивком, выражение его лица расшифровке не поддавалось. Повинуясь его жесту, Аскар залез в сферу через узкий люк, который тут же и захлопнулся. Но едва физик очутился внутри и утратил способность следить за хозяином обсерватории, тот чуть заметно улыбнулся. Вопреки ожиданиям, посетитель произвел на него приятное впечатление: несмотря на варварское происхождение, Аскар обещал стать способным учеником.

Изнутри сфера казалась светонепроницаемой. При тусклом внутреннем освещении Аскар увидел одинокое кресло, привинченное к полу. Как только он уселся, свет погас, и физик очутился в полной темноте.

Секунд десять ничего не происходило. Потом свет загорелся вновь — однако Аскар больше не был заперт в стеклянной сфере. Он сидел в таком же кресле в типичной для Города-Колбы легкой, просторной комнате. В воздухе ощущалась смесь слабых ароматов, и откуда-то издали доносилась резкая прерывистая музыка, какую предпочитали местные жители.

Он принялся разглядывать обстановку комнаты и вдруг понял, что вокруг что-то не так. Пропорции комнаты были ложными и становились все более ложными с каждой секундой. Углы сопряжения стен между собой, с полом и потолком — они не сочетались друг с другом, они были попросту немыслимыми, словно вся пространственная геометрия изменялась на глазах.

Музыка в середине сложного перелива внезапно застыла на одном аккорде, который тянулся, все повышаясь, плача и дрожа, не в силах вырваться из тюрьмы одного-единственного нескончаемого мгновения.

Вытаращив глаза, Аскар наблюдал за хрупкой вазой, ни с того ни с сего покинувшей свое место на полке и взмывшей в воздух по замысловатой орбите. Но ее полет не был бы так удивителен, если б она сама беспрерывно не изменялась, принимая все более причудливые формы. В конце кон-

цов Аскар обнаружил, что разглядывает нечто наподобие сосуда Клейна, исполненное в четырех измерениях и просто невозможное в трехмерном пространстве, не имеющее ни наружной, ни внутренней поверхности, а состоящее из сплошных изгибов, которые плавно перетекают друг в друга. Поражало не то, что он мог представить себе такую фигуру, а то, что глаза обрели способность действительно увидеть ее.

И все остальное в комнате принялось изменяться тем же порядком. Встревоженный Аскар попытался выбраться из кресла, попытался встать — и не смог. Краем сознания он припоминал, хоть и с трудом, что это запись, только запись, а не подлинные события. Вполне вероятно, что всечувственная запись каким-то образом лишала его свободы движений, и вскоре он оставил всякие попытки двигаться, тем более что деформации, чудовищные деформации захватили и его самого.

Аскар испустил долгий, нечеловеческий крик. Навалилась боль... боль... боль...

И тут комната обрушилась внутрь себя, и на ее месте возник кошмар, не поддающийся описанию. Аскар ощутил собственную нервную систему как моток пряжи, как клубок проволоки, выпорхнувший из тела облачком, нет, потерявший материальную форму и дрейфующий по лабиринту бесчисленных измерений. Узнаваемость каких бы то ни было предметов утратилась без следа, утратилось и всякое чувство времени. Только нервы, которым чуждое временное поле, возможно, приказывало изменить неизменяемое — свой химизм, отзывались болью, острейшей, мучительной, неодолимой.

И в сознание исподволь вторгалось нечто непостижимое, но готовое с полной неотвратимостью это сознание потушить. «Бам, бам, бам» — звучало нечто, как исполинское сердце или, скорее, как молот, намеренный сплющить душу на наковальне.

А все окружающее перевоплотилось в новые формы, неизъяснимые, но, видимо, отвечающие ужасу бытия. Он видел теперь не просто комнату, где сидел, а целый район

Города-Колбы, деформированный в причудах неэвклидовой геометрии так, что стены больше не были препятствием для взгляда. Как мухи в липких джунглях паутины, в этом кошмаре были заточены тысячи людей, все более теряющих сходство с людьми. Они просовывались сквозь стены, полы и потолки, сращивались с мебелью, распадались на мелкие осколки, тем не менее связанные друг с другом тонкими нитями обнажившихся нервов.

А затем город вновь пришел в движение, искривляясь, складываясь и опрокидываясь в себя, содрогаясь в конвульсиях, словно безобразное чудище, выброшенное на берег из океанских глубин.

В пьедестал, на котором покоилась сфера, был встроен маленький монитор. Шу Кунцен следил за записью и выбрал этот момент, чтобы остановить воспроизведение прежде, чем возникнет риск нанести землянину непоправимый психосоматический урон.

Чинк включил внутреннее освещение сферы и отомкнул люк. Лэрд Аскар вывалился на волю изможденный и осунувшийся, хрипло и прерывисто дыша.

— Я полагаю, хватит, — мягко сказал Шу. — Дальше стало бы еще тяжелее, а мне вовсе не хочется повредить вам психику...

— Еще тяжелее?

— Да. То, что вы испытали, — это лишь первые признаки соприкосновения с чуждым временным полем. Когда опасность миновала, выяснилось, что население нашего города сократилось вдесятеро. Мы не отделались бы так легко, если бы сама Косвенная Сущность не умела управлять временем и не приняла бы мер, чтобы несколько изменить направление своего движения.

Вцепившись в край люка, Аскар осведомился:

— Значит, так же будет и на Земле?

— О, на вашей планете будет несравнимо хуже. Куда хуже, чем все, что случилось здесь. Мы испытали лишь скользящий удар, не намного сильнее простого сближения. Что предстоит вам, едва ли можно себе вообразить...

— Святая Мать Земля! — хрипло прошептал Аскар.

Глава 10

Министры кабинета Вэн Ву рассматривали двух землян с выражением не то безразличия, не то легкого превосходства. Маску бесстрастия в Городе-Колбе носили все без исключения, и Ронду Хешке это, пожалуй, действовало на нервы. Казалось, они тут не способны проявить настоящий интерес к чему бы то ни было.

— Надеюсь, вы поняли ситуацию, с какой столкнулась ваша планета, — сказал Вэн Ву тихим разговорным тоном, будто компания собралась обсудить, где провести на досуге часок-другой. — Мы в Городе-Колбе узнали об этом несколько месяцев назад, когда Шу Кунцен по чистой случайности провел разведку в вашем секторе Галактики. А когда узнали, направили звездовремялет на околоземную орбиту для более подробных наблюдений...

— Почему же мы не обнаружили ваш корабль? — быстро спросил Аскар. — Наши станции слежения наблюдают за всей Солнечной системой...

— По моим данным, корабль выведен на орбиту, эллиптическую во времени, — ответил премьер-министр. — Он обращается вокруг планеты не только в пространстве, но также из прошлого в будущее и наоборот. Ваши станции слежения не в состоянии засечь его.

— Изобретательно, — пробурчал Аскар себе под нос.

— Не так давно, — продолжал Вэн Ву, — мы решили предложить Земле посильную помощь. Поскольку мы сами расово неприемлемы для вашей идеологии, нам нужны были эмиссары, к которым ваше правительство отнеслось бы с доверием. Чем и объясняется ваше присутствие здесь, в Городе-Колбе: наши наблюдатели следили за вашей трагической экскурсией во вневременье и решили, что вы подойдете лучше других. Вы оба известные на Земле люди, к тому же вы и без нас были до определенной степени знакомы с фактами.

— Чего вы от нас хотите? — поинтересовался Хешке.

— Чтобы вы просто-напросто вернулись на Землю и уведомили свое правительство о положении вещей и о помощи, какую мы способны предложить.

— И какова же эта помощь? — хмуро спросил терзаемый сомнениями Аскар.

— Для вашей цивилизации единственное решение — согласиться с тем образом жизни, какой приняли мы, — заявил Вэн Ву. — Я имею в виду поселения в межзвездном пространстве, в искусственных городах. Вы должны покинуть планету прежде, чем разразится катастрофа.

— Но это практически невозможно! — воскликнул пораженный Хешке. — Нельзя успеть вывезти всех землян!

— Всех вывезти нельзя, это верно. Но мы придем вам на помощь. Наши производственные мощности не меньше, если не больше, мощностей вашей цивилизации. К тому же мы могли бы ввести в Зоне Труда — в нижней части города — замкнутое время, в результате чего она сможет проделать десяток производственных циклов за столько же дней, сколько на Земле потребуется на каждый цикл.

— Мы научим вас, как строить собственные космические города, — вмешался один из пожилых, почтенных министров, — и при этом сложим наши ресурсы с вашими.

Вэн Ву выразил согласие.

— До встречи двух временных систем еще остается много поколений. Объединенными усилиями мы успеем переселить в космос, пожалуй, около двухсот миллионов человек. Можно бы даже больше, но, — он небрежно махнул рукой, — мы намерены сделать аналогичное предложение цивилизации, которая должна, к несчастью, столкнуться с вашей. Так что Зона Труда, вероятно, будет загружена на полную мощность.

— Но двести миллионов — это лишь малая часть населения Земли!

— И все же, вне сомнения, достаточная, чтобы продолжить вашу культуру. Один из движущих мотивов, скрытых за нашим решением, — желание не допустить бессмысленной гибели интересных культур.

— И вы называете нашу культуру интересной? — Хешке не верил своим ушам. — Да знаете ли вы, что по нормам этой культуры вы все здесь — биологические извращенцы? Уроды? И что вас надлежало бы истребить? И тем не менее вы желаете помочь нам?..

— Ваши религиозные верования нас не касаются, — отрезал Вэн Ву своим обычным, холодно взвешенным тоном. — Мы руководствуемся логикой, осознанием своих возможностей, но, надеюсь, успешно избегаем слепых эмоций.

— Ничего у вас не выйдет, — заявил Аскар с горькой уверенностью в своей правоте. — Титановые Легионы не захотят и слышать об этом. Земля для них — богиня. Они не покинут ее ни при каких обстоятельствах...

— Боюсь, что Аскар не ошибается, — вздохнул Хешке. — Неужели нет иного пути? Вы мастера управлять временем — так неужели вы не в состоянии ничего придумать, чтоб не допустить столкновения в принципе?

— Вы требуете невозможного, — ответил Вэн Ву. — Мы далеки от подобного мастерства. Да, мы можем контролировать временное поле в пределах потребностей этого города, но столь обширное и мощное поле, как на Земле? На двух Землях? Это не легче, чем передвинуть саму Землю. Разве не так, Лэрд Аскар?

— Шу Кунцен информировал меня именно таким образом, — произнес Аскар монотонно.

— А если мое правительство откажется от вашего предложения? — спросил Хешке.

В ответ Вэн Ву слегка, деликатно пожал плечами.

— Тогда это будет их головная боль. Мы навязываться не станем. — Поднявшись с места, он подал знак кибернетическому слуге. Машина приблизилась к раздвижной бумажной двери и откатила панель. — В своем путешествии на Землю вы будете не одиноки. Один из наших людей, конечно же, отправится вместе с вами в качестве связного. Если ваша миссия закончится успешно, он останется на Земле с целью координации совместных усилий...

И в комнату вошел Ху Сюмень.

Откинувшись на низкую кушетку, Хешке то и дело вытирал лоб обернутым в салфетку льдом. Голова раскалывалась от боли и от усталости, а ему был необходим серьезный, длительный отдых: отлет на Землю планировался на завтра.

Завтра, и снова завтра, и опять завтра... Время — сплошной обман чувств, мираж...

Под рукой стоял графин легкого желто-розового вина. Хешке уже пробовал его — оно освежало и взбадривало, но пить сегодня больше не хотелось. Аскар, напротив, поглощал вино без меры и с явным удовольствием.

— По-моему, это не лучшее решение, — упрекнул Хешке физика, — выйти из игры в такую минуту. Несмотря на ваши прошлые поступки, в общем-то скверные, я в сложившихся обстоятельствах ожидал от вас большего чувства ответственности...

Дело в том, что Аскар только что объявил: возвращаться на Землю вместе с Хешке он не намерен. Шу Кунцен согласился принять его в ученики, и он решил умыть руки и отказаться от участия в проекте во имя академической карьеры под руководством непревзойденного мастера. В ответ на укор археолога он просто-напросто расхохотался:

— Вы-то уж должны знать, что такое титанисты! Вся затея обречена. А я слишком стар для того, чтоб нарываться на новый отказ. Раз уж вам хочется пережить еще одно фиаско, обойдетесь без меня...

«А может, он и прав, — мелькнула у Хешке внезапная мысль. — У меня и то за последнее время бывали нервные срывы. А уж для такого неуравновешенного типа, как Аскар, наверное, не осталось выхода, кроме как уйти в свою скорлупу, отвернувшись и от нашей расы, и от нашей планеты...»

Не то чтобы сам Хешке сохранил хоть в малой доле прежние расистские предубеждения. Как археолог он не мог упустить случая покопаться в земной истории, как она выглядела в варианте, известном в Городе-Колбе и основанном не на археологических раскопках, а на письменных источниках. И источники свидетельствовали, что не было никакого вторжения инопланетян, как никогда не было и Человека Истинного. Земная цивилизация поднималась и вновь откатывалась к варварству сама по себе, поскольку такова уж ее природа. Старейшины Города-Колбы провозглашали, что их цивилизация — единственная не подверженная таким откатам, а успешно сохра-

няющая себя тысячелетие за тысячелетием. Что же касается мутантных подвидов, Хешке убедился, что Блэр Обломоут был прав: это естественная тенденция эволюции, виды постоянно расслаиваются на подвиды. Но в эпоху развитых всепланетных коммуникаций подвиды систематически скрещивались, и племена переплетались. А затем, вслед за очередным, особенно жестоким откатом, большие группы людей оказались географически изолированными друг от друга на длительный срок. В то же время скорость естественных мутаций увеличилась вследствие остаточной радиации — наследия ядерных войн, — и племена превратились в резко очерченные расы.

И что существенно: подвид, к которому принадлежал сам Хешке и который расовая наука титанистов провозглашала Человеком Истинным, был ничуть не более похож на homo sapiens тридцатитысячелетней давности, чем все остальные. Просто-напросто подвид, одержавший победу над другими, и не больше.

— Любопытно, — произнес археолог, оставив тщетные попытки усовестить Аскара, — что, если план спасения, о котором говорил Вэн Ву, распространяется и на низшие подвиды? Вам известно, что на Земле есть организованное подполье, которое противостоит титанистам и стремится помочь мутантам?

Аскар скорчил гримасу.

— Да, слышал. Лига общечеловеческих ценностей. Сборище полудурков...

— Так или иначе, сегодня мутантам, по-моему, уже ничем не поможешь. — Хешке отложил лед и вытер лоб полотенцем. — Скажите, Лэрд, что вы думаете о наших здешних хозяевах?

— А что тут думать? Они гениальны, вот и все!

— А мне они, признаюсь, не слишком нравятся. Что-то в них есть чересчур холодное. Слишком они логичны, до неестественности. Изнеженны, сверхкультурны... и не способны сопереживать.

— Ну уж, — буркнул Аскар, — вы вещаете как лента в центре обучения для легионеров...

— Пусть так. Но вы слышали, как устроена их общественная система? Как они отрывают от себя своих детей, чтобы тех воспитали рабочими, в лучшем случае — техниками?..

Хешке не мог забыть, какой ужас пополам с отвращением он испытал, когда ему впервые объяснили все это. Две Колбы существовали в разных временных фазах. Детей Зоны Покоя, оторванных от родителей сразу после рождения, отсылали на двадцать пять лет назад. Они взрослели и обычно в возрасте двадцати пяти лет заводили собственных детей. И тогда этих детей передавали обратно в Зону Покоя. Люди жертвовали своими детьми, чтобы в тот же самый день получить взамен другого ребенка — своего внука.

— По-моему, это замечательно, — заявил Аскар, и по его губам скользнула редкая гостья — улыбка. — Они делают со временем что им заблагорассудится. Задают Зоне Труда колебательное движение по фазам, замыкают фазы вкруговую — не только вперед и назад, но и в стороны, в иные измерения... И знаете, что получается? Здесь, в Зоне Покоя, можно заказать прибор, на изготовление которого требуется шесть месяцев, и вам доставят его через пять минут. Шу Кунцен пользуется этим постоянно. Прекрасная штука!

— Да, прекрасная, только чтоб ею воспользоваться, надо быть Шу Кунценом! — рассердился Хешке. — А представьте себя на месте того, кто должен всю жизнь исполнять капризы таких кунценов!..

«Ей-же-ей, — добавил он про себя, — по сравнению со здешними порядками замыслы титанистов — сама благотворительность и чистота. Замыслы в отношении Человека Истинного по крайней мере. Как бы то ни было, титанисты верят в какую-то грубую демократию. И в культуру, даже для рабочих...»

— А что, у тех тоже всё хорошо, — отозвался Аскар рассеянно. — О них заботятся, они счастливы, больше им ничего и не надо. Да и потом мы с вами здесь, а не там, так что вас тревожит?..

— С вашего разрешения, — объявил Хешке усталым тоном, отчаявшись поколебать целеустремленную узость оппонента, — я хотел бы поспать. Мы стартуем рано утром...

— Ну что ж, не говорите потом, что я вас не предупреждал...

Аскар вышел из комнаты, не удосужившись попрощаться.

Глава 11

Комната была большая, из-за окон чуть слышным шепотом доносился шум оживленной улицы далеко внизу.

По стандартам титанистов личный кабинет Лимниха казался отнюдь не роскошным, а скорее бесцветным. Планетарный лидер был известен пристрастием к простоте и нарочитой скромностью в быту. Кабинет был даже не в Политдворце, а в солидном доме двухсотлетнего возраста, за пределами новенького административного квартала столицы. Именно здесь Лимних держал свою коллекцию черепов, библиотеку расоведческой литературы и другое личное имущество.

За последние несколько дней задумчивая кабинетная тишина, привычная в этом царстве темного полированного дерева и ворсистых ковров, сменилась безостановочной бурной деятельностью. Лимних не побоялся признаться вслух, что новости потрясли его до глубины души. На подготовку обычного церемониального совещания в замке просто не было времени. Все надлежало решать немедленно и не сходя с места. Кабинет Лимниха стал нервным центром планеты, и Титановые Легионы энергично перестраивались для невиданной грядущей схватки.

Многие заслуженные генералы покинули совет — либо в отставку, либо на административные посты, не требующие никакой инициативы. Лимних заменил их советниками помоложе, чьи мозги не заросли пылью, а усердие било ключом. Такими, например, как титан-полковник Браск (до введения чрезвычайного положения титан-капитан Браск), связанный с темпоральными исследованиями с самого их начала. Он и люди такого же склада взяли на свои плечи подготовку немыслимой прежде войны, Армагеддона во времени.

Браск был частым гостем этого кабинета. Вот и сейчас он вывел на стенной экран подле письменного стола лидера схему, составленную для демонстрации сближения враждебной временной системы и собственно земной. Схема была движущейся, наглядно показывающей скорость сближения и вероятную точку столкновения. Наблюдая за неотвратимо наползающей на человечество лавиной чужого времени, Лимних ощущал благоговейный трепет, но еще и неприятный холодок.

— Значит, остается почти два столетия? — спросил он.

— До прямого столкновения — да, — ответил Браск. — Но какие-то эффекты начнут проявляться задолго до этого. Наши знания на сей счет очень неполны, однако, по предварительной оценке, влияние встречной волны станет заметным лет через пятьдесят. А через сто лет — неизвестно, на что мы тогда будем годны. Не исключено, что вообще утратим способность к действию.

— Слава Богу, мы узнали правду вовремя!

Он повернулся от схемы к новоиспеченному полковнику. В серой полутьме кабинета покалеченное веко Браска выглядело почти карикатурно. Будь этот человек не так талантлив, его выгнали бы из Титановых Легионов без промедления, но исчерпывающие генеалогические исследования, каким подвергался каждый новобранец, доказали, что дефект не носит генетического характера, и Лимниху осталось только смириться.

А впрочем, несмотря на показной расовый фанатизм, Лимних был склонен проявлять терпимость в случае, если она сулила выгоду. В состав нового командования вошел даже офицер, полковник Йедраш, в чьих жилах текла частично кровь лоринов. Однако полковник выступал яростным борцом за общее дело — казалось, ярость только усугублялась от того, что Йедраш знал о своем смешанном происхождении. Услуги, какие он оказывал титанистам, были неоценимы, и Лимних решил (а всемирный президент согласился с Лимнихом), что пожертвовать им нельзя. И взамен ликвидации Йедрашу просто сделали вазэктомию, чтобы впредь не мог осквернять кровь Человека Истинного.

Дубовая дверь приоткрылась, и секретарь возвестил:

— Прошу прощения, лидер, прибыл полковник Хатт...

Лимних отрывисто кивнул, и титан-полковник Хатт не заставил себя ждать. Оба подняли руки в титан-салюте, потом Лимних снова уселся.

— Относительно информации для широкой публики, лидер...

— Я принял решение, — опять кивнул Лимних. — Интеллект среднего человека слишком ограничен для того, чтобы переварить правду как она есть, целиком. Публике надо дать представление о природе времени в ограниченных пределах — пусть объявят о нападении из будущего, где инопланетные захватчики создали базу для второй попытки завладеть нашей Землей...

— Иными словами, — добавил Браск, — простой человек должен понимать проблему так, как не столь давно понимали ее мы сами. Позднее, с ростом образовательного уровня, можно будет обнародовать более полную картину.

— Понимаю, — откликнулся титан-полковник Хатт.

— И еще одно, — подхватил Лимних. — Чрезвычайное положение, самое чрезвычайное из всех пережитых человечеством, повлечет за собой серьезный политический кризис. Интенсивность политической пропаганды должна быть усилена, деятельность диссидентских групп сведена к нулю. В этой связи приказываю, используя наши секретные каналы, передать в Лигу общечеловеческих ценностей все факты, какими мы располагаем, без изъятий.

— Все без изъятий? — переспросил Хатт недоверчиво. — Но зачем?

— Разве может быть лучший способ выбить у них почву из-под ног? — ответил Лимних холодно, без улыбки. — Можно ручаться, что, как только в Лиге узнают правду, большая ее часть одумается и перебежит на нашу сторону.

— Так точно, лидер. Будет исполнено!

Тень запоздалого понимания мелькнула на лице Хатта. Приятно было сознавать, что старый лис не утратил хватки, что Лимних способен маневрировать не хуже, чем прежде.

А Лимних, со своей стороны, с трудом удерживал разум на краю помешательства. Его преследовало жуткое, немыслимое видение двух встречных временных систем, мчащихся к точке столкновения. И он даже не задумывался, как все это выглядит с позиций Матери Земли — божества, которому он поклонялся не рассуждая. Он не хотел, он не смел задумываться об этом.

— Слава Богу, мы узнали правду вовремя! — повторил он чуть слышно.

Но какой прок в том, что они узнали? Существует ли средство, хоть какое-то средство к спасению?

Контакт с жителями Земли будущего был по необходимости подготовлен менее тщательно, чем контакт с титанистами. Задача, стоящая перед молодыми философами Ван Ятсеном и Ли Лисанем, которых выбрал для этой миссии лично Вэн Ву, носила более чем деликатный характер.

Прежде всего предстояло убедить лемуроподобных хозяев планеты, что они двое — не посланцы цивилизации, следующей встречным курсом. Уже непростая задача, поскольку чужаки, естественно, не улавливали различий в физическом облике людей. Но, к счастью, предыдущая экспедиция расшифровала, перехватывая электромагнитные волны, язык лемуров (точнее, несколько языков) и подготовила лингвистические пленки. Ван Ятсену и Ли Лисаню удалось прилично овладеть прерывистым, щебечущим наречием, хоть собственное их произношение оставляло желать лучшего.

В конце концов чужаки, кажется, поверили в межзвездные поселения, и молодых философов освободили из тюремного госпиталя (именуемого биологическим исследовательским центром), куда они были помещены поначалу вместе с пленными землянами. Что там с этими пленными делали, лучше было не вспоминать.

Их привели в комнату с коническим потолком и голыми каменными стенами. Чужаки предпочитали неукрашенный камень и коническую форму построек, а двери были треугольными и слишком низкими для того, чтобы человек мог войти не пригибаясь. Мебель была скудной, выполненной

из грубого неполированного деревянного бруса или фанеры. Удивительно, что несомненные технические достижения этой цивилизации не сопровождались интересом к украшению быта.

Однако два субъекта, усевшиеся напротив философов за простым дощатым столом, принадлежали к авторитетной верхушке своего общества. Ван Ятсен спокойно рассматривал собеседников, не уставая поражаться их необыкновенной нервности. Достаточно было любого пустяка, чтобы они принимались дрожать всем телом, а торчащие под носом тонкие усики — подергиваться и ходить ходуном.

— Но зачем вы делаете нам такое предложение? — прочирикал один из лемуров. — Зачем вам пускаться во все тяжкие ради того, чтобы нам помочь? Откуда мы знаем, что это не какой-нибудь злобный трюк?

— Отвечаю по порядку, — сказал Ли Лисань. — Готовность помочь свидетельствует об уважении, с каким одна разумная раса обязана относиться к другой. Во-вторых, мы можем предоставить вам гарантии наших добрых намерений. Наше предложение относится и к встречной человеческой цивилизации. Если и вы, и они примете его, то будете сотрудничать друг с другом вместо того, чтобы воевать.

— Если вам угодно, — добавил Ван Ятсен рассудительно, — мы могли бы доставить в Межзвездную космическую общину ваших полномочных послов. Пусть увидят все своими глазами.

Лемур пропустил предложение мимо ушей.

— И вы ждете от нас, чтобы мы отступили перед врагом? Чтобы мы бросили эту планету? — Каждая гласная в его речи звенела, выдавая душевное напряжение. Руки и ноги дрожали крупной дрожью, как у смертельно раненого животного. — Это наша планета, наша с самого начала времен! Мы будем защищать ее до последнего!..

В разговор вступил второй лемур:

— Никогда, никогда во всей нашей истории мы не отступали перед врагом! Несколько дней назад ваши биологические двоюродные братья атаковали наши большие города и применили мощное оружие, судя по последствиям, свя-

занное со слиянием легких атомных ядер. Города полностью разрушены, радиоактивные отходы загрязнили все вокруг. Но мы нанесем ответный удар! Ответный удар!..

Посланцы Города-Колбы, с детства приученные рассматривать любые явления с позиций беспристрастного анализа, были озадачены.

— Но как вы не сознаете, что ваше эмоциональное отношение к исторической родине в данных обстоятельствах совершенно неуместно? — высказался Ван Ятсен. — Ваши враги, как вы их именуете, ответят тем же, удар на удар. Эвакуация — единственная надежда как для них, так и для вас...

— А мы не считаем такую надежду единственной, — визгливо проверещал первый из лемуров. — Нам известно, что жизнь врагов протекает в нашем будущем и что, если они будут существовать и дальше, мы погибнем. Стало быть, мы должны покончить с ними!

— Каким же образом? — задал Ли Лисань самый простой вопрос.

— Мы создаем вирусы, разрушительные по отношению ко всей вражеской биосфере, — ответил лемур. — Мы рассеем эти вирусы повсеместно и в массовом масштабе. К моменту, когда наша временная система достигнет предполагаемой точки столкновения, во всей встречной биосфере не останется ничего живого. И ничто не помешает нашей собственной волне времени следовать своим путем...

Переглянувшись, Ван Ятсен и Ли Лисань пришли к одинаковому выводу: миссия провалилась. Они поняли друг друга без слов и поднялись на ноги.

— Для нас очевидно, что ваши решения не диктуются здравым смыслом и потому вы отвергаете наше предложение, — произнес Ван Ятсен, не отказываясь, впрочем, от прежнего «дружеского» тона. — Следовательно, нас здесь больше ничто не удерживает. С вашего разрешения, мы вызываем космический челнок и возвращаемся к своему народу...

— Ну уж нет! — взвизгнул лемур. — Никуда вы не возвращаетесь. Вы располагаете информацией, которую можно использовать против нас. А с другой стороны, вы при-

надлежите к той же расе, что и наши враги. Так что назад на биостанцию, и прощайте!..

И двух молодых философов отвезли назад на Станцию подготовки биологической войны, откуда им было уже не суждено выбраться.

Едва переступив порог подвального комплекса, Собри Обломоут понял: случилось нечто из ряда вон выходящее.

Совет Лиги общечеловеческих ценностей собрался на этот раз в Саннане, родном городе Собри. Древние подвалы были совершенно забыты властями: их замуровали при работах по реконструкции много лет назад. Осталось всего несколько потайных входов, и те были известны лишь доверенным членам Лиги.

В подвале работал печатный станок, и Собри поразился в первую очередь отсутствию шума: сколько раз он ни сталкивался с этим устройством, станок неизменно грохотал. Но, невзирая на примолкший станок, вошедшего сразу охватывало чувство лихорадочного возбуждения — казалось, оно сочится даже с блеклых кирпичных стен. Там и сям собирались группки людей, тихо, но ожесточенно спорили между собой. От одной такой группки отделился маленький тощий человечек и ужом подобрался к Собри:

— Обломоут! Зачем ты пришел?

— Что случилось? — почтительно спросил Собри.

— На твоем месте, — тихо ответил человечек, — я бы немедленно смылся как можно дальше. И прихватил с собой свою подругу. Потому что...

Однако закончить ему не довелось: к Собри внезапно подошел сам организатор встречи.

— Значит, ты все-таки сумел вырваться, Обломоут. Но опоздал. Мы уже думали, что ты узнал обо всем без нас...

— О чем узнал?

— Новости транслируются по всем каналам. По всему земному шару. Похоже, это конец...

Собри отчаянно потребовал объяснений, но вместо ответа организатор провел его под низкую арку. Открылась и закрылась дверь, и Собри очутился на заседании. Его встретили мрачными взглядами. Бросилось в глаза, что Совет Лиги

собрался далеко не в полном составе, почти треть обычных участников отсутствовала.

Потом он с удивлением заметил незнакомое лицо. Да это же аноним, но впервые без маски и без модификатора голоса! Что за перемена, почему? Он внимательно вглядывался в лицо анонима, и оно того стоило — волевое лицо с резкими чертами, чистой кожей, голубыми глазами, льняными волосами, совершенный идеал титанистов. Человек с таким лицом не мог не быть легионером и действительно был им, титан-офицером высокого ранга, что не мешало ему состоять тайным членом Лиги. Смутно Собри даже припомнил это лицо, лицо героического идола в программах видеосети, на обложках глянцевых журналов, и так далее, и тому подобное.

— Садись, Обломоут, — предложил председатель голосом, охрипшим от волнения.

— Немыслимо! — такова была реакция Собри. — В это невозможно поверить!..

— Немыслимо. И тем не менее...

— Но какие у нас доказательства? А может, это очередная уловка титанистов? Очередная выдумка?

— Нет, все более или менее точно, — ответил былой аноним. — Информация поступила из двух источников. Да, титанисты намеренно передали нам ее через своих агентов. Но я могу подтвердить факты независимо, просто в силу моего положения в Легионах. Заверяю вас, что замешательство в нашей среде — чепуха по сравнению с тем, что творится там у них...

Без модификатора голос титан-героя был сильным и звучным, зрелым и тем не менее моложавым.

— Я не очень хорошо понял всю эту научную белиберду, какую вы нам зачитали, — заявил Собри председателю. — Неужели это правда в буквальном смысле слова, что нас уничтожит волна... волна чуждого времени из будущего?

— Не только нас, а всю жизнь на Земле. Если не найдется способов остановить ее.

— И что прикажете делать нам? Я имею в виду Лигу?

— Именно это мы и обсуждали перед твоим приходом, — ответил председатель после тяжкой паузы. — Что толку отрицать факты: мы считали титанистов параноиками, а события подтвердили их правоту. Нам, землянам, в самом деле угрожает чуждая сила, хоть форма ее оказалась такой диковинной и неодолимой, что титанисты этого не предвидели. Наши собственные цели представляются теперь тщетными, чтобы не сказать — несущественными...

— Лига должна объявить о самороспуске и перейти на сторону титанистов, — раздался чей-то голос. — Ведь большинство наших сторонников выйдут из Лиги так или иначе...

— Те, кто не пришел на собрание, вне сомнения, уже предприняли подобный шаг, — уточнил председатель.

Собри был подавлен услышанным. Всерьез говорить об объединении усилий с ненавистными титанистами! Отринуть вековую мечту о расовом равноправии!

— Но как мы можем пойти на это? — запротестовал он. — Мы всегда полагали, что наша миссия священна...

— По-моему, у нас практически нет выбора, — ответил титан-герой. — Речь теперь идет о спасении не только исчезающих подвидов, а всего человечества. Даже я, проживший рядом с титанистами всю свою жизнь и научившийся ненавидеть их, как вам и не снилось, даже я вижу теперь, что спасти нас могут только они. Они последняя наша надежда, и отныне я превращаюсь в образцового титан-офицера...

Собри был не единственным, кого испугал новый поворот событий. Двое других вступили в спор, яростно обвиняя всех вокруг в предательстве прежних идеалов. Собри подлил масла в огонь:

— А что будет с мутантными подвидами? С амхраками, с урукури, со всеми остальными? Мы что, бросим их на произвол судьбы?

— Как ни жаль, их действительно придется выбросить за борт, — спокойно подтвердил снявший маску титанист. — Их слишком мало, они не стоят особого внимания при кризисе таких исполинских масштабов. На карте не участь каких-то племен, а участь всего человечества...

Спор обострялся, голоса звучали все громче. И лица, закаленные в многолетних заговорщических баталиях, все резче отражали решимость их обладателей выступить на той или иной стороне.

Он так и не заметил, когда и почему началась стрельба. Штук пять пистолетов были выхвачены одновременно. Пуля ударила титаниста в грудь. Тот упал, навалившись на стол, и его красивое волевое лицо перекосилось в искреннем изумлении. Выстрелы гремели не переставая. Председатель попытался было тоже спустить курок, но, раненный в плечо, повернулся вокруг оси, корчась от боли.

Собри, хоть, пожалуй, и поздновато, тоже выхватил пистолет и сразу нырнул под стол — только для того, чтоб увидеть, что все выступавшие с ним заодно лежат на полу мертвые. Рванув рубашку и запустив руку за пазуху, он медленно выпрямился. Как по команде все оружие в комнате нацелилось на него. Тогда он вынул руку и поднял ее над головой с эс-гранатой, извлеченной из подсумка на теле.

— Никому не шевелиться, — прохрипел он сдавленно, — или мы все обратимся в пыль...

Они не сводили с него непонятливых глаз, а он шаг за шагом пятился к двери. Достигнув ее, распахнул створки одним ударом и бросился бежать по гулким подземельям. Было еще немало белых лиц и разинутых ртов — перестрелку слышали все, но мало кто что-нибудь понимал. Собри размахивал пистолетом, отталкивая встречных и недоумевая, почему же за ним не гонятся. Понадобилось, наверное, секунд двадцать, прежде чем удалось добраться до выхода. И он бросился прочь, топоча по темным проходам.

Наконец туннель привел к потайной двери, которая выводила в подвал под заброшенным складом. Собри вывалился на боковую улочку в предместье Саннана, не раздумывая перебрался на более оживленные улицы и остановился у первой попавшейся видеобудки.

На экране появилось лицо Лайеллы. При виде взъерошенного мужа ее глаза поневоле расширились.

— Алло! Что случилось?

— Лайелла, немедленно уходи из квартиры.

На ее лице отразилась тревога.

— Что?

— Уходи из квартиры сию же минуту. Не задерживайся, не бери с собой ничего, только деньги, все, какие найдешь... — Собри замолк и, подумав немного, добавил: — Встретимся под часами на площади Котсин. Поняла меня?

Она побледнела, но совладала с собой.

— Поняла.

— Хорошо.

Он дал отбой и уже мгновение спустя вновь шагал по магистралям, уйдя в невеселые мысли, взвешивая ситуацию под всеми возможными углами зрения. Им обоим надо уехать из Саннана, и поскорее. Но куда, Боже мой, куда? Все в смятении. Видеосеть уже разнесла кошмарную новость, и что им осталось? Почти ничего.

Он спустился в подземку, но слез, не доехав до площади Котсин. Примерно прикинуть, за сколько времени Лайелла доберется сюда, было несложно. Собри прошел остаток пути не спеша и опоздал: она уже ждала его, нервничала, переминалась с ноги на ногу, кутаясь в невзрачное коричневое пальто.

— Куда мы пойдем? — спросила она, уставясь на Собри своими круглыми, унаследованными от амхраков глазами.

— К Хорбу Гандатту. Уж он-то нам поможет...

«И все-таки, — внушал себе Собри, — какая-то часть Лиги уцелеет. Хотя бы самые непреклонные, как мы с Хорбом, не сдадутся никогда. А может, нас останется достаточно, чтоб сохранить некое подобие организации...»

Главное — он был убежден в том, что Хорб достоин доверия и действительно способен помочь. Саннанская ячейка — его родная ячейка, та, которой он руководил, — будет, как ни печально, уничтожена полностью. Но в том-то и соль, что Хорб не принадлежал к ячейке, а был связным со стороны и, значит, может подсказать, куда податься в поисках относительной безопасности.

На площади Лайелла рискнула взять его за руку. Сперва он не обратил внимания, что у начала улицы, одноименной с площадью, собралась небольшая толпа. Не обратил он внимания и на серый фургончик без эмблем или опознаватель-

ных знаков, скромно приткнувшийся у кромки тротуара. Но не успели они вклиниться в толпу, как их грубо схватили и поволокли к серой карете.

Задняя стенка фургончика была приоткрыта. Внутри сидел коротышка, внимательно изучающий площадь через перископ. И Собри вдруг с замиранием сердца догадался, что они нарвались на новомодную затею титанистов, о которой много говорили, хотя никто не видел ее воочию, — на передвижную расовую станцию. И что коротышка — тот самый полулегендарный эксперт, способный выявить мутанта или человека смешанной крови с первого взгляда.

Эксперт оглядел Лайеллу с головы до ног с такой миной, словно она только что искупалась в грязи, и произнес жестко и слегка в нос:

— Наша пташка, можно не сомневаться. Не понимаю, как ей удавалось не попадаться так долго...

Собри испустил сдавленный крик. Хватило ли бы у него мужества использовать эс-гранату, убив тем самым и себя, и Лайеллу, он так и не выяснил. Потому что два титаниста в штатском развели ему руки в стороны, а третий залез под рубашку и выдернул смертоносную игрушку из подсумка.

— Интересно, — пробурчал Лимних. — И вы говорите, Лэрд Аскар до сих пор там?

— Так точно, лидер, — отозвался Хешке.

— Хм-м... Разумеется, мы всегда предполагали, что среди звезд могут существовать поселения людей, в том числе, не исключается, и мутантов. В записях так называемой эры Пандиш есть указания на подготовку межзвездных полетов — но вам, гражданин Хешке, это, конечно, известно и без меня.

— Так точно, лидер, — повторил археолог, чувствуя себя слегка не в своей тарелке: планетарный лидер Лимних был помешан на сведениях, имеющих отношение к истории Человека Истинного. Хешке встречался с ним не в первый раз и обнаружил, что археологическим познаниям Лимниха может позавидовать и профессионал.

Его усадили напротив лидера, у массивного руководящего стола. А вот Ху Сюменя, который тоже присутствовал

на аудиенции, заставили сесть в дальнем углу, под наблюдением двух охранников. Время от времени Лимних, явно недовольный присутствием мутанта в своей святая святых, бросал в ту сторону презрительные взгляды.

— Ну и что вы, Хешке, все-таки думаете о предложенном чинками плане? Какими скрытыми мотивами они руководствуются?

— Представьте, лидер, я склонен верить, что никаких скрытых мотивов у них нет, — честно ответил Хешке. — Никаких коварных замыслов в отношении Земли они не строят, да и прямого интереса к нашей планете не испытывают. Как ни странно, ими руководит просто-напросто стремление помочь соседу, попавшему в беду.

— Дьявольски хитрые чинки, — заметил Лимних вполголоса, кивнув самому себе, словно получил подтверждение своей догадке.

— Да, мне уже приходилось слышать это выражение, — сухо откликнулся Хешке.

За спиной Лимниха стоял полковник Браск, который держался почти так же, как тогда в кабинете титан-майора Браурна. Однако стоило Браску бросить взгляд на Сюменя, на надменном лице загоралась неприкрытая ненависть.

— Ну и как вам понравилось жить у этих... чинков? — спросил полковник.

Хешке смущенно поежился.

— Они... они не похожи на нас, — выговорил он.

— Да неужели?

— Но на меня произвело большое впечатление то, какую помощь они готовы нам оказать, — осмелился он закончить.

Браск ответил холодной саркастической улыбкой, а Лимних произнес:

— Каковы бы ни были их намерения, их план на сей раз не удался. Вы, гражданин Хешке, безусловно, отдаете себе отчет, что мы никогда не оставим своего намерения сохранить Землю для Человека Истинного. Сын не отрекается от матери даже ради спасения собственной жизни — какая бы смертельная опасность ни угрожала им обоим. Мы накапливаем силы, чтоб защищать нашу родину по праву рожде-

ния. Защита будет тотальной, быть может, отчаянной, но неодолимой. Титан-полковник Браск, присутствующий здесь не случайно, возглавляет формирование Титановых Легионов Кроноса, названных так в честь древнего бога времени. Эти легионы дадут нам возможность наносить удары — да мы уже их наносим — сквозь века. Полковник — лучший свидетель, что нас пока еще не побили.

— Но вы же знаете характер надвигающейся катастрофы! — взорвался Хешке. — Это природная катастрофа, не подвластная никакому врагу! Как вы намерены справиться с подобной угрозой?

— У нас уже есть план, — горделиво ответствовал Браск.

— И что же это за план? Заранее выражаю свое восхищение!..

Невзирая на присутствие высокопоставленных особ, Хешке не сумел удержаться от насмешки.

— Мы ставим целью полностью уничтожить вражескую биосферу. При помощи массированного ядерного удара по будущему мы сотрем с лица Земли всю жизнь, чтоб не выжил ни один микроб. Их временная система связана с наличием жизни — следовательно, с ликвидацией этой жизни ликвидируется и угрожающая нашему существованию временная волна.

Хешке вопросительно обернулся на Ху Сюменя. Но посланец Города-Колбы лишь пожал плечами. Пришлось опять адресоваться к Браску.

— Если вы проведете тысячи ядерных взрывов...

— Сотни тысяч, — уточнил Браск равнодушным тоном.

— ...если вы сделаете это в четырех столетиях от наших дней, что станется, когда мы сами достигнем точки встречи? Или вы полагаете, что мы каким-то образом избежим последствий этих взрывов?

Браск ответил сухой улыбкой.

— Это одна из характерных особенностей явления, которое называется временем. К моменту, когда мы окажемся там, все последствия сойдут на нет — при условии, что мы сумеем ликвидировать враждебную волну времени. А если не сумеем, нам это будет воистину все равно. — Заметив, что Хешке мало что понял, он добавил: — По-

нимаю, это звучит непривычно, но время, по-видимому, работает именно так...

Хешке опять взглянул на Сюменя, который теперь ответил кивком:

— Он совершенно прав — при том условии, что встречная временная волна действительно будет уничтожена.

— Вы не можете более сомневаться в нашей решимости, — заявил Лимних в своей парадной, негромкой, но сладкозвучной манере. — Быть может, предстоящая борьба станет кульминацией нашей славы. Пусть попомнят все, кто осмелится выступить против нас...

Он непроизвольно сжал кулаки, и Хешке словно увидел — да так оно и было на самом деле, — как Лимних силком удерживает себя буквально на краю безумия. «Неужели мы раса безумцев? — мелькнула мрачная мысль. — Наверное, да. Наверное, оно и к лучшему, что все потеряно...» И в самой этой мысли он уловил, пожалуй, признаки подсознательной жажды смерти, которая, как однажды выразился Блэр Обломоут, пропитывала всю психологию титанистов.

— Благодарим вас за аудиенцию, планетарный лидер, — сказал он скромно.

— Вы пережили необычные приключения, и это самое малое, что я был обязан сделать, — ответил Лимних с оттенком снисходительности и позвонил в лежащий на столе золотой колокольчик. Вошли еще несколько охранников, и он распорядился: — Этих двоих обратно в Политдворец...

На подземных этажах Политдворца была тюрьма, Хешке и Ху Сюмень занимали две соседние камеры. Путешественников почти довели до цели, когда археолог вдруг замер на полушаге: навстречу, тоже под охраной, вели человека, который сперва показался ему призраком. Спустя секунду он понял, что это не Блэр, а Собри — как-то раз Обломоут познакомил Хешке с братом.

— Обломоут! — окликнул Хешке.

Собри поднял голову в недоумении, потом вяло улыбнулся. Охранники попытались оттащить их друг от друга, но Хешке рассердился:

— Требую, чтобы мне разрешили поговорить с этим человеком! Вам же известно, что я не заключенный в полном смысле слова!..

— Это верно, — равнодушно согласился один из охранников. — Гражданин Хешке находится в карантине. И пользуется вниманием самого планетарного лидера...

Охранники переглянулись, затем старший принял решение и распахнул ближайшую камеру:

— Давайте сюда!

Однако распылять свои силы они не пожелали, так что Сюменю пришлось войти вместе с Хешке. Охранники замерли в дверях, поигрывая дубинками и не спуская глаз со своих подопечных, но археолог уже научился не обращать на них внимания. Преодолев начальную неловкость, он рассказал, как стал свидетелем гибели Блэра. Собри лишь печально кивал: во всем этом для него не было ничего нового.

А потом Собри, захлебываясь словами, принялся выкладывать все, что случилось с ним самим: и про свое участие в Лиге, и про подружку смешанных кровей, и про их совместный арест, и про то, как их доставили сюда, в Прадну, в Политдворец:

— Они предлагают мне сделку, — закончил он на горькой ноте. — Им хочется разделаться с Лигой общечеловеческих ценностей раз и навсегда. Если я выдам достаточно членов Лиги, кого они еще не выследили, они оставят Лайеллу в живых и отошлют в резервацию к амхракам, а не просто зарежут, как овцу...

— А вы могли бы?..

— Наверное, мог бы, но... Господи Боже...

Хешке грустно вздохнул.

— Ну что ж, по крайней мере они хоть отчасти напоминают цивилизованных людей, — тихо сказал он. — Что-то предлагают, а могли бы просто применить третью степень...

Собри удивленно посмотрел на него и скептически усмехнулся:

— Неужто вы вообразили, что они мучаются угрызениями совести? Их поджимает время, вот и все! Они сейчас заняты сверх головы, камеры пыток в Политдворце-Два пе-

регружены. Пока бы еще очередь дошла до меня, а им не хотелось ждать...

Среди немногих поблажек, каких Хешке добился от титанистов, была та, что их с Ху Сюменем поместили в сопредельных камерах и они могли разговаривать друг с другом. Короткий разговор состоялся у них и после расставания с Собри Обломоутом.

— Мне жаль их обоих, — заявил Хешке. — Положение у них безнадежное — титанисты поступят с ними, как захотят. Запомните, Сюмень, это жестокий мир...

— В любом мире полно своих жестокостей, — отозвался Сюмень.

— Возможно. Так или иначе, я уже слишком стар для тех ролей, какие мне предлагают в последнее время. Я сделал все, что мог, а теперь хочу только одного — чтобы меня оставили в покое...

Он лег на койку и закрыл глаза.

— А вы догадываетесь, что план, разработанный вашими друзьями, кончится крахом? — спросил Сюмень. — Они допускают принципиальную ошибку: волна времени не зависит от органической жизни, все наоборот. Биологические процессы — побочный продукт временных систем, а вовсе не их причина.

— Ну и что?

— Уничтожение биосферы ничего не даст, волна времени будет продолжать поступательное движение как ни в чем не бывало.

— Пусть так, — вяло ответил Хешке. — А я-то что могу с этим поделать?

Минуту-две спустя он заснул.

Лимних засиделся в своем кабинете до поздней ночи, углубившись в генеалогические карточки титан-офицеров, попавших под подозрение. Расовая бдительность применительно к высшим эшелонам земной власти была предметом, достойным его личного внимания.

За окнами шум уличного движения сник до полной тишины, прерываемой лишь изредка жужжанием какой-нибудь одинокой машины. В кабинете царил покой. И вдруг

Лимних резко выпрямился, задохнувшись от ужаса. В полутьме прямо перед столом стоял мутант — тот самый чинк, которого Хешке притащил с собой из космоса.

У Лимниха просто не укладывалось в голове, что кто бы то ни было мог проникнуть в здание без приглашения. Чинк, казалось, материализовался прямо из воздуха. Планетарный лидер дрожащей рукой схватился за пистолет, постоянно лежащий на полочке под крышкой стола, и, направив его незваному гостю в живот, пискнул:

— Во имя Матери Земли, как ты сюда попал?

— Попал, потому что дьявольски хитер, — улыбнулся Сюмень, вспомнив реплику Лимниха в конце предыдущей встречи.

На деле войти сюда и куда угодно не составляло труда. Как бы тщательно ни обыскивали его титанисты, они были не в силах обнаружить многочисленные устройства, прикрепленные к его телу — в прошлом. Устройства были сдвинуты по фазе всего на одну минуту, но этого было довольно, чтоб земляне не нашли ровным счетом ничего. А Сюмень, чтоб воспользоваться любым из потайных устройств, должен был лишь вернуть их из прошлого в настоящее.

Главным среди этих устройств был компактный личный временной сместитель, по действию подобный более примитивному и громоздкому прибору, какой был использован при побеге из Зоны Труда. Сегодня Сюмень сместил себя на минуту в прошлое, взломал замок своей камеры, а затем беспрепятственно вышел из Политдворца. И сюда, в кабинет Лимниха, он проследовал невидимым для часовых и секретарей, а как только попал к лидеру, перевел себя обратно в нормативное время.

Но каким образом объяснить это Лимниху, для которого неожиданное появление чинка должно было смахивать на волшебство?

— У меня есть прибор, делающий меня невидимым, — сказал он небрежно. — Но пожалуйста, не тревожьтесь, планетарный лидер, я не причиню вам вреда. Хочу сделать вам предложение, которое, как мне сдается, может представить для нас с вами взаимный интерес.

Продолжая держать мутанта на мушке, Лимних кое-как сдерживал брезгливость, вызванную самим присутствием этого существа. Он даже потянулся свободной рукой к золотому колокольчику, думая позвать на помощь. Но инстинктивная расчетливость превозмогла естественные чувства. Отдернув руку, он откинулся на спинку кресла и, приглядываясь к молодому стройному чинку, а главным образом к его отвратительно нечеловеческому лицу, проурчал:

— Продолжай.

— Ваша цивилизация, планетарный лидер, на пороге большой беды, — спокойно произнес Ху Сюмень. — Водородная бомбардировка будущей Земли, которую вы планируете, возможно, уничтожит врага, но и только. Основная проблема остается в силе: остановить мощный поток встречного времени водородные бомбы не смогут.

Лимних слушал внимательно и, кажется, воспринимал чинка всерьез.

— Думаешь, не смогут? Ну что ж, в любом случае мы уже добились успехов. И у нас в запасе еще пятьдесят, а может, и целых сто лет, чтобы совладать с ситуацией...

Слова замерли у него на устах. Он отвел взгляд от Сюменя и даже, по-видимому, забыл про пистолет, в раздумье вперившись в верхнюю доску стола.

— С вашего разрешения, я расскажу вам кое-что про МКО, иначе говоря, про Город-Колбу, — сменил тему Сюмень. — Социальная система Города несправедлива, жестока и бесчеловечна. Знаете, почему именно меня выбрали для этой миссии на Землю? Потому что я ренегат, для правителей Города бельмо на глазу. Они были счастливы избавиться от меня, поскольку я пошел бы на все ради того, чтоб изменить установленные ими порядки...

— Они вездесущи! — вдруг взорвался Лимних.

— А? — недопонял Сюмень, в знак чего наклонил голову.

— Подрывные элементы. Как черви в дереве. Любое общество кишит ими. Но при чем тут я, мне-то какая забота? Говори короче, у меня много дел.

— Неужели вы не сознаете, — сказал Сюмень тихо, — что Колба была бы для вас ценнейшим приобретением? Ее

огромные производственные мощности вдвое превосходят промышленность всей вашей планеты. Кроме того, вы можете перенять там новые для вас технологии. Наша способность контролировать силы времени многократно превосходит все ваши достижения. — Он показал лидеру гладкий яйцевидный предмет, легко умещающийся в ладони. — Вы думаете, как я стал невидимым и проник к вам никем не замеченным? Я научу вас, как проникнуть в Колбу и захватить ее. При условии, что вы уничтожите господствующую там социальную систему и установите более приемлемые порядки.

Лимних наконец отложил пистолет.

— Но как мы можем захватить вашу Колбу, — спросил он, выпучив глаза, прикрытые круглыми очками, — если она, насколько я знаю, отдалена на многие световые годы от нас?

— И не только — она отдалена еще и во времени. Но у вас есть космические корабли на ракетной тяге, не так ли? Они подойдут. Я покажу вашим инженерам, как оснастить их пространственно-временными двигателями, ведь я и сам, — добавил он между прочим, — опытный инженер. Тридцать — сорок таких кораблей и две-три тысячи хорошо вооруженных солдат на борту — и Колба может быть покорена.

Планетарный лидер погрузился в размышления, взвешивая необычное предложение со всех точек зрения. И ощущал все большее волнение по мере того, как осознавал огромные выгоды, которые оно сулило.

Да, Ху Сюмень совершал предательство исполинских масштабов, но это Лимниха как раз не удивляло. Чинк есть чинк, он следует своим наследственным склонностям, только и всего. Но что немаловажно — заявления этого чинка в существенных чертах совпадают с выслушанным ранее докладом Ронда Хешке о звездном городе мутантов.

— Ладно, договорились, — коротко бросил Лимних. — Если все пойдет, как ты обещаешь, ты получишь то, чего просишь.

На лице чинка вспыхнула улыбка триумфа, но тут же погасла, стертая обычной бесстрастностью.

— Теперь, когда мы договорились о главном, — сказал Сюмень, — мне, быть может, будет позволено выдвинуть еще одно условие. Ронд Хешке, которого я уважаю как хорошего человека, опечален судьбой двух своих друзей, пребывающих ныне под стражей в Политдворце, Собри Обломоута и Лайеллы Фраук. Не предавайте их смерти — Хешке надеется, что вместо казни вы разрешите им поселиться в резервации...

— Что??? Ты смеешь торговаться со мной по мелочам? — Лимних действительно разгневался: этот недочеловек еще навязывает ему какие-то поблажки! — Уж не воображаешь ли ты, что мы зависим от твоей доброй воли? Попробуешь продолжать в том же духе — я прикажу добиться от тебя сотрудничества под пыткой!..

Злобная гримаса исказила лицо лидера: он не шутил.

— Не надо забывать, что мы отличаемся от вас, — холодно ответил Сюмень. — Возможно, я способен выдержать пытки. Вы не спрашивали себя, отчего я иду на такой шаг? Потому что я один из всего моего народа знаю цену сильным человеческим чувствам. Вот почему я сопереживаю тому мужчине и его подружке в Политдворце — они связаны чувством. Узами сердечного родства. Подобные узы связывали меня с моим отцом, и его за это приговорили к смерти. Вот почему я делаю то, что делаю, — я сын своего отца. Уж вы-то, кажется, должны меня понять: вашему народу эти чувства отнюдь не чужды...

Лимних ответил не сразу. И впервые за долгое время в его глазах мелькнул намек на улыбку, почти искреннюю и почти дружелюбную.

— О да, — подтвердил он насмешливо. — Как же мне тебя не понять...

— Есть еще одна проблемка, — нахмурился Ху Сюмень.

— Какая же?

Лимних откинулся на спинку кресла, ощущая себя до странности легко. Физическое отвращение к чинку не исчезло (поначалу лидер не без труда подавлял позывы на рвоту), но теперь к отвращению примешалось какое-то болезненное удовольствие. Ему нравилось вести эти переговоры,

в них была пикантная острота, будто он заключал сделку с дьяволом.

— Корабль, доставивший нас сюда, до сих пор находится на орбите вокруг Земли. Он, вне сомнения, засечет военную армаду.

— А разве его нельзя сбить?

— Можно попробовать, но успех сомнителен. А в случае промаха корабль немедля вернется и предупредит об агрессии. К тому моменту, когда мы доберемся до Колбы, они успеют подготовиться к обороне.

— Тогда надо убрать этот корабль с дороги. Свяжись с ним и распорядись, чтоб он немедленно возвращался на базу.

— Не выйдет, если на борту не будет меня или Ронда Хешке. Стартовать без нас значило бы нарушить инструкцию.

Сюмень действительно был в растерянности. Однако Лимних не желал утруждать себя деталями и нетерпеливо отмахнулся:

— Значит, пошлем Хешке.

— Но он, вероятно, откажется.

— Хм-м... — задумался Лимних. — А он сам смог бы связаться с кораблем?

— Смог бы, если б я передал ему связное устройство.

— Прекрасно. Тогда я устрою так, чтобы ему захотелось уехать. Ты ведь просил, чтоб его друзей не казнили, а сослали в резервацию мутантов, верно? Ну вот их и сошлют — а он присоединится к ним.

— Простите, не понимаю.

Планетарный лидер ответил усмешкой без тени юмора.

— В ближайшие несколько недель резервации мутантов будут закрыты, а их обитатели ликвидированы. Я позабочусь о том, чтобы Хешке узнал об этом заранее. И тогда он сам слезно запросится, чтоб его забрали на ваш космический корабль.

Сюмень почувствовал тревогу.

— Мне не хотелось бы использовать его как пешку...

— Все люди — пешки, — пробурчал Лимних. — Перед его отъездом в резервацию отдай ему свое связное устройство. Убеждай его в том, что он должен вызвать корабль, вернуться с кораблем в ваш город и рассказать об успехе

миссии. Но попомни: ни слова о том, что мы задумали на самом деле...

Смерив Сюменя оценивающим взглядом, он добавил про себя:

«Может статься, вы, чинки, не так уж дьявольски хитры, как вам кажется...»

Глава 12

Закатное солнце освещало пыльную желтоватую страну, однообразие которой нарушали лишь тонкие деревца и разбросанные там и сям домики из кирпича, а чаще из глины. Ронд Хешке расположился на веранде, примыкающей к одному из самых ладных бунгало красного кирпича, — и внезапно понял, что унылый пейзаж внушает ему позабытое чувство тишины и покоя.

Амхрак Геррик — владелец бунгало, где остановились Хешке и Собри с Лайеллой, — вернулся домой легкими шагами, характерно покачивая всем телом. И вдруг археолог понял, что даже лицезрение чистокровного мутанта не способно более поколебать обретенный в резервации душевный мир.

Поначалу это было для него ужасным ударом. Он испытывал гнев и недоумение: его, уважаемого гражданина с сертификатом расовой чистоты, отправить принудительно в резервацию к мутантам? По какому праву? Но его протесты не возымели действия — ему дали понять, что причина кроется в дружбе с Обломоутами. Ведь и Собри сослали тоже, сослали как бы из-за связи с Лайеллой. Да, первые минуты среди амхраков чуть не обернулись шоком. Если бы не опыт, приобретенный в общении с чинками, он мог бы, чего доброго, сойти с ума.

Но теперь... Геррик взбежал на веранду по ступенькам. Он был абсолютный, несомненнейший амхрак. У него была красная кожа, небольшая шарообразная голова, округлые глаза и диковинные, с отвисшими мочками, уши. И тело его отличалось тревожной необычностью пропорций и

чрезмерной легкостью движений. И тем не менее все это больше не раздражало Хешке. Без всякого насилия над собой он стал относиться к Геррику как к обаятельному представителю обаятельного народа — тем более что этот народ, как выяснилось, создал свою культуру, стоящую ныне на грани уничтожения.

— Привет, Ронд, — произнес Геррик с тяжелым амхракским акцентом. — Собри дома?

Хешке ответил утвердительно, и Геррик проскользнул в комнаты без привычного обмена любезностями. А археолог продолжал сидеть, глядя на заходящее солнце и размышляя о том, как ловко амхраки сумели приспособиться к нынешним своим обстоятельствам. В резервации поперечником около двухсот миль их насчитывалось примерно три миллиона (а когда-то они населяли два континента). Выделенные им земли, как убедился Хешке, были по большей части безводными и непригодными для обработки, но амхраки преодолели эту беду, обратившись к гидропонике. Они организовались в маленькое, но цепкое сообщество, возвели несколько городков и создали скромную промышленность — сплошь мелкую, только для собственных нужд. Увы, для них не составляло тайны, что самое их существование зависит от каприза победителей.

Хешке и раньше знал, что амхраки — технически развитый подвид, но полагал, что они попросту копируют достижения Человека Истинного. В общении с Герриком он сделал удивительное открытие, что они способны не на заимствование, а на подлинную изобретательность. Геррик частенько вспоминал военные времена, когда он, совсем еще молодой ученый, участвовал в последних отчаянных попытках амхраков отбить нападение. Проект, к которому привлекли Геррика и который остался незавершенным, был типичным для его расы: замышлялось создать силовое поле, отклоняющее ядерные боеголовки.

— Да ведь причина, почему вы, бледнолицые, победили, очень проста, — говаривал он, адресуясь к Хешке (бледнолицыми амхраки окрестили Людей Истинных). — В вас есть поразительная способность полностью подчиняться центральной власти и сосредоточивать все усилия в каком-то

одном направлении. Наша социальная организация была слишком слабой для того, чтобы выстоять против вас. Даже в самом конце наши средства и силы оказались распылены между бесчисленными несогласованными программами.

— Не могу принять подобного объяснения, — отвечал Хешке. — Если все дело в организации, то почему проиграли лорины?

— Верно, лорины обладали той же способностью, что и вы, даже, быть может, еще в большей степени. Но не забывайте, в войне с лоринами мы выступали на вашей стороне. В одиночку вы их бы не одолели...

А на этот аргумент не было ответа. Странно было общаться с кем-то, чье видение истории не совпадало с милой титанистам версией, что Человек Истинный выступал неизменно один против всех. В официальной истории былые союзы с другими подвидами замалчивались, и уж тем более не признавалось, что такие союзы играли важную роль для исхода битв. Учебники твердили однозначно: Человек Истинный отстоял свое первородство в борьбе с несметными жестокими врагами и без чьей-либо помощи.

Впрочем, Хешке вскоре вообще перестал отстаивать официальные концепции — было приятно освободиться от них навсегда.

Он любил наблюдать за Герриком, когда тот возился с прибором, задуманным давно, — теперь амхрак, используя подвернувшиеся под руку детали, продолжил работу, которую прервала война. Если коротко, Геррик задумал создать систему телевидения, не нуждающуюся в камерах и передатчиках. Открытие заключалось в том, что с помощью специальной аппаратуры, нацеленной практически на любую точку планеты, свет можно преобразовать в радиоволны или волны сверхвысокой частоты, а затем ловить эти волны на особых телеприемниках. Иными словами, можно получать как бы прямо из воздуха картинку того, что творится за сотни миль. Хешке мог часами сидеть рядом с Герриком, колдующим над своим трескучим детищем и время от времени извлекающим на экран неустойчивое, размытое изображение голой горной вершины или волн в океане. Заказать

картинку по выбору никак не получалось — вероятно, это зависело от состояния магнитного поля Земли.

Солнце наконец завалилось за горизонт. Похолодало. Хешке поднялся на ноги, потянулся и вошел в дом. Геррик и Собри сидели за столом, оба трезвые и мрачные, но Собри, как отметил археолог, мрачнее, чем амхрак. Завидя Хешке, Собри поднял голову и высказался:

— Боюсь, у нас плохие новости, Ронд. — И, показав на Геррика, добавил: — Из Прадны...

— Вы до сих пор получаете новости?

— За последние недели, — пояснил Собри, — мы сумели по крупице собрать остатки Лиги, всех тех, кто не перебежал к титанистам. Мало-помалу наши объединяются сызнова, и благодаря этому мы можем вновь использовать кое-какие источники, близкие к властям...

Он замолк. В свое время Хешке был впечатлен быстротой, с какой Собри договорился об их расквартировании в стране амхраков. Уже тогда для археолога стало очевидным, что Лига общечеловеческих ценностей установила с резервациями прочные связи, а затем выяснилось, что Геррик был одним из таких связных.

— Лимних отдал приказ о ликвидации резерваций, — тихо произнес Собри. — Амхракам конец, да и нам всем тоже...

— Мы всегда догадывались, что рано или поздно это случится, — заметил Геррик без горечи. — Все, что нам остается, — покориться судьбе...

В общем-то Хешке тоже давно подозревал возможность такого исхода. Пошарив в кармане, он извлек миниатюрный коммуникатор, который дал ему Ху Сюмень. Видимо, молодой чинк, в свою очередь, заподозрил что-то неладное — или уловил намек на зреющую опасность. Иначе как объяснить его поведение во время их последней встречи, когда он смущенно и уклончиво убеждал Хешке принять коммуникатор и покинуть Землю?

Непонятно каким образом, но Сюмень, похоже, ухитрился попасть у титанистов в фавор. Когда Хешке выразил сомнение, а не понадобится ли коммуникатор самому

Сюменю, — тот отмахнулся, пояснив невнятно, что нашел взаимопонимание с Лимнихом и взялся за важную для лидера работу. «Лимних и чинк — что за немыслимая компания!» — подумал Хешке, но от дальнейших расспросов воздержался.

— Вы можете выбраться отсюда, — обратился он к Собри, положив коммуникатор на стол. — Отправляйтесь в космический город, о котором я вам рассказывал. Они вас примут, они очень гостеприимны.

— Как крыса, покидающая тонущий корабль? Нет, увольте. Вы, Ронд, конечно, должны уехать. Коль на то пошло, вам вообще нечего было тут делать...

— Представьте себе, я остаюсь, — вздохнул Хешке. — Отнюдь не из героизма, а потому, что я и без того навертелся в этом сумасшедшем мире более чем достаточно. В недавнее время жизнь моя складывалась чересчур беспокойно, я ощущаю все большую усталость день ото дня. Резервация — единственное место, где мне разрешили наконец отдохнуть, и мне здесь нравится...

— Ронд прав, — вмешался Геррик. — Раз возникла возможность к спасению, Собри, надо ею воспользоваться. Не столько, может быть, ради себя, сколько ради Лайеллы. Она-то уж ни в чем не виновата. Принести ее в жертву — как хотите, это был бы ложный героизм.

Да, Лайелла... Собри погрузился в раздумья, потом предложил застенчиво:

— А нельзя было бы взять с собой и какое-то число амхраков? Ну хотя бы несколько молодых пар?

Геррик покачал головой, усмехнувшись горьковатой усмешкой.

— Последние уцелевшие представители исчезнувшей расы? Не думаю, что кто-то согласится на подобную роль. Мы давным-давно привыкли к мысли, что вымрем...

— Я составлю доклад, — сказал Хешке, — и вы отправитесь в Город-Колбу послом взамен меня и Сюменя. В самом деле, надо же им узнать о том, каков ответ Лимниха на их великодушное предложение...

— Как бы мне хотелось, чтобы вы отправились с нами!

— Нет-нет, мне надоело шляться по пространству и времени, с меня довольно. Перспектива смерти меня не пугает — буду отдыхать и наслаждаться жизнью до тех пор, пока сюда не нагрянут Легионы...

Своды огромного подземного комплекса отзывались на лязг и рев машин громовым эхом. Оглядывая производственные просторы с застекленной верхней галереи, Лимних удовлетворенно кивал. Вплоть до этого дня его инспекционная поездка по тринадцати главным предприятиям, вовлеченным в «Операцию Столетие», подтверждала дееспособность его администрации.

Скользнув глазами по строкам очередного рапорта и умело отобрав из него ключевые цифры, Лимних отметил:

— Итак, начав практически с нуля, вы сегодня опережаете график на двенадцать процентов.

Менеджер комплекса, грубоватый субъект с жестким бугристым лицом, стал навытяжку.

— Так точно, планетарный лидер, — четко ответил он, и в его голосе послышался оттенок гордости.

— Жду, что вы не снизите темпов и в дальнейшем. А именно: пусть следующий сходный период принесет двенадцатипроцентное опережение графика, построенного на новой точке отсчета...

— Что означает для нас непрерывный рост производства. Это сложно, лидер. Но если материалы и комплектующие будут доставляться по первому требованию...

— Будут, — отрезал Лимних. Он давно пришел к выводу, что надо требовать от людей почти невозможного и тогда послушание способно творить чудеса.

Сопровождаемый свитой, он вместе с менеджером прошел галерею во всю длину и через туннель в примыкающие пещеры, где тренировались Легионы Кроноса. Здесь рядами расположились обтекаемые военные времялеты, вернее, расположились стартовые устройства, а времялеты высовывались из них, словно не в силах дождаться, когда же их отправят в грядущее.

Из следующего зала доносились гортанные выкрики и топот экипажей, занятых физподготовкой, — психологи

разработали цикл особых упражнений, чтобы привести нервную систему в состояние полной боевой готовности. Титан-полковник Браск встретил Лимниха на пороге, отдал ему салют и повернулся к подчиненным, выкрикивая команды и выстраивая их парадным порядком по стойке «смирно». Лимних шествовал неторопливо, задерживался почти у каждого экипажа, осматривая каждого пилота с головы до ног и особо — специальные приспособления, входящие в так называемый боевой времялетный набор. А тем временем из соседней пещеры уже просачивался невнятный рев двигателей — десятки машин готовились в рейс.

Наконец Лимних объявил, что доволен. Браск провел его в третью пещеру, где каждый экипаж застыл у своей машины в готовности провести демонстрационный полет. По сигналу Браска пилоты взобрались на борт. Мгновением позже невнятный гул усилился, и времялеты исчезли все разом, уйдя четким строем во вневременье.

— Впечатляюще, — заявил Лимних. — Очень впечатляюще.

— Будет еще более впечатляюще, — откликнулся Браск, не скрывая того, что тоже доволен, — когда они объявятся во враждебном времени, сполна нагруженные водородными бомбами...

Титан-полковник завел планетарного лидера в свой кабинет, чтоб обсудить кое-какие детали. И тут прозвучал зуммер видеосвязи — вызывали Лимниха. На экране появился желтолицый мутант, чинк Ху Сюмень. Лишь слабая тень былой неприязни мелькнула на лице Браска. Планетарный лидер не выразил отрицательных эмоций вообще.

— Кажется, лидер, ваша хитрость удалась, — доложил Сюмень. — По данным моих наблюдений, звездовремялет космической общины высылал челнок в резервацию амхраков и только что оставил околоземную орбиту.

— Так скоро? — Лимних пришел в недоумение. — Но ведь Хешке еще не мог получить мое предупреждение. Либо у него есть другие каналы информации, либо... либо жизнь в резервации стала ему поперек горла.

И он неприятно ухмыльнулся.

— Полагаю, что оттягивать завоевательный поход более нет нужды?

— Согласен. Я отдам соответствующие распоряжения.

«А что? — подумалось Лимниху. — Работы там всего на неделю-другую...» Двигатели по чертежам чинка уже изготовлены, осталось лишь забросить их на межпланетные корабли и запустить. Солдаты, оружие, снаряжение — все готово...

«Грандиозное будет приключение», — сказал себе Лимних. Он почти сожалел, что не может принять личного участия в походе.

Геррик принес пленку, доставленную по восстановленной связной сети.

— Снято при ликвидации резервации бьюджелов. — Он словно извинялся перед Хешке. — Можете не смотреть, если не хотите.

— Показывайте, — отозвался археолог, хоть и почувствовал, что внутри все сжалось.

Геррик включил воспроизведение.

— Пленка получена не совсем обычным образом, — добавил он. — Похоже на то, что ее подбросили нам нарочно.

— Нарочно?

— Вот именно. Словно бы титанисты хотели показать ее нам.

Пленка пришла в движение, по экрану поплыли записи официальных хроникеров — длинные, почти не связанные друг с другом куски шли без сокращений и комментариев. Через несколько минут Хешке мучительно захотелось закрыть глаза.

Ландшафт на экране был сродни тому, что лежал за окном, — голая, безжизненная равнина. Полугусеничные машины титанистов вздымали тучи пыли, по этой пыли их можно было заметить чуть не от горизонта.

Сами бьюджелы были меднокожими и низкорослыми, почти пигмеями, притом находились на довольно низком культурном уровне и, по правде сказать, не слишком далеко ушли от дикарей. Даже в лучшую свою пору они не отличались численностью, а резервацию им выделили совсем

крохотную. Перед неумолимыми машинами титанистов они были просто беспомощны, метались туда-сюда и, не умея встретить смерть с достоинством, истошно кричали от смятения и ужаса.

Титанисты сгоняли их в бараки и умертвляли уколами или пулями, а трупы сбрасывали в известковые ямы.

Не составляло особого труда представить себе то же самое, только здесь: тучи пыли, отмечающие безжалостный марш ликвидаторов (во время войн, когда они шли по территориям, населенным мутантами, вслед за передовыми частями, их скромно именовали отрядами особого назначения), смертные бараки, равнодушные клерки, проверяющие «охват поголовья» по бесконечным спискам (с бьюджелами было проще — там в списки попадали лишь знатные семьи), санитары со шприцами и врачи, подписывающие пачки свидетельств о смерти.

Судя по лицам, легионеры и не думали наслаждаться выпавшей на их долю миссией — они считали ее неприятной, утомительной и тем не менее необходимой. Было бы куда хуже, если б им велели убивать людей, — а это всегонавсего вредоносные животные.

Но на кой черт титанистам вздумалось подбрасывать пленку амхракам? Если, конечно, Геррик прав и они действительно сделали это нарочно. Чего они хотели? Поиздеваться? Внушить страх? В конце концов Хешке решил, что это выходка какого-нибудь терзаемого злобой и ненавистью чиновника.

А Геррик смотрел пленку спокойно, посасывая табачную скрутку, и казалось, он думает о чем-то другом.

Глава 13

Шу Кунцен и его талантливый ученик Лэрд Аскар почти завершили проверку и подготовку всечувственного передатчика, когда видеофон в дальнем конце обсерватории звякнул колокольчиком вызова. Киберслуга подкатился с экраном — и с экрана на них глянул премьер-министр Вэн Ву.

— Прошу прощения за вторжение, — извинился премьер, — но возникла проблема чрезвычайной срочности. Очевидно, наше решение отправить молодого Ху Сюменя на Землю, дабы положить конец его, так сказать, нежелательному присутствию здесь, оказалось ошибочным. Он вернулся и привел за собой флот завоевателей...

— Вы имеете в виду неуклюжие корабли, вот уже целый час висящие за окном моей обсерватории? — ответил Шу слегка раздраженно. — Я, признаться, думал, что они появились здесь в силу вашей собственной опрометчивой импровизации. К счастью, для ближнего маневра они, кажется, используют реактивные двигатели и не мешают более работе приборов.

— Все это целиком и полностью на совести сына Ху Шао и его новых друзей, — заверил ученого Вэн Ву. — Воистину от этой семейки одни неприятности. Агрессоры уже выгрузили через док четыре транспорта солдат, захватили контрольный пост и быстро разгружают остальные корабли. Разве вы не слышите шума? Они крушат на своем пути все, что подвернется...

— Да, конечно, я обратил внимание на неподобающий шум и трижды посылал людей с просьбой, чтобы стало потише. — Тон у Шу Кунцена был ледяной. — Но зачем вы решили обратиться ко мне?

— Вы же министр кабинета, — напомнил Вэн Ву. — Нужно собраться на заседание для обсуждения ситуации. Ху Сюмень прислал послание с требованием безоговорочной капитуляции.

Будто в подкрепление слов премьера издалека донесся низкий гул — что-то взорвалось.

— Хорошо, — согласился Кунцен, смиряясь со своей участью. — Прибуду незамедлительно. — Слуга откатил видеофон, и он обернулся к Аскару. — Право, это утомительно. Что, ваши соотечественники всегда ведут себя подобным образом?

— Боюсь, что да, — ответил Аскар кратко.

— Варвары!

— Могу ли я продолжать эксперимент в ваше отсутствие? — вежливо осведомился землянин.

— Да, конечно... Вы все хорошо поняли?

— Понял. Спасибо непревзойденному учителю.

Шу Кунцен удалился. Аскару не терпелось продолжить работу, и он принялся следить за действиями киберслуг, тщательно сверяясь с потоком изящных иероглифических символов, вспыхивающих на мониторе.

Чертовски славно было оторваться наконец от канцелярщины. Он давно уже изголодался по настоящему делу.

Титан-майор Браурн стоял на хитроумном пандусе, широком, как рыночная площадь, наблюдая за потоком людей, оружия и амуниции, который беспрерывно и упорядоченно лился из ворот дока. Прежде тут были цветочки и кустики, крошечные деревца и цветные экранчики — все это было затоптано или сброшено с дороги, войска наступали стремительно, уходя глубже и глубже в город. Непосредственные подступы к доку были взяты под надежную охрану, защищены крупнокалиберными пулеметами и даже легкими орудиями, и к майору час за часом поступали донесения о том, что целые городские районы захвачены без какого бы то ни было сопротивления.

Если так пойдет и дальше, весь город окажется в его руках за один день.

Он уже провел короткую вылазку в захваченные кварталы, и увиденное там подтвердило его инстинктивные ожидания. Другого и быть не могло: загнивание, самое настоящее загнивание. Упадочное искусство, упадочная наука, упадочные обычаи. Чинки были изнеженными, не в меру утонченными, погрязшими в чувственных удовольствиях — весь город являл собой картину разгульной, нецелесообразной красивости. А жители, похоже, просто не знали, как реагировать на вторжение. Они были напрочь лишены прямой, здоровой жизненной силы, которая и вывела Человека Истинного к величию.

Браурн походным шагом направился к домику у шлюзовых ворот, где расположился его полевой штаб. Чинк Ху Сюмень склонился над подробной картой города, составленной заранее. По мере поступления донесений он за-

крашивал квадрат за квадратом синим, что означало «захвачено».

В сущности, план операции был в значительной степени разработан Сюменем лично. Его идея сводилась к тому, чтобы взять под контроль весь город прежде, чем хозяева Зоны Покоя соберутся с мыслями и предпримут хоть какие-то активные действия. Он выбрал направление главного удара — на перемычку, соединяющую две Колбы, чтобы предотвратить отступление в том направлении и чтобы, если уж рабочим будет дан заказ на оружие, его не сумели доставить. Сюменю обещали, что, как только завершится захват Зоны Покоя, он поведет небольшой отряд титанистов в Зону Труда. По его прикидкам, жители Нижней Колбы должны были оказать ему и новому порядку вещей самый теплый прием.

— Все нормально? — резко бросил Браурн.

Сюмень кивнул, глядя на грузного, коренастого майора снизу вверх.

— Не нормально, а просто замечательно. Все по расписанию...

— Не слишком ли замечательно? — рявкнул Браурн. — Я предпочел бы завязать с противником хотя бы небольшой бой...

Сюмень оставил замечание без ответа и продолжал всматриваться в карту, пытаясь сообразить, где могут скрываться Вэн Ву и остальные министры. В дверях показался титан-сержант, ловко отдал салют:

— Мы обнаружили и привели белого человека, сэр.

Браурн выказал неподдельный интерес, однако человек, которого ввели в комнату два солдата, был ему незнаком. Человек не прятал глаз, был высок и строен, но носил одежду непонятного покроя — как будто земную, только пошитую, вероятно, здесь, в космическом городе.

— Кто вы такой? — пролаял майор.

Человек помолчал, прежде чем ответить нарочито тихим голосом:

— Гражданин Собри Обломоут.

Титан-майор смерил этого «гражданина» свирепым взглядом, но решил все-таки вести себя помягче.

— Ну что ж, приятно для разнообразия увидеть в таком месте хоть одно белое лицо, — сказал он бойко. — Каким же ветром вас сюда занесло?

— Прибыл на чинкском корабле из резервации амхраков.

— Из резервации? Вы что, амхрак? — Браурн даже запнулся от удивления, а скорее от возмущения. — Вот уж никогда бы не догадался...

— Нет, я не амхрак. Меня сослали из-за... по политическим мотивам.

— Понятно. — Браурн поморщился. — По правде говоря, мои люди искали археолога Ронда Хешке и приняли вас за него. Вероятно, он прибыл на том же корабле вместе с вами?

— Нет, — медленно ответил Обломоут. — Ронд предпочел остаться.

Браурн не сумел скрыть огорчения. Собри обвел штабную комнату мрачным взглядом. Он было думал, что избавился от титанистов навсегда, и впал в отчаяние, когда они вломились и сюда, в Город-Колбу. На мгновение мелькнула полоумная мысль, что они захватили всю Вселенную.

Но нет, первая мысль была все-таки о Лайелле. Даже переодетая по моде, принятой в Колбе, она выделялась из толпы за милю. Правда, сыскались добрые женщины, которые обещали позаботиться о ней и где-нибудь ее спрятать. Если повезет, титанисты отыщут ее не сразу.

А вот сам он почему-то и не пытался ускользнуть. Оставалось, пожалуй, сделать вывод, что пораженческие настроения Ронда Хешке оказались заразными.

Молодой офицер, сидевший за столом, обернулся к Браурну, а соответственно — и к Собри. «Господи, — беззвучно ахнул Собри, — да это же Ху Сюмень в мундире легионера!..» Зрелище чистокровного чинка со знаками различия титан-лейтенанта было столь занятным, что Собри расхохотался.

Браурн свирепо оборвал неуместный смех и навис над картой. Его войска достигли центра города — этой половины города по крайней мере. Даже если правители попытаются теперь организовать подобие сопротивления, им это уже не поможет.

— Прекрасно, превосходно, — прошептал он. — Ну что ж, дело практически сделано...

Сюмень вскочил на ноги и заговорил почтительно:

— Поскольку операция достигла этой стадии, могу ли я просить вас, майор, отпустить меня во главе отряда в Нижнюю Колбу? Пора выяснить ситуацию по ту сторону перемычки...

Титанист рассмеялся безжалостно:

— Сиди и не рыпайся, чинк, некуда тебе торопиться.

Желтое лицо Сюменя исказилось тревогой.

— Я не понимаю вас, майор. Планетарный лидер Лимних дал твердое обещание...

— Мы не заключаем договоров с мутантами, — осклабился Браурн. — Иногда они приносят пользу, как приносят пользу и животные. Ты сделал свое дело, и спасибо, будь здоров...

Он дернул подбородком, подзывая двух топтавшихся поодаль гигантов-охранников. Оба проворно выступили вперед и замерли по бокам Ху Сюменя.

«А мальчишка-то простак, — подумал Собри. — Он же в самом деле не догадывался, с какими сволочами связался. Да, вероятно, он даже сейчас не сознает по-настоящему, что такое расизм...»

Действительно, Сюмень пребывал в откровенном недоумении, прямо как ребенок, которого обманули.

— Это... это предательство чистой воды! — лопотал он, задыхаясь и покачиваясь, чуть не теряя сознание. — Когда Лимних узнает...

— Лимних, Лимних! — передразнил Браурн и вновь расхохотался громко и язвительно. — Едва ты отбыл, Лимних приказал провести в своем кабинете дезинфекцию!..

— Я же нужен вам, чтобы вас хорошо приняли в Нижней Колбе...

— С Нижней Колбой мы поступим точно так же, как с этой, и в самом скором будущем! — Будь его воля, Браурн первым делом вторгся бы именно в Зону Труда, но там, увы, не было приемных доков для космических кораблей. Тем не менее он и теперь не предвидел никаких затруднений: если хозяева трусы, чего уж тогда ждать от рабов? —

Если ты еще понадобишься нам, то исключительно как переводчик, — сообщил он Сюменю. — Без переводчиков нам, наверное, не обойтись. — И к охранникам: — Взять его под стражу. И этого Обломоута тоже. Позже я решу, что с ними делать.

На мгновение Сюмень замер, озадаченный, — а потом произошло нечто удивительное. Он отступил на шаг назад и плавно поднял обе руки к шейным позвонкам охранников. И гиганты, чуть дернувшись, рухнули на пол без сознания.

Одним легким прыжком он подскочил к стражникам, стерегущим Собри. Казалось, его руки едва касались их, просто летали взад и вперед, вверх и вниз в причудливом танце. А солдаты, задетые этим танцем, корчились в конвульсиях, падали и застывали бесформенными кучами на полу.

Жители Верхней Колбы увлекались искусствами и иными наслаждениями для интеллекта — обитатели Нижней Колбы развивали спорт. Ху Сюмень использовал приемы хока — борьбы, вобравшей в себя тысячелетнее развитие боевых искусств. По сравнению с подлинными мастерами, каких в Зоне Труда насчитывалось немало, Сюмень был всего лишь новичком — и все же он мог оглушить и даже убить противника, хоть убивать на ковре было запрещено, мимолетным прикосновением к определенному нерву. Тело того, кто не прошел такой же подготовки, для освоившего основные приемы хока становилось коллекцией уязвимых точек: нажми на любую — и противник повержен.

Браурн выхватил пистолет. Сюмень, в свой черед, одним легким движением достал автоматический «корджел» — ох как промахнулись титанисты, расценивая присвоенное ему звание как грандиозную шутку и снабжая его всей сопутствующей документацией и амуницией, включая «почетный сертификат расовой чистоты»! Очередное танцевальное движение, легкий наклон — и майор покачнулся от боли, изрыгая проклятия: Сюмень прицелился мгновенно и точно, рука с пистолетом была прострелена.

Притронувшись к спине Собри меж лопаток, чинк резко швырнул его вперед, за дверь. Ничего не соображая и не

сопротивляясь, Собри побежал, куда велел Сюмень — через площадь к пушкам и машинам, которые по-прежнему, покачиваясь на неровностях, выплескивались из ворот дока. Обернувшись, Собри увидел Браурна: майор кое-как доковылял до двери и привалился к косяку.

Сюмень повелительно вскинул руку и остановил легкий грузовичок. Водитель глянул на него с любопытством, но он уже слышал, да и все слышали, о необычном офицере-мутанте. То, что ему голосуют, водителя не удивило ничуть, а Собри он и вовсе не удостоил вниманием. Сюмень подтолкнул попутчика в закрытый кузов, сам вспрыгнул следом и стукнул в стенку кабины, что можно трогать.

Кузов был наполовину заполнен ящиками с боеприпасами. Усесться оказалось нелегко, тем более что грузовичок болтало.

— Отъедем подальше, — шепнул Сюмень, — выскользнем на ходу, а там уж доберемся пешком...

Собри не знал, что сказать. Минут пять они ехали молча, видимых угроз не возникало. Как только отпала необходимость действовать, Сюмень впал в уныние, обида захлестнула его, как болезнь. Заметив его состояние, Собри попытался вразумить незадачливого изменника:

— Да кто угодно объяснил бы вам, если б вы спросили. Связываться с титанистами — глупее ничего не придумаешь...

— Я-то думал, что смерть моего отца будет не напрасной, — ответил Сюмень. — Что больше никто и никогда не погибнет лишь оттого, что любил своего сына...

Он замолк, осознав внезапно, что Собри не имеет понятия, о чем речь. Хмурая складка меж бровей обозначила, что чинк размышляет.

— Надеюсь, — сказал он вслух, — титанисты уйдут отсюда, когда добьются своего...

— Маловероятно. Скорее всего они попробуют переместить Колбу в Солнечную систему и вывести на устойчивую орбиту. Это дало бы им мощную промышленную базу вкупе с миллионами подготовленных рабов, и они использовали бы ее на всю катушку в течение многих поколений. Но даже если они решат убраться восвояси, то не оставят здесь в

живых никого. По их представлениям, такие, как вы, — позор природы. Диву даюсь, как вы сами этого не заметили.

— Конечно, я не мог не заметить, что они придерживаются какого-то биологического вероучения, — нехотя признал Сюмень, — но никак не думал, что это имеет практическое значение. Мое соглашение с ними было чисто деловым, направленным к обоюдной выгоде. Мне казалось, что для конфликта интересов нет никакой почвы...

— Ну, коль на то пошло, — вздохнул Собри, — все, вероятно, было бы точно так же, к какой бы расе вы ни принадлежали. Титанисты всегда думают только о собственной выгоде и ни о чьей больше...

Сюмень довольно долго молчал, потом сказал, мучительно подбирая слова:

— И все же это еще один пункт в обвинительном заключении против принятого здесь общественного порядка. Меня воспитали в замкнутой системе, и я оказался не способен приноровиться к многообразию других миров...

— Тем не менее вашим суждениям не откажешь в остроте, — отметил Собри с полуулыбкой. — Вам нужно лишь не упустить свой шанс. Но куда, разрешите спросить, мы направляемся?

— Раз уж я накликал на этот город беду, самое малое, что я обязан сделать, — попытаться ее хоть отчасти исправить. Кто знает, может, удастся еще кое-что спасти...

— Хотел бы я понять, как это у вас получится, старина...

Сюмень снова нахмурился, а спустя минуту выглянул из грузовичка и скомандовал:

— Здесь. Слезайте!

Они легко спрыгнули на ходу и, удержавшись на ногах, кинулись под прикрытие ивовой рощицы. Автоколонна проехала мимо, не притормозив.

За рощицей им открылась колоннада, а к ней с обеих сторон примыкали стены, отделанные розовым деревом. Они прошли под колоннаду и вдоль стен — Сюмень словно повел Собри на неторопливую экскурсию по Зоне Покоя, хотя нередко озирался, останавливался в нерешительности и явно выбирал окольные пути.

Собри, до сих пор еще не слишком хорошо освоившийся в Городе-Колбе, увидел много нового. Красота окружения была в известной мере подпорчена вездесущими черно-золотыми мундирами легионеров. Как ни удивительно, приказа о задержании беглецов, по-видимому, еще не поступало, и встречные патрульные группы приветствовали Сюменя лихим салютом.

Атмосфера, царившая в городе, казалась какой-то нереальной. Жители, конечно, резко отличались внешне от свежеиспеченных завоевателей, но не выказывали признаков тревоги. Вокруг титанистов, в поте лица воздвигающих укрепленные огневые рубежи, собирались оживленные толпы, слышались шутки и смех. Если бы Собри не убедился ранее в интеллектуальной силе этих людей, он принял бы их за простодушных детей, не ведающих смысла происходящего.

Наконец они вошли в дом. Собри сперва решил, что здесь ясли: по стенам солнечной комнаты выстроились кроватки, и почти в каждой лежал ребенок. Потом до него дошло, что дети не просто маленькие, а новорожденные. Какого черта? Зачем Сюменю понадобилось завести его в родильный дом?..

К ним вышла молодая женщина, склонила голову, вслушиваясь в то, что Сюмень принялся втолковывать ей вполголоса, быстро и сбивчиво. Вид у нее был попеременно то сомневающийся, то скептический и хмурый, но в конце концов они отправились куда-то вдвоем. Отсутствовали они долго, Собри уже начинал беспокоиться, однако Сюмень вернулся и сказал не слишком внятно:

— Они согласились. Но как же трудно заставить кое-кого поверить, что положение чрезвычайное и требуются чрезвычайные меры! Я уже думал, что придется применить силу...

— Согласились — на что? — не понял Собри, хоть и последовал за Сюменем безропотно.

Чинк вывел его в коридор, пропитанный приятными сладкими запахами, и по коридору в зал, очевидно, служащий какой-то определенной цели, только эта цель была для Собри совершенно неясной. Тут тоже стояли кроватки-ко-

лыбельки, но на рельсах, а рельсы исчезали в стене. Откуда-то доносился чуть слышный гул.

— Мы скоро будем в Зоне Труда, — наконец-то пояснил Сюмень.

В зал вошли мужчины, сняли с рельсов колыбельки, а на их место водрузили платформу с мягкими креслами. Один из мужчин весело улыбнулся Сюменю:

— Привет! Сколько лет прошло, как эту штуку использовали в последний раз...

Мужчина показал жестом, чтобы Собри уселся в кресло рядом с Сюменем. Землянин повиновался. И вдруг стена, в которую упирались рельсы, взвилась вверх, и перед ними открылся туннель, уходящий куда-то далеко-далеко.

Сюмень сидел, не выражая никаких эмоций. Платформа въехала в туннель. Освещения в туннеле не было, и вскоре их окутала полная тьма. Платформа шла плавно, не чувствовалось ни заметного ускорения, ни ветерка, однако Собри отметил необычное ощущение, будто его поднимают и сдавливают одновременно. Гул усилился. Минуты через две впереди забрезжил свет. Сначала слабенький, свет быстро набирал силу, пока платформа не выкатилась в зал, очень похожий на тот, откуда они стартовали.

И тут Сюмень, вскочив с кресла, возбужденно заорал. Как и на том конце туннеля, персонал состоял из молодых женщин, откровенно удивленных их появлением. Собри не оставалось ничего другого, кроме как броситься за чинком в соседнюю комнату. Где-то поблизости заливались плачем совсем крошечные, грудные малыши.

Однако в комнате, где очутился Собри, никаких малышей не было, а было множество приборов и контрольных панелей, расположенных полукругом перед креслом оператора. Сам оператор присутствовал тоже, только одет он был не в пышные шелка, к каким Собри привык в Зоне Покоя, а в простой синий комбинезон.

Без долгих разговоров Сюмень вышвырнул оператора из кресла и принялся сосредоточенно возиться с приборами. Оператор скулил на полу, даже не пытаясь подняться. Нескончаемый гул на самой границе слышимости вдруг оборвался. Тогда Сюмень с довольным видом вытащил свой

пистолет и несколько раз выстрелил в главный переключатель, тем самым запечатывая его если не навсегда, то надолго.

Две Колбы были теперь полностью разъединены во времени, их не связывали более темпоральные переходы. Если бы титанисты прорвались в Зону Труда через туннель, по которому только что проехали Собри с Сюменем, или проникли сюда по любому иному пути, они попали бы лишь в пустое, никем не населенное будущее.

Сюмень наконец обратил внимание на оператора, с которым обошелся столь варварски.

— Пошли! — распорядился он. — Необходимо встретиться с менеджерами Нижней Колбы, и немедленно.

— Мы захватили правящую клику, сэр.

— Превосходно! Дайте-ка я погляжу на них...

На экране появились десятка полтора старцев с бесстрастными лицами, свисающими усами и шелковистыми бородами, разодетых в шелк и атлас. Поглядев на них, Браурн осведомился недоверчиво:

— С чего вы взяли, что это правящая клика?

Моложавый энергичный капитан ответил:

— Они сами признали это, сэр. Еще мы нашли устройство вроде компьютера, знающее несколько земных фраз.

— Несколько — это сколько?

— Боюсь, сэр, недостаточно для успешного допроса.

— Понятно. Ладно, заприте их где-нибудь вплоть до дальнейших распоряжений.

— Слушаюсь, сэр.

Капитан щелкнул каблуками, отдал салют и прервал связь. Браурн отодвинулся от экрана, осторожно массируя раненую руку, уложенную на перевязь. Много ли толку от задержанных, если с ними невозможно потолковать! Он выругался, кляня себя, что позволил ускользнуть Ху Сюменю. Видимо, ошалев от боли, он не задумался о последствиях, даже не отдал приказа организовать погоню или розыск. Казалось, к чему затевать пустые хлопоты? Ведь чинк первым делом избавится от мундира — совершенно то же са-

мое, как если бы он напялил шапку-невидимку. Этих чинков, хоть плачь, практически не отличишь друг от друга.

«Нет, погоди, есть еще одна возможность», — напомнил себе Браурн. Где-то здесь в городе находится Лэрд Аскар, и рано или поздно его обнаружат. По всем данным, Аскар — субъект трудновоспитуемый и неуравновешенный, в предполетном инструктаже говорилось даже «не заслуживающий доверия», но местный язык он, очевидно, знает! Знает, как и Хешке: без языка они оба просто не могли обойтись...

Видеокоммуникатор заверещал снова.

— Майор Браурн у аппарата.

На экране возник титан-инженер с серьезным лицом.

— Донесение от разведгруппы, посланной в Нижнюю Колбу, сэр.

— Слушаю.

— Они сообщают, что Колба покинута. Забита заводами и мастерскими, но ни одной живой души.

— Колба покинута? Вы уверены, что мутанты не попрятались где-нибудь?

— Не похоже. В любом случае там пока никого не нашли.

— А может, этот гнусный чинк просто наврал, — предположил Браурн. — Может, заводы действуют автоматически и рабочие просто не нужны?

— Может быть. Но опять-таки не похоже. В настоящий момент там не вертится ни одна шестеренка. И наблюдаются признаки разрушения, как если бы весь комплекс был покинут лет пятьдесят назад.

Браурн задумался.

— Что-то тут не вяжется, — сказал он вслух. — Совсем не вяжется. Постойте, разве не было каких-то сведений о том, что две половины города не совпадают во времени?

— Наши люди без всяких помех прошли по туннелю длиной примерно в треть мили, — ответил инженер. — Но есть и другие средства сообщения. Есть, например, сортировочная станция, куда прибывает продукция, произведенная внизу. Я разберусь поглубже...

— Разберитесь. И держите меня в курсе дела.

«Вот когда, — подумалось майору, — этот самый Аскар пригодился бы по-настоящему...»

Аскар буквально дрожал от возбуждения.

За последние недели Шу Кунцен рассказал ему много интересного о Косвенной Сущности, которая однажды чуть не уничтожила Город-Колбу, — точнее, рассказал все, что знал сам. Аскар умолял, чтобы ему тоже было дозволено навестить этот диковинный интеллект с помощью всечувственного передатчика, но Шу убедил его отложить эксперимент. Отложить с тем, чтобы сперва отладить технику передачи, далекую от совершенства.

И Аскар, набравшись терпения, трудился под руководством старого ученого, познавал и размышлял. Шу упоминал мельком, что Косвенная Сущность способна управлять силами далеко за пределами человеческих знаний. Это не биологический интеллект, к тому же она не привязана к определенному небесному телу; в ответ на расспросы земного физика Шу уточнил, что Сущность имеет материальную основу, но какова в точности ее природа, люди так и не разобрались.

И надо же случиться такому! Как раз когда совершенствование передатчика близилось к завершению, титанисты добрались до Межзвездной космической общины и захватили ее. Шу, невозмутимый как всегда, разрешил ученику продолжать работу и удалился. Аскар все еще оставался землянином в достаточной мере, чтобы поражаться безмятежности здешних обитателей перед лицом любых, даже самых тяжких испытаний (впрочем, Шу как-то высказался в том смысле, что звездные чинки стали дилетантами во всем, даже в образе жизни). И все же он старался перенять у учителя и эту черту. Титанисты, облегчая себе продвижение в глубь Колбы, крушили квартал за кварталом — и тем не менее он не бросал работу, пусть взрывы грохотали все ближе и ближе к обсерватории.

Но вот уже полчаса, как внешние звуки угасли. По всей вероятности, Зона Покоя теперь целиком во власти титанистов, а значит, скоро они начнут ломиться и в двери обсер-

ватории. Надо спешить, надо успеть нанести визит Сущности прежде, чем это произойдет. Можно не сомневаться, что другой возможности уже не представится.

А ведь им руководило не только интеллектуальное любопытство. Не так давно он спросил Шу Кунцена, далеко ли ушла Косвенная Сущность в познании законов физической Вселенной, если сравнить ее знания с их собственными. Шу задержался с ответом и в конце концов сказал, что Сущность располагает знаниями, сопоставимыми, как он выразился, «с вашими представлениями о древних богах».

Так что Аскар подготовил для этой всезнающей и всемогущей Сущности несколько вполне определенных вопросов.

Отсчет времени завершился. А поскольку пробный запуск нового оборудования был уже проведен самим Кунценом, Аскару осталось лишь в последний раз проконтролировать два-три прибора, и... Мелькавшие на экране иероглифы замерли — аппарат докладывал о готовности. Аскар протер глаза. Невзирая на долгие тренировки, на достигнутое умение читать принятые в обсерватории специальные символы, землянин до сих пор не наловчился распознавать иероглифы на высокой скорости и сильно уставал.

Он осмотрел массивные, поблескивающие и тихо гудящие кубы преобразователей временной энергии, бесцеремонно занявшие весь центр обсерватории. По самой скромной оценке, на их изготовление ушло года два — и тем не менее заказ был доставлен через час после того, как Шу отправил чертежи. Воистину в распоряжении ученого были неограниченные ресурсы, и пользовался он ими так беззаботно и даже легкомысленно, что Аскар не уставал изумляться. Шу Кунцен заказывал новое оборудование, вообще не задаваясь вопросом о трудоемкости производства, а если что-то не ладилось, готовил чертежи во множестве вариантов и требовал рабочих образцов в соответствии с каждым из них. Любая из его бесчисленных (и подчас вздорных) идей должна была быть немедленно воплощена в натуре. Склады обсерватории ломились от машин, многие из кото-

рых не включались ни разу, а другие свежеизготовленные приборы после двух-трех поспешных опытов бестрепетно отправлялись в металлолом.

Косвенная Сущность уже откликнулась на вызов и выразила согласие на установление контакта. Киберслуга выкатился на позицию готовности у пульта. С бьющимся сердцем Аскар вошел в прозрачную сферу. Как только он опустился в кресло, люк захлопнулся, и все погрузилось во тьму. Передатчик, подхватив его чувства, выбросил их за пределы определимого времени в направлении, какого не нашел бы никакой компас.

Поначалу вокруг были только тишина и темнота. И вдруг прямо из темноты раздался голос:

— Я здесь. Ты явился. Чего ты хочешь?

Голос, хоть и громкий, звучал ровно и доверительно. Мерещилось, что говорящий произносит слова, склонившись к самому его уху, вернее, к обоим ушам сразу. Голос как бы взрезал глубокую тишину, но за этой тишиной Аскару чудился легкий не то посвист, не то шорох наподобие фона, какой иногда сопровождает радиопередачи.

— Хочу тебя видеть, — произнес Аскар в темноту.

— Каким ты хочешь видеть меня?

Физик не сразу понял вопрос, потом откликнулся:

— Хочу видеть тебя как ты есть.

— Хорошо. Вот наша физическая реальность.

Перемена была резкой до жестокости. Аскар внезапно очутился в наполненной шумом галерее. Он стоял на коленях, поскольку высота галереи была всего около четырех футов. По бокам в обе стороны лежало примерно такое же свободное пространство, зато вдаль галерея уходила, казалось, в бесконечность. А справа, слева, сверху, снизу были точно такие же галереи, их было огромное множество, одну галерею от другой отделяли металлические решетчатые каркасы. И внутри каркасов...

Они присмотрелся внимательнее. Насколько он мог судить, это были машины — другого слова он просто не мог подобрать. Галереи являлись, по сути, направляющими для грандиозного машинного процесса, для каких-то звяканий, вращений и перемещений в последовательности невообра-

зимо сложных операций. Аскар находился в центре рокочущей, забитой механизмами фабрики исполинских размеров, в своего рода индустриальном аду.

— Это сконструировано тобой? — задал он вопрос в пустоту.

— Нет, — последовал немедленный ответ, ясно различимый, несмотря на оглушающий грохот. — Это мы — малая частица меня. Все это возникло сразу и окончательно как результат временных процессов. Я — мы не имеем биологической природы.

Аскар ощутил, что его понесло вперед. Пол под коленями, если это был пол, не оказывал сопротивления движению, горячий ветер хлестал по лицу. Бессчетные галереи неслись мимо нечеткими мазками, а он все набирал и набирал скорость, он обратился в стрелу, летящую в стесненной решетками бесконечности.

И вдруг, без предупреждения, стрела достигла цели и застыла на месте. Машинный ад остался позади, высился за его спиной как сплошная стена. Нет, не совсем сплошная — физику Аскару она напомнила, пожалуй, кристаллическую решетку.

Он был теперь на краю исполинской бездны, в глубине которой что-то бурно кипело, выбрасывая облака едких испарений, обжигающих кожу. О ширине бездны можно было только гадать. Аскар двинулся по кромке этой преисподней, пока не уперся в преграду — еще одну стену из плотно спрессованных псевдомашин. Только на сей раз стена не была изрезана сотами галерей, а казалась непроницаемой глыбой — нет, в ней проглядывали какие-то щелочки, но такие узкие, что втиснуться туда нечего было и думать.

Он посмотрел вверх, привлеченный сильным ритмическим гулом. С неба над его головой, если это было небо, наискось спускалось нечто вроде движущейся ленты или транспортера, как у ротационных печатных машин. Транспортер ревел, летя куда-то с невероятной скоростью, и если судить по скорости, длина его должна была составлять многие сотни миль.

— Возможно, тебе будет удобнее встретиться со мной в ином окружении, — предложила Косвенная Сущность.

Все исчезло и тут же воссоединилось вновь. Аскар сидел в комнате довольно скромных размеров. Стены были бледно-голубыми, карнизы — белыми. Из невидимого источника падал свет, очень лучистый, почти солнечный. Перед Аскаром стоял полированный ореховый стол.

Открылась дверь, появилась молодая женщина, вошла и села напротив. Кожа у нее была голубая и отливала серебром, на губах играла легкая улыбка. Глаза были ярко-синими, но смотрели куда-то поверх Аскара, словно не видели ничего вообще.

— Добрый день, — произнесла она звучным приятным голосом. — Так лучше, не правда ли?

Аскару понадобилась добрая минута, чтобы прийти в себя.

— Но ведь это не ты, на самом деле ты выглядишь не так. Или так? — вымолвил он наконец.

— Не так, это верно.

Аскар был слегка разочарован.

— Значит, это просто иллюзия, спроецированная на всечувственный передатчик? Я преодолел такое расстояние не затем, чтобы любоваться иллюзиями.

— Не впадай в ошибку — это не иллюзия. Окружение сконструировано как физическая реальность, и лишь затем на нее спроецированы твои чувства. Даже женщина — настоящая живая женщина.

Теперь Аскар был ошеломлен.

— Ты можешь совершить такое почти мгновенно?

Пауза.

— Ну, не совсем мгновенно. Создание женщины заняло сто лет. Однако длительность не имеет значения, если время запускается по кругу.

«Вот оно как, — подумал Аскар. — Та же Зона Труда, только размах еще грандиознее. Ведь если даже в Колбе умеют свести начало и конец длительного процесса так, что для стороннего наблюдателя они почти совпадают...»

Он помолчал, обдумывая новый вопрос.

— Иногда ты говоришь о себе «я», а иногда «мы». Кто же ты, индивидуальность или сообщество разумов?

— Я не единица и не множество, — отвечала Косвенная Сущность. — Описать мою природу нельзя ни с помощью «я», ни с помощью «мы».

— Так что же ты такое?

Женщина наклонила голову, взор ее ушел куда-то за стены комнаты, а меж бровей наметилась тонкая насмешливая морщинка.

— Возможно, данное окружение, — предположила она, — смущает тебя не меньше, чем прежнее. Сделаем еще одну попытку. — Женщина поднялась и показала жестом на дверь за спиной Аскара, которая распахнулась сама собой. — Пожалуйста, пройди дальше по коридору. Там приготовлена другая комната.

Аскар бросил на серебристо-голубую женщину долгий взгляд, но одолел сомнения и повиновался. Поначалу коридор показался ему серым и невыразительным, ни окон, ни дверей. Коридор тянулся вдаль ярдов на двести и поворачивал, а может, заканчивался тупиком. Но едва Аскар сделал несколько шагов, его стали преследовать странные миражи. Боковое зрение подмечало сводчатые проходы, где среди зеленых стеблей и трепещущей листвы бесшумно двигались рыбообразные туши. Но едва он поворачивал голову, вглядываясь в наваждение, на месте сводов и туш оказывалась голая стена.

Потом его посетило еще более странное чувство, что ускользающие рыбины плавают не где-то снаружи, а в глубинах его собственного мозга. Однако через тридцать — сорок ярдов миражи прекратились. В ту же минуту коридор стал понемногу изменяться: он уже не казался таким невыразительным, он выглядел знакомым. И вдруг Аскар застыл как вкопанный: в стене была дверь с выведенным по трафарету номером 22.

Не веря глазам своим, он огляделся. Впереди коридор раздваивался, и на развилке торчал указатель со стрелками, перечисляющими разные отделы и подотделы. Он еще внимательнее присмотрелся к двери под номером 22, узнавая царапины, узнавая прыщики на краске...

Это был коридор Сарнского полигона! Или безупречно точная его копия.

С бьющимся сердцем он отворил дверь. Уютная комната-каюта с койкой, креслами и столом, на котором громоздились конспекты и отчеты, а поверх всей груды — толстый блокнот для заметок. У левой стены — книжный шкаф с небольшой, тщательно подобранной библиотекой специальной литературы. Его собственная комната, его убежище, где он провел без малого пять лет!

Он тихо притворил дверь и опустился в свое любимое кресло, отдавая себе отчет, что Косвенная Сущность, по-видимому, выудила все подробности обстановки из его собственной памяти.

Над дверью висел миниатюрный динамик — на Сарнском полигоне он служил для оповещений и вызовов персонала. Косвенная Сущность воспользовалась им для общения.

— Отвечаю на твой вопрос, — прозвучал первоначальный мужской голос. — Тип сознания, каким я располагаю, нельзя назвать ни индивидуальным, ни групповым, ни сообществом индивидуальностей. На понятном тебе языке я, пожалуй, добьюсь максимального приближения к истине, если буду именовать себя не «я» и не «мы», а просто «здесь». Впредь я так и поступлю, присвоив себе личное местоимение «здесь».

Аскар помолчал, обдумывая услышанное. Сущность прибегла к хитрой уловке, которая, несомненно, увенчалась успехом. Он действительно ощущал себя гораздо раскованнее, сидя в собственной комнате. Еще чуть-чуть — и он мог бы вообще забыть, что это не Сарнский полигон.

— Раз уж ты читаешь мои мысли, что не подлежит сомнению, — произнес он, — ты давно осведомлен, о чем я хотел спросить. Скажи, много ли ты знаешь о Земле?

— Здесь знает о Земле все, — отвечала Косвенная Сущность.

— Ты приобрел эти знания, читая мои мысли?

— Нет. Здесь узнал о Земле много ранее. Путем прямого наблюдения.

— Следовательно, ты знаешь и о том, что должно там произойти?

— Да, знаю.

— Остается спросить, — Аскар приложил все силы, чтобы слова, мало того что взвешенные, звучали настоятельно и убедительно, — существует ли способ изменить направление потока времени или остановить его? Есть ли в принципе возможность избежать столкновения?

Косвенная Сущность не дала немедленного ответа. Вместо слов из динамика полилось густое, мощное гудение. Вселенная вокруг Аскара взорвалась, и он выплыл в первозданную пустоту. А вокруг него поплыли призрачные формы всех цветов и фасонов, то вспыхивая в поле зрения, то уносясь прочь, как искры.

Тело его вытянулось, как струя дыма на ветру, оно удлинялось и удлинялось до бесконечности, и это продолжалось долго, неимоверно долго. И внезапно кончилось — он опять сидел в своем любимом кресле посреди уютной комнаты-каюты.

— Вы, — изрекла Косвенная Сущность, подчеркнув местоимение «вы», — не можете сделать ровным счетом ничего.

Когда солдаты Браурна ворвались наконец в пространственно-временную обсерваторию, они нашли Лэрда Аскара все еще сидящим в прозрачной сфере всечувственного передатчика.

Попыхтев минут десять, они ухитрились открыть люк. Аскар, судя по всему, даже не видел их. Он сидел в прострации, бормоча что-то невразумительное, и не оказал сопротивления, когда его подхватили под руки и поволокли прочь.

— Кажется, это он, — сказал сержант. — Но, сдается мне, эти технические игрушки довели его до умопомрачения.

— Может, он свихнулся, решая чинкскую головоломку, — брякнул предположительно один из солдат.

— А? Что такое? — Аскар начал приходить в себя и воззрился на солдата суженными, как у чинка, глазами.

— Вывести его отсюда, — распорядился сержант. — Майор Браурн приказал доставить его в штаб без промедления.

Аскара вытащили из обсерватории. И в этот момент послышалось нечто столь неожиданное, что солдаты замерли без команды и в недоумении уставились друг на друга. Вот уже несколько часов в городе царила тишина — и вдруг где-то вдалеке вспыхнула и загрохотала, не ослабевая ни на минуту, ожесточенная перестрелка.

Хешке принял от соседа табачную скрутку и вдохнул ароматный дым с особым, подчеркнутым наслаждением.

Это была прощальная вечеринка — прощальная в самом полном смысле слова. Они знали, что титанисты вторгнутся в резервацию завтра и уж никак не позже чем послезавтра. Вот Геррик и решил собрать лучших друзей, чтобы, как он выразился, отметить последний день некогда преуспевающей расы.

Обстановка была нисколько не напряженная и, как ни парадоксально, почти праздничная. Хешке поневоле восхищался хладнокровием, с каким амхраки относились к неотвратимому. Мелькнула странная догадка, что дело именно в неотвратимости, что именно она внушает людям такое достоинство. Если бы оставалась хоть тень надежды, это могло бы как раз привести к панике...

Разговор шел по преимуществу на амхракском, которым Хешке владел еще не слишком ловко. Однако из вежливости хозяин и гости довольно часто обращались и к веролийскому — главному языку бледнолицых, общему для всей Земли, — и Хешке никоим образом не чувствовал себя ущемленным.

К нему подсела девушка, стройная, как истая амхрачка, и принялась болтать, прихлебывая вино: недавно в резервации научились его синтезировать, и продукт получался отменный.

— Вам, наверное, показалось скучно в нашей деревушке после Прадны, — щебетнула она с улыбкой.

— Да я на самом-то деле вовсе не из Прадны, — ответил он. — Я провел большую часть жизни в полевых экспедициях, раскапывая инопланетные развалины. А Прадна, по правде говоря, пренеприятное местечко. Здесь мне нравится гораздо больше... невзирая на то, что грядет.

И еще не договорив, он испытал дурнотное ощущение, что совершил непростительную бестактность. Может статься, эти люди ввели жесткое табу на разговоры об... этом — из суеверия он даже для себя не уточнил о чем. А девушка рассмеялась совершенно естественно и как ни в чем не бывало ответила полушутя:

— Ну, значит, в Прадне и впрямь мерзко, если наша участь и то предпочтительна...

Геррик распахнул двойные двери, ведущие в мастерскую, и принялся колдовать над своим телевизором, не нуждающимся в передачах. Чтобы скрыть замешательство от собственной промашки, Хешке присоединился к нему и минут пять наблюдал безмолвно, как Геррик лазит по диапазонам, выискивая четкие картинки. Сегодня их удавалось поймать больше обычного.

— Проводимость атмосферы нынче редкостная, — объявил амхрак не без удивления. — Сигнал чистый и сильный. Вот, полюбуйтесь, пожалуйста...

В большинстве своем картинки были как бы сняты с птичьего полета. На этой виднелись окраины среднего по размерам города — именно среднего, а не большого, о чем красноречиво свидетельствовал характер застройки. Судя по положению солнца, время тут было послеполуденное.

— Узнаете? — поинтересовался Геррик.

Хешке отрицательно качнул головой: таких городов были тысячи, и все они походили друг на друга.

Картинка не качалась и не расплывалась, как обычно. Напротив, она была на редкость устойчивой, а Геррик еще повозился с регулировкой и добился качества, близкого к коммерческим стандартам.

— Наконец-то у меня получилось что-то толковое, — произнес он грустно. — Какая жалость, что об этом теперь... Господи, что такое?..

Кадр как таковой сохранял устойчивость и яркость, но отдельные его элементы тускнели и гасли. На глазах Геррика и Хешке — и других, потому что археолог смутно чувствовал, что и остальные гости поглядывают на экран ему через плечо, — все здания на картинке словно расплавились, и на их месте оказалась лишь голая земля. И не только

здания — куда-то пропала и кучерявая рощица, и полоска травы. Исчезло все, кроме сухой безжизненной почвы.

— Что-то с приемником? — мягко осведомился Хешке.

— Не понимаю, — проворчал Геррик. — Конечно, есть телевизионные системы, способные дать подобный эффект. Если используется банк памяти, чтобы держать в кадре постоянные элементы, то и картинку можно создать или разрушить как бы по частям. Но у меня-то здесь простое построчное воспроизведение! Присмотритесь — ведь видны выемки там, где стояли эти дома. Будто город взял и растворился в воздухе...

— Значит, два изображения наложились одно на другое, — предположил Хешке. — Одно исчезло, другое осталось.

— Да, это возможное объяснение, — нехотя согласился Геррик. — Наверное, так оно и произошло. Но как же картинки наложились друг на друга с такой точностью? А я-то думал, что проблема настройки уже решена...

Хешке выбрался из мастерской, предоставив Геррику мозговать над своим аппаратом в одиночестве.

Выйдя на веранду, археолог по привычке окинул взглядом окрестную пустыню. В ночном небе отражались странные мерцающие огни, будто за горизонтом играли молнии.

Вернуться к Браурну в штаб оказалось не так-то просто.

Они проехали с полмили в приданном отряду бронированном грузовичке — пользоваться общественным транспортом титанисты считали ниже своего достоинства — и попали на одну из главных магистралей, расчищенных новыми хозяевами Колбы специально для быстроты маневра. Теперь автострада гремела односторонним движением — в сторону разрывов и выстрелов, в сторону перемычки, отделяющей одну половину города от другой.

— В сторону фронта, — пробурчал сержант.

Лица у легионеров, взгромоздившихся на шаткие броневички, были дикие, и по этим лицам можно было судить, что ситуация отчаянная, если не хуже. Туземцы не показывались — вероятно, попрятались в страхе по щелям: титанисты, когда им приходится туго, свирепеют до садизма. В критических обстоятельствах титан-солдат не задумается

застрелить любого, кто имел неосторожность хотя бы высунуться, не то что стать на его пути.

— Святая Мать Земля, что происходит, сержант? — спросил один из конвоиров.

— Должно быть, что-то серьезное. — Сержант пожевал губами. — Может, чинки добрались наконец до своих укреплений... — Он подтолкнул локтем водителя. — Наша задача — доставить этого типа в штаб. Дождись первой бреши в потоке, переберись на ту сторону, а дальше по боковым проездам...

Автострада брала начало от главного полевого склада неподалеку от дока. Штаб до последнего времени был рядом. Через несколько минут они пересекли магистраль и продолжили путь по опустевшим ярусам, галереям и площадям.

— От этого чертова города у меня мороз по коже, — пожаловался кто-то. — Как я был бы счастлив вернуться в Прадну живым и здоровым!

Впереди показалась пулеметная точка. Пулеметчики подняли крик и приказали грузовичку остановиться.

— Туда нельзя, — объявил капрал, — дорога перерезана.

— Перерезана — кем?

— У чинков есть армия, — пояснил капрал флегматично. — Ну и хаос, ничего не разберешь...

Внезапно пулемет изрыгнул короткую прерывистую очередь.

— Да вот же они! — заорал стрелок.

Сержант покопался в грузовичке и вытащил короткоствольный автомат. Теперь он тоже увидел противника — чинки перебегали бульвар, укрываясь за деревьями. На них были грубая синяя форма и шлемы, похожие на колпаки с широкими полями.

Он отдал приказ — и бронированный грузовичок двинулся по бульвару малым ходом, а солдаты открыли огонь сквозь лобовые и бортовые щели. Сам он остался с пулеметчиками, укрылся за бруствером и припал на колено, сжимая свой автомат.

И тут, с полнейшей внезапностью, чинки обрушились на них, окружили их с флангов и с тыла, будто спрыгнули с неба, — но ведь в Колбе и неба-то не существовало...

* * *

Титан-майор Браурн уже понял, что совершил тактическую ошибку, передислоцировав свой штаб из тесного домика у шлюзовых ворот в роскошный особняк в центре города.

В тот момент такое решение представлялось вполне обоснованным. Город был взят. Майору был нужен административный центр, и район дока для этого просто не годился.

Но когда из Зоны Труда, которую его разведчики провозгласили вымершей, хлынула огромная, хорошо обученная и дисциплинированная армия, все изменилось. Браурн и до сих пор едва догадывался, откуда она взялась, однако при данных обстоятельствах с развернутыми объяснениями можно было и повременить.

Как только стало ясно, что армия чинков являет собой серьезную угрозу, он сразу задумался, не стоит ли отступить обратно к доку, чтобы в случае необходимости укрыться на дрейфующих вблизи Колбы кораблях. И с глубокой скорбью узнал, что док был одним из первых объектов, атакованных и захваченных врагом. Легионеры неоднократно пытались отбить док, но без успеха.

Рапорты, поступающие отовсюду, были один чернее другого. Противник располагал подавляющим преимуществом, и никакие отчаянные меры не помогали восстановить контроль за ходом боевых действий. С помощью какого-то устройства, состоящего у них на вооружении, проклятые чинки могли появляться где и когда угодно и исчезать, как тени, с легкостью проникая за любые оборонительные рубежи. Настоящего оружия у них почти не было — легкие пистолетики да ножи, но чаще всего они сражались голыми руками, применяя приемы не менее смертоносные, чем пуля или лазерный луч.

Вне себя от гнева, Браурн выслушивал безотрадные сообщения о том, что его войска оставляют район за районом, что враг появляется одновременно в самых разных местах и противостоять ему невозможно. С силой стукнув по селектору, он вызвал всех подчиненных командиров сразу. И то

сказать, вот уже минут десять они наперебой требовали новых инструкций.

— Стреляйте по всему, что движется! — прорычал он. — Поняли меня? Убивайте всех без разбору!

— Кажется, мы с вами где-то встречались? — осведомился Лэрд Аскар, озадаченно щурясь на белого человека в форме завоевателей из Нижней Колбы.

— Собри Обломоут, — улыбнулся тот. — Мы встречались дважды и всего несколько дней назад. То есть для вас прошло несколько дней, а для меня больше года...

— Да-да, совершенно верно, — пробормотал Аскар. — Вы тот, кто прибыл на корабле с Земли вместо Ронда Хешке. Извините, у меня нет никакой памяти на лица. — Он беспечно махнул рукой: ничего, мол, не попишешь. — Стало быть, титанистам так и не удалось переделать тут все по-своему?

Собри позволил себе не скрывать торжества.

— Они до сих пор не возьмут в толк, что на них свалилось и откуда. Но вы-то, конечно, знаете, в чем секрет успехов Нижней Колбы: на любую работу там тратят столько времени, сколько требуется, даже если продукцию надо представить через пять минут. На подготовку нашего контрудара мы затратили всего год, а при необходимости могли бы и лет двадцать пять...

— Я так и думал, что случилось что-нибудь в таком роде, — сказал Аскар. — Удивительно, как это титанисты прозевали такой несложный трюк.

— Они бы и хотели остановить нас, да им не дали. Помните молодого человека по имени Ху Сюмень? Титанисты притащили его с собой. Для них было бы лучше бросить его на Земле — он выключил туннель между колбами, и они никак не могли попасть в Зону Труда, по крайней мере в ее нормативное время. Допускаю, что рано или поздно они додумались бы проникнуть туда на звездовремялетах, но мы ударили по ним прежде, чем они начали догадываться, что происходит. По времени Зоны Покоя прошло чуть больше часа — а Сюмень и я уже вернулись с вооруженной и обученной армией!

Аскар хмыкнул.

— Кто-то из приближенных Лимниха свалял дурака. Хоть это теперь уже не имеет значения... — Он потянулся. Его отделили от конвоиров-титанистов и разместили в довольно удобном доме, предназначенном, по-видимому, для задержанных высокого ранга. Визит Обломоута явился для него, однако, полной неожиданностью. — Да, теперь я вспомнил вас, — произнес он. — Вы революционер и к тому же сумасброд. Защитник мутантов. Словно они в вас нуждаются...

— Считайте как вам угодно. Только я не один такой: Ху Сюмень — тоже революционер. Думаю, что здесь грядут серьезные перемены...

— Если вы рассчитываете, что рабочие из Зоны Труда поднимут мятеж против Зоны Покоя, забудьте об этом, — заявил Аскар. — Общество в этой звездной общине устроено как надо. Тут прочный порядок.

— Ну что ж, посмотрим. Сюмень — человек выдающийся, хоть и своеобразный. Каких впечатляющих результатов он добился в Нижней Колбе как организатор, и всего за год! И мы спасли весь город!

Хотел он того или не хотел, но в голос Собри прокралась нотка хвастовства.

— Рабочие Нижней Колбы с удовольствием подчиняются любому организатору. Это еще ничего не значит, — парировал Аскар и зевнул. Он почувствовал, что устал. — Так вы говорите, что спасли город? Преклоните колено передо мной, мой друг. Потому что вы видите перед собой человека, спасшего планету Земля.

— Человека... что? — начал Собри недоуменно, но его прервал входной звонок. Явился Ху Сюмень, презрительно глянул на Аскара и обратился к Обломоуту:

— Все идет хорошо. Колба в наших руках, остались лишь мелкие очаги сопротивления. И к тому же нам удалось найти, куда земляне заточили членов кабинета министров Зоны Покоя. Их вот-вот доставят сюда.

— Прекрасно! — энергично вмешался Аскар, словно и не уставал. — Поскольку заварушка окончена, я полагаю, что мой учитель Шу Кунцен может теперь вернуться в об-

серваторию и заняться действительно важными делами. И я, с вашего разрешения, хотел бы составить ему компанию.

— О, теперь я узнал вас, — сказал Сюмень. — Вы тот самый, кто предпочел погрязнуть в абстракциях, отказавшись от попыток помочь своему народу. Ступайте куда хотите, ради Бога. Здесь от вас все равно никакой пользы.

«А ведь молодой человек посуровел, — отметил про себя Аскар. — Год, прожитый им после возвращения, изменил его...»

— Погодите! — вмешался Собри. — Что вы такое говорили недавно о планете Земля?

Аскар с упрямым видом скрестил руки на груди и заявил:

— Желаю беседовать с Шу Кунценом.

— Догадываюсь, что у вас на уме, — сказал Сюмень после паузы. — Вы боитесь, что я прикажу казнить всех членов кабинета, включая вашего возлюбленного учителя. Не беспокойтесь. Что с ним делать, будет решать народ, а не я. Надо бы, наверное, отправить его поработать на заводе, чтоб узнал на собственной шкуре, с чем это едят...

Сюмень шепнул словечко Собри, который вышел из комнаты и вернулся через пять минут вместе с Кунценом. Едва произнеся невнятное формальное приветствие, старый ученый обратился к Аскару:

— Хватило вам времени завершить эксперимент?

— Почти хватило. Как бы то ни было, посещение Косвенной Сущности состоялось.

— И вы узнали что-либо достойное внимания?

— Это смотря как взглянуть. А в общем, да, можно считать, узнал. — И к Собри: — Вы землянин, так что постараюсь объяснить попонятнее. Видите ли, мои поступки вовсе не были лишены практического смысла, по крайней мере они были более практичными, чем вы вообразили себе. В нескольких световых годах отсюда есть, как бы лучше сказать... некий интеллект, мыслящая сущность, и ученые Города-Колбы знают о нем — или о ней — уже довольно давно. Ее назвали Косвенной Сущностью, поскольку она движется во времени косвенно по отношению к нам. Мы, Шу Кунцен, а затем и я, поставили себе целью установить с этой Сущностью надежную связь и обмениваться научной

информацией. Надо отметить, что Сущность владеет знаниями о временных процессах куда более глубокими, чем мы. И я загорелся надеждой выяснить, не может ли она помочь Земле, не существует ли способа поставить временные системы под контроль и отвратить их предстоящее столкновение.

— Я... кажется, я понимаю...

Тон у Собри заметно смягчился. Пожалуй, ему было даже стыдно перед Аскаром, которого он до сих пор недооценивал, считал человечком почти никчемным — и на́ тебе... Прежде чем продолжить, Аскар посмотрел на Кунцена.

— К моему удивлению, сэр, Сущность уже была осведомлена о Земле. По-видимому, это ее конек — вести наблюдения за планетами, где развилась жизнь. Но всего более я был потрясен, когда она признала, что в ее силах предотвратить катаклизм, если она того пожелает. Она способна повлиять на направление потоков времени, даже в такой мощной системе, как земная, и на таком огромном расстоянии. Не спрашивайте меня, каким образом. Однако Сущность дала мне понять с полной ясностью, что человеку такие умения не станут подвластны никогда.

— Но это уподобляет Косвенную Сущность божеству! — воскликнул Собри, не вполне поверив тому, что услышал.

— Вы правы, уподобляет, — подтвердил Аскар, слегка скривив губы. Он позволил себе такое же сравнение тогда, во время сеанса, и ответ Сущности и поныне звенел в его ушах: *Я столь же несуществен, как и вы. Высший не замечает меня точно так же, как и вас...*

— Он говорит правду? — Собри разволновался и обратился к Кунцену: — Вы осуществляли у себя в обсерватории такие замыслы?

Шу ответил холодным тоном, исполненным превосходства:

— Наш замысел был именно таков. Я давно подозревал, что Косвенная Сущность располагает возможностями, недоступными для нас...

— Deus ex machina*, — пробормотал Собри.

---

* Бог из машины (*лат.*).

— Да, — подтвердил Аскар апатично, — самый настоящий deus ex machina. Однако Косвенная Сущность настаивала на своей позиции зрителя, на позиции невмешательства. И когда я высказал просьбу, чтоб она использовала свои знания в наших интересах, Сущность ответила мне отказом.

В комнате воцарилась тяжкая тишина. Первым шевельнулся Сюмень.

— Сожалею о судьбе вашей планеты, — сказал он деревянным голосом. — Однако Колба, с вашего разрешения, продолжает существовать, и у меня есть неотложные дела...

— Но спор на том не кончился, сэр, — быстро доложил Аскар учителю Кунцену, как только молодой человек вышел из комнаты. — Я нашел новые аргументы...

Он мысленно вернулся к недавно пережитому — все было еще свежо в памяти. Он помнил, что первой его реакцией был усталый цинизм, что он как бы пожал плечами и списал Землю в расход. И тем не менее вскоре выяснилось, что сдаваться он не может и не хочет. Какая-то внутренняя потребность заставляла его настаивать, повторять старые доводы и искать новые. По сравнению с Сущностью он был муравьем, мошкой — и все же гнул свое. Нет, он не пресмыкался, не молил о пощаде — все это не совсем подходящие слова, — но до униженной мольбы оставалось тоже очень недалеко.

Показалось ему или нет, что в голосе Косвенной Сущности послышалось что-то похожее на смущение?

— Ситуация на Земле подразумевает незаурядную драму, — изрекла Сущность. — Для меня нежелательно вмешиваться в эту драму.

Но с развитием дискуссии все чаще случалось, что комната, где сидел Аскар, шла рябью и исчезала, и он выплывал пылинкой в гремящие машинные залы или в кромешную бесконечность, наполненную нечеткими размытыми контурами. И постепенно он осознал, что Сущность отнюдь не запугивает его и не демонстрирует ему свой гнев. Просто-напросто ее мыслительные процессы достигают подчас

такой интенсивности, что она отвлекается от передачи чувственных данных на приемник в Городе-Колбе и оставляет Аскара наедине с образами, выхваченными из космоса наобум. Однако всякий раз, когда Сущность решала произнести что-то вслух, землянин мгновенно оказывался вновь в воссозданной ею комнате.

И наконец она опять сменила голос. Из динамика с ним заговорила серебристо-голубая женщина, смеющаяся, как колокольчик:

— Дерзкие предприятия, как твое, заслуживают награды. Вот что я сделаю...

Косвенная Сущность не стала описывать ему свои намерения словами, а построила ясные графические картины и спроецировала их ему в сознание. Она показала, как поток времени разделяется на ручейки, и ручейки весело бегут в разных направлениях, возрождая пустыни к жизни. Показала она и главное течение, от которого ответвились ручейки, — оно по-прежнему неслось вперед к точке встречи с другим столь же мощным течением, чтобы в этой точке закрутиться чудовищным водоворотом и уничтожить себя.

Аскар изложил все это Кунцену. Старый ученый согласно кивал, периодически впадая в раздумье.

— Изобретательно, — вымолвил он. — И логично. Очевидно, Косвенная Сущность не лишена чувства справедливости.

— А я ничего не понял, — пожаловался Собри Обломоут. — Ну ничегошеньки...

Шу Кунцен посмотрел на него снисходительно, укутав руки в длинных рукавах.

— Да, для неспециалиста это затруднительно, — сказал он в своей задумчивой и напевной манере. — Вдумайтесь в такое примерное описание. Время движется вперед, постоянно в одном направлении. Но во Вселенной существует отнюдь не одно-единственное направление. Насчитывается шесть измерений, а не только те три, что знакомы нам в Абсолютном Настоящем. За пределами потока времени, движущегося из прошлого в будущее, лежат куда большие пространства вневременья — наподобие ландшафта, по которому течет временная река. В практическом смысле это зна-

чит, что в пятом измерении наряду с известной вам Землей существует еще множество таких же Земель. Они не населены: поскольку там нет времени, то нет и жизни. Но реку времени можно направить не вперед, а вбок — с тем, чтоб она оросила эти альтернативные Земли. И там столкновения со встречным потоком уже не будет — идеальное решение стоящей перед вами проблемы.

— Так что, выходит, столкновение отменяется? — спросил Собри, кое-как продираясь сквозь дебри абстрактных концепций.

— К сожалению, нет. Сущность сохранила основной поток земного времени в неприкосновенности. Она согласилась лишь оторвать от потока мелкие ручейки и направить каждый ручеек на свою отдельную Землю — их огромное множество, и все более или менее одинаковы. Люди, связанные с тем или иным ручейком, составят как бы островок жизни на огромной пустынной планете. Но постепенно они, конечно, заселят ее целиком. И в каждом отдельном случае родится новый мир... — Шу Кунцен откровенно, без ложной скромности гордился своей проницательностью. — Сущность приняла мудрое решение, куда мудрее, чем могли бы предложить мы сами...

— Каждой сохранившейся резервации мутантов выделяется собственная планета, — пояснил Аскар специально для Собри. — Косвенная Сущность дарит каждому подвиду самостоятельное будущее, свободное от вмешательства со стороны других. Даже часть титанистов будет править своей Землей, где нет ни инопланетных захватчиков, ни угрожающих честолюбивым планам врагов из будущего. И то же самое относится к расе, обитающей в будущем: там ведь тоже есть разные нации и фракции, и некоторые из них будут спасены.

— А остальные? Что предстоит остальным — аннигиляция?

— Да, почти что так. — Глаза у Аскара пророчески заблестели. — Будет Армагеддон, великая война во времени. И будет столкновение встречных временных систем. Но знаете, вероятно, будут и выжившие. Уже сейчас титанисты готовят чертежи защитных бункеров, проектируют мощные

поля искусственного времени, способные ослабить последствия столкновения. Некоторые бункеры — думаю, немногие, — устоят. При том условии, что оборудование окажется достаточно прочным. И горсточка титанистов уцелеет даже тогда, когда все кончится, уцелеет на немыслимо опустошенной Земле и будет тем не менее пытаться построить что-то заново...

— А это расщепление времени — когда оно произойдет? Скоро?

— Уже произошло, — ответил Аскар. — Произошло еще прежде, чем легионеры вытащили меня из обсерватории...

«Интересно, — подумал Собри, — а как там в резервации у амхраков? Заметили друзья, что обстоятельства резко изменились, или еще нет?..» В любом случае приятно узнать, что цивилизация амхраков не погибла, что она будет продолжаться.

Титан-майор Браурн резким взмахом сбросил со стола весь ряд видеокоммуникаторов. Все равно никто больше не звонил.

Браурн был в кабинете один. Даже адъютанта уже пришлось отослать на баррикады. Видно, настало время дать последний бой.

Решительным шагом он вышел из штаба на улицу. По всем сведениям, штаб оставался последней точкой, еще не сданной противнику, и следовало ожидать атаки с минуты на минуту.

Перед зданием, которое он выбрал под штаб, лежала площадь под крышей, смахивающая на галерею. Оборонительная позиция была превосходной: враг не мог приблизиться иначе, чем преодолев длинную и широкую улицу, где не нашлось бы никакого укрытия. Но Браурн уже усвоил, что против трюков этих подлых чинков бессильны все стратегические соображения.

Он едва добрался до перегораживающей улицу стальной баррикады и только-только успел сказать солдатам ободрительные слова, как свершилось. Чинки появились сразу и повсеместно, некоторые даже по эту сторону баррикады, и кто-то сошелся с ними в яростной рукопашной, а кто-то

предпочел по-прежнему вести огонь вдоль улицы. В который раз Браурну выпало наблюдать смертельные приемы хока, но, к счастью, чинки уступали его людям в численности. А впрочем, нет: довольно было бросить взгляд на улицу, чтоб увидеть их синюю форму и шлемы-колпаки. Чинки то возникали, то исчезали, продвигаясь по площади как призрачные тени. Ну что это за противник, если половину времени он не виден вообще!

Внезапно майор издал громогласный, почти радостный рык. В один прыжок подскочив к укрепленной огневой точке, он оттолкнул заряжающего и сорвал тяжелый пулемет с треноги. Обычно такой пулемет поднимают вдвоем, но Браурн перевалился через баррикаду, волоча за собой пулеметную ленту, и дал длинную очередь от бедра.

— Нечего отсиживаться! — заорал он солдатам. — Выходите и покажите им!..

Он брел по площади, пошатываясь и беспрерывно стреляя из тяжелого и неуклюжего пулемета. Пулемет был нацелен приблизительно туда, где чинки появлялись и исчезали чаще всего. «Это по-мужски, — внушал он себе. — Погибнуть сражаясь, сражаясь до последнего дыхания с ордами недочеловеков...»

Он продолжал стрелять до тех пор, пока чья-то рука не коснулась его шейных позвонков. Тогда он умер.

Войска в синих мундирах заполнили площадь перед балконом, где собрались Сюмень, Собри и премьер-министр Вэн Ву с членами своего кабинета.

Сюмень нервно облизывал губы. Это была его идея — выставить кабинет Зоны Покоя перед строем солдат-победителей. Почтенные официальные лица потеряют свой привычный престиж, будут казаться слабыми и уязвимыми. А рабочие увидят своими глазами тех, кто лишил их основных человеческих прав.

К большому его удивлению, Вэн Ву высказался в пользу подобного противостояния. По-видимому, он не улавливал намерений Сюменя и тем не менее любезно поблагодарил его за организационные усилия. «А что, — подумал Сюмень, — может, со стариком стоило бы поговорить откровеннее...» Ведь

вот сейчас премьер не затруднился найти плавные звучные фразы, чтобы выразить признательность рабочим Зоны Труда за столь своевременное вмешательство.

— Проявленное вами чувство гражданского долга порадовало мое сердце, — заявил Вэн Ву в конце своей пространной речи, хотя аристократическое его лицо хранило впечатляющую бесстрастность. — И ныне, изгнав иноземных варваров, мы вправе вернуться на свои привычные места, дабы в кратчайший срок восстановить безупречную гармонию отлаженного общественного устройства...

Отступив на шаг и скрестив руки, он послал милостивую улыбку Сюменю и менеджерам Зоны Труда, стоявшим поблизости, а затем удалился в глубь балкона. «А ведь он обставил нас на повороте, — воскликнул про себя Собри. — Бедняга Сюмень!..»

Вперед вышел директор-менеджер Нижней Колбы, поклонился в сторону премьера и обратился к толпе с коротким вежливым выступлением, выражая удовлетворение тем, что рабочие оказали городу услугу. А те стояли, задрав головы к балкону, и лица у них были в лучшем случае любопытствующими, а скорее — пустыми. Потрясенный Собри вдруг отдал себе отчет, что сейчас они покорно, как ни в чем не бывало, вернутся в свою родную Колбу, к своим станкам и примитивным развлечениям...

Директор закруглился и сошел с трибуны. Сюмень, как отметил Собри, пребывал в растерянности. Да какой он, в самом деле, революционер, он же простак простаком! Он же понятия не имел о том, как вызвать действительные социальные перемены, — ему мерещилось, что все произойдет само собой...

Поколебавшись, Сюмень все-таки решился и сделал шаг вперед, однако Собри опередил его и завладел вниманием толпы.

Но что сказать, чтоб мышление этих людей хотя бы стронулось с накатанной колеи? Как направить их на путь, сулящий когда-нибудь привести к всеобщему равенству? Собри рылся в памяти, перебирал бесчисленные революционные тексты, пока не пришел к древнейшему из всех — к

тексту легендарному, почти мифическому, задевающему струну, на которой играли буквально с доисторических времен.

Собри поднял руку, сжатую в кулак.

— Пролетарии всех миров, пробуждайтесь! — начал он. — Вам нечего терять, кроме своих цепей...

Глава 14

В огромном подземном зале шаги отдавались гулким эхом. У входа в канцелярию планетарного лидера Лимниха, шествующего в сопровождении челяди и охраны, как обычно, встретил подтянутый и невозмутимый титан-полковник Браск.

— Вы получили мое послание? — осведомился Лимних, едва они обменялись салютом. — Поняли его сокровенный смысл?

— Так точно, планетарный лидер.

Браск распахнул двери, приглашая Лимниха войти. Лидер повелительным жестом оставил челядь снаружи и с удовольствием погрузился в глубокое кожаное кресло, словно бы изнемогая от усталости.

— Вам должно быть ясно, отчего я воспользовался шифром. Такое нельзя доверить обычному видеокоммуникатору... требования секретности ныне настоятельны, как никогда...

Лимних прищурился и засопел. Ему было холодно, его знобило, хоть он и отдавал себе отчет, что это разыгралось воображение, подогретое точным знанием об эпидемиях — многие районы были поражены чумой. Вирусологические лаборатории работали не покладая рук, отчаянно сражаясь с половодьем новых болезней, несомненно, занесенных врагом. Едва удавалось справиться с одним вирусом, ему на смену тут же появлялся другой.

— Простите, лидер, хватило ли времени проверить то, чему вы посвятили свое послание? — осведомился Браск.

— Все подтвердилось. Целые регионы попросту исчезли с карты. По всей вероятности, новое вражеское оружие. Но, Мать

Земля, что за дьявольское изобретение, если оно способно уничтожать людей, здания и растительность, не оставляя никаких следов! Радиации, и той нет. Одна голая почва...

— Не кажется ли вам странным, что исчезли по преимуществу резервации мутантов?

Лимних пожал плечами.

— А может, чужаки решили, что это самый удобный испытательный полигон? И уж во всяком случае, мы сами ничего подобного не затевали, поверьте моему слову. Вы понимаете, что ситуация крайне серьезна. Операция «С» подготовлена?

— Так точно, планетарный лидер. Первый эшелон будет готов к вылету буквально через несколько минут.

Браск включил большой видеоэкран. Лимних увидел стройных гордых парней в боевых времялетных костюмах, следующих церемониальным маршем с предполетного парада. Он всматривался в лица, восторгаясь их мужеством и самоотверженностью.

Тратить годы в ожидании момента, когда Легионы Кроноса наберут мощь, теоретически достаточную для тотальной атаки, было больше нельзя. Не оставалось времени на разработку средств, которые дали бы времялетчикам-истребителям реальный шанс на индивидуальное спасение. Это были экипажи самоубийц, готовых сражаться вопреки судьбе, готовых ценой собственной жизни доставить и сбросить водородные бомбы — десятки бомб на каждом корабле. Видя их непреклонную решимость, Лимних даже ощутил нечто похожее на былую уверенность в себе. Ему было известно: несколько часов назад каждый времялетчик сдал сперму на хранение в морозильных камерах, и теперь они умрут с гордым сознанием, что их семени суждено и в дальнейшем обогащать кровь расы.

— Извините, планетарный лидер, но в соответствии с утвержденным нами протоколом я прошу разрешения покинуть вас... — Браск нажал кнопку, и в кабинет вошел молодой офицер, еще один из новой поросли, от которой ныне зависело само существование Легионов. — Согласно вашему приказу, лидер, титан-полковник Гоул примет командование операцией вплоть до вылета второго эшелона...

Лимних дал формальное разрешение, и Браск торжественно удалился, отдав прощальный салют. Планетарный лидер видел на экране, как он стал плечом к плечу с подчиненными. Церемония проводов подошла к концу, и экипажи поднялись по машинам, а Браск занял свое место на флагманском корабле.

— Надеюсь, со временем мы придумаем, как вернуть их живыми, — объявил Лимних Гоулу. — А до той поры... до той поры другого не дано.

— Так точно, планетарный лидер!

Раздался хлопок, подобный удару грома. Эскадрильи исчезли все вместе, синхронно. И с невнятным жужжанием устремились в будущее, неся на борту смерть, смерть и еще раз смерть.

От автора

Концепция времени, положенная в основу этого романа, в известной мере обязана своим рождением дискуссиям из серии «Эксперименты со временем», проходившим с участием Дж.У. Данна, и в особенности его книге «Повторяющаяся Вселенная», где он формулирует парадокс возврата, описанный мной в главе 9-й.

Разумеется, представление о времени, какое я извлек из этих дискуссий, — представление поверхностное, беллетристическое. Зато оно дало мне возможность поднять вопрос, является ли настоящий момент единым для всей Вселенной, как поначалу верил физик Лэрд Аскар, или это чисто локальное явление, как разъяснили ему ученые Города-Колбы. Лично я склонен думать, что вторая версия ближе к истине, хотя проблема сопряженности времени с биологическими системами — или с образованиями таких масштабов, как галактики, а может быть, со структурами еще больших размеров, например, со всей звездной Вселенной, видимой из определенной точки, — эта проблема остается открытой.

Б. Дж. Б.

ПАДЕНИЕ ХРОНОПОЛИСА

Глава 1

Раздался гулкий удар, и над продуваемой ветрами равниной материализовались корабли Третьего Хронофлота. Пятьдесят боевых кораблей, детища огромной верфи Хронополиса и гордость Империи, выстроились на сырой почве саванны, будто город вырос в глуши. Впечатление усиливалось рядами квадратных иллюминаторов на бортах кораблей, ярко освещенных изнутри и хорошо различимых в сумерках. На землю тяжело упали первые крупные капли дождя; погода хмурилась, по небу быстро бежали низкие тучи. Приближалась буря.

Прошло полчаса. В борту флагманского корабля откинулась крышка люка, превратившись в наклонный трап, и на землю сошли трое. Впереди шли двое сурового вида мужчин в военной форме темно-бордового цвета, с нашивками на груди и на рукавах и кокардами на фуражках. Третий шел следом, дрожа всем телом и съежившись, уставив глаза в землю и лишь изредка бросая по сторонам затравленные взгляды.

Они остановились на бугорке за сотню ярдов от ближайшего корабля. Адмирал Хайт оглянулся назад, и сердце его наполнилось гордостью. Строй кораблей был похож на длинные офисные коробки в прямоугольных линиях города, но каждый корабль имел стрельчатую форму для продвижения сквозь время, и потому этажи кораблей-зданий шли ступеньками — высокая корма и низкий нос. Адмиралу это напомнило другие, древние суда: парусники-галеоны,

которые когда-то — задолго до границы Империи в прошлом — бороздили земные моря.

— Хорошо на свежем воздухе, — негромко сказал адмирал. — Внутри страта я начинаю страдать клаустрофобией.

— Да, сэр.

Полковник Анамандер всегда терпеть не мог эту часть процедуры. Обычно ему приходилось руководить уборкой трупа, и сегодня он был избавлен от этой работы лишь потому, что адмиралу захотелось пройтись.

Рыскающий ветер доносил до ушей низкий гул ближайших кораблей времени. Так гудели двигатели, удерживающие корабли в ортогональном времени. Иногда этот ровный гул нарушался другими, более громкими, лязгающими звуками. Механики флота занимались ремонтом, ради которого и пришлось сделать остановку.

«Как здесь пустынно», — подумал полковник Анамандер. Для остановок на этом участке истории корабли времени выбирали глухие, необжитые районы. Изменчивость времени — вещь серьезная.

Курьер поднял на адмирала пустые глаза и произнес голосом замедленным и глухим:

— Я могу теперь умереть?

Хайт кивнул с видом презрительным и отстраненным.

— Вы исполнили свой долг, — официальным тоном ответил он.

Казнь-самоубийство курьеров происходила просто. В ней использовался блуждающий нерв, через который мозг может дать сердцу приказ остановиться. Этим нервом, наставленным на сердце как пистолет с введенным курком, объясняются все случаи смерти от испуга, горя или отчаяния, а также от внушения шамана или колдуна. На последнем инструктаже курьера учили, как умышленно дать команду этому нерву и после выполнения задания выполнить приказ о самоликвидации — приказ фактически излишний. Сейчас курьер закрыл глаза и мысленно произнес ключевое слово, внушенное ему под гипнозом. Судорога исказила его лицо, он сложился пополам, с хрипом втянул в себя воздух и безвольной куклой упал на землю.

Анамандер шагнул в сторону из уважения к смерти.

— Этому курьеру была оказана необычная честь, сэр. Немногие доставляли нам послания подобной важности.

— Именно так.

Адмирал Хайт продолжал обозревать свой флот.

— Нас ожидает испытание, полковник. Похоже, начинается атака широким фронтом — может быть, даже настоящее вторжение. Теперь от нас с вами зависит судьба Империи.

— Странно, что такому типу довелось принять участие в подобных событиях, — задумчиво проговорил полковник Анамандер, кивнув в сторону трупа. — Мне почему-то всегда бывает их жалко.

— Не стоит сожаления, — отозвался Хайт. — Эти люди все до одного — уголовники. Приговоренные к смерти убийцы и тому подобная публика. Пусть спасибо скажут, что им предоставлена честь в последний раз послужить Империи.

— Интересно, что им приходится пережить, что они так рвутся к смерти?

Хайт рассмеялся без тени веселья:

— На этот счет я могу сказать одно: есть только один способ узнать об этом, и, как вы сами понимаете, его трудно рекомендовать. Несколько раз я пытался расспрашивать курьеров, но ничего осмысленного они не говорят. Похоже, что они лишаются дара членораздельной речи — в некоторой степени. Знаете, полковник, в отношении этих курьеров мое положение, можно сказать, особенное. Пока я не произнесу фразу, освобождающую курьера от гипнотического запрета, он не может произнести ключевое слово и включить блуждающий нерв. И если бы я когда-нибудь... должен признаться, меня часто подмывало оставить одного из них в живых и посмотреть, что с ним будет. Может быть, он бы пришел в разум и смог рассказать что-нибудь интересное. Однако приказ есть приказ.

— Они приговорены, но у этой процедуры должна быть еще и другая причина.

— Скорее всего. Вы когда-нибудь видели страт невооруженным глазом, полковник?

Полковник Анамандер вздрогнул от неожиданности:

— Нет, сэр.

— А я — да. Не настолько долго, чтобы разрушить рассудок, беглым взглядом. Много лет назад. Я стоял на мостике, когда наш главный двигатель на миг засбоил, из-за... но дело не в этом. Важно, что я увидел страт или почти что увидел. И до сих пор не могу сказать ни вам, ни себе, что же я увидел.

— Говорят, что страт оставляет на человеке отпечаток.

— Да, полковник. Но не спрашивайте меня, какой именно.

Хайт потянул носом воздух, потом слегка поежился. Капли дождя вокруг падали все чаще и чаще.

— Вернемся внутрь. А то промокнем насквозь.

Они вернулись к трапу, поднялись по нему и скрылись внутри флагмана. Еще через полчаса флот исчез с тем же гулким звуком, что и появился. И почти сразу загремел гром, на саванну обрушились ливневые потоки, перехлестывая через тело курьера, умершего в шести столетиях от родины.

От ровного гула двигателя времени под ногами полковнику Анамандеру стало спокойнее на душе. Корабли ускоряли ход и уходили в прошлое, наискось пересекая временную ось планеты на пути к заданной точке в пространстве и времени: континент Америк, Пятый узел.

Рассекая темпоральный субстрат — страт, на сленге хрононавтов, — корабли испускали бета-лучи. Электромагнитные волны в страте не распространяются и потому для связи использоваться не могут. На небольших расстояниях выручали бета-лучи — пучки релятивистских электронов со скоростью меньше световой. Доставали они недалеко, но корабли времени, идущие строем, могли держать связь и наблюдение за близким горизонтом.

Приказ, полученный Хайтом, был ясен. Ему надлежало отправиться на поиск чужих боевых кораблей, вторгшихся в пределы Имперского Тысячелетия.

Набег вражеских кораблей был отлично спланирован, и это подтверждалось тем, что Третий Хронофлот обнаружил их лишь у себя в тылу. Они шли из будущего на высокой скорости, слишком быстро, чтобы можно было выставить защитные временные барьеры. В том случае, если задачей

вторжения было изменение событий прошлого — что было обычной тактикой войн во времени, — следовало ожидать существенных перемен в хроноследовании Империи.

По мнению Хайта, эта атака была свидетельством начала войны с Гегемонией, которую Военный Совет считал неизбежной. Гегемония, существующая в отдаленном будущем, сразу же за Столетием Безлюдья, спокон веку была основной угрозой Империи, и можно было не сомневаться, что этот набег тоже исходит именно оттуда.

Если же целью вторжения было испытать обороноспособность Империи, то Хайт торжественно пообещал себе, что заставит неприятеля расстаться с напрасными надеждами. Как всякий хрононавт, он был фанатически предан своему долгу; служение Империи было для солдат времени смыслом жизни. Он чувствовал себя лично оскорбленным, и не только самим фактом вторжения на территорию Империи, но и попыткой изменить взаимосвязь прошлого и будущего, единоличное священное право на что принадлежало только Их Всевременным Величествам, Императорской Семье Дома Иксианов.

Предаваясь подобным размышлениям, адмирал Хайт не спускал глаз с экранов сканеров. Мостик — как по традиции называли командное помещение корабля — имел форму большого вытянутого полуэлипсоида. Вдоль выгнутых дугами противоположных стен локоть к локтю располагались операторы двигательных машин. Секция пилотов находилась в острой части элипсоида, и еще ряд операторских консолей располагался по средней оси. Флагман пока не разогнался, и поэтому эффект сжатия еще почти не проявлялся. На максимальной скорости он достигнет такой силы, что носовая часть корабля и находящиеся в ней пилоты уменьшатся до размеров дюйма, в то время как люди в корме сохранят свой обычный рост, и при этом будет казаться, что длина мостика уменьшается во много раз.

Сейчас на мостике флагмана находилось тридцать два человека, не считая утешителя в мантии с капюшоном, который шел между рядами терминалов, раздавая благословения перед боем и кропя святым вином. Адмирал Хайт и полковник Анамандер сидели за столом на возвышении в

задней части мостика, глядя на операторов и пилотов. Адмирала, когда он сидел за этим столом, особенно в периоды ходовых скоростных испытаний, не раз посещали забавные мысли о том, каким может показаться оглянувшемуся назад пилоту его командующий — огромным массивным титаном, нависшим подобно ангелу мщения.

Раздался звук гонга — адмирала вызывал сканерист.

— Мы напали на след, сэр!

— Держитесь его, — приказал Хайт.

Когда флагманский корабль, а за ним и весь флот, заложили крутой вираж, меняя направление движения внутри многомерного страта, Хайт испытал легкий приступ тошноты. Скорее не тошноты, а странных томящих ощущений в области солнечного сплетения, которые знакомы всякому, кто хоть когда-то ступал с быстро движущегося эскалатора на неподвижный. Путешествие сквозь время напоминало гонки на безумных, колеблющихся американских горках. То и дело возникали вихри и вспучивания геодезических линий времени, которые хронокораблям приходилось повторять.

Хайт и Анамандер не отрывали глаз от экрана главного монитора. Флот проходил область завихрений, и по экрану неслись спирали и кривые трехмерного отображения страта. (Хайт и Анамандер отлично знали, что появление такой области свидетельствует об угрозе стабильности Империи: оно могло означать, что существующая последовательность ортогонального времени подвергается изменению.) Через некоторое время изображение на экране разгладилось и ощущение тошноты ушло.

На главном мониторе замаячили призрачные силуэты неприятельских судов.

Рассеянный свет бета-излучения выхватили из внемрака страта сразу три вражеских корабля. Сомнений не было — это были суда Гегемонии: непропорционально растянутые клиновидные формы, движущиеся острием вперед.

Изображение мигнуло, оставив вместо себя пустоту, затем появилось снова, вращаясь, меняя очертания и проходя сквозь череду совершенно невероятных трехмерных гео-

метрических форм — это бета-радар принимал изображения четырехмерных объектов, меняющих направление.

— Курс противника? — рявкнул Хайт.

Из динамика переговорного устройства немедленно донесся ответ:

— После последнего разворота направление на Седьмой узел, пеленг семь-ноль-три по вертикальной оси.

— Торпедный залп!

В глубине корабля, под мостиком, свои гнезда покинули пять торпед, составляющих стандартный залп. Чуть позже, мигнув, они появились на экране главного монитора. Надежды на то, что хотя бы одна из этих торпед достигнет цели, не было почти никакой. Страто-торпеды были тяжелыми, неуклюжими снарядами, из-за древних временных двигателей у них были очень малые скорость и радиус действия.

— Предложим им бой, сэр? — негромко спросил адмирала полковник Анамандер.

Хайт ненадолго задумался и отрицательно покачал головой:

— Они выполнили свое задание и теперь возвращаются. Нам нужно найти их на боевом курсе до подлета к цели.

Сигналы, исходящие от торпед, исчезли с экрана — снаряды канули в бездну страта. Следом с экранов пропали и корабли Гегемонии.

Хайт отдал приказ идти дальше в прошлое, двигаясь поперек вертикальной оси времени. Когда флот углубился внутрь исторической территории еще на сто пятьдесят лет, он скомандовал общую остановку и готовность, а флагману велел совершить короткий выход в ортогональное время.

Корабль повис над залитой солнечным светом страной. Внизу под днищем флагмана между городами и деревнями, тут и там пятнами, испещрившими лоскутное одеяло полей, извивались реки и тянулись линии дорог. Компьютер флагмана немедленно принялся анализировать местность, сравнивая ее с данными официальной библиотеки, но ни Хайту, ни Анамандеру отчет компьютера был уже не нужен. География места, над которым они парили, резко отличалась

от памятной им. Гирреад, самый большой город этого узла, исчез без следа.

В ортогональном времени атака Гегемонии уже увенчалась успехом.

Хайт тщательно рассматривал ландшафт, отыскивая признаки недавних разрушений. Но их не было: Гирреад погиб не от бомбы и не от чумы.

Вместо этого Гегемония воспользовалась своим самым страшным оружием, слухи о существовании которого до Верховного Командования доходили, но в которое оно отказывалось верить: искривитель времени — устройство, способное менять ткань времени непосредственно. Гирреад был попросту исключен из бытия. Все его следы, в прошлом и будущем, исчезли.

И в новой реальности о пропавшем городе знали только люди на кораблях времени, находящихся в страте, да сотрудники Ахронального Архива Хронополиса. Снова Хайт ощутил тяжесть знакомого бремени: страшной ответственности хрононавта.

Утешитель, закончив обряд, вернулся в хвост мостика к адмиралу и узнал тяжелую новость. Он завел глаза вверх и звучно забормотал неразборчивые слова отчаянной молитвы. Адмирал и полковник разделяли его ужас: Гирреад со всеми своими обитателями был поглощен, как потерпевший крушение корабль, бесконечностью неактуального, всего лишь потенциального времени. Так это описывалось научными терминами. На церковном же языке это называлось Пучиной Погибших Душ.

С хлопком воздуха, занявшего освободившееся место, флагманский корабль вернулся в темпоральный субстрат. Хайт вспомнил об области турбуленции, которую они проходили не так давно. Вне всякого сомнения, завихрения в страте были связаны с происшедшими в ортогональном времени переменами. Но сражение еще было не проиграно, отнюдь. Оставалось еще особое время страта, в котором события, случившись однажды, не проходили бесследно, но оставались там, зависая, на часы, дни, иногда на месяцы субъективного персонального времени. Не было ничего необратимого.

Возможно, еще удастся вернуть из заклятия эти погибшие души.

Флот продолжал свой траверс. Происходящее сейчас, сказал себе Хайт, это лишь малое подобие того, что принесет с собой грядущая война во времени. Наиглавнейшей целью будут взаимные изменения существующей истории и предотвращение этих изменений: возвращение снова и снова по мрачному следу измененных событий, на каждый удар — отменяющий его контрудар. Окончательная же победа одной стороны будет достигнута тогда, когда история ее противника окажется измененной настолько, что его временной флот потеряет поддержку из существующего бытия. После этого повергнутый противник сможет еще некоторое время продолжать сражаться, носясь внутри страта, словно стая призраков, на никогда не построенных кораблях, с командой на борту, состоящей из никогда не рожденных людей. Через короткое время они исчезнут, погрузившись в неактуальное, потенциальное существование.

Мысли адмирала прервал гонг, и снова на экране монитора появились корабли Гегемонии.

— Курс неприятеля — Пятый узел, — доложил сканерист.

Адмирал и полковник пересчитали на экране отметки вражеских кораблей. Их было двенадцать.

— Это они, — объявил Хайт. — На своем боевом курсе. Приготовиться.

Капитан Монд Этон, командир «Молота Империи», увидев на экране монитора возвращающиеся в будущее суда Гегемонии, был уверен, что сейчас начнется бой. Только позже, когда с флагмана пришел приказ пропустить неприятеля без боя, он понял, что поторопился. Возвращающиеся корабли Гегемонии наверняка постарались бы уклониться от схватки, но даже если бы удалось их уничтожить, это ничего бы не решало.

Мостик «Молота Империи», на котором одновременно работали семь человек, был уменьшенной копией мостика флагманского корабля адмирала Хайта. «Молот Империи», в отличие от больших кораблей, служащих одновременно

линкорами и транспортами, был эсминцем — маневренным, хорошо вооруженным, с небольшим экипажем. Быстроходный, он мог настигнуть любого противника, а хронофазное оборудование позволяло наводить бортовой залп с точностью до микросекунды.

— Сердце разрывается смотреть, как они уходят, — сказал сканерист, поглядывающий на тот же экран, что и капитан Этон. — Правда ведь, сэр?

Этон кивнул:

— Они еще не ушли, сканерист. Эти корабли — уже призраки, хотя сами об этом еще не знают.

Клинообразные корабли Гегемонии растворились в экранах. Этону не хотелось особо задумываться о только что упомянутом парадоксе. В страте парадоксы — общее место. И не только в страте; с момента образования Хронотической Империи даже последний из ее обитателей знал, насколько его существование зависит от капризной изменчивости времени. Много миллионов было таких, кто существовал однажды (если только это слово вообще имеет смысл за пределами времени) и теперь не существовал никогда. За пределами времени — то есть в списках несуществующих граждан в Ахрональных Архивах, где хранилось больше исчезнувшей истории, чем существующей.

И если теперь атака Гегемонии не будет остановлена, то к этому скорбному списку исчезнувших прибавится еще не один миллион.

Этон повернулся к лейтенанту Кришу:

— Примите управление, я обойду корабль.

Покинув мостик, Этон двинулся по переходам и галереям своего корабля, ощущая в воздухе нарастающее напряжение. Ему предстоял третий серьезный бой в качестве командира «Молота Империи», и оба предыдущих раза он перед боем инспектировал все отсеки вверенного ему корабля — это давало ему ощущение корабля как слаженной боевой единицы. Радостные полчаса до того, как флот настигнет противника.

Капитан посетил центр управления огнем, где напряжение, конечно же, чувствовалось острее всего, и неудивительно. Он обвел взглядом ряды терминалов — сидящие

перед ними люди, в некотором смысле, были не более чем придатками машин. На многих кораблях центр управления огнем был совмещен с мостиком, что на первый взгляд казалось логичным, хотя и добавляющим тесноты решением. Капитан Этон предпочел разделить мостик и центр, хотя и знал, что другие капитаны так обычно не делают.

Сказав несколько слов ободрения, капитан направился в глубь корабля к машинному отделению.

Он остановился у двери, заслышав голоса изнутри, и улыбнулся сам себе. Сублейтенант Ленкар, талантливый молодой инженер, недавно принятый в Армию Времени, громогласно делился познаниями со своим помощником.

— Способ передвижения во времени основан на старой доброй формуле Эйнштейна, — вещал Ленкар. — Е равно Эм Це квадрат. Возьмем одну из составляющих правой части этого равенства: Це квадрат. Здесь-то и появляется время. Це — это скорость света: расстояние, проходимое за определенное время частицей с нулевой массой покоя. Из чего следует, что энергия есть не что иное, как масса, умноженная на время в квадрате. Но уравнение можно переписать и в другой форме: Эм равно Е, деленное на Це в квадрате. Из чего становится видно, что масса определяется соотношением энергии и времени. Здесь собака и зарыта: что случится, если мы к этой формуле добавим возмущение? Мы это делаем, заставляя обладающие энергией частицы двигаться быстрее света. Равенство нарушится — энергия, деленная на скорость света в квадрате, больше не добавляется к массе покоя. Но это равенство должно выполняться — фундаментальный закон физики. Что же происходит? Равенство сохраняется за счет того, что масса покоя сдвигается по времени — настолько же, насколько сдвигается правая часть.

— Но где же здесь страт, господин сублейтенант?

— Страт — это то, из чего состоит время, парнишка. Если ты движешься сквозь время, значит, движешься сквозь страт.

Сублейтенант Ленкар постучал по стальному кожуху, выпиравшему из стены машинного отделения.

— На этом принципе вот эта штуковина и действует. В ней мы разгоняем пи-мезоны до чего-то между Це и Це квадрат. Это самая важная часть корабля, и ты это никогда не забывай.

Этон улыбнулся — настолько юношеский басок сублейтенанта контрастировал с уверенностью, с которой он объяснял своему подчиненному сложнейшие материи.

— Эм равно Е, деленное на Це квадрат, — еще раз повторил сублейтенант. — Заметим, что время входит в обе составляющих правой части. Именно поэтому через страт не может быть передана чистая энергия, а только масса. Из-за чего Верховное Командование не в состоянии пользоваться радиосвязью, а посылает к нам этих бедняг курьеров.

При виде неожиданно появившегося в дверях отсека капитана Этона оба молодых человека со смущенным видом вскочили на ноги и поспешно отдали честь. Они сидели на деревянной скамье поодаль от основного пульта, где их начальники были заняты серьезной работой, не оставляющей времени для пустых разговоров.

— Как дела? — грубовато осведомился Этон, повышая голос, чтобы перекричать высокий вой двигателей времени.

Главный инженер оторвался от монитора и поднял глаза на капитана:

— Все в порядке, сэр.

Этон быстро осмотрел ряды мерцающих шкал и снова вышел в коридор. По коротким галереям и коридорам он двинулся дальше по кораблю, перебрасываясь отрывистыми фразами то с матросом, то с офицером. Он уже миновал центр управления огнем и собирался спуститься по длинному наклонному трапу на мостик, когда тихий гул монотонных голосов заставил его внезапно остановиться. Голоса, затянувшие унылую песню, доносились из-за двери ближайшей кладовой. Этон почувствовал, как его спина напряглась. С ужасом догадываясь о том, что он сейчас увидит, но еще отказываясь верить, он тихо нажал на ручку и приоткрыл дверь.

Напевные голоса стали громче, и капитан смог разобрать несколько слов.

— ...Повелитель всея глубины, и если наступит миг тьмы для нас, да опалит наши души мщение твое...

Капитан заглянул внутрь. В небольшой кладовой, в середине, между специально отодвинутыми к стенам ящиками с запчастями к двигателям времени, он увидел шесть фигур. Было похоже, что эти люди собираются здесь не впервые — ящики с запчастями были задвинуты и поставлены друг на друга аккуратно и продуманно. Все шестеро были в обычной корабельной форме, но вместо фуражек их головы прикрывали куски черной ткани, опускающейся на уши. Пятеро молящихся стояли на коленях спинами к Этону, опустив головы и спрятав лица в ладонях. Шестой, с золотым медальоном на груди и черной раскрытой книгой в руках, стоял перед коленопреклоненными и вел молитву. Этон немедленно узнал его — это был сержант Квейл из команды канониров. Удлиненное острое лицо сержанта выражало почти экстатический восторг, вполне естественный при исполнении такого ритуала.

В тот момент, когда сержант вздрогнул и поднял глаза, Этон выхватил из наплечной кобуры пистолет и сильным толчком широко распахнул дверь. Он ударил по кнопке висящего на переборке интеркома, рявкнул, чтобы пришла охрана корабля, и решительно шагнул внутрь. Встав над коленопреклоненными фигурами, капитан угрожающе повел в воздухе дулом тяжелого лучевого пистолета.

К нему обернулись бледные лица, искаженные виной и страхом. Квейл попятился, захлопнув книгу, и вид у него был как у крысы в ловушке.

— Травматики!

Этон бросил это слово как плевок. Известно было, что объявленная вне закона ересь сумела просочиться и в Армию Времени — по очевидным причинам хрононавты были благой почвой для ее ядовитого семени, — но капитану даже в страшном сне не снилось, что на его корабле появится не один еретик, а целая секта. Он был не в силах поверить своим глазам.

В коридоре послышался торопливый стук тяжелых сапог по металлу. Интерком затрещал и произнес:

— Как там у вас, капитан?

— В порядке, лейтенант. — Капитан узнал голос с мостика. — Пришлите сюда утешителя Фигеля.

В дверях замаячили дюжие фигуры охраны. Этон обернулся — стражи порядка пораженно заглядывали внутрь. На несколько секунд повисла напряженная тишина.

— Вы бы не трогали нас, капитан, — прозвучал наконец порывистый испуганный голос Квейла. — Иначе ваша душа канет в пучину...

— Молчать! — Этон был потрясен и оскорблен наглостью богохульника.

Протолкавшись между охранниками, появился корабельный утешитель Фигель. При виде стоящих на коленях, но в то же время далеких от покорности фигур и сверкающих глаз Квейла из глубины капюшона священнослужителя донесся глубокий вздох. Утешитель Фигель начертил в воздухе знак круга и вытянул руку перед собой ладонью вперед.

— Изыди, Принц Отвратный, — торопливо забубнил он. — Изыди и пропади в глубинах времени, сними заклятие и скверну с этих слуг Господних...

Травматики мгновенно обернулись на звуки голоса Фигеля и все, как один, сделали в его сторону странный жест, сложив по-особому пальцы правой руки, как будто пытаясь оградить себя от наговора или порчи.

Квейл дико рассмеялся:

— Это ты не оскверняй нас своими пустыми заклятиями, поп!

Не обращая внимания на грубости, отец-утешитель Фигель начал перечисление святых имен, извлекая из-под складок своей мантии похожую на вазу вместительную чашу.

— Уведите их и заприте в камере! — гневно приказал капитан Этон. — Адмирал Хайт решит, где состоится трибунал — на его флагмане или в Хрононолисе по возвращении.

Охранники начали выволакивать еретиков из помещения. Утешитель Фигель, бормоча себе под нос молитвы, вовсю брызгал по сторонам освященным вином: на стены кладовой, на самих сектантов, на металлический пол.

И тут по коридорам и отсекам корабля пронесся раскатистый удар гонга.

Из интеркома донесся голос лейтенанта Харса:

— Капитан, получено сообщение с флагмана. Обнаружен противник, идущий на цель.

— Сейчас буду, — ответил Этон.

Он поспешно направился к трапу, но сержант Квейл, вырвавшись из рук полицейских, сковывавших еретиков наручниками, преградил ему путь:

— Мы нужны вам, капитан! Я вам нужен. Никто лучше меня не справится с компьютером управления огнем!

Утешитель Фигель плеснул в лицо сержанта целую пригоршню святого вина:

— Ты осквернил себя преступной ересью, преступил заповеди Господни...

— Позвольте мне выполнить мой долг, — продолжал взывать Квейл к Этону. — Сейчас не время ослаблять корабль. Пустите меня за компьютер... — Он съежился от страха. — Потому что я не хочу утонуть в страте... без...

Внезапно Этон понял, что хотел сказать сержант. Травматики верили, что есть некий ритуал, который спасает — или хотя бы может спасти — незащищенные души, попавшие внутрь страта, что может случиться, например, если «Молот Империи» погибнет в предстоящей схватке. Этон не сомневался, что именно этому был посвящен прерванный им обряд. Это была, конечно, чушь, суеверие фанатиков. Но сейчас Квейл, лишенный этой воображаемой защиты, хотел бороться за свою жизнь сам, не ожидая беспомощно исхода сражения.

И в одном он все же был прав. Он был выдающимся канониром, лучшим на «Молоте Империи». Без него эффективность управления огнем будет меньше максимальной.

Этон посмотрел на сержанта с нескрываемым презрением:

— Хорошо. Освобождаетесь на время боя.

Оглянувшись к остальным закованным в наручники, капитан отметил в их числе еще двух человек из центра управления огнем.

— Сержанта Квейла и вот этих двоих освободить. Арестовать их немедленно после отбоя боевой тревоги.

В сопровождении утешителя Фигеля, который не отставал от него ни на шаг, капитан Этон спустился на мостик. На экране главного сканера уже были видны точки — корабли Гегемонии. Их изображение передавалось на «Молот Империи» с мощного бета-сканера флагмана.

— Они уже близко, сэр, — доложил сканерист.

Ждать оставалось недолго, но наступило то затишье, когда на флагмане кипит работа, проверяются и перепроверяются оценки ситуации, а периферийные корабли, в основном эсминцы вроде «Молота Империи», пассивно ждут.

Испытывая неуместное чувство вины за вынужденное безделье, капитан Этон ожидал приказа. Не время для эмоций, но никуда от них не денешься.

Фигель стоял напротив Этона (по церковным правилам, корабельный утешитель во время боя должен находиться на мостике и быть готов оказать моральную поддержку). Сейчас утешитель внимательно глядел в озабоченное лицо молодого капитана.

— Вы обеспокоены, — негромко сказал он.

Этон глядел на собственное отражение в блестящем металле стола. Его ровные черты лица, серые глаза и точеный нос были искажены и вытянуты выпуклой поверхностью и, казалось, смотрят на него из глубины измученных эпох.

— Как долго это продолжалось на борту моего корабля? — спросил он священника так же негромко. — У вас нет предположений?

— Нет. Секта травматиков известна умением хранить свою тайну. Конечно, обнаружить такое извращение на своем корабле вам более чем неприятно.

— Я просто понять не могу, — согласился капитан. — Каждый член команды этого корабля принес ту же присягу, что и я. Присягу защищать не только Империю, но и истинную веру. Как смогли такие люди стать еретиками?

— Пути заблуждений поистине непостижимы.

— Должен покаяться, отец утешитель, что сомневаюсь в верности своего решения — позволить сержанту Квейлу и членам его секты принять участие в бою. Как можно доверять еретикам и предателям?

— Самое странное, — медленно отозвался священник, — что их ересь, вероятно, носит лишь духовный характер. Проверено, что хрононавты-еретики остаются лояльными к Хронофлоту. Эта часть их присяги остается для них священной.

Из динамика, установленного на столе Этона, донесся сигнал. Гулкий отчетливый голос начал передачу приказания с флагмана:

— Следующим кораблям выдвинуться вперед и вступить в бой с противником: «Заклятие», «Молот Империи», «Десница Императора», «Неисчислимый»...

Всего Этон насчитал двенадцать названий — ровно столько, сколько было кораблей в неприятельской эскадре. Равенство было необходимо, чтобы склонить гегемонцев принять бой, а не начать отход, не выполнив задачи.

«Молот Империи» покинул строй кораблей флота. На несколько секунд суда Гегемонии исчезли с главного экрана, но очень быстро появились вновь, хотя и более размытые — эсминец переключил наблюдение на собственный бета-радар, менее мощный, чем флагманский.

Началась стандартная процедура атаки. Один из операторов мостика установил связь с остальными кораблями атакующей группы. Тем временем лучи бета-радаров эсминца летели впереди, нащупывая противника.

Утешитель Фигель отошел в сторону и быстро забормотал молитвы и благословения, время от времени опуская пальцы в потир с вином и кропя палубу.

Обнаружив преследование, корабли Гегемонии прибавили скорость и попытались выполнить маневр ухода. Клиновидные корабли, высота которых была в пять раз больше ширины или длины, стали менять направление, превращаясь в цепочки исчезающих призм, как на многократно отснятом кадре.

Пилот «Молота Империи», вжавшийся в свое кресло, также прибавил скорость, доведя ее почти до максимальной. На глазах у Этона дальний конец мостика уменьшился — пилот превратился сначала в карлика, потом в маленького мальчика, а потом в крошечную куклу шести дюймов роста.

Кораблям Гегемонии не удалось уйти от преследования, и у каждого из них была теперь собственная гончая. «Молот Империи» несся наперерез выбранному Этоном противнику. Держать верный курс подчас становилось трудно, потому что мерцающий и множащийся образ преследуемого смешивался с изгибами страта, которые тоже отображались на главном экране, но капитан ни разу не потерял врага из виду. В нужный момент он бросил пилоту короткий приказ.

Используя остаток запаса хода, эсминец капитана Этона обогнал корабль Гегемонии, повернул и преградил ему путь. Пилот «Молота Империи» бросал корабль взад и вперед, сходясь с кораблем неприятеля еще ближе и порождая каскад сбивающих с толку волн. Гегемонец рванулся прочь и попытался обогнуть препятствие, но пилот «Молота Империи» держался у него перед носом.

Оператор бета-радара нажал клавишу на консоли и сказал в микрофон:

— Эй, канониры! Есть контакт.

Под сводами мостика разнесся напряженный голос сержанта Квейла, и бета-лучи передали этот голос канонирам военного корабля Гегемонии.

— Остановитесь и примите бой, остановитесь и примите бой, — громогласным и угрожающим тоном взывал он к гегемонцу. — Предлагаю координаты рандеву.

Он повторил то же самое на языке Гегемонии, и бета-лучи передали строку координат.

Всего через секунду пришел короткий ответ:

— Согласны.

Два корабля, Империи и Гегемонии, двинулись почти параллельными курсами, медленно расходясь, пока не пропали с экранов сканеров друг друга.

«Молот Империи» сбавил ход, и носовая часть его мостика медленно увеличилась в размере, как раздувающийся воздушный шар. Пилот в носу мостика откинулся в кресле, сняв руки с верньеров управления, — штурвал корабля теперь полностью принадлежал центру управления огнем.

Существовала странная, но неизбежная традиция сотрудничества между воюющими кораблями. Самоходные торпе-

ды, которыми были вооружены все корабли времени, неуправляемые и летящие курсом корабля на момент выстрела, были настолько медленны и неуклюжи, настолько зависели от любого каприза страта, что были практически бесполезны. Нанести повреждения противнику корабль времени мог лишь тяжелыми излучателями.

Поскольку чистая энергия в страте не распространяется, использование излучателей означало выход в ортогональное время. Корабль времени, оставаясь в своей естественной среде, не мог ни сам вести огонь, ни быть пораженным огнем другого корабля. Именно поэтому противники, пожелавшие вступить друг с другом в бой, договаривались о точке рандеву и, покидая страт одновременно, становились уязвимыми для огня друг друга.

Свидание (как его называли) должно было быть и точным, и моментальным: точка во времени без протяженности. Как долго оставаться в ортогональном времени после этого момента — было вопросом благоразумия и учета соотношения между расчетным временем выживания и минимальным временем обнаружения противника и прицеливания. По порядку величин это были микросекунды, в течение которых каждая из сторон давала полный бортовой залп. Чаще всего на том поединок и заканчивался. Сильно поврежденный корабль не рисковал более выходить из-под защиты страта и устремлялся домой.

Все это и определяло критически важную роль центра управления огнем, который выполнял эти вычисления.

Капитан Этон смотрел на мелькающие цифры обратного отсчета до выхода в ортогональное время. Ожидание перед боем невыносимо, а сам бой для человека не существует, потому что никто не способен уследить за таким коротким промежутком времени. Сразу после ожидания наступает «потом» — победоносное или кошмарное.

И пока тикают минуты и секунды ожидания, команда канониров готовит компьютеры к этим решающим микросекундам жизни. Сам бой будет незаметен для людей, его проведут компьютеры. Потом на мостик полетят доклады о собственных повреждениях, о повреждениях противника,

если они есть, и капитан будет принимать решение, предлагать ли повторное свидание.

— Пять секунд до выхода в ортогональное время, — объявил центр управления огнем.

В помещении мостика наступила напряженная тишина.

Потом «Молот Империи» встряхнуло, он покачнулся и завертелся. Даже не глядя на перечень повреждений, капитан Этон уже знал, что получил попадание в жизненно важные системы корабля.

Он впился глазами в главный экран. Корабль Гегемонии появился вновь, выполняя странный маневр отхода в сторону. Борт неприятельского корабля был оплавлен и пузырился.

Центр управления огнем не промахнулся.

Неожиданно до ушей капитана донеслись удивленные голоса сканеристов. Не веря своим глазам, капитан Этон различил у края главного экрана контур второго корабля-клина.

Из динамика донесся хриплый голос Квейла:

— Они перехитрили нас, капитан! Стреляли сразу с двух кораблей — взяли нас в клещи!

Этон выругался.

— Явно новая тактика, — устало ответил он Квейлу.

И вероломная. Такой способ ведения боя противоречил неписаным законам войн во времени.

Капитан Этон просмотрел только что составленный перечень повреждений корабля. Энергетический луч ударил «Молот Империи» в борт, расплавил броню и прожег корпус вплоть до машинного отделения. По счастью, разрушения в машинном были лишь частичными: двигатели времени все еще работали, хотя поле ортогонального времени, поддерживаемое внутри корабля при движении в страте, постепенно ослабевало.

Капитан посмотрел, как дела у других кораблей. Примерно половина кораблей Империи к этому времени успела провести свои бои с противником. Счет был в пользу Хронотической Империи. Два корабля Гегемонии уже были уничтожены.

К плечу капитана Этона склонился лейтенант:

— Рискованно снова выходить в ортогональное время, капитан.

Этон кивнул, ощущая груз ответственности. Это была не просто стычка с неприятелем: от исхода всего боя зависели и существование города Гирреад, и власть Империи над целым сегментом истории.

— Боюсь, что нам придется пойти на этот риск, лейтенант. Эти корабли надо остановить.

Он возвысил голос:

— Сканерист, два корабля противника в пределах видимости. Запеленгуйте их и передайте координаты в центр управления огнем.

Он подумал, каким образом можно подбить сразу два тяжеловооруженных корабля Гегемонии. Где-то неподалеку должен быть корабль имперской эскадры, оставшийся без противника. Или корабли Гегемонии выстроились в шахматный порядок, в котором корабли прикрывают друг друга?

Капитана пробрала легкая дрожь — он начал понимать, что видит перед собой фрагмент большого и неумолимо разворачивающегося неприятельского плана.

Он был готов уже отдать приказание сержанту Квейлу, когда его внимание привлекло неожиданное движение на главном экране. Среди изгибающихся и колышущихся линий страта росла неясная тень.

Еще через мгновение главный экран потух, и в тот же миг недра «Молота Империи» сотряс мощный взрыв. Эсминец задрожал второй раз. Нос корабля резко опустился книзу, и мостик обвалился.

Капитан Этон проверил, что связь с остальным кораблем полностью прервана, и лишь тогда покинул мостик. Среди скрежета падающего металла он вывел своих людей в наружный коридор и вышел последним.

Он знал, что произошло. Промелькнувшая по экрану неясная тень была стратоторпедой, угодившей неожиданно в цель, хотя шансы на это были не более ста к одному. Это было именно тем невезением, о котором хрононавты старались не думать.

Судя по всему, торпеда поразила эсминец как раз туда, где корпус незадолго до этого был вскрыт энергетическим лучом противника. Как бы там ни было, она взорвалась уже за плитами внутренней брони, в самом корабле, причинив серьезные повреждения несущим конструкциям.

Другими словами, эсминец разваливался пополам.

Со всех сторон доносились мучительные, пугающие скрипы и скрежеты. Этон осмотрелся. Коридор изогнулся и продолжал дыбиться. Капитан взял лейтенанта за плечо:

— Идите в рубку связи. Если бета-передатчик еще действует, попытайтесь связаться с кораблями флота и вызвать помощь.

Лейтенант пустился бегом и скрылся за поворотом. Остатки мостика у него за спиной сложились под давлением изгибающегося остова корабля, как жестяная банка. Команда придвинулась к своему капитану поближе, будто ища защиты. Из коридора послышались крики и далекий стон.

Капитан понимал и другую, еще большую опасность. Если никто не придет на помощь «Молоту Империи», то любой из двух эсминцев Гегемонии может подойти к нему вплотную и расстрелять торпедами в упор. Он подозвал к себе еще одного офицера:

— Попробуйте связаться с торпедным отсеком. Прикажите выпускать торпеды стандартной очередью — по одной каждые две минуты.

Конечно, сейчас не было способа узнать, уцелел ли торпедный отсек при взрыве. Вообще ни об одной системе нельзя было сказать, работает ли она — было только ясно, что электропитание пока что есть: лампы все еще горели.

Отец утешитель Фигель, стоя на коленях, молился о спасении корабля — и о своем тоже, мелькнула у капитана циничная мысль. Капитан неуважительным рывком поднял священника на ноги.

— Месть Господня постигла корабль сей! — бормотал Фигель, пузырясь слюной. — Ибо сие есть расплата за ересь!

Этон оттолкнул священника и ткнул пальцем в белого как мел сублейтенанта:

— Вагер, вы со мной. Остальным — приступить к спасательным работам. — Капитан говорил нарочито резко, чув-

ствуя, что моральный дух людей падает. — На корабле есть раненые. Когда мы восстановим ход, ситуация уже должна быть стабилизирована. — Коротко взглянув на отца Фигеля, Этон добавил: — Души умирающих ждут вашего соборования, утешитель.

С этими словами капитан начал спускаться по искореженному трапу вниз к машинному отделению. Сверху торопливо переставлял ноги сублейтенант Вагер. Чем глубже внутрь корабля, тем больше было разрушений: раздутые переборки, некоторые полопались, словно бумажные мешки, пучки проводов и труб, свешивающиеся отовсюду, как порванные струны.

Но когда капитан и сублейтенант спустились и начали пробираться между обломков, уцелевшие лампы мигнули и зажглись опять, уже ярче. Из ближайшего интеркома донесся треск, и Этон мысленно похвалил ремонтников — они времени не теряли.

Остановившись около ожившего переговорного устройства, капитан попытался связаться с центром управления огнем. Ему ответил голос не Квейла или кого-нибудь из команды центра — говорил рядовой матрос:

— Мы полностью ослепли, сэр. И все три лучевые пушки вышли из строя.

— Где сержант Квейл? — спросил капитан Этон.

Молчание. И сдавленный голос матроса:

— Сержант Квейл оставил свой пост, сэр.

Капитан дал отбой и снова двинулся вперед, сделав знак Вагеру следовать за собой.

Перешагнув через тела двух матросов, они вошли в сгоревшее машинное отделение. Там плавали клубы дыма и воняло раскаленным металлом. Похоже было, что переборка машинного отделения расплавилась и только недавно затвердела. В самом машинном отделении, несмотря на значительные разрушения, было на удивление тихо. Этон заметил тело сублейтенанта Ленкара, не так давно гордо демонстрировавшего свои познания о перемещениях во времени. Оно было аккуратно уложено у дальней стены вместе с другими погибшими.

Начатые энергетическим лучом разрушения были успешно продолжены торпедным взрывом. Гироскоп трясся, из-под его толстого стального кожуха доносился тревожный неровный гул. Этон сразу понял, что ситуация тяжелая.

— Ход есть? — спросил он.

Ему ответил молодой офицер, поспешно отдавая честь:

— Никакой надежды, сэр. Самое большое, на что мы способны, это поддерживать поле внутри корабля.

— А выйти в ортогональное время сможем?

На лице второго уцелевшего члена команды машинного отделения отразилось сомнение.

— Может быть. Прикажете попытаться?

— Нет, — ответил Этон.

От этого не будет никакой пользы. Даже если удастся покинуть корабль, без необходимого оборудования фазировки большую часть команды вскоре выбросит обратно в страт. Добраться до ближайшего узла, где ортофазировка была бы естественной и постоянной, возможности не было.

Значит, все зависит от того, придет ли помощь.

Удалось ли лейтенанту Кришу добраться до рубки связи?

Капитан Этон пошарил взглядом по переборкам, ища коробочку интеркома, нашел одну в работоспособном с виду состоянии и нажал клавишу вызова. Раздался треск помех, потом слабый неразборчивый голос.

Тут палуба под ногами вздыбилась. Раздался глухой удар, перешедший в прерывистый рев, ударивший по барабанным перепонкам с такой силой, что он уже не воспринимался как звук, и капитану на миг показалось, что он вмурован в глубокое и твердое безмолвие. Отброшенный к дальней переборке, ошеломленный капитан видел, как палуба и подволока машинного отделения сходятся, хрустя, будто ломаются гигантские кости.

Грохот взрыва перешел в удары и треск ломающихся конструкций. Спадение каркаса уже ослабленного корабля пошло быстрее.

Лейтенант Криш подобрался к капитану и помог ему встать.

— Еще одна торпеда, — едва слышно выдохнул капитан. — Похоже, нам конец.

Сближение палубы с подволокой на миг остановилось, но не приходилось сомневаться, что машинное отделение долго не продержится. Капитан неверными шагами добрался до приборных щитков. К нему подошел один из инженеров, и они уставились на мигающие цифры.

Инженер в ярости ударил кулаком по панели.

— Корабельное поле ослабевает, — глухим голосом произнес он.

— Сколько еще оно продержится?

— Думаю, что не больше десяти минут.

Этон шагнул к интеркому и набрал сигнал общей тревоги. Громким, твердым голосом он объявил:

— Говорит капитан. Эвакуация на спасательных плотах. Говорит капитан. Эвакуация на спасательных плотах.

Этон повторил свой приказ еще несколько раз, потом повернулся и взглянул в напряженные лица уцелевших механиков.

— Старший инженер останется здесь и сделает все, что в его силах, чтобы поддержать поле, — приказал он и, уже обращаясь к выступившему вперед старшему инженеру, добавил: — Я вас сменю через пять — десять минут. Остальные — к плотам.

Этон знал, что ему не спастись, но это было не важно. Сейчас его долг состоял в том, чтобы все живые успели к спасательным плотам.

И прежде, чем исчезнет поле ортогонального времени. Задача почти невыполнимая.

Группа шла по искореженным коридорам, осматривая отсеки и вытаскивая уцелевших из-под обломков. Раненым помогали идти или тащили на импровизированных носилках. Этон чувствовал, как мало осталось времени — и это даже без третьего торпедного удара; а он, учитывая беспомощное состояние корабля, будет почти наверняка.

Выведя группу к одному из шести спасательных плотов, Этон взял с собой лейтенанта Криша и отправился в корму. Не было уверенности, что приказ покинуть корабль был слышен во всех отсеках, и капитан решил лично проверить, чтобы этот приказ был выполнен дисциплинированно, а

потом вернуться в машинное отделение и принять вахту, дав инженеру шанс добраться до ближайшего плота.

Недалеко от входа в камеру плота номер три капитан и лейтенант услышали шум перепалки, перекрывающий даже хруст и скрежет разваливающегося корабля. Вынув из кобуры лучевой пистолет, капитан Этон знаком приказал лейтенанту Кришу сделать то же самое. С оружием наготове они выступили из-за угла.

Навстречу им решительно шагал сержант Квейл, натянувший на себя один из двух корабельных страт-скафандров. За ним, как стая пузырей в кильватере, поспешали бормочущие и перепуганные травматики.

Даже сквозь полупрозрачный щиток шлема, сделанный из материала, затемняющегося при попадании в страт, на лице сержанта читалась решимость спастись любой ценой. Тело Квейла скрывала латунная броня. Пусть поле корабля исчезнет полностью, но Квейл в скафандре с автономным питанием, где есть слабое поле ортогонального времени, сумеет добраться до ближайшего плота.

Вскинув лучеметы, капитан Этон и лейтенант Криш загородили коридор.

— Куда это вы так торопитесь, сержант? — резко спросил Этон.

В ответ Квейл прорычал что-то неразборчивое. Члены секты, за которых он явно не испытывал ответственности предводителя, столпились у него за спиной, оценивающе рассматривая капитана.

В руках Квейл сжимал железный лом, которым, как понял Этон, он намеревался взломать камеру, где хранился плот. Капитан дал предупредительный выстрел поверх голов.

— Сержант Квейл оставил свой пост и похитил защитный скафандр. Снять скафандр, сержант! Погрузитесь на плот, когда будет ваша очередь.

И тут третий ужасающий взрыв потряс эсминец, разбросав людей в стороны. Душераздирающий скрежет подсказал Этону, что у корабля полностью оторвалась корма.

Квейл, хоть и в латунном скафандре, поднялся первым — наверное, отчаяние придало ему сил. Лом в его руках обру-

шился на голову капитана, но скафандр стеснял движения, и удар вышел неуклюжим — его частично приняла капитанская фуражка. Все же Этон рухнул на пол, почти потеряв сознание. Следующим взмахом лома Квейл попытался сбить с ног лейтенанта Криша, промахнулся и бросился дальше, сопровождаемый толпой.

Закинув руку капитана себе на плечо, Криш помог командиру подняться на ноги.

— Идите в машинное отделение, лейтенант, — неразборчиво проговорил Этон. — Смените механика.

— Слишком поздно, сэр. Разве вы не видите, что происходит? Поле уже разваливается.

Этон, борясь с наваливающимся забытьем, огляделся вокруг. Лейтенант был прав. В воздухе возникал мерцающий туман. Одолевала тошнота, а переборки, да и все твердые предметы, казалось, кружатся безостановочно. Это было верным предвестником разрушения ортогонального поля.

Криш потащил капитана по коридору. Питание отключилось, и лампы погасли, сменившись тусклым аварийным освещением с автономным питанием.

И сквозь этот хаос доносились жуткие крики. Корабль тонул, погружаясь в бездну страта, и кричали люди, уходящие в Пучину Погибших Душ.

Как захлебывается человек, попавший из воздуха в морскую пучину, так теряет он разум, попав из естественного, рационального времени в глубины страта.

Через несколько ярдов капитан заставил себя стоять прямо, хотя в голове еще гудело, и освободился от поддерживающей руки Криша.

— Оставьте меня здесь, лейтенант... Примите командование... сделайте, что в ваших силах.

Криш снова подхватил капитана, но тот снова освободился.

— Но вы должны позволить мне помочь вам, сэр. Может быть, всего несколько секунд...

— Вы прекрасно понимаете, что я не могу покинуть корабль. Спасайтесь сами... и спасайте всех, кого сможете. — При виде колебаний Криша голос капитана стал громче и

тверже. — Это приказ, лейтенант! — Этон взмахнул пистолетом. — У меня есть чем защититься... от страта.

— Есть, сэр, — скованным голосом отозвался Криш.

С искаженным от волнения лицом он сделал шаг назад и отдал капитану честь, получив слабый ответный салют.

Тогда лейтенант повернулся на каблуках и пошел прочь.

Через несколько секунд после этого мерцающее поле ортогонального времени исчезло. Лучевой пистолет, из которого капитан намеревался застрелиться, выпал у него из руки. Не прошло и секунды, как поле появилось снова, но это была секунда, когда капитан увидел.

Увидел страт. Темпоральный субстрат.

Пучину Потенциального Времени.

Увидел лишь на миг, но здесь и мига более чем достаточно. К счастью — а может быть, к несчастью, — вернувшееся ортогональное поле спасло капитана, погрузив в беспамятство. Действие страта на разум не вызывает милосердного забытья, но при возвращении в бегущее время возникает удар по сознанию неимоверной силы. Этон сразу лишился чувств.

Еще через несколько секунд два унтер-офицера, отчаянно бегущие к спасательным плотам, увидели лежащего капитана. Без раздумий, рефлекторно, каждый из них схватил Этона за руку, и капитана поволокли к плоту номер три.

Когда поле ортогонального времени (то есть времени, доступного пониманию человеческого разума) разрушается, оно исчезает не сразу. Его пузыри и фрагменты существуют еще минут десять, вихрясь и дрейфуя в страте.

Один из таких пузырей и болтался у стоянки плота номер три.

У входного люка бурлила свалка. В панике забыв о дисциплине, около тридцати человек дрались между собой за право первым войти в плот — хотя при организованной посадке места хватило бы всем. Прибежавший лейтенант Криш попытался навести порядок, но был застрелен сержантом Квейлом, который, раздобыв где-то лучевой пистолет, неуклюже сжимал его в медной перчатке скафандра.

На то у Квейла были веские причины. Ему надо было, чтобы никто, знающий тайну его вины, кроме собратьев сектантов, не попал на плот. Убедившись, что все члены секты разместились внутри плота, Квейл забрался внутрь сам и стал готовиться к катапультированию.

Но среди тех, кто в суматохе погрузился на плот, были и два унтер-офицера, принесшие лежащего без сознания Этона. Оставив капитана на полу, они храбро бросились обратно помогать раненым. Это их и погубило. Квейл с негодованием бросился вперед, чтобы избавиться от возможного свидетеля, но опоздал. Пассажиры плота, решив, что и так уже протянули достаточно, запустили процедуру аварийного катапультирования. Крышка входного люка захлопнулась, и внутри плота загудела установка локального ортогонального поля.

Последние клочки поля корабля уже рассыпались, и разбитый эсминец наполнялся стратом. В некотором смысле он прекратил свое материальное существование, поскольку материя не может сохранять свои свойства без вектора времени, придающего ей сущность. Плот же, как материальное тело, беспрепятственно миновал уже не существующие переборки и пустился в свободное плавание.

И это был единственный плот, которому удалось покинуть «Молот Империи». Все остальные были либо повреждены, либо не успели включить поле времени. Включив экран маломощного бета-радара плота, уцелевшие с эсминца увидели рядом с собой неясный силуэт огромного корабля Гегемонии. Хрононавты со страхом ожидали неминуемой гибели, но клиновидный корабль повернулся к ним кормой и быстро вышел за пределы чувствительности радара.

Сержанта Квейла, так и не снявшего скафандр, била дрожь. В неразберихе посадки он не думал о том, чем грозит ему убийство, но теперь понимал, что остались тела, от которых не избавиться, и свидетели, которым не заткнуть рот. Глядя на капитана Этона, Квейл обливался потом, надеясь только, что командир умрет, не приходя в сознание.

После катапультирования плот стал автоматически подавать сигнал вращающимся бета-пучком. Ничего другого

для своего спасения пассажиры плота сделать не могли. Сидя кто где, они дожидались — то ли спасения, то ли судьбы, которая хуже смерти.

Глава 2

Первый узел: Хронополис, столица Хронотической Империи, резиденция Его Всевременного Величества, Наместника Императора Филиппа Иксианринского и местоположение хранилища имперской мудрости — самого Императора.

Хронополис густо застроен зданиями и широк. В утреннем свете (лучи восходящего солнца особенно выгодно подчеркивали всю роскошь и великолепие главного города Империи) его башни, мосты-арки и минареты сверкали и горели, отбрасывая от себя длинные, резко очерченные тени, падающие на здания пониже — обиталища многоязычного населения города: на кварталы Хевениан, отличавшиеся обилием аркад; на более строгие улицы Берек, и другие. Люди всех стран и всех периодов Хронотической Империи стремились в Хронополис.

Неописуемых размеров и сложной постройки дворец располагался в центре города, что было отличным решением как с практической, так и с эстетической точек зрения. Подобно пауку, сидящему в центре своей паутины, дворец распространял свои волоконца-щупальца во все стороны Хронополиса, и было почти невозможно сказать, где кончается он, а где начинается город. Это смешение имело и функциональный, и эмоциональный смысл: дворец постепенно проникал в город в виде правительственных институтов, военных учреждений и церковных организаций — трех столпов любого строя. Резиденция его преосвященства архикардинала Ремуара также находилась на территории дворца, благодаря чему все бразды правления, политические и духовные, оказывались в руках Его Всевременного Величества. С верхних этажей дворца, откуда открывался великолепный вид на кварталы города, можно было видеть на за-

падных его окраинах мощную верфь кораблей времени, работа в которой в последнее время кипела и днем и ночью.

В день имдара пятого месяца двести четвертого года (по летосчислению, ведущемуся от находящегося в прошлом временного буфера, известного также под названием «Барьер» — нулевой точки хронологии Империи) число событий и действий, происходящих, происшедших и готовящихся произойти во дворце, было слишком большим, чтобы перечислить их все. В залах, кабинетах, салонах и часовнях дворца кипела повседневная работа тысячелетней Империи, и члены династии Иксианов, имеющие во дворце резиденцию, могли, если желали, следить за этой работой. Так обычно и бывало — кроме священных дней празднеств.

Среди дел государственных не последним по важности было и обучение будущих правителей Империи. Во внутренних покоях дворца брат Мундан, один из дюжины назначенных преподавателей, с трудом преодолевая недисциплинированность слушателей, преподавал традиции династии юным Иксианам, среди которых были и очень близкие родственники самого наместника.

Даже коричневой сутаны брата Мундана и его глубокого капюшона, даже всего величия стоящей за ним Церкви (а Церковь, разумеется, держала все образование в своих руках) было не вполне достаточно, чтобы преодолеть развязность этих юношей, ставящих себя выше любой нормы, в том числе и в делах религии. По счастью, в качестве основного метода преподавания Церковь рекомендовала повторение, и оно в конечном счете не оставляло ученикам другого выхода, как подчиниться. Например, тему сегодняшнего урока «Образование Империи» — сложную смесь истории, абстрактной физики и религиозных догматов — иным методом им вдолбить было просто невозможно. Сегодня этот урок повторялся уже двенадцатый раз.

— Чему, — хорошо поставленным голосом спросил брат Мундан, — мы обязаны существованием Империи?

После секундной паузы с места поднялся принц Кир, племянник наместника:

— Вмешательству Бога, брат.

Мундан кивнул:

— Правильно, ваше высочество. Когда-то давным-давно время беспрепятственно тянулось из бесконечного прошлого в бесконечное будущее, подверженное разве что медленным изменениям, берущим начало от естественных колебаний темпорального субстрата или временных бурь. Не было ни Империи, ни истинной религии. Религия своего рода существовала, но это было суеверие, вроде тех, которых держатся язычники будущего. Потом Бог поступком своим искупил грехи человечества. В месте, которое сейчас носит название «Шестой узел», в городе Умбуле, столице провинции, в настоящее время называющейся Почитание, Бог выбрал своим посланцем Святого Хеватара, ученого, работавшего в лаборатории правящей семьи Иксианов — вашей семьи, ваши высочества.

Взгляд брата Мундана остановился на молоденькой особе, которая больше интересовалась не тем, что говорил учитель, а тем, что шептала ей соседка.

— Принцесса Нулеа, какие три вещи открыл Бог Святому Хеватару?

Девушка испуганно вскочила на ноги. Уставившись сияющими глазами на отца Мундана, она повторила нараспев то, что давно уже выучила наизусть:

— Первое: изменчивость времени, брат Мундан. Второе: средства передвижения во времени. Третье: природа души.

— Благодарю вас, ответ верный. Устами Своего посланца Бог донес до нас, что время может быть изменено. Он научил нас, как перемещаться во времени. И поведал нам, что основное свойство души — ее вечное существование.

Он постучал указкой по кафедре, привлекая внимание.

— Первая из этих истин говорит нам о выполнимости миссии Церкви. Вторая истина свидетельствует о средствах, коими эта миссия может быть выполнена. А третья — почему эта миссия должна быть выполнена.

В голосе брата Мундана зазвучал настойчивый вопрос:

— Так почему же Церковь должна исполнять эту миссию под знаменем и защитой Хронотической Империи? — Темные глаза брата Мундана сверкнули. Этот момент урока зажигал пламя в его собственной груди.

И снова самым сообразительным из учеников оказался принц Кир.

— Потому что время не умирает, брат Мундан. Потому что душа не может покинуть тело.

— Правильно, ваше высочество, именно так, — сказал брат Мундан, чуть нахмурившись. До самых тупых из присутствующих смысл этого ответа вряд ли дошел. — Цель Церкви — донести истинную веру до всех людей — в прошлом, настоящем и будущем, — дабы установить Царствие Божие на Земле. Мы умираем, но продолжаем существовать в прошлом, ибо прошлое не исчезает. Церковь ставит своей целью изменить нашу прошлую жизнь и внести в наши души Бога.

Рассмотрим по очереди все три истины, преподанные нам Святым Хеватаром. Первое: время изменчиво. Это просто означает, что прошлое можно изменить, поскольку в абсолютном смысле нет прошлого, как нет неповторимого настоящего. Ортогональное время есть всего лишь поверхность бездонного океана потенциального времени, или темпорального субстрата: скрытых измерений вечности, внутри которых находится все сущее, не подверженное переменам от прошлого к будущему. До возникновения Империи прошлое могло меняться без воли или ведома человека, в результате ли временных бурь или естественных мутаций, подобно тому как может менять направление ветер. Теперь же, по милости Божией, прошлое и будущее подвластны нам и могут быть изменены осознанным вмешательством.

Для такого вмешательства было два инструмента: Департамент Истории, который изменял и реструктуризовал историю воздействием на ключевые события, и Хронофлоты Империи — последнее средство исполнения имперской воли. Брат Мундан считал такое положение вещей полностью и единственно правильным.

Он перешел ко второй Истине Господней, написав на доске несколько уравнений.

— Эти уравнения описывают перемещение массы сквозь время. На уроках физики вас с ними уже знакомили, поэтому сейчас основное внимание мы уделим структуре ортого-

нального времени — краеугольному камню стабильности Империи.

Собственно время имеет волновую структуру. Узлы волн времени движутся друг за другом с интервалом примерно в сто семьдесят лет, и особенно они важны для путешественников во времени, поскольку представляют собой «остановочные пункты» — точки покоя в напряженном энергетическом поле времени. Повторяю, что это представляет интерес лишь для путешествий во времени, поскольку переданная с одного узла на другой материя может оставаться там без дополнительных затрат энергии. В противоположность этому материя, перемещенная из узла в любую другую точку или из такой точки в узел, без постоянной затраты энергии находиться там не может. Для этого нужен известный вам прибор ортофазер. Вот почему все хронотические взаимодействия осуществляются между узлами. Семь узлов, накрытых Империей, образуют семь ее континентов, или провинций, а промежуточные периоды можно считать тылами, которыми Империя также благоволит править, но где редко показывается корабль времени, разве что для подавления восстаний или по распоряжению Департамента Истории.

— А зачем нужны узлы, брат Мундан? — с серьезным видом осведомился принц Кир.

Мундан снова нахмурился.

— Можем считать их проявлением мудрости Божией, ваше высочество, хотя с технической точки зрения дело в волновой структуре времени. Узлы дают Империи абсолютный стандарт измерения времени — поскольку движение узлов абсолютно, а не относительно. Нам выпало счастье жить в Первом узле. Сегодня, к примеру, день имдара пятого месяца, а завтра будет день юноны пятого месяца. Когда наступит завтра, мы можем вернуться на машине времени в сегодняшний день, в имдара, — но Первый узел отсюда уже уйдет. Он окажется в юноне. Империя в своих действиях пользуется узловым временем, а не историческим. Часы всех флотов отмеряют узловое время.

Подумайте, какой бы воцарился хаос в Империи, обладающей тайной путешествия во времени, имей само время

однородную, а не узловую структуру. Вот самый простой случай: человек может попасть в завтра и встретить там самого себя. Ведь от парадоксов и противоречий, порожденных этой встречей, рухнет любой порядок! Вероятно, само бы время сломалось и утонуло в субстрате. Вот почему Бог в милосердной мудрости Своей сотворил вселенную так, чтобы расстояние между соседними узлами было больше продолжительности жизни человека, дабы он не встретил самого себя. Также для того, чтобы избегнуть вредного накопления парадоксов, запрещено выходить в межузловое время иначе как по повелению Наместника.

— А принц Нарцисс так не думает! — хихикнула принцесса Нулеа.

— Молчите! — Лицо брата Мундана побагровело от гнева. Он отлично знал, что некоторые члены императорского семейства не считают себя связанными законами, обязательными для всех остальных людей. Но позволить в своем присутствии упоминать об извращенном пороке принца Нарцисса брат Мундан не мог.

Принцесса Нулеа опустила глаза.

— Простите, брат Мундан, — пробормотала она, слегка улыбаясь.

— У меня есть вопрос, брат Мундан, — разрядил ситуацию еще один молодой принц. — Что случится, если корабль времени выйдет в ортогональное время между узлами, а все его ортофазеры окажутся сломанными или у него иссякнет энергия?

Брату Мундану уже задавали этот вопрос, в этом же самом классе. Он был убежден, что эту тему поднимают снова только потому, что она приводит его в состояние заметного беспокойства.

— В этом случае, — начал он свой ответ, стараясь заставить голос звучать спокойно, — корабль останется в фазе очень недолго. Он автоматически отстроится от фазы и вместе со всеми душами на его борту утонет в субстрате.

Брат Мундан отвернулся — и чтобы скрыть лицо, и чтобы написать некоторые следствия из уравнения массы и энергии. Эти следствия описывали систему узлов, связанную с направленным вперед импульсом времени.

Восстановив надлежащее выражение лица, учитель вновь повернулся к классу.

— Теперь мы переходим к вопросу о душе, — проговорил он негромко. — Если бы Империя утратила религию, она могла бы существовать и на двух первых истинах, хотя это уже была бы не та Империя, которую мы знаем. Знание о душе есть духовная основа Империи, получившая свое выражение в Святой Церкви.

С тем чтобы подчеркнуть серьезность вопроса, брат Мундан сделал паузу, почти ожидая дальнейшего испытания себя на прочность со стороны своих учеников. Однако все молча ожидали продолжения. Молодые люди знали, что в этом вопросе он фанатик. Любые шуточки по поводу существования души были бы немедленно сообщены архикардиналу Ремуару.

— До откровений Святого Хеватара атеисты могли утверждать, что души вообще не бывает. Но после первых же демонстрационных полетов сквозь время существование души стало неоспоримым.

Почему? Да потому, что путешествие сквозь время доказало: прошлое не исчезает после того, как наше сознание покидает его; прошлое продолжает существовать. Отсюда возникает вопрос: а как же само сознание? Продолжает ли оно существовать в прошлом, хотя мы парадоксальным образом и не осознаем это? И что случается с сознанием в момент смерти? Угаснуть оно не может — потому что в противном случае прошлое исчезало бы тоже.

Ответ на эту загадку может быть только один, и этот ответ следующий: душа ощущает себя импульсом, скользящим по времени от момента зачатия до момента смерти. После смерти человека душа перемещается сквозь время обратно к моменту зачатия и проживает ту же самую жизнь снова. Этот процесс повторяется бесконечно; таким образом и живет прошлое человека.

Это предложение доказывает существование души.

Отсюда следует, например, также и то, что бесконечное число раз в прошлом вы уже сидели в этом классе, слушая мою лекцию, и будете так же сидеть бесконечное число раз в будущем.

Брат Мундан подчеркнуто осторожно и почтительно раскрыл книгу Священного Писания и начал читать оттуда отрывок, написанный не кем-нибудь, а самим Святым Хеватаром:

— «Есть тело, и есть душа. Тело принадлежит ортогональному времени. Душа же — сущность незримая — вечна; но не преступит она назначенный ей период. Встретившись с концом этого рубежа, душа возвращается обратно к его началу и повторяет всю жизнь снова. Так душа использует данное ей Богом умение проходить сквозь время».

«Тогда почему душа не помнит прожитые ранее жизни? Причина этого кроется в травме смерти, коя стирает все воспоминания души...»

Иллюсу Тону Мейру, Главному Архивариусу Империи, иногда начинало казаться, что Ахрональный Архив, которым он руководит, живет своей собственной жизнью, отделившись от остальной Вселенной. Многие сотрудники Архива переставали выходить во внешний мир. Мейру были понятны их чувства: люди, чья работа состоит в каталогизации изменений времени, подвержены ощущению непрочности внешнего мира. Убежище от хронотической нестабильности можно было найти только здесь, в глубине подземного Архива, в его подвалах и бункерах.

Ахрональный Архив можно было бы назвать реестром вычеркнутого времени. Как только какое-то событие оказывалось измененным — будь то по естественной причине, или по приказу Департамента Истории, или в результате военных действий, — последствия этого мгновенно распространялись вниз и вверх по исторической шкале, внося полные коррективы во всех направлениях. И лишь существование Архива позволяло регистрировать эти изменения. Защищенные мощными временными буферами, подвалы Архива были непроницаемыми для мощных вибраций глобальных перемен, эхом проносящихся сквозь страт. Благодаря этому полная летопись всех реальностей Империи сохранялась в неприкосновенности и могла быть в любой момент сопоставлена с текущей реальностью.

Это была летопись призраков. Миллионы людей, целые города, народы и культуры, которые в текущей реальности никогда не существовали, оставались в компьютерах Архива. Изучение этих исчезнувших обществ было невероятно увлекательно, но разрешалось только служащим Архива. Эта информация была закрытой для всех, даже для ведущих университетов — существовала теория, утверждавшая, что знания такого рода способны ослабить ткань времени, а кроме того, могут поколебать перманентность Империи.

Иногда Мейру самому хотелось бы не знать того, что он должен был знать.

В могильном полумраке Подвала 5 приглушенное гудение компьютеров казалось зловещим. Мигающие строки индикаторов будто складывались в издевательские фразы, предвещающие мрачную судьбу.

Оператор с хмурым лицом протянул Мейру толстую пачку распечаток:

— Результаты проверены дважды, сэр. Сомнений больше нет — мы уверены в каждой строчке.

Это были результаты так называемой «Переписи несоответствий». Отдел Текущего Состояния Архива непрерывно сравнивал свои данные с данными точно такого же информационного банка на поверхности — не защищенного буферами времени. Если возникало несовпадение, немедленно выполнялась «Перепись несоответствий», и все изменения, произведенные без ведома и согласия Империи, заносились на карту.

Мельком взглянув на пачку листков, Мейр передал ее обратно оператору.

— Мне придется известить Наместника, — сказал он с тяжелым вздохом.

Это означало, что он должен будет нанести визит во дворец — перспектива, не вызывавшая у него восторга.

Не далее как сегодня утром Мейр уже получил косвенное подтверждение, будто чтобы усилить удар. Эскадра Третьего Хронофлота вернулась в столицу, понеся большие потери в последней стычке с неприятелем. Третий Хронофлот был практически разбит и вынужден отступить, и Мейр готов был ручаться, что сейчас он имеет дело с последствиями

этой битвы. Гирреад, огромный город в Пятом узле (бывший довольно крупным и важным населенным пунктом уже в узле Четвертом), исчез из истории, и все души его обитателей (как гласила теория) растворились в безликой безбрежности страта, словно капли дождя в океане.

Но их хотя бы не постигла судьба хрононавтов с погибших кораблей, ушедших в Пучину в полном сознании.

Не сказав больше ни слова, главный архивариус вышел через двойную дверь в длинный низкий коридор. Из всех комнат доносился монотонный приглушенный гул. Один раз навстречу Мейру попался другой архивариус, в точно таком же белом халате, пробормотавший на ходу невнятное приветствие. Мейр постарался не встречаться взглядом с коллегой — он знал, что увидит на этом лице тревогу, которую последнее время все чаще наблюдал у своих людей. Его начинала беспокоить мысль, куда может завести усиливающийся в архивах культ безнадежного изоляционизма.

Заглянув ненадолго к себе, архивариус сбросил белый халат и поднялся на лифте на сто футов вверх, к поверхности.

Выйдя сквозь парадные двери из полумрака наземного здания, он зажмурился от яркого солнца, и у него чуть закружилась голова. Мейр сел в ожидающий автомобиль с эмблемами Архива и приказал шоферу везти себя во дворец.

Машина покатилась через панорамы и шум Хронополиса. Все вокруг казалось чуточку нереальным. Неужели это действительно существует? Можно ли сказать, будто нечто, подверженное исчезновению из времени, имеет материальную сущность? Ощущение сна, нереальности, которому подвержены все сотрудники Ахронального Архива, овладело Мейром, и ему захотелось оказаться в привычном тихом и прохладном подвале.

Решив глотнуть свежего воздуха, архивариус опустил стекло, но в кабину тут же ворвался низкий мощный гул, никогда не смолкающий в этой части города. Взглянув вверх, Мейр увидел в небе колеблющуюся пелену дыма. И гул, и дым исходили от раскинувшейся в нескольких милях отсюда верфи, где заканчивалась постройка огромной армады, предназначенной для завоевания Гегемонии.

Раздраженно поморщившись, архивариус поднял стекло.

Авто неторопливо въехало в просторную арку-вход многобашенного императорского дворца. В приемной Мейра встретил адмирал Треварм, один из приближенных советников и помощников Наместника.

Архивариус спокойным голосом доложил новости. Треварм выслушал его, уставив глаза в пол, потом кивнул:

— Мы уже знаем об этом. Во дворце находится адмирал Хайт. Третий Хронофлот, которым он командует, вернулся сегодня утром после битвы с гегемонскими рейдерами, которые это сделали. — Треварм помолчал. — Насколько распространились изменения? Вы уже составили карту?

— Карта готова, адмирал. Выпадение покрывает все, что касается основания и существования города, носившего название Гирреад. Замены не существует.

— Нет альтернативного города?

— Нет.

Треварм вздохнул:

— Человеческому уму трудно это постигнуть. Вы приходите ко мне и говорите, что был когда-то город, называвшийся Гирреад, о котором я никогда не слышал, и я должен вам верить.

— Прежде чем Гирреад исчез, вы слышали о нем, — ответил Мейр, сам чувствуя, насколько слова бессильны описать таинственные движения времени. — Не далее чем месяц назад вы и я разговаривали с его правителем... или, скажем... я разговаривал с ним.

— Я не помню этого.

— Естественно. Этого никогда не было. Наша встреча исчезла вместе с городом, вместе с его правителем.

«И все же вот я стою здесь, и я разговаривал с правителем Керребадом, и я об этом помню», — мелькнула у Мейра ненужная мысль.

Он заставил себя вернуться к более практическим вопросам.

— Наместник уже в курсе? — спросил он.

Треварм отрицательно покачал головой:

— Еще нет. Но далее откладывать невозможно. — Адмирал встал. — Я бы предпочел, чтобы доложили об этом вы.

Разговор адмирала Хайта с его величеством будет достаточно неприятен и без того, чтобы адмирал приносил такие новости.

Мейр, молчаливо согласясь, проследовал за адмиралом в роскошные глубины дворца. Они прошли через залы, где принимались решения, через залы приемов и развлечений, где особы императорской фамилии и их гости предавались разнообразным дорогим увеселениям. Наконец они достигли внутренних покоев. Мейр остался ждать, а Треварм исчез на несколько минут, после чего их пригласили войти.

Стены маленького зала, почти комнаты, были обшиты темными дубовыми панелями со сложной, привлекающей глаз резьбой. Его величество, Наместник Императора Филипп Иксиан I сидел во главе блестящего полированного стола из красного дерева.

Внешность Наместника не производила особого впечатления: усталый сгорбленный старик. В его глазах застыла апатия, порожденная болезнью или слишком долгой напряженной работой. Единственной отличительной чертой серого лица была короткая острая бородка, давно начавшая редеть. Одеяние Наместника было скромным, неброским и совсем не царственным, под стать комнате: рубашка и просторные штаны, вылинявшие и засалившиеся от долгой носки.

Представ перед Наместником, архивариус и адмирал Треварм поклонились. Трудно было не заметить, что правая рука царственной особы трясется крупной дрожью. Мейр знал, что у Наместника паркинсонизм — недуг, вызванный дегенеративными изменениями нервного узла в основании мозга. Эта болезнь была неизлечима и с возрастом усилилась.

Чуть повернувшись, вошедшие отвесили еще один поклон, менее глубокий, второй присутствующей в зале особе, как тень маячащей в углу. В отличие от его величества архикардинал Ремуар всегда носил самые роскошные из полагающихся ему по сану одежд. Длинная до пят сутана Ремуара была отделана багряным мехом и украшена броским золотым шитьем и аппликациями из шелков различных оттенков. Изогнутые золотые фигуры змеились по тиаре, венча-

ющей голову духовного лица, переплетаясь там с символами Церкви.

Не сделав и шага навстречу вошедшим, архикардинал ответил им небрежным благословением.

— И о чем же эта дурная весть, о которой я был предупрежден? — сухо спросил Наместник.

Кратко и осмотрительно Мейр изложил Филиппу Иксиану факты. Лицо старика потемнело, на нем мелькнуло задумчивое недоумение.

Мейру было это знакомо. Он подмечал подобное выражение каждый раз, когда рассказывал кому-то о вычеркнутых из цепочки истории событиях. Помимо собственной воли, его собеседники пытались вспомнить то, о чем он говорил, отлично понимая, что подобное невозможно.

Выражение задумчивости, а потом озадаченности на лице Наместника Императора сменилось безмолвной яростью — он понял, что безбожный враг преуспел во многом, добравшись даже до его памяти.

— Это плохая новость, — проговорил он, запинаясь. — Очень плохая.

Архикардинал Ремуар молча сделал шаг вперед. Из просторного рукава его поблескивающей сутаны выскользнула тонкая рука и успокоительно сжала плечо Наместника. Филипп накрыл руку кардинала своей.

— Ваше величество соблаговолит вспомнить, — продолжал тем временем Мейр, — что это уже второе подобное нападение. Первую атаку Гегемонии нельзя было назвать полностью успешной, поскольку враг сумел лишь изменить историю прибрежного города Марсель, и то незначительно. Но это последнее нападение решительно является катастрофой. Мы не можем не признать, что неприятель усовершенствовал свое новое оружие.

— Да! Конечно — искривитель времени! — Лицо Наместника Императора исказилось от едва сдерживаемого гнева. — Почему у Гегемонии есть подобное оружие и почему его нет у нас? — Правая рука старика затряслась еще сильнее, как бывало всегда в минуты сильного волнения.

Наличие искривителя времени в руках врагов Империи действительно было страшно. Когда Департамент Истории

принимал решения об изменении какого-либо аспекта истории, то месяцы, а иногда и годы уходили, чтобы вычленить ключевые события или комбинации событий, воздействие на которые могло дать ожидаемый результат. Работа при этом проводилась огромная, требующая участия тысяч людей.

А искривитель, очевидно, может менять историю путем простого воздействия какой-то энергии на темпоральный субстрат. Угроза, нависшая над Империей, была реальной и устрашающей.

— Бог испытывает нас, — мягко проговорил архикардинал Ремуар.

— Вы, как всегда, правы, мой друг. — Казалось, Наместник черпает храбрость во всем, что говорит Ремуар.

Да простит его Бог за такие мысли, но Мейр никак не мог назвать влияние кардинала на Наместника благотворным.

— Безбожники будут уничтожены, как только выступит моя Непобедимая Армада, — добавил Наместник, коротко взглянув на архикардинала. — Гегемония покорится Империи. Искривитель будет наш.

— Ваше величество, — неуверенно подал голос Мейр, — оружие столь эффективное, как искривитель времени, необходимо принимать в расчет. Если кораблю с искривителем на борту удастся проникнуть на историческую территорию, от него практически не будет защиты. Я возьму на себя смелость сказать, что искривитель способен уничтожить саму Империю.

— Архивариус Мейр! — взвился Ремуар, внезапно засверкав глазами. — Думайте, что говорите!

— Я сказал только, что это оружие способно уничтожить Империю, — пытаясь защититься, возразил Мейр. — Но я не говорил, что такое обязательно должно случиться.

Решись архивариус сказать о таком прямо, он бы не избежал серьезных неприятностей. Две Вещи, Которые Бог Не Сделает Никогда, были такой же важной частью религиозных догматов Церкви, как и Три Откровения Святого Хеватара. Две Вещи, Которые Бог Не Сделает Никогда, заключались в том, что, дав людям однажды, Он никогда уже

не заберет обратно тайну перемещений во времени, и, способствовав возникновению Хронотической Империи, Он никогда уже не позволит ей пасть.

Вести дискуссии на такие темы с главой Церкви было опасно. Но Мейр, которому ясное видение другой опасности, грозящей всему человечеству, придало сил, решил не отступать.

— Ваше величество, ваше преосвященство, все, что я хотел сказать, это следующее: Бог обещал, что Империя не падет и не исчезнет из истории, но Он совсем не обещал, что на пути ее не встретятся трудности или что ее армия не будет разбита. Ваше преосвященство нам подтвердит, — архивариус поклонился в сторону архикардинала, — что из догмата о свободе воли следует и такой вывод: даже миссия, вдохновленная Церковью, может потерпеть неудачу. Здесь Бог предоставил нам возможность решать, а мы способны ошибаться.

Мейр облизал губы и поспешно продолжил:

— Как главный архивариус, я знаю, что такое мутации времени. Я знаю, что последствия их могут быть самым пугающими и неожиданными и что предосторожности, предпринимаемые против подобного, могут оказаться бесполезными. Я не преувеличу, если скажу, что Архив выполняет работу, важнейшую для целостности Империи. И я боюсь искривителя времени. Я спрашиваю себя, какой силы волны мутаций способен выдержать Ахрональный Архив. И отвечаю на этот вопрос: даже он не выстоит под ударом этого оружия.

— И что вы предлагаете? — Апатия в глазах Филиппа исчезла, и в них замерцали огоньки.

— Мне кажется, ваше величество, Гегемония предпринимает эти отчаянные вылазки, потому что боится нас. По моему мнению, нам следует сейчас искать перемирия и отложить планы завоевания — по крайней мере до тех пор, пока мы не узнаем об искривителе побольше.

Наместник перевел бусинки глаз на Треварма.

— А каково ваше мнение, адмирал?

Треварм поскреб подбородок и вздохнул.

— В словах нашего друга есть много разумного, — ответил он. — Искривитель времени вводит в уравнение неизвестный фактор.

— Итак, вы оба советуете повременить?

— Да, ваше величество.

— Неужели вы оба забыли о миссии Святой Церкви? — произнес архикардинал Ремуар с хорошо разыгранным возмущением. — Ваше величество, мы творим волю Божию! Армада должна выполнить свою работу, и язычники должны быть обращены силою Его.

— Даже с риском внести хаос в структуру времени? — попытался протестовать Мейр.

Но Ремуар уже отвернулся от него и говорил, обращаясь только к Филиппу Иксиану:

— Что же еще делать нам? Разве не пытались мы обратить Гегемонию мирным убеждением? Наши миссионеры и послы уходили в будущее, не только в Гегемонию, но и дальше, за ее пределы, и всегда безрезультатно. Их отвергали с презрением и изгоняли обратно в прошлое. Некоторые даже приняли мученическую кончину. Гордыня и жестоковыйность людей будущего противна Богу; и только сила осталась нам, дабы сокрушить их. Бог пребудет с нашей армадой; Он будет на нашей стороне. Мы победим.

— Мы победим, — эхом отозвался Филипп Иксиан. Он поднялся с кресла и вытянул к Мейру трясущуюся правую руку. — Видите, как дрожит моя рука? — спросил он глухо. — Так вот слушайте. Сегодня мне было видение во сне. Господь поведал мне, что если Гегемония падет, то мой недуг излечится.

— Воистину это будет чудо, сир.

— Постройка армады будет продолжена. Мы победим. Открытым остался один вопрос — когда? И это вопрос для Военного Совета, а не для дилетантов. — Наместник раздраженно взмахнул рукой.

— Я понимаю, ваше величество, — отозвался Мейр, чувствуя, что разбит наголову.

— Да. Послание Бога ясно. Мы победим. Но ваши предостережения тоже небезосновательны, архивариус. Мы люди и способны заблуждаться. Даже я всего лишь Намест-

ник Императора, а не сам Император. Пойдемте же спросим совета у высшего разума.

Неуверенными шагами Филипп направился к дверям. Ожидавшие снаружи слуги повели наместника и его свиту по глухим коридорам внутренних покоев. Впереди слышались веселый разговор и смех, становящиеся все громче, и наконец перед процессией распахнулись двустворчатые двери с атласной обивкой.

Это была главная внутренняя палата императорского двора.

Даже не палата, потому что размером она была с бальный зал. Тут и там были со вкусом расставлены диваны, столики и кресла. Арочные ниши и альковы по периметру зала повторяли мотивы ребристого и изогнутого потолка. Убранство зала было приятным и радостным для глаз.

Через несколько дверей зала входили и выходили многочисленные придворные и гости — аристократы, правители и другие люди высокого положения, прибывшие со всех сторон из всех уздов Империи. Этот зал, атмосфера которого располагала к отдыху и покою, издавна стал излюбленным местом встреч и свиданий. Члены семейства Иксианов, естественно, преобладали — его представители слетались из всех периодов истории, хотя для них термин «история» был почти лишен смысла. Представителям династии Иксианов разрешалось перемещаться во времени совершенно свободно, и только этой семье разрешались браки с предками и с потомками.

В одном из углов центрального зала людей не было. Филипп Иксиан в сопровождении архикардинала, архивариуса и адмирала Треварма двинулся туда неверными шагами. Когда появление Наместника было замечено, под сводами зала повисла тишина, но потом разговоры снова возобновились.

Предупреждающим жестом остановив одну из своих юных дочерей, принцессу Майру, с улыбкой направившуюся было в его сторону, Наместник остановился перед широкой, массивной, ничем не украшенной тускло-золотой панелью в стене.

— Император, — воззвал он хриплым слабым голосом, — почти нас своим присутствием!

После короткой паузы золотая плита поднялась вверх, открыв за собой кубическое помещение. Послышалось приглушенное мурлыкание моторов.

Из кубической комнаты выкатился Император — объемистая машина на толстых колесах — и замерла, как будто обозревая зал. Из глубины механизма неслось глухое гудение.

Мейр и раньше бывал свидетелем явлений машины из-за золотой двери, но, как и прежде, не смог сдержать при виде ее благоговейный трепет. Она нависала миниатюрной копией замка с причудливыми башнями по углам, со стенами, покрытыми матовым темно-серым металлом. Царский вид машины вполне соответствовал ее функциям. Правитель Империи, Император, был машиной — разумеется, куда более совершенной и загадочной, чем обыкновенный компьютер: в некотором неопределяемом смысле он был живым.

И более того: в принципе эта машина считалась истинным главой Империи. Наместник Филипп Иксиан I — как и все его предшественники — правил Империей только как доверенное лицо. Смысл и причина существования такой системы были совершенно ясны: внутри Императора хранились в чистом виде сознания всех известных Наместников Хронотической Империи, которых, не считая Филиппа, было уже пять, а также сознания всех членов императорской династии, чья мудрость заслужила такую честь. Изъятие чистого сознания и перенесение его в ячейки памяти машины производилось уже после смерти владельцев.

Однако Императора нельзя было назвать просто вместилищем почивших разумов — он был нечто большее. Никто не знал, что происходит внутри Императора и как он поступает с воспринятыми сознаниями. Определенным было одно — ни одно из них никогда не выступало от своего лица; Император имел свое собственное, единое сознание.

Происхождение машины было неизвестным для населения Империи и являлось государственной тайной. По не-

которым легендам, к появлению Императора на свет приложил свою руку Святой Хеватар. Однако Мейр, тоже не имеющий допуска к этой государственной тайне, по беседе с одним из членов императорского семейства составил себе мнение, что такой тайны просто нет: никто, даже сам Наместник, не знает, откуда Император взялся и как давно он находится во дворце.

Внезапно гул внутри машины усилился, и Император заговорил глубоким баритоном, от которого слушателей пробирала легкая дрожь, — полное впечатление, что говорит живой человек:

— Ты звал меня?

Поддерживаемый под локоть слугой, Филипп Иксиан кивнул:

— Мы просим у тебя решения по делу, которое только что обсуждалось.

Никаких дополнительных объяснений не требовалось. Во всех комнатах и залах дворца и всех, даже самых мелких, правительственных учреждениях были расположены прослушивающие и воспринимающие изображения устройства, подсоединенные к Императору. Это обстоятельство никого не смущало, так как не было известно ни одного случая, чтобы машина пересказала услышанное кому бы то ни было.

Гудение Императора стихло до почти неслышимого, а потом машина произнесла:

— Что было, то и будет.

Машина откатилась на роликах в глубь своего обиталища. Золотая плита опустилась на место.

Ничего другого от беседы с машиной архивариус Мейр не ожидал. Император никогда не брал на себя руководящих функций. Время от времени наместники просили у него совета, получая зашифрованные ответы, напоминающие изречения оракула. Не один наместник целые дни ломал себе голову над значением этих ответов, но в конце концов бросал это дело.

— Что было, то и будет, — лихорадочно пробормотал Филипп. — Как вы поняли его слова, Ремуар?

— Императору известна разгадка тайны времени, — мягко отозвался архикардинал. — Это значит, что успех нашей Непобедимой Армады предопределен.

Наместник удовлетворенно хмыкнул.

— Операция против Гегемонии должна развиваться... все должно быть подготовлено как следует. — Филипп поднял трясущуюся руку и сделал знак слуге. — Я возвращаюсь в свои покои. Мне нужно отдохнуть. Адмирала Хайта я приму позже.

Наместник отбыл. Адмирал Треварм распрощался с Мейром и отправился куда-то по своим делам. Архикардинал, пренебрегающий церемониями, ушел не прощаясь.

Мейр бесцельно огляделся, чувствуя тяжесть на сердце. Повернувшись, он уже собирался выйти из зала и направиться к себе в Архив, когда к нему подбежала принцесса Майра:

— Главный архивариус, как долго вас здесь не было!

Мейр вежливо улыбнулся:

— К сожалению, и на этот раз мой визит во дворец весьма короток, ваше высочество. Я должен вернуться в мои подвалы.

— Глупости! Час-другой ничего не изменит. Пойдемте со мной, присядем. — Принцесса взяла Мейра под руку и увлекла его к ближайшему дивану.

Обезоруженный очарованием молодой женщины, Мейр молча повиновался. Они сели — девушка тут же повернулась к архивариусу лицом.

— О чем это вы говорили с отцом? — спросила она очень живо.

Мейр растерялся:

— При всем моем уважении к вам, ваше высочество...

— Ах да, я понимаю, — с нетерпеливым взмахом руки перебила его принцесса. — Государственная тайна. Но я все равно знаю, о чем вы беседовали. О папочкиных планах в отношении язычников. — Девушка придвинулась к архивариусу ближе, ее глаза заблестели от восторга. — Предстоит большая битва в страте? Огромные перемены времени?

— Боюсь, что так, ваше высочество, — с тяжким вздохом ответил Мейр.

Принцесса Майра откинулась на спинку дивана, изобразив удивление:

— Ну, не будьте вы таким мрачным. Посмотрите туда — вот капитан Врин. — Девушка указала рукой на высокого, стройного офицера-хрононавта, затянутого в мундир — блестящий китель, фуражка цвета сливы, высокие сапоги с раструбами голенищ. Капитан оживленно разговаривал с обступившими его красавицами. — Он из Третьего Хронофлота, только что вернулся из боя возле Пятого узла. Правда, здорово?

Мейр отвернулся в сторону, чувствуя, что если попытается сказать хоть слово, то голос выдаст его.

Заметив реакцию архивариуса, принцесса обиженно надула губки.

— Знаете что, если вы будете таким серьезным и дальше, то вам лучше начать общаться с моим братом Филиппом, — заявила она. — Вон он стоит.

Проследив за взглядом девушки, Мейр заметил старшего из многочисленных отпрысков Наместника. Наследник Филипп, которому было около сорока, уже начинал очень походить на своего отца и к тому же отпустил такую же остроконечную бородку. В будущем ему предстояло стать Наместником Филиппом Вторым, хотя о дате коронации было запрещено знать кому-либо в Первом узле, а в особенности нынешнему Наместнику. Рассматривая наследника престола, Мейр позволил себе на несколько секунд задуматься об удивительных перипетиях времени, один из примеров которых находился сейчас перед ним. Где-то далеко в межузловом пространстве, в будущем от Первого узла, жил сейчас Филипп Младший — не Наместник Императора, но сын Наместника, коим он и останется вплоть до своего смертного часа. В Первом же узле, безостановочно движущемся вперед, после неизбежной смерти Филиппа Первого, Наместником станет Филипп Второй. Душа Филиппа Старшего возвратится во времени назад и родится вновь; однако в том цикле вечно повторяющейся жизни, в цикле, следующем по порядку за настоящим, он уже не будет Наместником, а просто отцом Наместника Императора Филиппа Второго.

Точно так же и сам Мейр в следующем жизненном витке окажется в межузловом пространстве перед Первым узлом, ушедшим к тому времени далеко вперед. Он проведет свои годы вдали от кипучего центра Империи, и, как ему хотелось надеяться сейчас, гораздо более мирно.

Бесконечность череды перерождений души с повторением одной и той же жизни была одним из немногих догматов Церкви, доказанных научно. Это, а также узловая структура предоставляло в распоряжение Империи форму течения времени, в некотором смысле высшую, чем обычное последовательное время. В то же время система узлов была чрезвычайно удобна для средних умов, как у принцессы Майры, например, которая сидела сейчас рядом с Мейром. Такие люди автоматически пропускали загадки и парадоксы перемещений во времени мимо сознания, предоставляя их заботам Департамента Истории, Ордена Хронотической Софистики и Ахронального Архива.

Имеют ли люди из круга Майры хоть какое-то представление о том, что означает изменчивость времени? Ясно, что сама Майра такого представления не имеет. Она, как и подавляющее большинство людей, считала свой дворец вековечным, надежным и неизменным. От хронотических войн ее отделяли столетия. Мейр безнадежным взглядом окинул искусные своды и купола потолков. «Если бы они только понимали, — подумал он, — что все это может вдруг исчезнуть, что этого может никогда не быть».

Принцесса Майра вдруг хихикнула:

— Смотрите-ка! Нарцисс!

В зал легкой небрежной походкой вошли, обнявшись, два молодых человека. В них, если всмотреться, проглядывали родовые черты Иксианов. Вероятно, так выглядел в молодости их отец-наместник: продолговатый овал лица, точеный прямой нос. Но свойственная телам юношей гибкая женственная осанка и чистая гладкая кожа придавали этому сходству нечто извращенное.

Если всмотреться еще пристальней, можно было заметить, что один из этих с виду одинаковых близнецов на самом деле на несколько лет старше другого. Мейру эта

история была хорошо известна. Нарцисс, младший сын Наместника Императора, своенравный и капризный гомосексуалист, в нарушение всех законов Империи отправился на несколько лет в будущее, где встретил самого себя и влюбился. Более того, он склонил свое будущее «я» вернуться вместе с ним в Первый узел. С тех пор парочка только и занималась тем, что бродила в обнимку по дворцу, беззастенчиво выставляя напоказ свою непозволительную страсть.

Встречаясь с Нарциссами, архикардинал Ремуар всегда показывал им знак проклятия, на что блудливые принцы отвечали радостным смехом. Однако при нравах династии Иксианов подобная любовная интрижка отнюдь не вызывала в семье такого возмущения, с каким была бы воспринята во внешнем мире. Иксианы ради сохранения чистоты крови вступали в брак только с Иксианами. Очень давно, на рассвете Империи, это означало необходимость разрыва не менее чем в несколько веков, когда мужчине разрешено было жениться, скажем, на собственной прапрапраправнучатной племяннице. Но постепенно все ограничения были забыты. Браки между братьями и сестрами, родителями и детьми никого больше не смущали. Превыше всего была чистота крови.

А что касается греха «удвоения» — сожительства с самим собой будущим, — к нему юные представители семьи Иксианов относились более чем спокойно. В мире, где запрещено даже говорить человеку, что его ждет в будущем, представители правящей династии не ощущали хронотические законы как нечто для себя обязательное.

Принцесса Майра махнула рукой своему удвоенному брату. Принцы Нарциссы повернули в ее сторону.

— Добрый день, главный архивариус, — приветствовал Мейра Нарцисс I.

— Добрый день, ваше высочество.

Когда юноши подошли ближе, стало слышно легкое гудение ортофазера на поясе Нарцисса II. Этот прибор позволял ему жить вне собственного времени.

— Идите сюда, поговорите с архивариусом, — попросила принцев Майра. — Кажется, его нужно развеселить.

Нарцисс I, нежно поглаживающий сзади шею своего спутника, окинул Мейра туманным взглядом.

— Он слишком стар, — отозвался он равнодушно. — Старики говорят только о скучном — о войнах, политике или религии. Мы же живем для любви — правда, Нарцисс?

— Да, Нарцисс.

Улыбнувшись друг другу, молодые люди двинулись дальше.

Тем временем в другом крыле внутренних покоев дворца, в его глубине, брат Нарцисса, принц Вро Иксиан слушал отчет Перло Ролца, хозяина и руководителя Детективного Бюро Ролца.

Апартаменты принца Вро были едва освещены и меблированы кое-как. Прислуга крайне редко допускалась сюда для уборки, и пыль лежала повсюду. Для постоянного напоминания о великой печали одна из стен комнаты была заменена огромным трехмерным голографическим экраном, изображавшим интерьер мавзолея, находящегося примерно в миле от дворца, и казалось, что этот интерьер — продолжение апартаментов Вро. Саркофаг, стоящий в центре усыпальницы, был раскрыт настежь и пуст.

Плотно усевшись на стуле с прямой спинкой, крепко сбитый детектив вел доклад. Принц стоял в другом конце комнаты, небрежно опираясь на стол и глядя в пространство. Принц Вро был на несколько лет старше Нарцисса и похож на него лицом, только глаза у него были острее.

Ролцу причуды императорского семейства были не в новинку. Он не впервые исполнял поручения высочайших особ. Сейчас он говорил коротко и прямо, без обиняков:

— Со времени последней нашей встречи, ваше высочество, я расследовал некоторые обстоятельства, свидетельствующие о возможной причастности к делу секты травматиков. Сейчас я могу заявить категорически: именно члены секты травматиков выкрали тело принцессы Веа из усыпальницы.

Вро бросил полный муки взгляд на распахнутый саркофаг:

— Но для какой цели?

Ролц откашлялся:

— Мотивы этого преступления весьма неприятны, ваше высочество. Травматики, как вам, должно быть, известно, практикуют весьма извращенные ритуалы. Отрицая учение Церкви, они поклоняются богу, которого называют Хулму. Они считают, будто он обитает в самых глубинах страта. Хулму, в соответствии с учением секты, питается энергией травмы, испытываемой душой человека при отделении от тела в момент смерти. В обычных условиях бог травматиков оказывается лишен этой добычи, потому что душа возвращается сквозь время и снова находит убежище в прежнем теле. Поэтому секта практикует ритуалы, кончающиеся человеческим жертвоприношением, при помощи которых, как они полагают, душа жертвы отдается богу Хулму.

— Какое это имеет отношение к моей возлюбленной Веа? — хрипло спросил Вро. — Она уже и так мертва.

— Ваша сестра умерла от мозгового кровотечения и была впоследствии бальзамирована процессом Муркесена, который сохраняет неизменными все жизненно важные ткани, — объяснил детектив. — По всей видимости, кто-то в секте травматиков полагает, что эти два фактора оставили душу в подвешенном состоянии, то есть душа не отправилась в прошлое.

— Так вы хотите сказать, что Веа все еще жива? — пораженно воскликнул принц Вро.

— Нет, ваше высочество, — поспешно отозвался Ролц. — Не стоит обращать внимания на суеверия еретиков.

Заметив, как сжались губы принца, детектив добавил:

— Но даже по верованиям травматиков, ваша сестра скончалась. Они лишь верят, что душа ее все еще может быть передана их богу. Путем ритуалов или медицинских экспериментов они надеются высвободить душу принцессы из этого латентного состояния и отдать Хулму. Лицо столь возвышенного ранга для них, разумеется, огромная добыча.

Глухой стон сорвался с губ принца Вро. На его лице отразился мертвенный ужас. Принц отвернулся и дал выход сдавленным рыданиям. Ролц сидел неподвижно, бесстрастно глядя в стену.

В своей профессиональной деятельности Ролц повидал куда более жуткие ситуации. Отчаяние принца Вро не вызвало у него никаких мысленных комментариев.

Когда-то принц был страстно влюблен в свою сестру, принцессу Веа. Сам Наместник собирался дать согласие на их брак. И тут невесту постигла внезапная смерть. В пылу траура принц Вро сам спроектировал мавзолей, собственными руками положил в саркофаг забальзамированное тело и велел установить в своей комнате большой экран, чтобы никогда не забывать о любимой.

К сожалению, несчастья принца на этом не кончились. Тело принцессы Веа было похищено из мавзолея, и причины этого были совершенно необъяснимы. Продолжительное и всестороннее полицейское расследование оказалось безрезультатным. В конце концов принц Вро обратился к Ролцу.

Иногда детектив Ролц спрашивал себя, почему принц не последует примеру собственного брата Нарцисса и не отправится в прошлое, туда, где принцесса Веа была еще жива (хотя это могло повлечь за собой некоторые сложности личного характера). Впрочем, это были бесплодные рассуждения. Похоже, принц Вро сильнее влюбился в труп, чем был влюблен в живую женщину.

Принц с трудом овладел собой.

— И что стало с ней теперь?

Ролц нахмурился:

— Здесь мы вступаем в область догадок. Большую часть информации мне удалось собрать, внедрив своего человека в одну из ячеек секты. К сожалению, недавно мой человек был раскрыт и его убили. После этого, чтобы отыскать следы тру... принцессы, я решил действовать более прямыми методами и установил, что она была вывезена из Первого узла на межузловом хронолайнере. Однако...

— Они смогли это сделать?

Детектив покачал головой:

— Секта очень мощная. У нее хорошие связи в службе гражданских межузловых сообщений.

— Понятно, — тихо отозвался принц Вро. — И как скоро будет найдена моя возлюбленная?

Детектив бросил на принца обеспокоенный взгляд:

— След на этом потерялся, ваше высочество. Откровенно говоря, я не могу этого понять. Ни разу в жизни я не натыкался еще на такую глухую стену. Даже если от тела каким-то образом избавились — в чем я серьезно сомневаюсь, — методы, которыми я пользуюсь, должны были дать мне какую-то информацию. Любое событие оставляет за собой след, который опытный детектив может обнаружить.

— Что вы несете, Ролц? — Принц резко повернулся к детективу, навис над ним, упираясь руками в бока. — Вы просто ничего не делаете! Вам что, гонорара мало?

— Это не так, ваше высочество! — запротестовал детектив. — Все мое бюро — а это заметные силы — занято только этим расследованием. До сих пор у нас не было ни одного нераскрытого дела. Но сейчас творится что-то очень странное.

Впервые за время разговора Ролц показал признаки замешательства и заерзал на стуле.

— Мы захватили и держим под надзором человека, который вывозил тело принцессы Веа, — сказал он. — Мы уверены, что это он. Некоторое время назад мы изучили его мысли при помощи детектора биополя.

— И что же?

— Оказалось, что он ничего о принцессе Веа не знает. Он не помнит, как покинул Хронополис в установленный нами день.

— Вероятно, его память стерли или исправили.

— Это могло бы все объяснить, если бы мы ограничились только физическими мерами исследования. Этот травматик ничего не знает о принцессе Веа, за исключением того, что она член императорского семейства, — однако и это он помнит смутно. В то же время у нас имеются неопровержимые доказательства того, что в течение нескольких дней тело принцессы находилось в его руках.

— И что вы предполагаете?

— Ваше высочество, мы живем в неспокойные времена. Время играет шутки...

— Ролц, что вы предполагаете?

Детектив быстро взглянул принцу Вро прямо в глаза, чего раньше не делал никогда.

— Я не знаю, ваше высочество. Я простой детектив, а не хроноцист. Но у меня начинает появляться чувство какого-то внешнего вмешательства, которое мешает расследованию. — Он запнулся, потом заговорил дальше: — Мне приходилось встречаться с подобным явлением. За последние годы у нас было несколько таких случаев. Детали расследования странным образом перестают соответствовать друг другу: то причина не имеет ожидаемого следствия, то следствию не предшествует обычная причина. Это заметно лишь людям вроде меня, обученным подмечать детали. Я думаю, это война с Гегемонией начинает сказываться, даже здесь, в узле Первом. Ткань времени под напряжением.

Принц задумался.

— У меня создается впечатление, что вы ищете предлог, — сказал он ледяным тоном.

— Ваше высочество, я уверяю вас в своей искренности.

— Так что же, вы хотите отказаться от работы?

— Бюро Ролца никогда не бросает дел на полпути, — твердо ответил Ролц. — У нас еще есть в запасе один ход. Мы достали ортофазер, и сейчас я веду переговоры о подпольном использовании устройства перемещения во времени.

— Вам нужно было обратиться за этим ко мне, — бросил Вро.

Ролц пожал плечами:

— Решено, что один из моих агентов отправится в прошлое и установит там наблюдение за травматиком, которого мы сейчас держим под стражей. Нас интересует момент похищения сектой тела принцессы Веа и перевозки его на лайнер времени. Если будет установлено, что наш узник не причастен к факту похищения — а мы знаем, что он в похищении участвовал, — это будет означать, что время мутировало каким-то странным образом, оставив часть прямых последствий без изменения.

— Очень странным образом, — недоверчиво сказал принц. — Разве вы не знаете, Ролц, что изменение времени

не оставляет неизмененных последствий, и после события вообще необнаружимо?

— Я знаю это, ваше высочество, но мне приходится считаться с фактами. — Детектив встал и передал принцу пакет. — Здесь мой письменный отчет о проделанной работе со всей имеющейся на данный момент информацией.

— Благодарю вас, друг мой. Надеюсь вскоре снова вас увидеть.

Детектив откланялся и ушел, а принц Вро еще долго стоял с нераскрытым конвертом в руке, задумчиво глядя в пространство.

Докладывать высшему начальству о поражении никогда не бывает делом приятным. Адмирал Хайт с каменным лицом бесстрастно отвечал на пытливые вопросы Наместника о попытках спасти Гирреад.

Наконец Филипп I испустил долгий прерывистый вздох.

— Вашей вины здесь нет, — сказал он, к величайшему облегчению Хайта. — Вы действовали так, как следовало солдату. Сегодня вечером будет заседание Военного Совета. Будут обсуждаться действия, которые следует предпринять до выступления армады. Несомненно, найдутся желающие бросить это дело и попытаться заключить с Гегемонией мир. — Наместник пристально посмотрел на адмирала. — Каково ваше мнение о ситуации?

— Армада должна выступить в поход как можно скорее, ваше величество, — намного раньше, чем планировалось. Искривитель времени — ужасное оружие. Я не могу гарантировать отражение силами обороны всех атак, которые может предпринять противник.

— Мы можем выставить барьеры времени?

— Чтобы барьеры времени работали постоянно, необходимы годы подготовки, ваше величество. Насколько я знаю, наш главный Барьер, обращенный в прошлое, потребляет почти треть бюджета Империи. Наша единственная защита — сокрушить Гегемонию без промедления. В противном случае я предвижу катастрофу.

Наместник презрительно поморщился:

— Вы что, тоже считаете, что Империя может пасть?

— Естественно, нет, ваше величество! — откликнулся Хайт, ошеломленный подобным предположением. — Я лишь говорю, что могут произойти такие разрушения, от которых Империя будет оправляться столетиями. Более того, Гегемония знает о строящейся в Хронополисе армаде и готовящемся нападении. Эта армада станет их главной целью. Противник попытается уничтожить наши суда раньше, чем они будут построены.

В лице Наместника Императора мелькнул испуг.

— Так вы считаете, что они сумеют проникнуть так далеко — даже в узел Первый?

— Даже такую возможность нельзя сбрасывать со счетов. Вероятнее всего, противник будет атаковать косвенно. Гегемонцы попытаются внести изменения в наше будущее таким образом, чтобы эффект последствий распространился на прошлое, задержав строительство армады или вообще предотвратив его. Это возможно, если они достаточно хорошо знают историю Империи.

— Что вполне вероятно, — согласился Филипп обеспокоенным тоном. — Я слыхал о сношениях между агентами Гегемонии и сектой еретиков, известных под именем травматиков. — Наместник с раздражением мотнул головой, и правая рука у него затряслась сильнее.

— Строительство армады ускорить просто невозможно, — объявил он. — Мы и без того бросили туда все силы — больше у нас ничего нет.

— Ваше величество, если мы оставим все, как есть, то последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

— Вы позволяете себе рассуждать как министр, а не простой адмирал Хронофлота, — отрезал Филипп Иксиан со зловещей ноткой выговора.

— Прошу у вашего величества прощения. Лишь тревога, вызванная настоящей ситуацией, заставила меня это сказать.

— Похоже, сегодня все решили мне дерзить. Тем не менее вы лично были свидетелем боя, и вы знаете, как обстоят дела на границе. Что вы предлагаете сделать для усиления наших передовых постов? Мы можем, — добавил Намест-

ник после недолгого размышления, — выделить на это уже построенные корабли армады.

— Это стоит сделать, ваше величество, но главной задачей должно быть достижение паритета с противником — я имею в виду их новое оружие. Для этой цели я предлагаю организовать рейд в тыл Гегемонии, направив силы, достаточные для подавления сопротивления местных войск, и поставить этим силам задачу захвата искривителя времени в качестве образца.

— Вы считаете, что такая операция возможна?

— Возможна, если у нас есть агенты, которые могут определить место, где держат искривитель, и навести нас точно на цель. Гегемония занимает только один узел, что упрощает нашу задачу.

Наместник Императора открыл лакированную коробочку, достал оттуда щепотку красноватого порошка и втянул одной ноздрей. Вид у него был задумчивый.

— Агенты в Гегемонии у нас есть. В основном это те, кого наши первые миссионеры сумели обратить в истинную веру. Излишне говорить, что они уже заняты поисками искривителей, но информация доходит до нас медленно из-за невозможности передавать сообщения сквозь страт.

Наместник вдохнул порошок в другую ноздрю.

— Сегодня вечером вы будете присутствовать на заседании Военного Совета. Там мы обсудим ваше предложение.

— Это честь для меня, ваше величество.

Архивариусу Иллюсу Тону Мейру пришлось задержаться во дворце на пару часов. Принцесса Майра была настойчивой хозяйкой и, вопреки мрачному настроению Мейра, вовлекала его в разговор с различными светскими персонами, которых в зале было множество. Он поговорил даже с капитаном Врином и выслушал из первых уст рассказ участника недавней битвы — рассказ, как подозревал Мейр, отшлифованный многочисленными повторениями, хотя подбитые корабли вернулись только на рассвете.

Однако беспокойное желание поскорее укрыться в своих подвалах пересилило удовольствие светского общения.

Мейр уже приготовился распрощаться с принцессой, когда к ним подошел слуга в ливрее.

— Его высочество принц Вро желает переговорить с вами, архивариус, по личному делу, если вы не возражаете, — сказал он.

Просьба, исходящая от принца, хоть и выраженная самыми вежливыми словами, была приказом. Изрядно озадаченный, Мейр проследовал за человеком в ливрее и вскоре уже предстал перед принцем в его мрачноватых покоях.

При виде архивариуса принц с горячностью бросился ему на встречу.

— О главный архивариус! — приветливо воскликнул он. — Я пытался искать вас в Архиве, но там сказали, что вы во дворце.

Мейр украдкой рассматривал комнату, стараясь не проявлять невежливого любопытства.

— Его величество ваш отец почтил меня аудиенцией.

— Снова изменения во времени — я прав? — Глаза принца Вро впились в лицо архивариуса.

— Боюсь, что да.

Мейр несколько успокоился. Он всегда считал принца Вро наиболее разумным представителем семейства Иксианов. Конечно, история с телом принцессы Веа была ему известна... но это полностью личное дело принца.

Тщательно стараясь не смотреть на обширный голографический экран с пустым саркофагом, архивариус спросил:

— Чем я могу служить вашему высочеству?

— Что ж, перейдем к делу. Быть может, в ваших руках смысл моей жизни.

Принц Вро, ничего не утаивая, рассказал архивариусу о расследовании похищения тела принцессы Веа, проведенном для него бюро Ролца. Он постарался полностью передать разговор, происшедший между ним и детективом час назад. Когда принц стал рассказывать о странных затруднениях и аномалиях, с которыми столкнулся Ролц, Мейр живо заинтересовался.

— Может ли время быть искажено так, как говорит Ролц? — спросил принц.

— При естественных изменениях — нет, — категорически ответил Мейр. — Естественные колебания субстрата согласовывают причинно-следственную связь в направлении как прошлого, так и будущего. Но в принципе нет ничего, препятствующего возникновению подобных явлений при искусственных искажениях. Прошу простить меня, сир, но могу я присесть?

Принц Вро с готовностью кивнул. Мейр тяжело опустился на жесткий стул с прямой спинкой, на котором только недавно сидел Перло Ролц. Архивариус чувствовал слабость и головокружение.

— Частный детектив — ну конечно же! — воскликнул он хрипло, осененный внезапной идеей. — Все логично. Только детектив может заметить несоответствие деталей столь мелкого масштаба. Даже Ахрональный Архив не в состоянии уследить за незначительными будничными событиями.

— Но что это означает?

— Это означает именно то, о чем говорил Ролц. Что война с Гегемонией оборачивается плохо. Что всему виной этот их проклятый искривитель. В порядке вещей появляются изъяны — небольшие изъяны, но это только начало. Со временем эти изъяны увеличатся.

— М-да, заманчивая перспектива.

Мейр вопросительно взглянул в лицо принца:

— Что ж, архивариус, привыкайте к этой мысли. Так все и будет. Войну не остановить. Не сомневаюсь, вы уже заметили, что мой отец — религиозный маньяк. Подстрекаемый этим неимоверным тупицей Ремуаром, он решительно настроен обрушить свою армаду на наших потомков в далеком будущем. Одной эскадрой велено командовать мне! — Губы Вро изогнулись в циничной усмешке. Он отвернулся от Мейра и посмотрел на пустой саркофаг. — Конечно, весь этот идиотизм скоро обрушится на наши же головы. Однако меня все это мало волнует. Я думаю только об одном — о спасении возлюбленной Веа.

Последние слова принца Мейр не расслышал. С усилием подняв руку, он оттер со лба холодный пот.

— Мы живем во сне, — проговорил он устало. — Весь наш мир — иллюзия. И только страт существует на самом деле...

— Любопытная точка зрения. — Принц Вро снова повернулся к архивариусу.

— В моем Архиве хранятся записи о народах, культурах, целых цивилизациях, стертых из времени, — продолжал Мейр. — Миллионы людей — не более чем вымысел, остывший след которого мы сумели уловить лишь благодаря техническим ухищрениям. Как может быть настоящим нечто исчезающее и переменчивое? Вот почему я говорю, что только страт существует на самом деле, — а что такое страт? Мы не знаем. Путешествия во времени — всего лишь способ перейти из одного сна в другой.

— Ваша точка зрения очень близка к моей, — мягко отозвался принц Вро. — Нет ничего настоящего; нет вещи, которая была бы важнее любой другой. Так говорил я себе, когда разум корил меня за страсть к моей прекрасной Веа.

Принц протянул архивариусу толстый конверт:

— Поскольку вы способны серьезно отнестись к подозрениям Ролца, я хочу, чтобы вы сделали для меня кое-какую работу. В конверте отчет Ролца. Завтра я пришлю его к вам, чтобы он лично дал необходимые пояснения.

— Работу, ваше высочество? — Мейр благоговейно принял конверт.

Вро кивнул:

— На основании информации Ролца и накопленных вами данных можно будет составить — как это у вас называется? — карту изменений, так кажется? Я хочу, чтобы вы помогли Ролцу найти принцессу. Раз поисков в ортогональном времени недостаточно, возможно, вам удастся отыскать что-нибудь во времени страта.

С горящей как в лихорадке головой, покинув комнаты, занимаемые принцем Вро, бережно прижимая к себе пакет с отчетом частного детектива и пробираясь через коридоры дворца к выходу, Мейр оказался в приемной, где не так давно имел беседу с Наместником.

Из покоев Наместника появился адмирал Хайт. С мрачным каменным лицом он прошел мимо Мейра, не проронив ни слова.

Вслед за Хайтом вышел Наместник, опираясь на руку слуги. Заметив Мейра, который ему низко поклонился, Наместник остановился.

— Вы все еще во дворце, архивариус?

— Ваше величество, я хотел просить вас выслушать меня еще раз.

План, который зрел в голове Мейра в течение нескольких месяцев, за последние два часа наконец оформился. К плану прибавилась решимость. Недовольный тем, что его посмели остановить прямо в коридоре, Филипп Иксиан нахмурился, однако сделал Мейру знак продолжать.

— Вопрос касается безопасности Архива, ваше величество. Не так давно я пришел к заключению, что теперешнее положение Ахронального Архива небезопасно.

Недовольство Наместника перешло в раздражение.

— Установка барьеров времени, защищающих ваш Архив, стоила Империи колоссальных денег, — напомнил он тоном выговора. — Вы тогда их одобрили. А теперь вы же говорите, что они не годятся?

— Я понял, что ситуация меняется очень быстро, ваше величество. Мое новое предложение обойдется дешевле. Барьеры обеспечивают безопасность до определенного предела, но если враг сумеет зайти нам в тыл, а такое уже бывало, и атакует тот год, когда были установлены барьеры, сами барьеры рухнут в забвение и Архивы утратят смысл.

Ярость сошла с лица Филиппа. Не поднимая глаз, он спросил:

— Итак?

— Единственный по-настоящему надежный способ обезопасить Архив от мутаций ортогонального времени — это разместить его внутри страта. До сих пор это не было возможно из-за трудностей связи — необходимо иметь постоянный компьютерный доступ к записям Имперского Регистра, чтобы отслеживать аномалии, а способов для организации такого доступа не было. Эта проблема технического характера теперь решена. Архив может плавать внутри страта на якоре, соединенный с компьютером Имперского Регистра кабелем.

— Кабелем?

— Эта новая технология называется непрерывной постепенной фазировкой, ваше величество. Внутри страта Архив будет защищен от всех мутаций ортогонального времени.

— Что ж, прекрасно, я одобряю. Готовьте проект, потом я его утвержу.

Секретарь, стоящий за спиной наместника, мгновенно сделал в своем блокноте пометку. Мейр с поклоном удалился.

Возвратившись в свои покои, Филипп Иксиан отпустил всю свиту, кроме камердинера, и послал за своим любимым утешителем. С хриплым глубоким вздохом Наместник опустился на узкое ложе и принял дозу лекарства, которое слегка унимало дрожь.

Утешитель пришел, и начался любимый отдых Филиппа, в мире и тишине, и свет притушен, чтобы дать отдых ноющим глазам.

Утешитель сел у кровати Наместника так, чтобы его не было видно, раскрыл книгу и начал читать негромким, певучим голосом:

— «Есть тело, есть душа. Тело принадлежит ортогональному времени. Душа же — сущность незримая — вечна; но не преступит она назначенный ей период...»

Где-то в глубине дворца, на ложе много более мягком и роскошном, в окружении орхидей и запахов тонких духов, пропитавших будуар, лежали рядом Нарцисс I и Нарцисс II.

Они глядели друг другу в глаза, улыбаясь удовлетворенно.

— Настанет скоро день, когда случится нечто странное, — печальным, сонным голосом проговорил Нарцисс II. — Нечто очень, очень грустное.

— И что же, милый? — тихо переспросил Нарцисс I.

— Придет он и украдет тебя у меня. Как тать в ночи. Он — третий.

В глазах Нарцисса I мелькнуло понимание — он понял, о чем говорит его двойник. Не пройдет и года, как ход ортогонального времени доставит их к тому дню, когда он прокрался в собственную спальню и соблазнил самого себя.

Никогда, вплоть до этой самой минуты, он не удосуживался задуматься об этом парадоксе.

— Да, у меня будет гость, — сказал он мечтательно. — Он очарует меня и уговорит бежать с собой. Прочь в прошлое!

— Не говори так! Я же останусь один! — Нарцисс II закрыл лицо ладонями. — О, как я ненавижу его! Как я ненавижу его!

Нарцисс I посмотрел на него дразнящим и мечтательным взглядом.

Глава 3

Ищейки, Указующие и Гончие, все собрались.

Можно было приступать к Выбору.

Обряд происходил в частном доме одного из состоятельных членов секты. Одна из комнат элегантного особняка была превращена в молельню. На алтаре, освященная притушенными лампадами, стояла фигура Невозможного Образа (абстрактное переплетение искривленных поверхностей — считалось, что они повторяют облик Хулму).

Все собравшиеся опустились на колени, прикрыв головы ритуальными черными покрывалами, — все, кроме викария с золотым Знаком Проецировщика на груди (где был изображен миниатюрный голографический проектор). Он остался стоять лицом к собранию. У него на голове была шляпа с плоским верхом, а на ней лежала черная Книга Хулму, чтобы флюиды ее слов нисходили прямо на викария.

Молитва началась.

— Владыка всея глубины, дай знак слугам твоим и исполнителям воли твоей...

Песнопение становилось все громче. Викарий лихорадочно забормотал заклинания, известные только травматикам равного с ним ранга, — они приводили в действие внушенные под гипнозом команды. Почти сразу он погрузился в транс.

И заговорил гласом Хулму.

Это был хриплый, звенящий голос, совершенно не похожий на собственный голос викария и вообще на голос человека.

— Здесь ли вы, мои Ищейки?

— Мы здесь, господин! — истерически выкрикнули несколько человек.

— Здесь ли вы, мои Указующие?

— Мы здесь, господин! — взвыла другая часть собравшихся.

— Здесь ли вы, мои Гончие?

— Мы здесь, господин! — ответили оставшиеся сектанты.

— Так пускай Указующие совершат Выбор.

Сверкающая пустота в глазах викария пропала так же внезапно, как и появилась. Он поднял руку и снял с головы черную книгу.

— Хорошо, теперь приступим, — объявил он своим обычным голосом.

Напряжение ушло. Собравшиеся принялись снимать с голов черные покрывала. Атмосфера сделалась более непринужденной.

Указующие сбились в кучку. Один из них дернул за висящий на стене шнур. Занавеси с шорохом раздвинулись, открыв полку с многотомной адресной книгой Хронополиса. Другой Указующий сосредоточенно выбрал один из толстых томов.

Третий Указующий взял книгу в руки, раскрыл ее, повернув обложкой вверх, и, разжав пальцы, бросил книгу раскрытыми страницами на плиты пола.

Четвертый Указующий поднял книгу и разгладил страницы, выбранные судьбой. Подняв глаза к потолку, он провел пальцем по одной из двух открытых страниц, выбирая строку.

Собрание в молчании смотрело, как замедляется и останавливается этот палец.

— Келл-стрит, восемьдесят девять, — вслух прочитал Указующий. — Округ Е-Четырнадцать. Инприсс Сорс, женщина.

— Инприсс Сорс, — повторил кто-то, как будто пробуя имя на вкус. Каждый попытался представить себе, какая она: молодая или пожилая, хорошенькая или так себе, какой у нее будет уровень страха.

— Гончие начинают завтра в девять утра, — хорошо поставленным голосом произнес викарий.

— Инприсс Сорс. — Гончие повторяли друг другу имя, наслаждаясь его звучанием.

Судьба выбрала женщину, и они были рады этому.

У Инприсс Сорс, тридцати лет, было приятное, немного меланхоличное лицо, янтарные глаза и средней полноты фигура. Она служила клерком в «Нобль крионикс» — фирме, очень тесно сотрудничающей с правительством, — и снимала двухкомнатную квартирку.

В свое время она успела поработать в Департаменте Истории, где получала не в пример больше, чем сейчас. Но один ревностный утешитель, усомнившись в благочестии Инприсс, донес на нее, и она потеряла отличное место. Чтобы выжить, ей пришлось сделать шаг по социальной лестнице вниз, однако новая должность не требовала свидетельства о благочестии. Ей пришлось съехать из просторной квартиры в центре Хронополиса и снять более дешевую, на окраине, в районе победнее. Друзья Инприсс из Департамента Истории прекратили с ней знакомство, и сейчас она была одинока.

Когда в дверь квартирки Инприсс постучались Гончие, она, только что вернувшись с работы, размышляла, как ей убить остаток вечера.

Работа Гончих началась несколько часов назад. Один из них встретил Рола Стрина и Фри Вилена у подъезда дома и быстро описал расположение квартиры. Из окна гостиной был выход на пожарную лестницу.

— Отлично, — сказал Стрин. — Дайте нам полчаса.

Неуклюже поднимаясь по лестнице следом за Стрином, Вилен тащил тяжелый ящик для инструментов. На третьем этаже Стрин отыскал нужную дверь и постучал. Когда дверь приоткрылась, Гончие ворвались внутрь, втолкнув перед собой Инприсс.

Удар отбросил Инприсс Сорс от двери.

— Что... что вам нужно? — дрожащим голосом пролепетала она.

Взгляды Гончих заметались по комнате. Стрин повернулся к Инприсс, рассмотрел ее лицо, обшарил глазами ее тело. То, что он увидел, ему понравилось, и он ощутил теплую волну предвкушения.

Выбор Хулму был превосходным. Все теперь пойдет хорошо, Хулму останется доволен.

Прижав руки к горлу, девушка отступила к дальней стене.

— Что вам нужно? — повторила она шепотом, увидев их горящие глаза. — Скажите мне, что вы хотите?

— Сегодня самый важный день в вашей жизни, уважаемая, — ответил ей Стрин. — Вам предстоит испытать такое... чего вы не испытывали никогда.

Гончие достали из карманов черные покрывала и покрыли ими головы.

Инприсс отшатнулась, охваченная ужасом.

— О боже! Нет! Нет! — испустила она слабый крик, но ее уже схватили и зажали рот. Когда Инприсс несли к столу, с которого Стрин смахнул книги и посуду, она почти не сопротивлялась и только дрожала. Ее положили на стол. Стрин достал из ящика Вилена крепкий шнур, захлестнул его за ножки стола и привязал руки и ноги Инприсс специальными узлами.

Когда Вилен убрал руку ото рта девушки, она уже не пыталась кричать. Жертвы вообще редко кричали: ужасная слава травматиков вызывала беспомощный ужас. Вместо криков Инприсс принялась молиться всхлипывающим дрожащим голосом.

— Ты зря пытаешься звать на помощь своего бога, — спокойно заметил Стрин. — Его не существует, это все выдумки. Перед концом ты будешь молиться Хулму, подлинному богу, который создал нас, отразив на экране реальности.

Стрин любил заводить разговоры с жертвами ритуала, чтобы установить психологическую связь.

Рассеянно мурлыча какой-то мотив — привычка, происходящая от волнения, охватывающего его всегда в такие моменты, — Стрин заметил на кресле сумочку Инприсс. Он бережно раскрыл ее и исследовал содержимое. Какие-то личные мелочи, удостоверение, банковские карточки, немного денег, несколько писем.

Сложив все обратно, он положил сумочку на полку возле окна.

Гончие открыли ящик и стали вынимать инструменты.

Девушка перестала молиться и замолчала, часто и испуганно дыша. Стрин поднес к голове Инприсс измеритель. Уровень ее страха составлял почти восемьдесят единиц — очень высоко. Это было хорошо.

— Что вы со мной сделаете? — спросила она Гончих. — Пожалуйста, скажите мне, что вы со мной сделаете?

— Хм-м... столько есть способов... Ножи, медленно вонзаемые в тело? Ужасный Вибратор? Исход через Огонь? — Перечисляя все это, Стрин одновременно охотно показывал Инприсс различные инструменты, один за другим.

Девушка с усилием оторвала голову от столешницы, напряглась и посмотрела. Потом уронила голову обратно. В ее глазах застыло отчаяние.

Вилен закончил установку экрана и лазерного проектора. Экран был натянут наклонно, как огромное приспущенное крыло. Вилен включил проектор; на экране появилось изображение. Невозможный Образ Хулму принялся гипнотически вращаться и изгибаться на фоне муаровых разводов. Стрин и Вилен опустились на колени спиной к экрану по обе стороны от Инприсс, глядя ей в лицо.

— Внимай Хулму! — торжественно объявил Стрин.

Первая церемония началась.

Очень скоро изгибы и мерцания голограммы ввели Инприсс в неглубокий транс. В таком состоянии слова и приказы Стрина и Вилена проникали в ее сознание особенно глубоко.

— Ты будешь принесена в жертву Хулму, — говорил ей Стрин. — Твоя душа уже никогда не вернется сквозь время обратно к твоему телу; ты никогда не проживешь свою жизнь

заново, как другие. Ты будешь принадлежать Хулму. Он заберет тебя к себе в глубины страта.

— Хулму заберет тебя к себе, — вторил нараспев Стрину Вилен.

— Ты должна молиться Хулму, — прошептал Стрин на ухо Инприсс. — Ибо теперь ты принадлежишь ему.

Произнося песнопения, Вилен добывал из своего ящика новые принадлежности. Устройства, которые он расставлял вокруг стола на полу, издавали странные беспокойные, щелкающие и гудящие звуки; чуждый уху гул разнесся по комнате. Стрин взял в руку инструмент, напоминающий трехзубую вилку, и принялся раз за разом надавливать его остриями в различные части тела Инприсс, причиняя ей боль, но не прокалывая кожу. Все, что Гончие делали сейчас, должно было усилить душевную травму, и Инприсс от страха уже впала в каталепсию.

Стрин встал и щелкнул пальцами у нее перед лицом. Инприсс вздрогнула и вышла из транса, и тогда Стрин показал ей устройство Исхода через Огонь, которое он держал в руке, уже готовое. Глаза девушки полезли из орбит, лицо обвисло. Рот Инприсс приоткрылся, но она не могла издать ни звука.

Тут раздался стук в дверь.

Стрин и Вилен переглянулись.

— Нужно посмотреть, кто там, — сказал Стрин.

Они вышли из гостиной и закрыли за собой дверь, потом постояли немного в прихожей. Стрин открыл входную дверь.

За дверью стоял один из Гончих.

— Как раз вовремя, — сказал ему Стрин.

Они постояли еще, помолчали. Прижав ухо к двери гостиной, Стрин прислушался. Из комнаты доносились тихие шуршащие звуки. Потом Гончий услышал, как открылось окно.

Через минуту они вернулись в гостиную. Инприсс Сорс исчезла. Она выскользнула из узлов, которыми связал ее Стрин, и сбежала через окно по пожарной лестнице. Бросив взгляд на подоконник, Гончий с удовлетворением убе-

дился, что у девушки хватило присутствия духа забрать с собой сумочку и она не останется без средств.

— Отличный старт, — выдохнул он.

Погоня началась.

Глава 4

Уже несколько недель капитан Этон носил только тюремную одежду. Но сегодня, когда ему надлежало предстать перед трибуналом, охранник принес ему повседневную форму. Этон одевался тщательно, но у него не было зеркала, чтобы проверить свой внешний вид.

Стены его камеры были из серого металла, что напоминало строгий функциональный стиль интерьеров эсминца, на котором он служил до ареста. Этону не хватало глубокой вибрации двигателей времени, но еще более — ощущения дисциплины и осмысленности, столь свойственных флоту. Его одиночество нарушали только выкрики охранников и металлический лязг, составлявшие повседневную жизнь тюрьмы. Угнетала мысль, что его держат вместе с дезертирами и другими преступниками. В соседних камерах сидели богохульники — члены секты травматиков, и ночью слышались их призывы к Хулму.

Травматики. Это слово о чем-то напоминало, но Этон не мог вспомнить, о чем именно. Время от времени он озадаченно хмурился и пытался припомнить, но каждый раз тщетно.

Послышались шаги. Дверь камеры со скрежетом распахнулась. Вошли двое охранников и защитник Этона — нервный молодой лейтенант.

Этон встретил их стоя. Повинуясь знаку охранников, он вышел из камеры в коридор.

— Трибунал собрался, капитан, — сказал лейтенант, неуверенно кашлянув. — Пойдемте?

Этон повернулся и в сопровождении охраны зашагал вперед.

Несмотря на всю тяжесть своего положения, Этон ощутил сочувствие к защитнику, который был вынужден находиться в компании обреченного.

— Может быть, у нас есть шанс, — сказал лейтенант. — Показания детектора биополя в нашу пользу. Я буду строить защиту на вашей недееспособности.

Этон кивнул в ответ, хотя не сомневался, что судебное следствие пойдет тем же путем, что и предварительное.

Стальные двери с лязгом распахнулись. Этон в сопровождении защитника и охраны вышел из тюремного крыла. Поднявшись на лифте, группа вошла прямо в зал трибунала.

Трибунал составляли три адмирала в отставке. Одного взгляда на изрезанные шрамами лица было достаточно, чтобы прочесть приговор, который вынес бы сам Этон на их месте: трусости нет оправдания.

Обвинитель, постарше и поопытнее защитника Этона, прежде чем зачитать обвинение, учтиво повернулся к подсудимому:

— Капитан Монд Этон, офицер Третьего Хронофлота Его Всевременного Величества, служащий под командованием адмирала Вела Арка Хайта! Вы обвиняетесь в том, что в одиннадцатый день четыреста восемьдесят пятого цикла по времени флота вы проявили трусость и грубое пренебрежение служебным долгом, выразившиеся в том, что когда вверенный вам корабль «Молот Империи» был поврежден, вы покинули корабль раньше ваших подчиненных. Более того, пытаясь первым занять место в спасательном плоту, вы открыли огонь по своим подчиненным и спаслись ценой их жизней. Признаете ли вы себя виновным?

Молодой лейтенант сделал шаг вперед:

— Господа судьи, я хочу заявить, что капитан Этон не может признавать или не признавать себя виновным, поскольку является жертвой амнезии...

— Я не признаю себя виновным, — твердо возразил Этон. — Я не верю, что способен на подобные поступки.

Губы обвинителя скривились в чуть заметной язвительной усмешке.

— Он не верит, что способен на подобные поступки!

Защитник, обескураженно пожав плечами, вернулся на место.

Непреклонный обвинитель перешел к вызову свидетелей, и Этон был вынужден заново пережить уже пережитое во время предварительного следствия. Первым вызвали сержанта Квейла, старшего унтер-офицера центра управления огнем. Этон не показал изумления, услышав, как он с лучеметом в каждой руке прорывался к плоту, убивая всех, кто стоял у него на дороге. Иногда Квейл как-то странно взглядывал на Этона: то ли злорадно, то ли с боязнью, и тогда у капитана будто двоилось в глазах: лицо Квейла искажалось и раздувалось, будто смотрело из-за увеличительного стекла или, быть может, визора страт-скафандра. Но изображение сразу пропадало, и Этон отнес иллюзию на счет собственного воображения. Семь следующих свидетелей, все из команды «Молота Империи», подтвердили показания Квейла. Они повторяли его рассказ, иногда поворачиваясь и бросая на капитана тяжелый обвиняющий взгляд. Они называли имена матросов и офицеров, убитых Этоном у них на глазах. По словам свидетелей, сбить Этона с ног и разоружить удалось, лишь когда плот катапультировался от «Молота Империи» после окончательной гибели эсминца. Примерно через час охваченный страхом и отчаянием спасательный плот был обнаружен и подобран флагманом. Этона арестовали и доставили в Хронополис.

Ничего этого Этон не помнил. Удавалось вспомнить лишь некоторые моменты боя с кораблями Гегемонии, да и эти воспоминания казались ему сном. События, о которых рассказывали Квейл и остальные свидетели, — здесь в памяти Этона было совершенно пусто. Он помнил лишь, как пришел в себя и увидел, что плот уже поднят на «Оплот веры» — флагман адмирала.

Может ли быть, чтобы он убил и лейтенанта Криша? Неужели он мог поддаться животной панике, может быть, умопомешательству? Если так, то это помешательство до сих пор его не оставляет, потому что все происходящее вокруг кажется ему сном. В мозгу не складывалась картина, как он,

с его любовью к Флоту, с его преданностью Империи, творит то, что описывали свидетели.

Обвинение передало слово защите. Юный лейтенант вызвал своего единственного свидетеля.

— Майор Батол, — спросил он поднявшегося на свидетельское место стройного военного, — какова ваша должность в Армии Времени?

— Я врач-хирург.

— Вы узнаете обвиняемого?

Майор быстро оглядел Этона и кивнул.

— Расскажите нам, пожалуйста, о результатах проведенного вами осмотра капитана Этона.

Майор Батол повернулся к трибуналу:

— Я проводил обследование капитана при помощи детектора биополя. Это устройство позволяет производить считывание электростатического поля, создающегося вокруг тела и головы человека. При помощи этого прибора можно оценить умственное состояние человека и даже узнать, что он думает, поскольку мысли и эмоции отражаются на состоянии поля. Такой способ подобен исследованию операций компьютера путем уловления случайных электромагнитных колебаний, излучаемых...

— Суду не нужны технические детали, — сухо произнес председатель. — Переходите к сути дела.

— У капитана Этона наблюдается полная амнезия относительно событий рассматриваемого периода, — доложил майор Батол.

— Каковы могут быть причины подобной амнезии? — спросил защитник.

— Почти наверняка в основе ее лежит психотравма, — ответил майор. — Вспомним, что эсминец погружался в страт. Каждый, кто увидит страт невооруженным глазом, пусть даже на миг, подвергается травме, достаточной для возникновения амнезии подобного типа.

— Благодарю вас, майор.

Обвинитель не задержался с вопросом:

— Майор Батол, каково ваше мнение: человек, пострадавший от психической травмы описанного вами типа, спосо-

бен на целесообразные действия — например, прорываться с боем к спасательному плоту?

— Очень маловероятно, что он вообще был бы способен на какие-либо действия. А на осознанные — определенно нет.

— Можете ли вы точно назвать время, когда капитан Этон пережил травму? За десять минут до катапультирования плота? За пять? За секунду до этого события?

— Нет, не могу. Травматическая амнезия распространяется как на события, предшествующие травме, так и на последующие.

— Покорнейше благодарю вас, майор.

Адвокат Этона сделал все, что мог. Он начал с того, что рассказал, каким отличным офицером был Этон, о его послужном списке и о трех схватках с неприятелем, за одну из которых его подзащитный удостоился награды. Далее он подчеркнул факт амнезии Этона, подводя к мысли, что это придает некоторую загадочность всему делу.

— Разве не странно, — говорил он, — что капитан Этон ни единого слова не мог сказать в свою защиту? И наконец... — защитник с побелевшим лицом повернулся к судьям, — я ходатайствую о том, чтобы сами свидетели обвинения прошли проверку на детекторе биополя!

Обвинитель вскочил на ноги:

— Обвинение протестует! Защита пытается приписать предвзятость моим свидетелям!

Председатель трибунала с мрачным видом чуть передвинулся на стуле.

— Использование детектора биополя не предусматривается процессуальным кодексом гражданского суда, а данный трибунал в вопросах исследования доказательств исходит именно из этого свода законов. Хоть мы и выслушали мнение майора Батола, факт амнезии вашего клиента не является юридически установленным. Ходатайство отклонено.

Этон знал, что это была последняя отчаянная попытка молодого лейтенанта. Трибунал совещался недолго. В лицах старых адмиралов, вернувшихся из комнаты совещаний, Этон не заметил и тени сочувствия.

— Капитан Монд Этон, вы признаны виновным. Независимые показания восьми свидетелей неопровержимы. Что касается попытки защиты доказать, будто ваши действия явились результатом изменения личности, что якобы является смягчающим вину обстоятельством, такие аргументы не могут быть приняты во внимание. Даже если бы это было так, факт остается фактом: офицер по имени капитан Этон совершил инкриминируемые ему преступления, и тот же офицер по имени капитан Этон стоит сейчас перед трибуналом. Изменения личности не оправдывают преступления офицера Армии Времени.

Адмирал-председатель сделал паузу перед тем, как огласить резолюцию.

— Вам вынесен единственно возможный приговор. Из этого зала вы будете доставлены в лаборатории Департамента Связи, где вы последний раз послужите Империи. И да возродит Господь вашу душу.

Этона провели через приемную, где сидели сержант Квейл и остальные свидетели. Все восемь человек — а Квейл особенно — смотрели на Этона сверкающими глазами, не скрывая своего ликования.

— Очень необычный случай, — пробормотал техник. Небрежно закинув ногу на ногу, он сидел напротив Этона в зале инструктажа. — Я первый раз работаю с человеком вашего уровня, — продолжал он. — Обычно нам присылают убийц, воров, мелких предателей — в общем, подонков.

Техник разглядывал Этона с нескрываемым любопытством. Он держался совершенно непринужденно и, видимо, рассматривал предстоящую работу как интересную техническую задачу, а не как причудливый способ казни, чем она была для Этона.

— Я должен обучить вас всему, что может понадобиться вам для выполнения работы, — сказал техник. — Но вам как хрононавту много объяснять не придется.

— Любой хрононавт боится страта, — пустым голосом ответил Этон. — Это то, что окружает нас. Мы никогда об этом не забываем.

— Вы боитесь?

— Да.

Техник кивнул:

— Имеете право. Это действительно страшно. И для вас страшнее, чем для обычного бандита недоумка, я это понимаю. И все-таки нам надо сделать эту работу.

«Ему совсем меня не жалко, — подумал Этон. — В нем нет ко мне ни капли сочувствия. Через его руки прошли уже, наверное, сотни людей — и это перестало для него что-нибудь значить».

Техник зашел Этону за спину и надел ему на голову шлем. Этон почувствовал, как острия электродов вонзились в кожу. Техник снова сел в кресло и глянул на приборы, что-то записывая на бумажке.

— Очень хорошо, — прокомментировал техник увиденное. — Реакции вашего мозга в норме — но ведь иного мы и не ожидали? Некоторые типы потупее оказываются к работе непригодны — у них мозг не способен отдать команду после выполнения задания. Таким дорога только в газовую камеру.

— Когда? — прохрипел Этон.

— А?

— Когда вы пошлете меня?

— Ах это! — Техник бросил взгляд на наручные часы. — Примерно через час.

Этон собрался с духом перед последним испытанием. После суда он томился почти неделю, ожидая, пока назовут его имя. Департамент ежедневно рассылал потоки сообщений всем флотам, и все же дефицита в курьерах не испытывал.

Этон напомнил себе, что он уже бывал в страте — миллионы раз, по сути дела. Все бывали, но не помнил никто. Когда тело умирает, душа, лишенная его поддерживающей оболочки, попадает в страт. Это и есть посмертная травма — ослепление души при виде потенциального времени. Но поскольку душе негде существовать, кроме как в том же теле, она, хотя травма приводит ее в состояние среднее между бессознательностью и трансом, спешит по оставленному во времени следу, с бешеной скоростью проживая жизнь в обратном направлении, как при пере-

мотке видеокассеты, пока не достигнет момента зачатия. Тогда она снова начинает жить.

Наказание, которое неминуемо ожидало Этона, должно было быть отчасти похоже на смерть, только в этот раз тело будет выброшено в страт вместе с душой, и к тому же его накачают лекарствами, которые не дадут потерять сознание даже под воздействием неописуемого потрясения. От потерявшего сознание курьера толку нет — он не сможет направить себя к назначенной цели.

Техник продолжал что-то писать, когда Этон заговорил тихо и затравленно:

— Ученые спорят, действительно ли существует страт как независимый континуум, или он всего лишь видимость, порожденная нашими машинами, просто результат ключевого действия — разгона пи-мезонов выше скорости света. В Армии Времени мы привыкли считать страт океаном, поверхность которого — это ортогональное время... но может быть, страт — это мир, перепутанный и изломанный, потому что кто-то перестает подчиняться его законам.

Техник оторвался от своего занятия, пораженный такими словами, услышанными от курьера. Очень нестандартная реакция. Обычно подопытного приходилось держать трем служителям.

— Как бы там ни было, ответ на этот вопрос нам дает Церковь, — назидательно заметил техник. — Страт реален, но не так, как реален мир актуального времени.

— Да... у Церкви на все есть ответ, — отозвался Этон, вложив в голос чуточку иронии. — Страт — Святой Дух, соединяющий Бога с миром. Но в Армии Времени, знаете ли, приходится держаться более практической точки зрения. Сейчас мне предстоит без защиты предстать перед тем, чего хрононавты боятся больше всего, и неудивительно, что у меня ум занят размышлениями об истинной природе этого явления.

— Ваше присутствие духа просто восхитительно, — отдал ему должное техник. — Однако на вашем месте я не стал бы так легко отмахиваться от учения Церкви. При отбытии рядом с вами будет находиться утешитель для последнего напутствия. Не следует ли мне, кстати, заметить, что

высказанная вами точка зрения — будто страт не существует отдельно от мира — отрицает Святой Дух и равносильна материалистическому атеизму?

На лице техника играла насмешливая улыбка. Этон понял, что этот человек забавляется с ним, как кошка с мышью, и промолчал.

— Но в любом случае, — продолжал техник после краткой паузы, — страт представится вам именно тем, чем вы его только что назвали — океаном потенциального времени. Во-первых, страт имеет глубину. Церковь запретила исследования глубин страта — но вы, конечно, знаете, каковы были результаты первых экспедиций. Чем глубже в страт, тем сильнее давление потенциального времени. У нескольких кораблей было раздавлено ортогональное поле.

Этон едва заметно вздрогнул.

— Вы считаете, что с вами поступают несправедливо? — спросил техник.

Этон покачал головой, пожал плечами:

— Мне было сказано, что я трус и убийца. Я не знаю, правда это или нет. Но если это правда, то наказание справедливо... для офицера.

Если бы он думал, что действительно совершил все эти преступления, то наказание было бы почти желанным — как возможность искупить вину.

Техник поднялся из кресла:

— Сюда, пожалуйста.

У дальней стены лаборатории стоял жесткий стул с прямой высокой спинкой, с которого свисали привязные ремни. Два охранника, прижав руки Этона к бокам, усадили его на стул. Ремни прихватили грудь Этона, предплечья и бедра.

— Когда вы выполните задание, вам будет приказано умереть, — мягко сказал ему техник. — Для этого вы воспользуетесь простым и прямым методом — остановка сердца командой по блуждающему нерву. Сейчас мы вложим в ваш мозг слово, произнеся которое в нужный момент вы вызовете возбуждение блуждающего нерва, и он остановит ваше сердце.

В руку Этона вонзилась игла шприца. Перед глазами завертелся испещренный разноцветный диск, приковывающий к себе взгляд помимо воли. Зашептал что-то тихий голос.

Этон заснул.

ВОМ.

Когда он проснулся, слово лежало где-то в мозгу мертвым грузом. Этон чувствовал слово, но произнести его не мог, ни мысленно, ни вслух. И не сможет, пока не услышит определенной фразы, произнесенной голосом, который он узнает.

Техник снова бросил взгляд на часы и заторопился:

— Время поджимает. Ваша депеша уже приготовлена. Теперь слушайте. Есть две причины, почему для сообщения с кораблями флота мы пользуемся живыми курьерами и почему эти курьеры должны уничтожаться. Когда-то мы пытались использовать иные средства — самодвижущиеся снарядами или одноместные лодки. Но двигатели времени слишком громоздки и дороги для подобного использования, особенно такие, которые могут развивать необходимую скорость. Поэтому мы разработали метод перемещения, который будет применен к вам. Мощный генератор создает огромный потенциал; за счет этой энергии вы будете запущены в страт с высокой скоростью — куда быстрее, чем может двигаться даже линкор, и вам будет придан импульс, достаточный для достижения цели.

На заре развития этого метода мы отправляли в страт автоматические снаряды и даже людей в страт-скафандрах, но все это оказывалось малоэффективным. Неуправляемые снаряды сбиваются с пути в завихрениях страта и пропадают. Страт-скафандр отпал по нескольким причинам: он неуклюж, требует постоянной энергетической подпитки для поддержания внутри него поля ортогонального времени, в то время как стандартных батарей хватает только для короткого полета, а главное — само его применение для защиты бессмысленно, поскольку курьеру необходимо видеть страт своими собственными глазами. Мы могли бы решить последнюю проблему, снабдив страт-скафандр экраном ска-

нера, как в корабле, но вес подобной установки исключает такое решение.

Некоторое оборудование для наведения себя на цель у вас будет. Но это значит, что вы не только будете видеть лишенное последовательности время страта, но жить в нем: жить в четырехмерном и пятимерном времени. Как это будет ощущаться, вам не скажет никто. Все же мы должны вас подготовить, насколько это в наших силах, к выполнению вашей задачи.

На голову Этону опустился глухой шлем с наплечниками из пористой резины. Вокруг стало темно. Из наушников снова зазвучал голос техника, будто сквозь жесть:

— Цель предстоящей процедуры — познакомить вас, хоть и не адекватно, с тем, что вы увидите перед собой, оказавшись в страте. Это, разумеется, имитатор, поскольку воспроизвести действительность мы не в состоянии. Самое главное, чему вы должны сейчас будете научиться, это держать направление. Помните: добраться до места назначения — это для вас единственный способ для вас выйти из страта, следовательно, единственный способ умереть. Могу вас заверить, что это будет самым настоятельным вашим желанием.

На Этона обрушился поток зрительных образов, настолько лишенных смысла, что казалось, будто они тянут глаза в разные стороны. На мгновение Этон закрыл глаза, но когда снова открыл их, сверкающая круговерть не только не утихла, а даже как будто усилилась.

В ушах звучал монотонный прерывистый гудок.

Этону показалось, что тело его раскачивается взад-вперед.

Наконец начали мелькать узнаваемые образы, тут же исчезающие. Тогда же в наушниках снова зазвучал голос техника, что-то комментирующего проникновенным тоном.

Пытка продолжалась около получаса. Техник объяснил Этону, как определить отклонение от курса и как скорректировать его с помощью той аппаратуры, которой его снабдят. Наконец шлем с головы Этона сняли, ремни расстегнули. Этон поднялся на ноги, несколько дезориентированный.

— Ну, кажется, все, — объявил техник.

— Обучение за полчаса? Вы на самом деле думаете, что этого достаточно? — удивился Этон.

— Абсолютно. Задание не такое сложное. Неприятных ощущений больше.

Этон попытался сформулировать вопрос, который только что пришел ему в голову:

— Почему... почему мы должны умирать?

Техник удивленно повернулся к нему:

— Потому что вы приговорены к смерти.

— Я знаю. Но к чему такие сложности? Нет, я знаю практическую причину гипнотического кондиционирования: люди Армии Времени не должны пачкать руки кровью приговоренных преступников. Поэтому преступники казнят себя сами. Но почему вы так тщательно следите, чтобы курьеры умирали после первого же полета? Почему не использовать их повторно?

Техник задумался.

— Причина наверняка есть, — ответил он. — Откровенно говоря, мне она неизвестна. Но у всего есть свои причины. Я никогда не слышал, чтобы кто-то побывал в страте дважды.

— У адмиралов флотов имеется четкий приказ — не позволять курьерам жить после прибытия даже несколько часов. Но почему? Какой от них может быть вред?

— Возможно, это акт милосердия. — Техник взглянул вверх на лампу, замигавшую под потолком. — Пора готовить вас к выходу.

Часть лабораторной стены отъехала в сторону. Сопровождаемый двумя охранниками Этон пошел вслед за техником по узкому кольцевому коридору, круто уходящему вниз. Туннель вывел в помещение, совсем не похожее на зал инструктажа. Металлические серые стены дрожали от гула, который исходил от колоссального нагромождения машин у дальней стены.

От мощи этого гула завибрировали кости. Этон кинул быстрый взгляд на большую металлическую крышку люка со смотровыми окошками, прижатую мощными болтами. Тут его отвели в сторону, и он оказался под оценивающими взглядами людей в белых халатах.

Хриплые выкрики заставили его поднять глаза. Двое охранников тащили к люку человека в странном снаряжении. У него на поясе был широкий щиток, откинутый вперед, — вероятно, пульт управления. Лицо человека было скрыто резиновой дыхательной маской, а тело перетянуто крест-накрест ремнями.

Придушенные крики стали отчаяннее, когда откинулась стальная крышка. С ловкостью, говорящей об изрядной практике, охранники запихнули курьера в люк и задраили крышку.

— Куда более типичная картина, — заметил техник Этону. — Я бы позволил себе сказать, что работать с людьми, умеющими держать себя в руках, — просто удовольствие.

Этон пропустил комплимент мимо ушей. Гул машин стал громче, переходя в невыносимое завывание, и закончился звуком, напоминающим долгий раскат грома. Что-то полыхнуло в камере запуска.

И настала звенящая тишина. Воздух был заряжен энергией.

Техники занялись подготовкой Этона. Первым делом на грудь ему привязали футляр с депешей. За футляром последовала похожая на поднос панель управления, привязанная к поясу так, чтобы можно было легко дотянуться до любой рукоятки.

Во время сеанса на имитаторе Этону было сказано, что верный курс он будет ощущать с помощью некоего таинственного явления, охарактеризованного как «ветер в лицо». Этот «ветер» представлял собой начальный импульс. Панель управления должна была действовать как перо руля; она позволит Этону управлять своим телом, как моторной лодкой.

Этон ощутил уколы игл — в вену ввели стимуляторы. На лицо ему опустилась кислородная маска, а уши закрыли наушники.

Этон был готов.

Стальной люк отворился.

Этон не сопротивлялся, когда его проталкивали через люк. Он увидел камеру с клепаными стенами, и туман в сознании рассеялся. Внезапно и впервые он ясно и живо понял, что с ним происходит.

И понял почему!

Амнезия раздернулась как занавес. Этон вспомнил страшные события на борту «Молота Империи»: обнаружение на борту секты еретиков, сотрясающие корабль удары торпед, сержанта Квейла в страт-скафандре, шагающего к плоту в окружении своих единоверцев.

Остальное было просто. Этон не знал, кто перенес его на плот, потому что его воспоминания обрывались до этого события, но было очевидно, что еретики тоже туда добрались. Положение травматиков стало ужасным: как только их подберут, капитан их сможет разоблачить, и потому его амнезия должна была казаться им спасительным чудом. И они использовали это чудо полностью, выдвинув против него фальшивые обвинения, чтобы избавиться от потенциального обвинителя. Отчаянный и дерзкий ход, оказавшийся удачным.

Но почему Этон потерял память? Потому что увидел страт.

Узнает ли он его теперь?

Этон повернулся, желая что-то сказать, одновременно понимая, что слишком поздно уже рассказывать правду, но говорить ему не дали. Его пропихнули в люк и быстро задраили крышку.

Он оказался в стандартной восьмиугольной камере приведения приговоров в исполнение. Сама смерть будто сочилась из свинцовых стен в это замкнутое пространство, и казалось, что эти стены имеют несколько футов толщины. В воздухе повисло странное напряжение, которое Этон испытывал только однажды — когда помогал снимать с работающего двигателя времени защитный кожух для срочного ремонта.

В смотровом окошке появилось лицо, искаженное и размытое стеклом невероятной толщины. Включились мощные генераторы, обрушив на Этона барабанный грохот, от которого задрожали стены. Звук нарастал, оглушая. Несмотря на кислородную маску, возникло ощущение удушья. Казалось, что какой-то великан схватил Этона могучей рукой и теперь сжимает, сжимает, сжимает...

И тут оглушающий удар обрушился на Этона со всех сторон сразу, и камера исчезла. Ему показалось, что он мчится на огромной скорости, как будто выпущенный из огромной пушки.

Полная темнота? Ослепительный свет? Что же это было?

Ни то ни другое. Водоворот непостижимости. Зрительные образы, воспринимаемые глазами, но неведомые сознанию: действительность, лишенная смысла, который и делает ее действительностью. Сознание в ужасе отшатывалось от увиденного, пытаясь найти убежище в смерти или забытьи. Но Этону эти убежища были недоступны. Стимуляторы, введенные в кровь, не давали угаснуть разуму, обреченному на полную ясность.

И все же параллельно с режущим ужасом возникло узнавание. Этон вспомнил. В течение краткого мига он уже видел это — тогда, на тонущем «Молоте Империи».

Этон, крутясь, летел по геодезической пятимерного времени. Это нельзя было сравнить ни с чем из знакомого ему времени или пространства. Ветер страта, похожий на густой туман призрачных псевдособытий, дул ему в лицо. Как только напор этого ветра ослабевал, пальцы Этона автоматически настраивали верньеры управления.

Но эта фаза, когда сознание цеплялось за осколки воспоминаний о течении обычного времени, длилась секунды. Континуум страта пропитал каждую клеточку тела, и время исчезло.

Началась вечность, и разум Этона померк.

По счастью, для исполнения задания не нужен здравый рассудок. Человек должен был только знать, что выход есть, что смерть доступна ему. И должен был знать, что невыполнение задания означает вечное погружение в страт.

В этом и состояла хитрость системы живых курьеров. Ни чувства, ни интеллект не способны понять среду, в которой оказывался курьер, но некий примитивный инстинкт помогает найти направление. Курьер всем своим существом рвется к цели, где ему будет позволено остановить свое сердце.

До тех пор Этону придется жить в мире без времени. Он не мог оценить длительность полета ни в секундах, ни в столетиях, потому что не было такого понятия — «длитель-

ность». Оно не может существовать в отсутствие понятий «до» и «после», а здесь ничто ничему не предшествовало и ничто ни за чем не следовало. Его вертело и швыряло. Он пролетал сквозь титанические процессы, где пятимерные объекты грозили ему, будто живые, но ничто не начиналось и ничто не заканчивалось.

Через какое-то время мозг вроде бы ожил и попытался восстановить прежний режим восприятия. Этон понял, что это начало привыкания к пятимерному страту и выделение из него трехмерных миров.

Капитан Монд Этон снова проживал свою жизнь, от зачатия и до камеры запуска в Хронополисе. Вне этих пределов был только вихрь неясных теней.

Иллюзия — можно ли было назвать это иллюзией? — была абсолютно реальной. Все события, все радости и беды, страдания и усилия заново переживались душой. И не один раз. Жизнь стала закольцованной лентой и прокручивалась снова и снова миллионы раз. Это бесконечное повторение стало невыносимым.

Среди кругового потока воспоминаний начали попадаться некоторые новые события, более или менее разборчивые. Сначала Этон подумал, что его выбросило обратно в ортогональное время, в другом теле и в чужую жизнь. Но вскоре он различил, что эти подобные сну эпизоды, так напоминающие события реального мира, — всего лишь фантомы — размещенные в страте макеты. Страт был вечностью, а вечность, как учили Этона еще в колледже, — это «склад» потенциальностей. Где-то в этом лишенном сущности океане находятся макеты всего, что есть в ортогональном времени, все возможные вариации того, что существовало. И еще были макеты того, что никогда не существовало, но всегда могло выплеснуться в ортогональное время судорогой страта, как пена волны на берег.

После миллионов лет (или микросекунд) гонки сквозь слоистые облака событий у Этона вдруг возникло странное ощущение силы. Он не был больше чужим в страте. У него появилось чувство, как будто он сам, капитан Монд Этон, тоже превращается в пятимерное существо. Он видел всю свою жизнь как целое и мог сосредоточиться на любом ее эпизоде.

После этого обычное течение времени должно было казаться ограниченным и плоским, однако пальцы Этона не покидали верньеры пульта. Его разум все еще рвался освободиться единственно возможным образом.

Впереди смутно замаячила цель — корабли флота времени. Под защитой собственных полей ортогонального времени они выделялись в клубящемся страте четкими сияющими предметами. В наушниках Этона зазвучали сигналы лучей наведения.

И тут его завертело волчком: что-то стремительно бросилось на него сбоку. Это было изображение человека, то трехмерное, то четырехмерное, — крупный мужчина, разодетый как цирковой фокусник, в развевающемся плаще и разноцветных чулках. На месте глаз в орбитах мерцали драгоценные камни. Он оскалился по-волчьи, наставив на Этона короткую трубу, похожую на базуку, из которой исходило что-то клубящееся.

Пурпурный туман ударил Этона в грудь, подобно физической силе. Он ощутил, как задрожало все тело, и вильнул в сторону.

Человек бросился следом. Базука зашипела, и Этон увидел, в чем состоит ее действие: она искривляла ткань страта. Он со страхом почувствовал, как его засасывает вихрем, и отчаянно заработал рулем.

И тут исчезло и видение, и страт. Этон оказался внутри стальной клепаной камеры, точно такой же, как та, в которую он вошел вечность назад, и уши его наполнил громкий гул.

За миг до того, как человек с глазами-драгоценностями исчез, Этон успел рассмотреть подобравший его линкор. Как ни смешно, это был флагман адмирала Хайта «Оплот веры».

Глава 5

Обессилевшая от страха и усталости, Инприсс Сорс с глубоким вздохом упала на скрипучую кровать. Откинув непокорные волосы от глаз, она осмотрела мрачноватую комнатку, которую только что сняла за гроши.

Две недели, прошедшие со дня бегства из Хронополиса, чуть не свели ее с ума.

Удачно вышло, что она прихватила с собой сумочку с деньгами и кредитными карточками, иначе она оказалась бы совсем беспомощной. У нее была единственная мысль: сбежать как можно дальше. Все знали, что травматики, выбрав жертву, сделают все возможное, чтобы найти ее и довести ритуал до конца.

В начале у нее мелькнула мысль пойти в полицию и рассказать, но она слыхала о людях, которые так поступили, — они были взяты под защиту... и убиты в камере полицейскими из секты травматиков. Видение камеры, откуда нет выхода, вызывало панический страх, усиленный клаустрофобией.

Нет. Единственное решение — бегство. Спрятаться, сжаться так, чтобы тебя не заметили.

Только это было так сложно! Это было уже третье убежище после бегства из вечного города, и уже в третий раз Инприсс сменила имя. Сначала она направилась в городок, расположенный всего в пятидесяти милях от Хронополиса, и на несколько часов страстное желание спастись вызвало ложное чувство, что она действительно спаслась. Но потом она, возвращаясь в свою новую квартиру, заметила тех двоих, что ее пытали. Они шли по тротуару, рассматривая номера домов.

И ей пришлось бежать, не прожив на новом месте и дня, но это был еще не конец. Она оставила континент Америк и перебралась в Аффру, но преследователи отправились следом за ней. Ей повезло — она их заметила в зале регистрации аэропорта и возле транзитной зоны и потому была предупреждена. В конце концов Инприсс, не думая о расходах, совершила пять перелетов подряд, перечеркнув земной шар в разных направлениях, чтобы стряхнуть погоню, и скрылась в этом провинциальном городке в самом сердце Срединного континента.

В лицо она знала только двух травматиков — Стрина и Вилена, как они называли друг друга, — но сколько других, незнакомых ей членов секты следили за ней и охотились на нее, используя все способы, которыми можно найти человека? Инприсс стала бояться всего и всех.

И не знала, сколько сможет прожить в таком ужасе.

Мелькнула вялая мысль, не обратиться ли к Церкви. Может быть, утешитель ей поможет? Но подходить к церквям было опасно. Секта наверняка держит их под наблюдением. А здесь, в этом захолустье, Инприсс впервые ощутила облегчение. Город Виров лежал в стороне от оживленных путей, а комнатка на его задворках казалась надежно закрытой, как старый шкаф. Узкие оконца почти не пропускали прямой солнечный свет, и это тоже внушало превратное ощущение безопасности, будто эту комнату из мира нельзя увидеть.

Она найдет работу и как-то просуществует.

Она ни с кем не будет заводить знакомств.

Инприсс открыла окно и с облегчением вздохнула навстречу легкому бризу, несущему странные перемешанные запахи этого города.

И тут по ту сторону входной двери раздалось гудение. Кто-то немузыкально напевал сквозь зубы.

Вскрикнув от ужаса, Инприсс бросилась к двери и навалилась на нее всем телом, пытаясь ее удержать. Но этого было куда как мало против силы, что напирала с той стороны.

В комнату ворвался Стрин с перекошенным от злобы лицом. За его спиной маячила физиономия Вилена.

— Как приятно снова встретиться, Инприсс. Продолжим с того места, где остановились, если не возражаешь?

Неторопливо сменяя этапы ритуала, травматики забавлялись с Инприсс около часа. Голографический экран струил чувственное странное настроение, показывая игривый аспект Хулму и наполняя комнату жутковатыми отсветами. Речитатив молитв рассказывал Инприсс, что ждет ее душу в глубине страта, где Хулму использует ее как захочет. Ее убеждали отказаться от ложного бога Церкви и изречь на него хулу.

После «Раздразнивания Дичи», во время которого через тело Инприсс пропускали в разных направлениях слабые токи, травматики решили совершить ритуал «Священного

Покрова». Распевая гимны и вознося свой оргазм божеству глубин, Стрин и Вилен по очереди совокупились с Инприсс.

Удовлетворенно отдуваясь, они на время прекратили ритуалы, глядя на распростертую женщину с остекленевшими глазами.

— Ладно, здесь мы закончили, — сказал Стрин. — Ритуалы велено закончить в здешнем храме.

— Так что, нам ее перевозить?

Стрин кивнул.

Вилен недовольно нахмурился:

— А чего ты раньше не сказал? Я думал, это будет только наша работа.

Стрин пожал плечами:

— У них там какая-то специальная аппаратура. Тебе понравится. Давай помоги мне ее собрать.

— Слушай и запоминай, дорогая, — зловеще сказал Стрин, когда Инприсс одели и подняли на ноги. — Нам с тобой предстоит небольшая прогулка. Веди себя естественно и не пытайся звать на помощь, иначе мы тебе брызнем в лицо из баллончика, а к месту все равно доставим. — Он сунул сумочку в руку Инприсс. — Давай пошевеливайся.

Вилен тем временем уже сложил аппаратуру в ящик. Спустившись по деревянной лестнице, все трое вышли на уходившую под уклон улицу между высоких безмолвных домов.

Инприсс двигалась как во сне. Струился тяжелый воздух. Виров был полной противоположностью Хронополиса. В древних улочках и переулках пахло перцем, кофе и экзотическими пряностями. При иных обстоятельствах Инприсс здесь бы понравилось.

Мелькнула лихорадочная мысль, нельзя ли покончить жизнь самоубийством. Убить себя — тоже способ избавиться от ужаса, который готовят травматики ее душе в момент смерти. Не представится ли шанс? Но Инприсс вспомнила, что если ей удастся умереть без участия сектантов, то душа ее вернется обратно и она снова проживет свою жизнь.

И эта жизнь снова кончится тем же кошмаром?

У Инприсс зародилась любопытная мысль. Если травматики отдадут ее душу Хулму, то повторений не будет. Ин-

присс Сорс исчезнет из обычного времени. Значит ли это, что травматики никогда раньше, в ее прошлых повторениях, ей не угрожали? Инприсс попыталась представить себе, какая жизнь ждала ее, если бы не вмешались травматики.

Или они всегда выбирали ее жертвой? И она всякий раз обманывала их, совершая самоубийство? О бесконечных повторениях этого кошмара даже думать было страшно.

Инприсс и ее провожатые вышли на одну из главных магистралей города недалеко от базара и шли мимо уличных ларьков, где продавались сувениры ручной работы. Среди смуглого местного населения часто попадались белокожие туристы. На улице было полно народу. Стрин и Вилен шли с двух сторон от Инприсс, почти зажав ее между собой. Когда Инприсс пыталась замедлить ход или свернуть, Стрин предупреждающе подталкивал ее в бок.

Вдруг из бокового переулка вылетела дерущаяся толпа молодых парней. Инприсс сразу закружило и отбросило в сторону. Мимо ее лица пролетела бутылка и врезалась в голову рыжего парня, который в это время бил кого-то кулаком в живот.

Стрин зарычал и попытался вцепиться в руку Инприсс, и тут она почувствовала, что толпа разделила ее с травматиками. Мало что соображая в шуме и суматохе, она стала пробиваться через сцепившиеся в схватке тела. Что-то ударило ее по лицу.

На миг она неуверенно остановилась у края толпы. Мелькнуло лицо Вилена, пытающегося отбить удары какого-то прыщавого юнца.

Инприсс бросилась бежать, еще не в силах поверить в свою свободу, но уже обезумев от счастья. Она бежала и бежала, пока хватало дыхания.

В Бюро Хронотических Путешествий ее бумагами занимался клерк с худым лицом и в островерхой форменной шапочке. Он настороженно принял у Инприсс анкету и тщательно прочитал ее, постукивая пальцами по столу.

— В связи с военными действиями количество пассажирских рейсов сокращено, гражданка Сорс, — холодно сообщил он Инприсс и еще раз заглянул в анкету. — Цель

выезда: постоянное местожительство. Вы собираетесь поселиться на Ривьере?

— Да.

— Почему?

— Дело в том, что мне... — Инприсс заломила руки. Она не знала, что это будет так сложно.

Из Вирова она уехала под чужим именем на рейсовом автобусе и попыталась осесть в городке поменьше в пяти сотнях миль от Вирова — но секта разыскала ее и там!

И в третий раз ей удалось сбежать, и снова по счастливой случайности. Ее мучители не заметили черный ход, дверь в который была скрыта портьерой. Через несколько минут после своего появления Стрин и Вилен вышли в прихожую за инструментами. И Инприсс удалось ускользнуть.

Ей удалось убежать от травматиков три раза! Наверняка Бог помогает ей, но нельзя надеяться на чудеса. Инприсс стало ясно, что нигде в этом мире от травматиков ей не спрятаться. Оставалась последняя надежда: бежать на несколько веков в будущее, уповая на то, что секта не сможет или не станет преследовать ее через столетия. Инприсс вернулась в Хронополис, намереваясь сесть на хронолайнер.

Но это оказалось опасно и куда более трудно, чем она думала. Чтобы получить разрешение покинуть Первый узел, ей пришлось назвать свое настоящее имя. И этот клерк явно не собирался ее выпускать.

— Мне необходимо уехать, — в отчаянии взмолилась Инприсс. — У меня есть враги, мне надо скрыться от них!

Клерк смотрел на нее внимательно, ожидая продолжения.

Инприсс стала шарить в сумочке.

— Послушайте, вот все, что у меня есть, кроме денег на билет. Вот — пять сотен кредитов. Я прилечу на Ривьеру с пустыми руками.

Инприсс положила деньги на конторку. Клерк кашлянул, потом начал перебирать перед собой бумаги. Когда он закончил возиться, деньги исчезли как по волшебству.

— Вообще-то это не полагается... но ради такой очаровательной женщины можно себе позволить небольшое отступление от правил. — Клерк подмигнул Инприсс, и в его

голосе внезапно появились жизнерадостные и покровительственные нотки, заставившие Инприсс вздрогнуть от отвращения.

Клерк заполнил разрешение на выезд, и Инприсс заторопилась к ближайшему отделению «Бьюик Хроновэй», одной из трех компаний, имеющих лицензию на межузловые перевозки. До отлета хронолайнера оставалось несколько часов, и Инприсс провела их, гуляя по улицам, не уходя от людных мест.

С наступлением темноты она уже стояла в очереди на посадку. Оказавшись за барьером стойки регистрации и ступив наконец на длинный трап хронолайнера, Инприсс подняла голову и посмотрела на вознесшийся в небо башней корабль. В нем не было серой угрюмости военных кораблей. Приблизительно той же конструкции, что и боевые корабли, пассажирский хронолайнер был ярко раскрашен, а на верхнем этаже борта было изящной вязью написано — «Бьюик».

С растущей надеждой, ощущая напор окружающей толпы пассажиров, Инприсс шла к ровно гудящему кораблю.

Глава 6

Хрононавты, обслуживающие приемную ступень, быстро, умело и молчаливо помогли Этону выбраться из камеры.

Они были в страт-скафандрах, потому что приемная ступень всегда была частично запитана и готова к приему курьеров. Этона тут же освободили от снаряжения: похожего на поднос пульта управления, кислородной маски и приемника с наушниками. Футляр с депешей остался висеть у него на груди. Никто, кроме адмирала, чьей обязанностью было лично принять депешу от курьера, не мог прикоснуться к опечатанному футляру.

Этон стоял неподвижно, молчал, расставив руки и глядя прямо перед собой.

Два сублейтенанта подошли к нему с боков и взяли за руки выше локтя. Дверь отъехала в сторону. Этона подтолкнули вперед — персонал приемной ступени привык к инертности курьеров. Вновь прибывший курьер обычно был совершенно беспомощен, едва мог самостоятельно сохранять равновесие, натыкался на стены, не мог пройти в дверь.

Этон смутно ощущал бурлящую вокруг будничную жизнь огромного флагмана, корабля куда как большего, чем привычные ему эсминцы.

Его вели этажами палуб и самодвижущимися коридорами, поднимали на лифте и проводили по переходам. Встречные хрононавты окидывали Этона быстрым взглядом и поспешно отводили глаза. Всякому неприятно было видеть человека, только недавно умершего и готового умереть снова.

Сознание Этона оторвалось от восприятия, он как будто смотрел на мир в перевернутый бинокль, и в то же время все казалось странно плоским, двумерным. Внутри страта его разум приспособился к восприятию четырехмерных, даже пятимерных объектов. По сравнению с ними трехмерный мир стал теперь поразительно бесцветным, похожим на кадры примитивных рисованных мультфильмов. Не было глубины. И звуки стали пустыми, безрезонансными.

Не давало покоя настоятельное желание покинуть этот бумажный мир. Завершить процесс, начатый выпуском из стартовой камеры.

Умереть.

Этон в сопровождении сублейтенантов вышел на верхние палубы корабля, где располагались каюты офицеров. Здесь чувствовался намек на комфорт, который был бы неуместен на «Молоте Империи» и даже на других линкорах. Войдя в двойные двери, Этон и его провожатые очутились в помещении, обставленном с неброской, но несомненной роскошью, которая в Хронофлоте могла быть только на флагманах.

Это была каюта адмирала Хайта. Группа остановилась перед дверью из орехового дерева, украшенной простой резьбой. Сублейтенанты постучали, вошли, отдали честь и вышли. Этон предстал перед своим бывшим командующим.

Хайт, сидящий за столом красного дерева, смотрел на курьера мрачно и, казалось, задумчиво. Из проигрывателя в углу доносилась тихая, меланхолическая музыка — тромбон и скрипка.

Рядом с Хайтом стоял человек, в котором Этон узнал полковника Анамандера. Подобно Хайту, полковник сохранял гранитную бесстрастность, принятую среди старших офицеров Хронофлота, но на его лице не было той непреклонности, что читалась в чертах адмирала.

Хайт небрежно махнул рукой Анамандеру:

— Потом, полковник.

— Слушаюсь, сэр.

Полковник обогнул Этона и вышел.

Адмирал поднялся и подошел к Этону. Этон стоял с неподвижным лицом, глядя прямо перед собой. Адмирал отстегнул от него футляр, как от неодушевленного предмета, и отнес на стол.

Собираясь открыть футляр, Хайт еще раз оглянулся на Этона, и вдруг прищурился, узнав:

— Капитан Этон?

После нескольких попыток Этон заставил горло работать.

— Сэр, — слабо проскрипел он.

— Капитан Этон, — с горечью повторил Хайт, обращаясь к себе самому. — Случай из ряда вон выходящий. Я был весьма неприятно поражен и огорчен. Мне было интересно, не здесь ли кончится ваша жизнь.

— Могу ли я покончить с собой сейчас же, сэр?

Он с надеждой ждал от адмирала произнесения освобождающей команды.

— Подождете, пока я скажу, — отрезал адмирал. Он оценивающе окинул Этона взглядом с головы до ног, потом сел за стол и сломал печати на пакете.

В течение времени, которое Этону показалось очень долгим, Хайт изучал бумаги, будто забыв о присутствии Этона. Скрипки и тромбоны преследовали друг друга извивами назойливых мелодий, и Этон почувствовал, как входит в какое-то состояние, похожее на испытанное внутри страта. «До» и «после» исчезли. Сложные переливы мелодий висе-

ли в воздухе подобно благовониям, и Этон замер в этом вечном миге, в котором неясно было, где кончается одна нота и начинается другая.

Завершив изучение депеши, адмирал Хайт задумчиво выпятил нижнюю губу. Отложив бумаги, он нахмурился. Потом откинулся на спинку кресла. Серые глаза адмирала остановились на Этоне, впившись в него почти с маниакальным интересом.

— Депеша от самого наместника, — хрипло сказал Хайт. — Необходимо совершить рейд в глубь территории Гегемонии. Задание настолько важное, что должно быть выполнено самим «Оплотом веры» — не меньше.

Этон ничего не ответил. Адмирал продолжал, не отводя глаз от лица собеседника.

— Вы знаете, какие потери понесли мы от действий Гегемонии только за две прошедшие недели? Города и целые страны исчезли с лица Земли или подверглись мутациям. Континент Австралос в Пятом узле изменился до неузнаваемости. Теперь он населен дикими племенами, находящимися на уровне каменного века. И что хуже всего, имеется множество случаев причинно-следственных разрывов. Вы же понимаете, чем это может грозить структуре времени. Деятельность Департамента Истории сведена к нулю. И всему виной это новое оружие Гегемонии — искривитель времени. Когда-то наши ученые называли такое устройство невозможным. А теперь... — Адмирал развел руками.

Внезапно его взгляд сделался тяжелым, пронизывающим.

— Говорите, капитан Этон! — произнес он глубоким голосом. — Расскажите, как это — оказаться в страте.

Этон заморгал и попытался объяснить:

— Там... это...

Он замолчал.

Хайт кивнул:

— Я понимаю — это неописуемо. И все же кое-что можно передать словами. Не бывает, чтобы слова были полностью бессильны. Попытайтесь собраться с мыслями. Вспомнить. Взять себя в руки. Докладывайте, капитан.

Этон пожал плечами, потом сказал:

— Сэр, не должен ли я теперь прервать свое существование?

— Понимаю. Вы хотите исполнить свой приказ и сбежать от этого мира. А мой долг — проследить, чтобы вы это сделали. Но мне даже трудно сосчитать, сколько раз в такой момент меня подмывало забыть об этом долге. В Императорском дворце есть один утешитель, брат Мундан. Несколько лет назад его отец живым попал в страт при столкновении двух кораблей времени. С тех пор мысли о страте не дают брату Мундану покоя ни днем ни ночью. Он пытается представить себе, как выглядит Пучина Погибших Душ. И меня после целой жизни в Хронофлоте одолевает то же любопытство.

Смысл речей адмирала доходил до Этона как сквозь туман.

— Обычно предстающие передо мной курьеры — отребье, — говорил Хайт. — Умственно неполноценные — безнадежные случаи. Но вы — вы совсем другой породы. До этого вопиющего нарушения воинского долга вы считались дисциплинированным офицером. Если дать вам время, вы сможете прийти в себя. Сможете ответить на мои вопросы.

Хайт поднялся, обошел стол и, остановившись перед Этоном, заглянул ему прямо в глаза.

— Так вот, сейчас я и сам допущу нарушение дисциплины. Поскольку я считаю, что будущий рейд никакой надежды на успех не имеет и является чистым самоубийством, небольшой проступок пройдет незамеченным. Нет, капитан Этон, вы сейчас не умрете. Вам надлежит остаться в живых, прийти в себя и рассказать мне о том, что вы испытали — если сможете.

Адмирал повернулся и нажал кнопку на столе.

— Это капитан Этон, — сказал он двум ординарцам, явившимся по вызову. — Устройте его в гостевой каюте со всеми возможными удобствами. Покидать каюту капитан не должен ни под каким видом.

Когда Этона выводили из адмиральской каюты, кровь гудела у него в жилах. Такой поворот событий полностью противоречил всему, что ему было внушено. Неудовлетво-

ренная жажда смерти жгла мозг, и нервы разваливались на части.

Весь день адмирал Хайт и его штаб были заняты подготовкой к рейду.

Информация, доставленная Этоном, оказалась не настолько точной, как можно было надеяться, но база, с которой действовали корабли Гегемонии, вооруженные искривителем, была в ней указана.

Выведение из строя действующей базы противника диктовалось жизненной необходимостью, и именно по этой причине для выполнения задания был выбран «Оплот веры», даже несмотря на риск потери флагмана. «Оплот веры» имел необходимую скорость и огневую мощь, мог нести на борту достаточное число солдат, чтобы захватить и какое-то время удерживать базу.

На карту было поставлено больше, чем возрастающая нестабильность ситуации внутри Империи. Департамент Истории настаивал на проведении целенаправленной операции по захвату образца искривителя времени из опасения, что Гегемония, подавленная мощью армады Империи, уничтожит это оружие. Обладание искривителем, точнее, знанием принципа его действия открывало неограниченные возможности реструктуризации истории.

Весь этот день Этон провел в койке, глядя в потолок. Рассудок постепенно прояснялся. Мало-помалу он начинал ощущать, что снова оказался в мире ортогонального времени, но его поведение все еще напоминало поведение робота или зомби. Ординарцы приносили ему еду; он не стал есть. Его спросили, не хочет ли он чего-нибудь, — он ничего не ответил.

Этон чувствовал себя так, будто тело его состоит из мертвой плоти, а разум — из мертвых мыслей.

Наконец в каюту без предупреждения вошел адмирал Хайт.

— Ну, как себя чувствуете? — грубовато спросил он с порога.

Этон промолчал.

Хайт подошел к нему ближе и посмотрел в упор. Потом ткнул Этона пальцем в грудь, будто проверяя, что тот еще жив, и хмыкнул:

— Я не психолог. Бог знает, что там у вас в голове замкнулось, когда я отклонился от программы. Но это тоже интересно понаблюдать. — Хайт вздохнул. — Видите ли, мне всегда хотелось узнать, почему курьеры должны умирать. Здесь явно кроется какая-то тайна. Инструкции на этот счет особенно строгие — если это дело дойдет до Хронополиса, у меня будут серьезные неприятности, — но вам никто никогда не скажет причину. Насколько я могу судить, это тайна Церкви.

Адмирал сделал паузу, задумавшись о чем-то.

— Знаете что, Этон? Надоело мне смотреть на вас в этой одежде смертника. Уж нарушать, так нарушать. — Хайт повернул голову и закричал в дверь: — Старп!

Ординарец возник у двери в тот же миг:

— Да, сэр?

— Найдите капитанскую форму по размеру капитана Этона. — Хайт плюхнулся в кресло. — Может быть, это поможет вам прийти в чувство, — заметил он, — если флотская форма вас не расстроит. Вам хоть стыдно за то, что вы совершили?

— А что я совершил?

— Вы стреляли в своих людей! Вы сбежали с корабля!

Хайт даже побагровел, выкрикивая эти обвинения.

— Нет, сэр.

Этон попытался припомнить события, которых ему следовало стыдиться, но не смог.

Хайт подался вперед, как бы призывая к откровенности.

— Страт! — настойчиво проговорил он. — Попытайтесь сейчас описать его.

Этон уставился в потолок. Его рот открылся и закрылся снова. Он облизал губы.

— Там можно увидеть свою жизнь, но не в процессе, а как единое целое, как предмет, — начал он. — Как что-то, что можно пощупать, подержать в руках, изменить форму, словно это кусок глины.

Хайт коротко усмехнулся.

— Вы хотите умереть? — спросил он после короткой паузы.

— Да.

— Почему?

— Когда проживаешь свою жизнь миллионы, миллиарды раз подряд во всех подробностях, она теряет смысл. Ничего нового не остается. Хочется только одного — забыться, найти избавление. Вот почему, когда мы проживаем свою жизнь снова, мы не знаем, что это в стомиллионный раз. После смерти жизнь кажется новой.

— И остается лишь один положительный опыт — смерть?

— Это заблуждение. Смерть — тоже событие; раз начавшись, она должна завершиться. Моя смерть пока что не завершена. Я должен умереть на самом деле, чтобы забыть.

Хайт задумался над этими словами:

— Хм. Выходит, что курьерам еще повезло по сравнению с несчастными хрононавтами с погибших кораблей, которые тонут в вечности. — Он бросил на Этона презрительный взгляд. — Так что такое страт? Как бы вы его описали?

— Это место средоточия ужаса.

Хайт поднялся; взгляд его был слегка затуманен.

— Не будьте слишком уверены, что видели его в последний раз. Мы выступаем через час. Я собираюсь этот час отдохнуть.

Массивная фигура адмирала скрылась за дверью. За все время разговора Этон не шевельнулся. Он продолжал лежать на спине и смотреть в потолок, куда игра воображения проецировала различные случаи из его жизни.

Огромный, как целый городской квартал, уступчатый корпус «Оплота веры» мерцающей тенью скользил меж геодезическими линиями вечности. Прикрытие флагмана составляли три эсминца, заранее обреченные на гибель реалистическим до безнадежности планом адмирала Хайта.

Перевалив Седьмой узел, строй кораблей понесся по разделяющему Империю и Гегемонию Безлюдью — большим необитаемым периодом в сотню лет. Как только эскадра

миновала последний имперский форпост, эсминцы выдвинулись перед флагманом.

Именно здесь, где вся Земля была радиоактивной пустыней, бета-радары Гегемонии должны были засечь их.

Вовремя получив предупреждение, Гегемония вполне могла успеть выставить временные барьеры. Эти устройства, весьма дорогостоящие и требующие больших усилий и искусства в обращении с ними, были способны мгновенно затормозить корабль, движущийся быстрее определенной скорости, и выбросить его в ортогональное время, где он сразу же становился уязвимым для лучевого огня. Поэтому при малейшем подозрении на временной барьер корабль начинал двигаться с максимальной осторожностью. Но у «Оплота веры» единственным шансом на успех была скорость.

Застывший на мостике адмирал Хайт не мог позволить себе роскоши человеческих чувств. Загнав фатальное предчувствие в дальние уголки сознания, он все силы, все внимание сосредоточил на успехе операции.

Он уже получил благословение Церкви на бой. Корабельный утешитель все еще расхаживал по мостику, кропя хрононавтов святым вином. Он ходил из конца в конец, и его видимый размер резко менялся из-за скоростного сжатия. В дальней части элипсоида он едва достигал одного фута роста.

Прозвучал гонг, и сканерист доложил:

— Противник в пределах видимости. Две единицы.

Мгновением позже на экране сканера появились корабли Гегемонии. Подавшись навстречу флагману, они замаячили по бокам от него двумя клиновидными башнями, оставляя шлейф призрачных силуэтов.

— Торпедный залп, — автоматически скомандовал Хайт.

Черточки торпед скользнули по экрану и канули в вечность.

— Неприятель предлагает свидание, — доложил адмиралу бета-радист.

— Не отвечать.

— Сэр, кажется, «Неисчислимый» вылетел в ортогональное время! — взволнованно доложил второй наблюдатель.

— Полный назад! — заревел Хайт.

«Оплот веры» бешено затормозил, вызывая у людей спазмы в животе. Носовая часть мостика раздулась до нормального размера, фигурка пилота выросла на глазах.

Перед флагманом поспешно сбавляли ход выстроившиеся колонной эсминцы. Ведущий корабль, «Неисчислимый», явно налетел на барьер.

Несмотря на потерю эсминца, уже наверняка сожженного, успех плана принес адмиралу мрачное удовлетворение.

Два оставшихся с флагманом эсминца прикрытия — «Десница Императора» и «Заклятие» — успели сбавить ход вовремя. Потерявшая одну единицу маленькая эскадра медленно прошла сквозь область действия барьера. Приборы на мостике флагмана издавали тревожные предупредительные сигналы, обнаружив блокирующее поле, которое замедляло сверхсветовые пи-мезоны в двигателях, препятствуя передаче массы сквозь время.

Ровный гул двигателей времени стал ниже. Даже на такой скорости, недостаточной для действия релятивистского поля барьера, наблюдался некоторый демпфирующий эффект.

Поле внезапно кончилось, и корабли снова набрали ход.

Они миновали Век Безлюдья и углубились в территорию Гегемонии. Теперь уже было недалеко. Гегемония, в отличие от Империи, занимала только один узел — и лишь небольшую часть земной поверхности. Насколько было известно, только Империя распространяла свое господство на другие столетия. Подобная форма правления нигде в будущем отмечена не была.

В терминах истории владения Гегемонии начинались сразу же после Века Безлюдья и продолжались на сто лет до Узла и на столько же лет после. В следующем от Гегемонии Узле (Десятом по исчислению Империи) политический строй менялся и уже не назывался Гегемонией. Как будет именоваться это государство и каким будет его строй после установления патроната Империи, сейчас можно было только гадать.

— Несколько неприятельских кораблей идут на сближение, — доложил сканерист.

— Не обращать внимания.

Попыток перехвата будет еще много. Пилоты флагмана начали выполнять предварительно рассчитанный многомерный зигзаг. Маневр имел две цели: затруднить противнику дальнейшие попытки остановить эскадру при помощи временных барьеров и замаскировать конечную цель рейда.

Операторы экранов пытались увидеть то, что хрононавты называли «поверхностью», — ландшафт ортогонального времени, через которое корабли сейчас невидимо скользили. При особой сноровке операторов подобное порой удавалось. Но сейчас страт был неумолим. Даже если оператору удавалось сфокусировать радар в направлении поверхности, извивы многомерных геодезических и резкие изменения курса преображали ее в бессмысленный коллаж без узнаваемых элементов.

Куда больше информации давал абстрактный датчик, сообщающий положение корабля. В недрах флагмана находился невообразимо тонкий прибор: инерционный навигатор, способный отслеживать и рассчитывать положение судна в шестимерном пространстве. Без этого приспособления управление кораблем, оторванным от ориентиров на поверхности ортогонального времени, было бы совершенно невозможным.

Шли минуты, и напряжение на мостике флагмана становилось почти невыносимым. Хайт принимал рапорты о готовности от всех частей корабля. Центр управления огнем, десантники, технические группы — все были готовы и ждали команды.

Количество кораблей-клиньев вокруг «Оплота веры» и двух эсминцев прикрытия увеличивалось с каждой секундой. Гегемония уже понимала, что это не просто рейд. Хронофлот и раньше предпринимал карательные экспедиции к городам и базам противника, но в основном был связан защитой имперской истории. Появление мощного флагманского линкора явилось для гегемонцев неприятным сюрпризом.

Из-за природы страта у Гегемонии не было возможности подготовиться к атаке Империи. Донесения не были способны обогнать «Оплот веры», даже если Гегемония тоже

пользовалась системой курьеров, что было сомнительно: у нее вряд ли имелись дорогостоящие катапульты в межузловом пространстве. И до тех пор, пока атакующие не выйдут в ортогональное время, они практически неуязвимы.

Хайту пришла в голову мысль. С точки зрения обороняющихся он сейчас шел курсом подхода, атаки. Если рейду предназначен успех и «Оплот веры» ждет возвращение домой, то где-то в страте имеется обратный маршрут с движущимся вдоль него флагманом. Один из парадоксов этой службы: в страте содержится будущее всех хрононавтов, однако ни один из них это будущее узнать не мог. Только в ортогональном времени, возле самих Узлов, время можно было считать предсказуемым и определимым.

— База Огор в радиусе действия радара! — доложил сканерист.

Хайт дал сигнал боевой тревоги. Действие приближалось к кульминации. Один из операторов, с трудом установив связь с эсминцами, спешно повторял их доклады.

— «Десница Императора» и «Заклятие» выходят в ортогональное время через минуту и пять секунд. Наш выход через три минуты...

Его прервал голос другого оператора:

— Двенадцать кораблей противника, идут атакующим строем.

Хайт облизал губы. Внизу под ним у люков приготовились к высадке десантники. Отдать им команду должен он. Но сначала надо разобраться с этими кораблями и обороной базы.

— Каков состав эскадры противника?

Оператор сдвинул брови, всматриваясь в отметки кораблей на экране.

— Три единицы класса «Большая башня». Остальные класса «Рейнджер».

— Выход в ортогональное! — доложил оператор, сидевший на связи с эсминцами. Боевой порыв хрононавтов этих кораблей передался и ему.

Внезапная тишина воцарилась на мостике.

Настали, быть может, самые критические мгновения всей операции. «Десница Императора» и «Заклятие» имели на

своей стороне одно преимущество, главное: это не было свидание. Они выходили из страта без предупреждения. В течение нескольких секунд или, возможно, минут, пока преследователи не сообразят, что произошло, и не выйдут следом, у эсминцев будет свобода действий. За этот краткий срок «Десница Императора» и «Заклятие» должны были подавить орудия базы Огор, не дать ни одному кораблю нырнуть в страт или по крайней мере как можно сильнее ослабить оборону противника до подхода «Оплота веры».

— Доложить ситуацию! — нетерпеливо рявкнул Хайт.

Связист вслушался в голоса, пищащие в наушниках.

— У «Десницы Императора» повреждения двигателя, несколько пробоин, вооружение не повреждено. «Заклятие» без повреждений... — Он прислушался еще и доложил: — Сопротивление базы подавлено... уничтожено пять кораблей противника... двум удалось уйти...

Это было гораздо лучше того, на что Хайт рассчитывал. Он быстро кивнул:

— Хорошо. Выходим в ортогональное время.

Минутой позже гигантский флагман материализовался на главной площади базы Огор.

Все иллюминаторы флагмана настроились на прозрачность. Люди увидели вокруг себя то, что осталось от неприятельской базы.

Адмирал наблюдал за боем на главном смотровом экране флагмана. «Оплот веры» опустился посредине квадратной площади со стороной примерно в полмили. По периметру площадь окружали непривычного и экзотического вида здания и постройки, разрушенные или охваченные огнем. Неподалеку от флагмана лежали остатки одного из клинообразных кораблей, наполовину оплавленные и дымящиеся.

Над всем этим возвышался «Оплот веры», по размеру и мощи превосходящий любой корабль Гегемонии. При посадке он раздавил несколько малых кораблей, грузовиков и еще какой-то техники. Уступчатый и опоясанный рядами иллюминаторов флагман нормально смотрелся бы среди зданий на улицах любого крупного города, если бы не лучевые пушки и не жерла торпедных аппаратов.

Рассматривая перемещающуюся по экрану картину, Хайт заметил обожженную лучевым огнем «Десницу Императора», привалившуюся к одному из полуразрушенных зданий базы. На другом краю базы в воздухе висело невредимое «Заклятие», готовое прикрыть флагман огнем.

Хайт взял в руку микрофон, и его голос загрохотал по отсекам корабля. В самом низу флагмана распахнулись люки. Десантники и техники торопливо бросились захватывать базу, спеша уйти от «Оплота веры» до ожидаемого нападения из страта.

Не прошло и полминуты, как стал возникать из небытия, мигая, гегемонский корабль. В ту же микросекунду его встретили лучи тяжелых пушек, и корабль то ли взорвался снопом огня, то ли сбежал обратно в страт зализывать раны.

Полковник Анамандер смотрел на командующего, сжав губы. Занявший позицию в ортогональном времени корабль имел подавляющее преимущество над кораблем, атакующим из страта. Это не свидание, когда обеим сторонам правила войны запрещают выходить из страта раньше противника, — такая ситуация больше похожа на стрельбу по уткам влет. Надо только сидеть и следить за появляющимися кораблями, наводя и стреляя раньше, чем это успеет сделать противник.

Очень скоро корабли Гегемонии прекратили неравную битву и предоставили освобождение базы более медленным воздушным и сухопутным силам.

Хайт оценил время до подхода этих войск от десяти до двадцати минут. Всего же он рассчитывал удерживать базу в течение часа. За это время искривитель времени должен был быть найден.

Вскоре начали приходить донесения. Внутри базы имели место отдельные стычки с остатками гарнизона. Техники обследовали несколько подбитых кораблей неприятеля, осмотрели мастерские, допросили пленных, пытаясь что-нибудь узнать от них об этом оружии.

Хайт, подавляя нетерпение, сидел неподвижно, как каменный.

Через пятнадцать минут локаторы сообщили, что к флагману с трех сторон приближаются штурмовики. «Оп-

лот веры» поднялся в воздух и повис на высоте две тысячи футов. Все три движущихся на сверхзвуковой скорости неприятельских летательных аппарата были засечены и их курсы рассчитаны. В тот же самый миг, когда флагман выпустил по самолетам ракеты, противник также произвел ракетный залп. Ракеты Гегемонии были сбиты заградительным огнем лучевых пушек флагмана. Ракеты «Оплота веры» поразили цель — где-то за горизонтом рухнули на землю обломки самолетов.

Наступило затишье. Иногда на высоте нескольких миль с ревом проносились самолеты-разведчики, но адмирал позволял им уйти. Флагман мог отразить любую ракетную атаку. Настоящий бой начнется, когда Гегемония подтянет к базе лучеметы.

Техники пока ничего не нашли. Тревога Хайта становилась все сильнее. Через полчаса после начала атаки на горизонте появились большие машины. Они мчались вперед, очевидно, на воздушной подушке. Были ясно различимы дула крупнокалиберных лучеметов. За самоходными лучеметами шли бронетранспортеры. По оценке Хайта, там могло быть несколько тысяч человек с полным боевым снаряжением.

Он снова посадил корабль на землю, чтобы сузить его профиль.

Голубые молнии лучевых залпов начали скрещиваться как шпаги. По бортам «Оплота веры» потекли потоки расплавленного металла — лучевой огонь проедал броню корабля, добираясь до его внутренностей.

Перестрелка прекратилась, когда огонь корабля вывел из строя все лучеметы противника. Но такая передышка могла быть только временной. Гегемония будет бросать в бой все новые и новые лучеметы, пока огневые ресурсы флагмана — и двух эсминцев — не будут полностью подавлены.

Дело к тому и шло — «Десница Императора» уже замолчала, а у «Заклятия» осталась действующей только одна лучевая пушка. Хайт отдал приказ принять на борт флагмана уцелевших с «Десницы». «Заклятию» было велено вернуться в страт для собственной безопасности.

— Если мы останемся здесь еще хоть ненадолго, сэр, — заметил полковник Анамандер, — назад можем уже не вернуться.

Он имел в виду, что Гегемония может воздвигнуть вблизи базы временной барьер, который не даст флагману уйти в прошлое.

— Мой приказ совершенно ясен, полковник, — ответил ему Хайт. — Мы должны оставаться на базе до тех пор, пока искривитель не будет найден, что бы это ни значило.

— Даже если это значит гибель «Оплота веры»? — Анамандер говорил так, будто сама подобная мысль была невероятна.

Но Хайт лишь пожал плечами с горькой усмешкой.

— Что, если и так? Среди нас нет незаменимых. — Хайт осмотрелся, как будто мог проникать взглядом сквозь стены и видеть всю свою команду сразу. — И что такое «Оплот веры», полковник? Вы что, думаете, Империя без него не обойдется? В Непобедимой Армаде будет тысяча кораблей не хуже этого.

Флагман снова поднялся в воздух и переместился к границе базы Огор, туда, где началось скопление неприятельских самоходных установок, но был вынужден отойти. Многие лучевые пушки «Оплота веры» были выведены из строя, и силы Гегемонии теперь превосходили его в огневой мощи, а когда флагман оставил доминирующую позицию над базой, войска Гегемонии немедленно бросились отбивать ее у имперских десантников.

Командир отряда техников вызвал Хайта по видеокому. На его лице читалась горечь неудачи.

— На базе искривителя нет, сэр. Мы искали всюду.

Хайт выругался.

— Он должен быть здесь! — рявкнул он.

— Сэр...

«Оплот веры» вздрогнул и накренился. Край днища корабля с хрустом врезался в бетон площади. Через несколько секунд отказали двигатели вертикальной тяги, и флагман закачался.

— Уйдем в страт, сэр? — тихо спросил адмирала Анамандер.

— Я вам что сказал, полковник? — прохрипел Хайт. — Пока искривитель не будет найден, мы с базы не уйдем — это личный приказ Наместника Императора.

Капитан Монд Этон, лежащий на кровати в спальне гостевой каюты, представления не имел о битве снаружи. Но он ощутил качание корабля, потом удар и понял, что корабль теряет мощность.

Однако все это мало его беспокоило. Когда ему принесли форму, которая пришлась почти впору, Этон надел ее и проверил свой внешний вид в высоком зеркале.

На мгновение ему показалось, что он вернулся на борт «Молота Империи». Потом в мозгу что-то щелкнуло, и окружающие предметы стали занимать свои места.

Комната сдвинулась, внезапно приобретя глубину и цвет. Он больше не находился в плоском двумерном мире и снова начал понимать окружающее.

Сейчас Этон снова лежал, обдумывая исключительность ситуации, в которой оказался.

Через некоторое время в его мысли вторглись посторонние звуки. Шипение энергетических лучей, бьющих в корпус корабля. А ближе — резкие плевки лучевых пистолетов.

Этон встал и вышел в салон. В тот же миг ворвался адмирал с лучевым пистолетом в руке и захлопнул дверь.

— Что случилось? — спокойно спросил его Этон.

В каюту вбежали ординарцы. Хайт отослал их резким взмахом руки, потом шагнул к столу, открыл в столешнице панель, под которой было какое-то устройство с наборным диском, и повернул этот диск несколько раз в разные стороны.

Потом он сел за стол, направив лучевой пистолет на дверь. Свободная рука лежала рядом с устройством, играя с выключателем.

— Нам не удалось найти искривитель, — проворчал он. — Сейчас мы окружены гегемонцами. Двигатели вышли из строя, оружие тоже. Бой идет уже внутри корабля.

— Это устройство самоликвидации? — спросил Этон, указав глазами на выключатель.

Хайт кивнул:

— Да. Тот, что на мостике, не работает. Когда-то давно я приказал установить здесь дубликат.

— Так чего же вы ждете? — ровным голосом спросил Этон.

Адмирал усмехнулся:

— Гегемонцы предложили перемирие! Кажется, они хотят с нами говорить, так что я согласился. Вполне можем их выслушать, нас не убудет.

— Они идут сюда?

— А куда же еще?

Этон прошел к креслу у противоположной стены и сел. Несколько минут прошло в молчаливом ожидании.

Наконец снаружи раздались шаги, и дверь распахнулась. Первым в кабинет вошел полковник Анамандер. Окинув взглядом помещение, он вопросительно посмотрел на адмирала. Тот кивнул.

В кабинет вошли два высоких тощих человека. Они были одеты в желтое парчовое платье, скроенное так, чтобы подчеркнуть стройность их фигур. Вместе с тем одежда придавала им вид элегантный и официальный. Самыми поразительными деталями их костюмов были головные уборы — цилиндрические шляпы в фут высотой с загнутыми полями, выступающими на несколько дюймов.

Адмирал Хайт держал пистолет наведенным на них.

— Прошу прощения, что не приветствую вас стоя, как положено, — проговорил он угрюмо. — Представьтесь, пожалуйста.

Один из мужчин сделал шаг вперед. В его глазах, которые он не сводил с лица Хайта, не было ни тени той злобы, которой был переполнен адмирал.

— Я Орток Клай, министр Правящего Совета Салима, одного из штатов Федерации, известной вам как Гегемония. Этот человек, — он сделал жест в сторону своего напарника, — Вирис Фрилинг, министр того же Совета.

Хайт ничем не выдал своего изумления.

— Действительно, мне оказана честь, — заметил он почти про себя. И вслух сказал: — Я адмирал Хайт, верный слуга Его Всевременного Величества Наместника Императора Филиппа Первого.

Министр Орток Клай обернулся к Этону, будто ожидая, что тот представится тоже.

— Могу вас заверить, что нет никакой необходимости угрожать нам оружием, — сказал он Хайту. — В наши намерения не входит обманывать вас или захватывать ваш корабль. Наше желание состоит в том, чтобы вы отремонтировали корабль, в чем мы предлагаем вам любую помощь, вернулись в Хронополис и передали вашему хозяину заверения в наших чувствах.

Гегемонец говорил с тягучим акцентом. Однако Хайт, привыкший к разнообразию диалектов и языков Империи, почти не заметил этой странности.

— Чувствах?

Министр Фрилинг развел руками:

— Не знаю, в курсе ли вы того, насколько трудны сношения между нашими цивилизациями из-за религиозных противоречий. Мы так мало знаем о культуре друг друга — однако я должен отметить, что Гегемония все-таки знает об Империи больше.

Адмирал Хайт скорее гордился этим незнанием, чем стыдился его.

— Мы не имеем привычки якшаться с язычниками.

Орток Клай вздохнул:

— Но ведь в данных обстоятельствах некоторые контакты были бы желательны? Сейчас Империя, по-видимому, даже не знает элементарных фактов истории Гегемонии.

Мнение адмирала Хайта было таково, что, как только Непобедимая Армада выступит в поход, все переговоры Империи с Гегемонией будут носить крайне односторонний характер. Но действительно, серьезных исследований гегемонской культуры никто никогда не вел, а все культурные контакты сводились к прозелитической деятельности миссионеров. Подобное упущение абсолютно не казалось Хайту серьезным, но пистолет он положил.

— Перейдем к делу.

— Мы хотим закончить войну и перейти к мирному сосуществованию на основе взаимопонимания.

— Ха! Вы боитесь нашей армады.

— Естественно. Но ведь и вам есть чего бояться?

Выражение мягкости с лица Ортока Клая исчезло, и Хайт увидел, что ему противостоят люди стальной непреклонности.

— Мы показали, что готовы защищаться до конца, — сказал министр. — Вы знаете, на что способен искривитель времени. Это оружие настолько страшное, что, если его применять без ограничений, стрелку грозит опасность не меньшая, чем цели. Несомненно, вы именно поэтому не используете его против нас. Однако наше положение настолько отчаянно, что мы не остановимся ни перед чем.

Этон подал голос от противоположной стены:

— Вы ожидали применения искривителя от нас?

Хайт бросил в сторону Этона суровый взгляд, раздраженный его вмешательством. Орток Клай повернулся к молодому капитану.

— В конце концов, его ведь изобрели в Хронотической Империи, — сказал он. — Мы его приобрели совсем недавно.

— И как вы это сделали? — поинтересовался Хайт. Они с Анамандером обменялись озадаченными взглядами.

— Этого, естественно, я не могу вам сказать. Важно другое — он у нас есть, и мы будем его использовать. Более того, до сих пор мы пользовались им на низкой мощности и с малой диафрагмой. Но если нас вынудят, мы снимем все ограничения, мы не сдадимся ни при каких обстоятельствах. Однако мы предпочли бы жить в мире. Вы ведь понимаете, что эта борьба идет во вред и нам, и вам?

— И вы, конечно, пытаетесь возложить всю вину за конфликт на нас. Это, боюсь, не выйдет. Когда еще и мыслей не было об армаде, Империя страдала от ваших вооруженных набегов, от ваших попыток нарушить хроническую целостность...

— А мы страдали от ваших назойливых и бесстыдных миссионеров! — горячо отозвался Вирис Фрилинг. — Вы явно не понимаете, что означает для нас ваша религиозная агрессивность. А еще ваше постоянное желание относиться к нам как к подконтрольной территории!

Хайт мрачно пожал плечами:

— Непреклонность Гегемонии в противлении истинной вере заставляет нас нести вам свет Церкви. Это наш долг.

— У нас есть своя вера и своя религия. Вера в Воскресшего Христа! Нам не нужна ваша... ваша... — Фрилинг не находил слов в гневе и возмущении.

Орток Клай предостерегающе поднял руку.

— Терпение, — тихо сказал он своему коллеге. — Сейчас не время для споров и взаимных обвинений. Сейчас время объяснений.

Он снова повернулся к Хайту:

— Вы обвиняете нас в том, что мы пытались вмешаться в ход истории Империи. Но скажите мне, вы никогда не задавались вопросом о причинах наших действий? Все наши попытки начать переговоры с правителями Хронополиса неизменно разбивались о противодействие Церкви, поскольку она отказывалась принимать наших посланцев.

— Хорошо, сейчас я ваш пленник, и вы можете сказать все, что вы хотите.

— Совершенно верно. Главный вопрос — это Век Безлюдья. Наши культуры разделены сотней лет, в течение которых Земля необитаема. Причина этого, я полагаю, вам известна.

— Какая-то война в межузловом пространстве после Седьмого узла, — задумчиво ответил Хайт. — Седьмой узел — это форпост нашего государства. Мы пока что не консолидировали свою власть в следующем за ним времени. Когда естественное продвижение Узла достигнет точки начала войны, мы сумеем ее предотвратить.

— Именно так: война опустошила Землю. В ортогональном времени этот факт имел место задолго до того, как в прошлом, в точке, которая по вашему летоисчислению носит название Шестого узла, был изобретен принцип перемещения сквозь время. Но вы понимаете, что это означает? В течение войны человечество исчезло с лица Земли полностью. История в этой точке заканчивалась, и так было до тех пор, пока из-за случайных смещений в страте не произошла мутация истории, приведшая к открытию путешествий во времени. Тогда будущее Земли было заселено колонистами из прошлого. Таким образом, установлено, что

именно путешествия во времени являются средством выживания человечества.

— Так что? Это никто не отрицает. Путешествия во времени — дар Бога, избавивший человечество от самоуничтожения. Это одно из главных положений истинной веры, смысл и оправдание Хронотической Империи. Вы не сообщили мне ничего нового.

— Кроме того, что мы не считаем путешествия во времени даром Божиим, но речь не об этом. Разве вы не видите, что из этого следует? Исчезновение человечества произошло до того, как Хронотическая Империя стала утверждать себя во времени. Тогда ход истории был совсем иным. Миграция в будущее началась одновременно с экспансией Империи — точнее, когда Церковь Святого Хеватара объявила себя единственно истинной. Теперь вы поняли, к чему я веду?

Хайт с непонимающим видом покачал головой, но Этон все понял отлично. Истина сверкнула в его голове с яркостью молнии.

— Вы беглецы из прошлого!

Орток Клай кивнул:

— Мы, точнее, наши предки были религиозными диссидентами, вынужденными бежать из Империи. Здесь, в этих веках, вдали от власти Церкви, мы основали свои поселения. Отсюда наша гордая независимость и наша нелюбовь к вашей Церкви.

— Все это не оправдывает ваши наглые вторжения в нашу историю, — упрямо возразил Хайт. — Если вы хотите, чтобы вас оставили в покое, тогда зачем привлекать к себе внимание?

— Потому что власть Империи над историей растет день ото дня, — напомнил ему Орток Клай. — У нас есть все причины бояться вашего Департамента Истории. Если сейчас ничего не сделать, то через пятьдесят лет Гегемония исчезнет из истории.

— Откуда это вам известно? — спросил озадаченный Этон, забыв о том, что прерывает беседу высших чинов.

— Время не статично, — ответил министр. — Узлы движутся вперед с постоянной скоростью, догоняя события, ко-

торые они уже определили в будущем. Если узел содержит хронотические мутации или каким-то образом подвергся изменению, то события впереди него тоже будут меняться по мере приближения узла. Это означает, что Хронотическая Империя, даже установив неподвижный временной барьер в прошлом, продолжает расширяться в будущее — не считая завоеваний при помощи кораблей времени. Сегодня события, приведшие к началу глобальной войны, пока еще неизменны. Но Седьмой узел уже наползает на них и скоро догонит. Департамент Истории, естественно, примет решение предотвратить войну. Разрушения не будет, и не будет Века Безлюдья.

— Изменение, которому мы все должны радоваться, — рассудил Этон. — Исключение такого ужасного события мне совсем не кажется плохим.

— Мы хотим, чтобы эта война была зафиксирована во времени навечно!

В голосе министра зазвенела такая неожиданная ярость, что все вздрогнули.

— Если войны не будет, — продолжал Орток Клай уже спокойно, — если Земля не обезлюдеет, то последователям Воскресшего Христа не будет куда бежать от гонений вашей Церкви. В лучшем случае они смешаются с более дружелюбным населением, каково бы это население ни было. История будущего пойдет по совершенно другому пути. Гегемония никогда не будет основана.

Адмирал Хайт поднялся из-за стола, заложил руки за спину и прошелся по кабинету, не переставая хмуриться.

— Поскольку путешествия во времени — установившийся факт, подобные потрясения времени становятся неизбежными, — сказал он наконец. — Только неизменность существования Империи абсолютна. Да, я вижу, что у вас есть серьезные причины нас бояться.

— Мы не согласны с тем, что существование Империи абсолютно гарантированно, — отрезал Вирис Фрилинг. — Империя условна, как и все, существующее во времени. Лишь принцип перемещения во времени, открытый однажды, уже не может исчезнуть — в этом никто не сомневается, — но

не Империя. Путешествия во времени появились раньше Империи.

— Эти два понятия неотделимы.

— Не будем заводить теологический диспут, — предложил Орток Клай. — У вас своя религия, у нас своя. Мы уверены, что сможем уничтожить Империю, пускай даже при этом уничтожим сами себя. Наши требования таковы: Хронотическая Империя должна ограничить себя во времени и не должна вмешиваться в период опустошительной войны. У вас есть тысяча лет, удовлетворитесь этим. Пусть Седьмой узел движется вперед без вас; не распространяйте свою власть дальше его текущего поколения.

Хайт замер на месте и уставился на жителей Гегемонии, сдерживая гнев:

— Неужели вы думаете, что Его Всевременное Величество согласится с такими условиями?

— Мы хотим, чтобы он обдумал ситуацию и понял всю сложность нашего положения. Кроме того, теперешний курс взаимоотношений приведет к нашей обоюдной гибели.

— В таком случае я не могу вам ответить, поскольку ответ должен дать Его Величество.

В знак согласия министр Орток Клай склонил голову.

— Мы приветствовали бы переговоры полномочных представителей обеих сторон. Для нас приемлемые взаимные уступки значительно лучше тотальной войны. Если с вашей стороны будет принято решение о встрече, пошлите корабль, передающий соответствующее сообщение.

— Я передам ваши пожелания. — Тон Хайта был язвительным, почти едким.

— В таком случае благодарим вас. Пожалуйста, дайте нам знать, если вам понадобится помощь в ремонте. Я думаю, десяти часов вам будет достаточно?

Хайт кивнул.

Министры Орток Клай и Вирис Фрилинг сделали какой-то прощальный жест, который адмиралу показался странным, и не спеша удалились.

Когда они вышли, адмирал Хайт несколько секунд задумчиво тер подбородок, потом посмотрел на Этона.

— Кажется, позволение надеть мундир флота сработало, — сказал он медленно. — Теперь вы просто сама рассудительность.

Этон ничего не ответил, а адмирал повернулся к Анамандеру:

— Ну что же, наш рейд закончился довольно неожиданным результатом, не правда ли, полковник?

Сев за стол, Хайт осторожно отключил аварийный самоликвидатор «Оплота веры».

Глава 7

— Очень трудно сказать, что это такое или на что это похоже, — тихо ответил Этон. — Его действительно нельзя описать словами. Все слова в нашем языке придуманы для трехмерного мира.

— Но пережитое там осталось у вас в памяти? И помнится четко?

— Да, но воспоминания слабеют, они... они перерабатываются и начинают походить на картины обычного мира. Вроде картин на экране сканеров страта.

Адмирал Хайт глубоко вздохнул:

— Похоже на правду. Сканеры интерпретируют страт в терминах ощущений. Вполне можно ожидать, что мозговые банки памяти поступают так же.

«Оплот веры» держал курс на Хронополис, к Первому узлу, сопровождаемый «Заклятием». До сих пор Хайт был по горло занят сначала ремонтом, потом обсуждением обратного курса, на котором эскадра боевых кораблей Гегемонии класса «Большая башня» сопровождала «Оплот веры» до границы. Но как только у адмирала образовалось время для отдыха, он поспешил к себе, чтобы тщательно расспросить Этона о природе страта.

— Нет ничего, что имело бы единственную природу, — сказал Этон. — Все переходит во все, и все имеет миллиарды аспектов. Ничто не существует как объект, все есть поток и движение.

— Хм. — Хайт внимательно вслушивался в слова Этона, не сводя глаз с его лица, будто искал в глазах капитана отблеск того, что эти глаза видели.

Результаты эксперимента его несколько разочаровали. То, что рассказывал Этон, было достаточно ясно, но напоминало технические описания, похожие на выдержки из учебника. Они не передавали сущности пережитого.

И возвращение Этона к норме тоже было некоторым разочарованием. Хайт встал, потянулся, разминая затекшее тело, подошел к бару и налил себе чистого джина. Подумав секунду, он налил джина и Этону и подвинул стакан по столу.

— Кажется, я зря старался, — сказал он с мрачноватой улыбкой. — Я думал, что отход от внушенных вам психологических инструкций даст хотя бы интересные психологические отклонения. А вы нормальны, как отлаженный компьютер. — Адмирал допил джин одним глотком. — Наверное, в следующий раз надо будет попробовать обычного бандита, не приученного к умственной дисциплине.

У Этона тоже был вопрос к адмиралу.

— Адмирал, как вы думаете, требования Гегемонии отразятся как-нибудь на политике Империи?

На лице Этона было озабоченное выражение.

Хайт поднял удивленные глаза:

— Не говорите глупостей, капитан. Воля Наместника — закон.

— Но, сэр...

— Я бы не дал себе труда даже передавать эти жалкие просьбы, — раздраженно перебил Хайт, — если бы гегемонцы параллельно не выдали ценную информацию. Мне было приказано добыть искривитель времени или погибнуть. Но эта поразительная история насчет его происхождения — она весьма и весьма меняет дело. Единственное, что остается предполагать, — это измену в высших эшелонах власти. История возникновения Гегемонии наверняка заинтересует Департамент Истории, хотя насчет продвижения Седьмого они наверняка сами думали. — Адмирал засмеялся громко и уверенно. — Видите, насколько непобедима Империя!

Неудивительно, что гегемонцы в панике. У них нет шансов на победу!

— В таком случае не будет ли разумнее придержать выход армады и добиться наших целей более тонкими средствами?

— Это не положит конец провокациям Гегемонии, только даст ей время для новых пакостей. Кроме того, Церковь уже объявила, что армада выходит в священный крестовый поход. Церковь непогрешима, ее вердикты отменены быть не могут.

Этон понял неизбежность того, о чем говорил Хайт, и эта неизбежность подавляла.

— Я лично передам Наместнику весь разговор, — задумчиво произнес Хайт. — Но это мало что изменит. А вот то, что аборигены Гегемонии происходят от наших диссидентов, — это уже представляет интерес. Это создает возможность исключить Гегемонию из истории, выследив этих диссидентов до того, как они сбегут в будущее, — хотя там, где дело касается путешествий во времени, эффективность подобного образа действий не гарантируется. Но я не думаю, что этот вариант будет даже обсуждаться.

— Почему?

— Церковь стремится обращать души, а не уничтожать их. Цель нашей армады — спасение людей, а не их уничтожение.

Этон встал по стойке «смирно», понимая важность того, что собирался сказать.

— Я согласен с гегемонцами, сэр. Единственное, что сейчас важно, — положить конец войне. Мы движемся к обоюдной катастрофе.

Хайт, наливавший себе вторую порцию, поднял на Этона резкий взгляд:

— Вас это уже никак не касается, капитан. Вы забыли свою роль, и я вам ее напомню. Вы исполнили свой долг.

Он произнес ключевую фразу, снимающую запрет с внушенного желания смерти, и у Этона закружилась голова. Что-то бешено билось в сознании, желая выразить себя. Но Этон подавил этот порыв. Это была ментальная судорога, борьба. Потом спокойствие.

— Что произошло? — тихо спросил Хайт.

Этон закрыл глаза. Потом снова открыл.

— Вы не должны были позволять мне жить более часа. А я провел здесь три дня. Смертельная команда утратила силу.

— Команду, внедренную под гипнозом, забыть невозможно.

— Это была не команда, всего лишь внушение. Его сила связана с пребыванием в страте. А я вышел из страта три дня назад.

Хайт кивнул:

— Я предвидел, что подобное может случиться. — Хайт повертел стакан, и на лице его отразилось любопытство. — Вы знаете, иногда попавших в страт людей удавалось оттуда извлечь, но они уже никогда не могли оправиться. Есть, правда, случаи, исхода которых я не знаю — когда этих людей брала под опеку Церковь, и они проводили остаток жизни в ее монастырях. Бедняги.

— Сейчас я был в страте второй раз. Первый раз я видел его, когда погиб «Молот Империи».

— И вы думаете, что адаптировались к нему?

— Может быть, сэр.

Этон видел у Хайта растущую одержимость стратом, но самого его больше интересовала прежняя тема разговора.

— Сэр, мы должны сделать все, чтобы Наместник понял серьезность положения. Война должна быть остановлена.

— Мы должны? Разве вы не слышали, как я только что произнес вам смертный приговор? Или вы пытаетесь спасти свою шкуру?

— Я не пытаюсь спасти свою шкуру. Это ваши действия привели к тому, что обычная процедура... не удалась. Но я по-прежнему желаю подвергнуться казни, если вы исполните мое последнее желание.

Этон говорил ровным, но настойчивым голосом.

— И в чем оно состоит?

— Позвольте мне присутствовать на аудиенции у Наместника. Позвольте мне изложить дело гегемонцев так, как сделали бы они сами. Откровенно говоря, мне кажется, что вы этого не сделаете.

— Вы считаете, что буду вводить Наместника в заблуждение?

— Сэр, я уверен в том, что Империя в опасности, в смертельной опасности. Вы понимаете весь ужас хаоса, который может быть вызван искривителем времени — а ведь устройство было использовано только на малой мощности! — но ваша реакция — реакция воина: сражаться и разбить врага. Но если взглянуть со стороны, то действиям Гегемонии есть некоторые оправдания. Наша победа не стоит того напряжения, которому мы подвергаем структуру времени.

Хайт шагнул к Этону. Бешеные эмоции сменяли друг друга у него на лице.

— Ты хочешь продать нас врагу!

— Мы должны договориться с Гегемонией! Иначе Империя сама может погибнуть!

Адмирал замер и удивленно уставился на Этона:

— Ха! Так вы всерьез думаете, что Империя может быть повержена? Но ресурсы Империи неисчерпаемы! Все известные нам государства занимают не больше одного Узла во времени. У Империи их семь! Это означает в семь раз большую промышленную мощь и в семь раз больше людских ресурсов, чем у любого возможного противника. И сила наша все время растет. — Адмирал покачал головой. — Нет, Империю победить невозможно.

— Вы говорите об ортогональном времени. Но я видел страт, а вы — нет. Все, что мы имеем, может исчезнуть в мгновение ока.

— К букету ваших преступлений вы добавляете ересь, — отозвался Хайт с растущей злобой.

Этон с горечью понял безнадежность своих попыток и все же ответил хриплым голосом:

— В вашей передаче Наместник не получит ясного представления о намерениях гегемонцев.

Хайт зарычал, смерив Этона взглядом с головы до ног.

— Да кто вы такой, чтобы меня учить? — зарычал, оскалившись, Хайт. — Все ваши доводы — это просто уловки, чтобы спасти свою шкуру! Так вот, послушай, мальчик, есть такое слово — долг! Даже Наместник может делать дурацкие ошибки. Кто такой Филипп? Просто старый дурак. Но

на чем держатся Иксианы, что сплотило вокруг них Империю? Это долг, идеал, состоящий в служении Империи. Ради этого идеала люди отдают жизнь. Идеал — это и есть главная сила Империи. А кто такой ты? Что ты можешь понимать в этой силе? — Голос Хайта поднялся до яростного рева. — Ты преступник, предатель и трус! Но ты имеешь дело со мной, с верным слугой Империи!

Этон побледнел, но стоял прямо.

— До сих пор я не мог решить, что с вами делать. — Хайт взял себя в руки. — Теперь я понимаю, что все равно вас убью.

Этон отшатнулся. Его рука нырнула за отворот мундира и появилась обратно с лучевым пистолетом, найденным в кабинете Хайта.

— Я настроен решительно, адмирал. И не отступлю, по крайней мере до тех пор, пока поговорю с полковником Анамандером. Может быть, он со мной согласится.

— А может быть, и нет. Это не имеет никакого значения, но он не согласится, — ответил Хайт, презрительно глядя на пистолет.

Этон неуверенно наставил пистолет на Хайта:

— Держите руки так, чтобы я их видел, сэр.

— Мне пистолет не нужен. У меня есть другое оружие, приставленное точно к вашему сердцу: ваш собственный блуждающий нерв.

Этон изумленно раскрыл глаза.

— Очевидно, вы знаете не все, — объяснил Хайт. — Вы подавили импульс, побуждающий произнести ключевое слово, но совсем не обязательно, чтобы это слово произнесли именно вы. Необходимо лишь, чтобы его услышала ваша нервная система. А я, как лицо, принимающее курьера, знаю это слово.

Указательный палец Этона напрягся на спусковой кнопке лучевого пистолета, но Этон понял, что не сможет выстрелить в своего командира. Он отшатнулся еще на один шаг.

— Вом. — Слово упало с губ Хайта словно капля яда.

Реакция нервной системы Этона была молниеносной. Клетки мозга срабатывали в ответ на сигнал одна за другой, рассылая приказ по сети приостановленной смерти. У Это-

на мелькнула мысль подавить этот импульс, погасить его, пока он не достиг блуждающего нерва, иногда называемого «нервом самоубийства» за его способность вызвать остановку сердца по приказу из мозга.

Сердце Этона конвульсивно дернулось и пропустило несколько ударов. Он зашатался, пистолет выскользнул из ослабевших пальцев. Сквозь туман Этон увидел глаза Хайта, следящие за ним наполовину с удовольствием, наполовину с отвращением.

Внезапно все исчезло. На долю секунды, длившуюся вечно, он снова оказался в страте, снова пережил все его невероятности. Но на этот раз это погружение было менее неуправляемым, почти что выполненным по собственной воле.

Когда он почти в тот же миг вернулся в холл каюты Хайта, она снова предстала перед ним плоской, двумерной. Но на этот раз умственного затмения не было. Этон чувствовал себя молодым, сильным и всемогущим, словно единственный способный летать среди обреченных ползать.

Вом. Это слово стало безопасным. Страшный яд, который оно в себе несло, был вычеркнут из сознания.

— Что... сейчас что-то случилось или мне показалось? — прошептал Хайт. На мгновение ему почудилось, что вокруг Этона бушует аура почти невидимого пламени.

— Случилось. Ваше слово тоже на меня не действует. Я от него избавился.

Этон замолчал. Он еще не понял, что с ним произошло, или понял не до конца. Он только знал, что это было удивительно, невероятно — и в то же время логично.

— Адмирал, вы интересовались, почему законы требуют немедленной смерти курьера. Кажется, я могу ответить на ваш вопрос.

— Да? И почему же?

— Потому что курьер становится чем-то вроде бога.

— Бога, — презрительно усмехнулся Хайт. — Ну что ж, психологическое кондиционирование вы преодолели. Посмотрим, как вы справитесь с лучевым огнем.

Адмирал выхватил из поясной кобуры лучевой пистолет, намного мощнее той игрушки, которую бросил Этон.

Нарочито медленно щелкнув предохранителем, Хайт направил дуло в грудь Этона.

У Этона был краткий миг для прощального слова.

— Адмирал, — выдохнул он, — я тоже верный слуга Империи.

Затем он будто вправду увидел устремившийся сквозь пространство плотный микроволновой луч, сопровождаемый тускло-красными волнами трассера.

И адмирал Хайт хрипло вскрикнул. Прямо на его глазах капитан Этон исчез из каюты. Он снова переместился в страт.

Падая в бесконечность потенциального времени, Этон думал, почему и как его нервная система спасла его. Что это было — инстинкт выживания, среагировавший на угрозу смерти? Или его подсознание, все еще каким-то извращенным образом подчиняясь самоубийственной команде, стремясь к этой смерти и предвкушая ее, перестаралось и выбросило его в страт?

Как тело приобрело такую способность, можно было только гадать. Возможно, дело в уникальном предыдущем опыте. Каким образом было проделано то, что в обычных условиях требовало сложного снаряжения и огромной энергии, Этон не знал. Одно было ясно совершенно точно: он отличается от других. Он стал человеком четырех измерений, способным по собственной воле перемещаться сквозь время.

И он уже не был беспомощной пушинкой, подвластной всем завихрениям страта. На этот раз он не лишился чувства обычного времени, свойственного мозгу от рождения, у него было собственное ортогональное поле, хоть и слабое. По этой причине мозг сохранил рациональность мысли. Органы чувств научились справляться со сверхъестественным содержанием страта, не вызывая короткого замыкания в сознании.

Раньше страт поглощал его, топил в себе. Вот почему сознание искало спасения в бесконечном повторении собственной жизни: это был единственный знакомый элемент среды. Этон мог бы при желании опять уйти в то же убежище, но не сделал этого, поскольку рассудок его не был оглу-

шен, сознание не мутилось и страт выглядел совсем по-другому.

Огонь. Точнее всего можно было описать его этим словом. Этон плыл в океане вечного пламени, полыхавшего из мириадов полусозданий, существующих лишь потенциально. Языки этого пламени бились и трепетали, извивались, вздувались, опадали.

Этон понимал, что это не страт в истинной реальности, но лишь интерпретация страта приспособившимися органами чувств. Повсюду играл и вился огонь; это было пятимерное море, непредставимое никаким иным образом.

Поворачиваясь в некотором направлении, Этон видел нечто, похожее на широкую свинцовую стену. На ней, как на огромной фреске, разыгрывались до удивления разнообразные и яркие сцены. То была поверхность страта, реальность сущего, ортогонального времени, из которого пришел сюда Этон. Настоящий, плотный мир. И Этон, если бы хотел, мог бы глядеть на этот мир и видеть, что в нем происходит.

Однако вместо этого Этон устремился в прошлое — то есть в прошлое в понятиях ортогонального времени — с ужасающей скоростью, исполняя миссию, которая лишь постепенно становилась ему ясна.

Но его ждало препятствие на пути. Внезапно впереди себя Этон увидел тень, чужеродную в этой среде. Как и он сам, тень двигалась в пузыре ортогонального времени, но была больше Этона. Намного больше.

Посторонившись, Этон узнал очертания: ступенчатое офисное здание, летящее высоким торцом вперед, на борту изящными серебряными буквами написано «Бьюик». Это был межузловой хронолайнер.

Этон пропустил бы лайнер мимо себя, но, очевидно, у того отдела нервной системы, который управлял недавно приобретенными возможностями, были собственные автономные реакции. Когда Этона коснулось ортогональное поле лайнера, он внезапно фазировался из страта и оказался в новой и неожиданной ситуации.

Он стоял в кают-компании хронолайнера в мундире капитана Хронофлота.

* * *

Нервно отпивая из бокала глоток за глотком, Инприсс Сорс тревожно оглядывалась по сторонам, дергая головой, как испуганная птичка.

Она почти все время проводила здесь, в кают-компании, где всегда было людно и горел яркий свет. Инприсс совсем не спала, боясь оставаться в каюте из страха перед непрошеными гостями, и жила только на нервной энергии. В то же время она знала, что ей придется оставить эту привычку, достигнув Ривьеры, где она будет жить одиноко и незаметно, чтобы ее не нашли.

Испуганную девушку капитан Монд Этон приметил с первого же взгляда.

Разглядывая просторную кают-компанию и лица пассажиров, капитан обнаружил, что наряду со способностью по собственной воле перемещаться сквозь время он приобрел еще один дар. Ясновидение. Все его чувства приобрели необычайную остроту; он мог мгновенно прочитать мысли или чувства любого человека, на которого падал его взгляд. Людские души стали для него открытой книгой.

Но и без всякого ясновидения состояние этой молодой женщины не было тайной. Этон узнал вид гонимой дичи. Только раз в жизни он видел на лице человека подобное выражение — с этим человеком, правда, он был едва знаком. Тогда он не понял, что это значит. Через некоторое время он узнал, что его знакомый погиб, убит изощренным и причудливым способом, в котором был виден почерк секты травматиков.

С непринужденным видом Этон прошел к столику девушки и присел. К нему заторопился стюард. У Этона не было денег, и он взмахом руки отослал стюарда прочь.

— Где вы сели на корабль? — спросил он девушку. — Все хотел вас спросить, да не было случая.

Вопрос не должен был показаться девушке странным: хронолайнер делал остановки на каждом Узле, а сейчас, по прикидкам Этона, они должны были находиться где-то между Четвертым и Пятым узлами. Так что лайнер наверняка уже сделал два или три захода.

Но реакция девушки была совершенно неадекватной. Она инстинктивно отпрянула от Этона и сжалась. В ее глазах Этон прочел мысль: «Кто он? Что ему нужно? Он за мной следит?»

Она боится незнакомцев, понял Этон.

Заметив, что девушка боится отвечать, Этон не стал настаивать и дал ей возможность успокоиться, начав болтать о каких-то пустяках, тем временем осматривая кают-компанию и думая, кого же она так боится.

Он рассказывал смешные байки о службе в Хронофлоте, стараясь, чтобы разговор не требовал от девушки ответов. Через некоторое время Этон почувствовал, что глаза девушки перестали ощупывать его лицо и она слегка успокоилась. Если он угадал верно, то ей трудно вообще кому-нибудь доверять, но он надеялся, что сможет ее к себе расположить.

Для проверки своей догадки Этон рассказал, как обнаружил травматиков на борту своего корабля. У девушки перехватило дыхание. Этон понял, что она вся напряглась.

— Крайне неприятные люди, — сказал Этон.

Девушка молча кивнула.

— Послушайте, — сказал он ласково, — мне кажется, что вам стоит поделиться со мной своими тревогами.

Девушка отвернулась:

— Меня ничего не тревожит. Почему вы так решили?

— Извините, но это заметно невооруженным глазом — для меня по крайней мере. Я такое уже видел. — Этон сделал паузу. — Это травматики?

Губы девушки задрожали. Она кивнула:

— Вы действительно это видели?

— Только раз. Тот человек был моим другом.

Торопясь и путаясь в словах, Инприсс рассказала Этону все. О трех посещениях травматиков, о своих отчаянных попытках скрыться, затеряться. И о своем решении эмигрировать в другую провинцию Империи.

Этон увидел, что девушке стало легче, когда она выговорилась. И было видно, насколько она отчаялась, — вряд ли она могла вообразить, что разговаривать с незнакомцем безопасно. Наверное, мундир к себе располагает. Люди Хро-

нофлота пользовались большим уважением. Мало кто знал, что хрононавты по какой-то извращенной причине весьма подвержены ереси травматиков.

— И сейчас вы надеетесь поселиться на Ривьере?

— Да. В Умбуле, наверное.

— А, Святой Город.

— Я думала, что, возможно, там... может быть...

— Понимаю.

Расчет девушки был прост. Она надеялась, что травматики обходят стороной Умбул — место рождения Хеватара, Церкви и фактически всей Хронотической Империи.

Этон хмуро опустил взгляд и переплел руки на коленях.

— Гражданка Сорс, мне неприятно вам это говорить, но вы делаете все именно так, как хотят травматики. Это их игра, элемент их ритуала. Намеченную жертву не убивают сразу. Человека ловят, и в тот же момент он бежит — он думает, что ему повезло или что он сам сумел организовать побег. Его ловят опять и снова позволяют бежать, и так раз за разом. Смысл в том, чтобы жертва поняла ужас своего положения и знала, что за ней охотятся, — это приводит человека в нужное психологическое состояние. Так продолжается до тех пор, пока воля жертвы не будет сломлена окончательно, и тогда человек сам, по доброй воле, принимает участие в заключительном обряде.

Карие глаза Инприсс распахнулись, и в них была мольба.

— Значит, я не скрылась от них?

— Нет.

— О боже!

Инприсс судорожно поднесла руки к лицу, побледнела. Этон понял, что еще чуть-чуть — и она сломается. А тогда травматики не заставят себя долго ждать.

— Помогите! — всхлипнула она. — Кто-нибудь, помогите мне!

— Я помогу вам. Успокойтесь.

Девушка впилась глазами в лицо Этона:

— Вы?

— Я ненавижу этих людей так же сильно, как и вы.

— И как же вы можете мне помочь?

— Еще не знаю, но помогу обязательно. — Этон прищурился, увидев человека, вошедшего в кают-компанию и вразвалку подошедшего к бару. Челюсти Этона сжались.

Это был сержант Квейл!

— Оставайтесь здесь и никуда не уходите, — бросил он Инприсс. — Я скоро вернусь.

Увидев перед собой своего бывшего капитана, сержант пораженно ахнул. Его лицо превратилось в карикатурную маску изумления — он был не в силах поверить своим глазам. Этон присел на соседний табурет.

— Какого черта вы тут делаете? Я думал...

— Вы думали, что я давно умер, на ваше счастье, — подсказал Этон. — Куда интереснее другой вопрос — какого черта здесь делаете вы?

— Я? А что... — Квейл издал тихий, истерический смешок. Этон заметил, что сержант одет в штатское. — Я в отпуске, капитан. В заслуженном отпуске и решил поразвлечься в круизе. Вы в курсе — меня наградили медалью? К награде представили всех, кто спасся с «Молота Империи». Кроме вас, конечно, — задумчиво добавил Квейл. Глотнув из своего стакана, сержант чуть не поперхнулся. — Вам что, отсрочили приговор, капитан? — спросил он дрогнувшим голосом. — Как вы здесь очутились?

— Достаточно того, что я здесь и вспомнил все, что произошло на борту «Молота Империи». — Этон с удовлетворением отметил, что лицо сержанта исказилось от мучительного ужаса, и спросил: — Сколько ваших дружков тут с вами?

— Дружков? У меня здесь нет друзей, сэр.

— Врете. Я знаю, кого вы тут выслеживаете.

Квейл невольно глянул на Инприсс Сорс, которая беспокойно следила за ними из-за своего столика.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Может быть, Квейл действительно здесь один, подумал Этон. Вероятно, он просто следит за Инприсс. Остальные подключатся, когда хронолайнер прилетит в Умбул. Но желание сержанта увильнуть и что-то скрыть было настолько прозрачно, что верить ему нельзя было ни в чем.

— Вы собираетесь выдать меня, сэр? — тихо спросил Квейл, рассматривая ряды бутылок на полках.

— Да.

— Тогда почему же вы не сделали это раньше? — Сержант повернулся, насмешливо скалясь. — Знаете, что я думаю, капитан? Я думаю, что вы сбежали. Не знаю, как вам это удалось, но уж если вы здесь, то, значит, как-то изловчились. Ваша депеша в Хронополисе вас заждалась, наверное, или я не прав? Не вы меня, а я вас выдам, капитан. Все равно против вашего слова будут показания восьми свидетелей.

Этон поднялся с табурета, подошел к Квейлу вплотную и быстро сунул руку за отворот его куртки. Его ожидания оправдались — во внутреннем кармане лежал миниатюрный лучевой пистолет, умещающийся в ладони. Этон переложил лучемет себе в карман. Никто из присутствующих ничего не заметил.

— Пойдемте, Квейл, разыщем службу безопасности.

Квейл было уперся, но настойчивый тычок от Этона заставил его неохотно двинуться вперед.

Хотя Этон знал расположение помещений на гражданском судне лишь в общих чертах, найти службу безопасности не составило труда. Квейл не делал попыток бежать или нападать, и Этон подумал, что в словах травматика был смысл. В Хронополисе рассказ капитана вызвал бы мало доверия. Но это и не важно. Так или иначе, а он спасет Инприсс Сорс от преследования сектантов.

В офисе службы безопасности сидел длиннолицый мужчина средних лет в синей форме «Бьюика». Этон подтолкнул сержанта вперед.

— Господин сотрудник, — объявил Этон, — я капитан Третьего Хронофлота Монд Этон. Этот человек — мой подчиненный, сержант Квейл, которого я прошу вас поместить под строгий арест. Он преступник, лжесвидетель и еретик, член секты травматиков, и сейчас преследует одну из ваших пассажирок, намереваясь убить ее.

Сотрудник службы безопасности поглядел на Этона, потом на сержанта, и лицо его было невозмутимо. Однако под

маской невозмутимости Этон увидел чувства, вызвавшие у него тревогу: сотрудник знал Квейла и был испуган поворотом событий.

— Обвинения серьезные, — сказал сотрудник. — Подождите секунду, я вызову своих людей.

Он нажал кнопку. Почти сразу у дверей появились два охранника. Заподозрив неладное, Этон обернулся.

— У него мой лучемет, — быстро сказал Квейл.

Сильный разряд ужалил Этона в шею, онемение охватило плечи и руки. Лучевой пистолет выпал из безжизненных пальцев и со стуком упал на пол — правая рука Этона повисла вдоль туловища безвольной плетью. Этон неуклюже повернулся к сотруднику и увидел, что у него в руке парализатор.

Дверь захлопнулась. Все четверо столпились возле Этона, втолкнув его внутрь.

— Что, черт подери, происходит? — прорычал в лицо Квейлу сотрудник.

— Он про меня знает, — угрюмо сказал Квейл. — Мы думали, он мертв; думали, этот вопрос решили еще в Хрононолисе. Могучий Хулму, я чуть не упал, когда сейчас увидел его в кают-компании.

— Женщина знает о тебе?

— Не знаю.

— На всякий случай держись от нее подальше. Нельзя, чтобы это дошло до капитана.

Этон попытался вырваться, лягаясь ногами и толкаясь корпусом. Но до двери он добраться не успел: на него навалились все четверо и оттащили в угол, где он затих, задыхаясь от бессильной ярости.

Квейл нагло засмеялся ему в лицо:

— Культ Хулму живет не только в Хронофлоте, капитан. Мы, травматики, интенсивно пользуемся межузловыми линиями.

— Что с ним делать? — спросил сотрудник.

— Может, его можно использовать? — подал нежный голос один из охранников, рассматривая Этона с выражением, совершенно неподходящим к грубым чертам сурового мужчины.

— Не будь дураком, он же не указан.

— С ним проблем не будет, — жизнерадостно сказал Квейл. — Когда-то он был капитаном, но сейчас он просто осужденный преступник, должен был стать курьером, но сбежал. Никто не спросит, куда он девался.

— Отлично. Выбросим его в мусоропровод.

Квейл хихикнул, рассматривая Этона с нескрываемой злобой.

— Мне жаль, что так все вышло, капитан, говорю вам как хрононавт хрононавту. Сами видите, как получается — или вы, или я. — Сержант оглянулся на сотрудника службы безопасности. — Только мне не хотелось бы своими руками. Все-таки мой бывший командир, сами понимаете.

— Ты предатель, — выдохнул Этон. — Ты хуже любого отребья, Квейл.

— Вот это вы зря, капитан. — Квейл принял обиженный вид. — Я честный хрононавт. Религия — одно дело, а Хронофлот — другое. И как только кончится мой отпуск, я отправлюсь в поход с армадой Его Всевременного Величества!

Один из охранников выглянул и убедился, что коридор пуст. Сотрудник всадил Этону второй разряд парализатора, чтобы с ним было меньше возни. Потом Этона вытащили в коридор.

Охранник распахнул окрашенную серой краской дверь, и пленника потащили по узким служебным проходам, где не было ненужных глаз пассажиров и команды. Этон знал, что сейчас попытки сопротивления бесполезны, и потому выжидал момент. Его вывели к внешней обшивке корабля, в помещение, заставленное картонными коробками и мешками с мусором.

Из стены торчала тумба мусоропровода с задраенной крышкой и несколькими стальными рычагами. Охранники крепко прижали руки Этона к бокам.

— Как-то ты пытался отправить меня в страт, капитан, — пробормотал Квейл. — Теперь моя очередь.

Этон слабо отбивался. Сотрудник службы безопасности потянул за рычаг, и люк открылся. Этона оторвали от пола и вставили в вонючий цилиндр. Крышка закрылась. На миг

Этон оказался в темноте; ноги его упирались в какое-то препятствие.

Потом оно отодвинулось. Послышались щелчки, скрежет, на Этона опустился поршень, выдавливающий мусор наружу. Его вытолкнуло на скорости за пределы лайнера, за пределы ортогонального поля, обратно в страт.

Вокруг бушевало пламя неземного огня. Оглянувшись, Этон увидел хронолайнер, быстро уходящий в будущее — в положительном направлении, на жаргоне хрононавтов.

Судьба любого другого человека, попавшего в страт, была бы предрешена. Он бы все глубже и глубже утопал в чистой потенциальности, в Пучине Погибших Душ. Если бы Этон, когда был курьером, пролетел мимо цели, та же судьба постигла бы и его, как только кончилась бы инерция.

Но теперь ему было нечего бояться такого ужасного конца — если это можно назвать концом. Он умел перемещаться внутри страта в любую сторону простым усилием воли.

Первым побуждением Этона было вернуться на хронолайнер и спасти несчастную жертву травматиков, Инприсс Сорс. Но когда он бросился вдогонку за кораблем, верх взяло другое, более глубокое побуждение, и Этон, набирая скорость, устремился в отрицательном направлении — в прошлое и к Хронополису. Его появление внутри хронолайнера было, как теперь казалось, лишь случайной остановкой в пути.

Потому что постепенно Этону становилось ясно, что судьбой его управляют не осознанные желания, а глубинные подсознательные побуждения. В критический момент его подсознание само открыло способ перемещения во времени. Теперь же оно гнало его со скоростью выпущенного из силовой пушки курьера выполнять новую миссию — спасать Империю!

Сбоку переливалась свинцовая стена ортогонального времени. Этон знал, что мог бы выйти в этот мир, где захочет, выбрав любое из миллиардов мест и эпизодов на бесконечном экране.

Но он летел дальше. Подгоняемый внутренним голосом, он держал в уме определенное место назначения.

Хронополис. Узел Первый. Дворец Императора.

Казалось, что времени прошло много, но наконец показались величественные изображения административного центра Империи. Этон подлетел к стене ортогонального времени, и она выросла у него на глазах, как экран голографического кинотеатра. И он вышел в актуальное, ортогональное время.

Глава 8

Архивариус Иллюс Тон Мейр, худой почти до прозрачности, стоял рядом с коренастым плотным детективом Перло Ролцем и, несколько запинаясь, докладывал принцу Вро о результатах своего расследования.

Услышав, что расследование завершено, принц бросил недовольно:

— Много же времени вам понадобилось!

Он отвернулся к голограмме пустого мавзолея.

— Подобное предприятие действительно требует много времени, ваше высочество, — извиняющимся тоном ответил Мейр. — Лишь с огромным трудом мне удалось внести его в программы нашей работы. Трагические события, потрясшие Империю, потребовали всех ресурсов нашего Архива.

— Ладно, ладно. Так что вы можете мне рассказать?

— Подозрения детектива Ролца подтвердились. Тело принцессы Веа исчезло в каузальный провал.

— А что это такое?

— Говоря упрощенно, это вывих во времени. Несоответствие причины и следствия. Практически же принцесса Веа была вывезена в Шестой узел и, предположительно, спрятана там. После этого появилась щель во времени: события, ведущие к определенной точке — в городе Умбул, — были стерты. В обычной ситуации это означало бы, что тело принцессы никуда из Хронополиса не вывозили и что оно

до сих пор находится здесь. Вместо этого наблюдается следствие от никогда не существовавшей причины: тело остается там, где его спрятали.

— Притом что след, ведущий туда, вычеркнут из реальности, — добавил Ролц.

Принц Вро кивнул в знак понимания:

— Не так давно это показалось бы невероятным. Теперь кажется обыденным.

Мейр согласно пробормотал что-то неразборчивое. Интенсивность нападений Гегемонии в последнее время возросла. Не только целые континенты подвергались экзистенциальным деформациям, но и вся Империя была будто исчерчена трещинами причинно-следственных расхождений, в том числе настолько серьезных, что порождали большие трудности в управлении. Мейру, с его уникальной позицией вневременного наблюдателя, иногда начинало казаться, что структура времени готова развалиться, как расколотая ваза.

— Это похоже на волшебство, — задумчиво проговорил Вро. — Веа похищена, но никто этого не делал.

— К этому все сводится, ваше высочество, — неохотно подтвердил Ролц.

— Ну, что ж. — Голос Вро стал резче. — Что вы можете сделать для ее поисков?

— Разрывы времени нанесены на карту, ваше высочество.

Мейр достал карту, сложенную в несколько раз, и развернул ее на столе. Карта заняла почти весь стол.

Принц Вро озабоченно рассматривал чертеж, испещренный эзотерическими хронотическими символами, принятыми в Ахрональном Архиве. Мейр объяснил, что вертикальные линии сетки представляют собой единицы времени, хотя и не сказал какие — минуты, дни или месяцы. Потом он указал на изломанную линию, пересекавшую аккуратный чертеж как трещина после землетрясения.

— Вот этим путем прошел разрыв причинно-следственных связей. Главным стержнем для нас является информация Ролца, что тело было тайно помещено на хронолайнер «Королева Времени». Позже эта бесценная информация

пришла в противоречие с результатом прямого наблюдения, и это наблюдение подтвердили агенты с ортофазерами — тело не было помещено на лайнер. Эта аномалия свидетельствует о том, что время мутировало неединообразно и остались следы обеих версий истории. Типичный пример каузального провала. Тела нет в Хронополисе, и тело из Хронополиса не вывозили. Классическая дилемма.

Теперь о том, что случилось с телом принцессы в первой версии. Тело могло быть выгружено с лайнера на любой из шести станций, если предположить, что оно не было выброшено в страт на переходе. Мы исходили из того, что тело было снято с корабля до возникновения провала — иначе оно все еще находилось бы в Хронополисе и покоилось в мавзолее; аномалии бы не было. С другой стороны, вероятно, к моменту провала тело отсутствовало на борту очень недолго. Смена места упокоения представляется мне наиболее вероятным обстоятельством для искажения причинно-следственных связей.

Мейр остановился перевести дух. Эти соображения были плодом совместной работы его и Ролца и потребовали серьезных умственных усилий.

— Теперь давайте снова взглянем на линию разрыва, — продолжал он. — Мы видим, что она во всех отношениях отвечает нашим выводам. Она очень близко подходит, почти проходит через ту точку пространства-времени, когда хронолайнер должен был прибыть в Умбул, в Шестой узел. Точнее говоря, она пересекает Шестой узел всего в пяти часах после прибытия «Королевы Времени».

— Умбул, — тихо сказал принц Вро. — Святой Город.

— Из этого мы сделали вывод, что принцесса Веа была перевезена в Умбул и скорее всего находится там до сих пор.

— Архивариус Мейр сумел даже определить улицы и дома, через которые прошел разрыв, — сообщил Ролц чуть хрипло. — Это просто невероятно. Оборвавшийся след возник, словно из воздуха.

Принц повернулся к Ролцу:

— Вы уверены, что снова напали на след — в Умбуле? И теперь можете найти мою возлюбленную Веа своими обычными методами?

— Если наши с архивариусом рассуждения верны, ваше высочество, то полностью уверен.

— Тогда мы с вами, Ролц, немедленно отправляемся в Шестой узел. Я прикажу приготовить мою личную яхту к вечеру. Идите собирайтесь. Снаряжение, инструменты — все, что вам понадобится. Вы сможете справиться в одиночку или вам нужны будут ваши люди?

Детектив переступил с ноги на ногу.

— Один или двое, возможно.

— Берите всех, кто вам нужен. Идите и возвращайтесь как можно скорее.

Ролц поклонился и исчез. Принц Вро опустился в кресло и откинул голову. Впервые за многие месяцы он казался почти счастливым.

— Ну, архивариус, я слышал, что ваше хозяйство перенесено в страт. По-моему, это мудро.

— Так было решено, ваше высочество.

— И каково вам теперь посещать мир простых смертных, вроде нас?

Тон принца Вро был дружелюбно-насмешлив, однако выходы в мир действительно были для Мейра обременительны. Перевод в страт усилил чувство изоляции и отчуждения, распространенное среди сотрудников Архива. Чтобы совершить это путешествие в Императорский Дворец, Мейру пришлось перебороть весьма значительный страх, и его тянуло обратно в покой и безопасность хранилищ. Ничто, кроме приказа члена императорской фамилии, не заставило бы его сюда прийти.

— Неуютно, ваше высочество. Мир сейчас далеко не в прекрасном состоянии. Он теряет стабильность. Кто знает, что может случиться?

— И поэтому все здесь кажется вам сном? И проснуться можно, только вернувшись к себе в Архив?

— Примерно так. — Архивариус облизал губы. — Ваше высочество, поскольку вы собираетесь сопровождать детектива Ролца в поисках тела принцессы Веа, позвольте мне предупредить вас об осторожности. Травматики очень опасные люди. Они никого не боятся.

Вро рассмеялся:

— В самом деле? А я-то думал, что вы сами без пяти минут травматик!

Мейр был ошеломлен:

— Я, ваше высочество?

— Ну конечно же! Вы же наверняка понимаете, что все эти ваши мрачные рассуждения о том, что действительность есть сон и только страт реален, есть часть ереси травматиков? Что это противоречит учению о Святой Троице? Это вы должны быть осторожным насчет того, кому вы такое говорите. Если бы архикардинал Ремуар узнал...

— Но я не думал об этом в таком аспекте, — попытался неуклюже оправдаться Мейр.

— У вас, наверное, как и у меня, нет времени на религию. И вам удалось избежать докуки образования, положенного принцам. Дело в том, что я до сих пор помню все аспекты Церковной доктрины наизусть; их вбили мне в голову с детства.

— Моя работа носит в большей степени научный, чем религиозный, характер, — ответил Мейр. — Конечно, я был воспитан в правилах Церкви, однако не могу сказать, что изучал сущность ересей. У чиновников высокого ранга это не поощряется.

— Именно так, иначе вы бы слишком боялись, чтобы позволить себе подобное свободомыслие. — Вро небрежно закинул ногу на подлокотник кресла. Разговор его забавлял. — Но вы определенно еретик, архивариус. Сравните свои построения с учением Церкви о Святой Троице. Бог есть Отец, мир ортогонального времени есть Сын, а страт есть Святой Дух, посредством которого Отец создает Сына. В соответствии с учением Церкви ортогональный мир реален, осязаем и существует на самом деле, в то время как страт, или Святой Дух, менее реален ввиду своей духовности и потенциальности. Он есть вид посредника между реальным миром и Богом, стоящим над таковым.

— Катехизис я еще помню, — буркнул Мейр, несколько задетый тем, что ему растолковывают элементарные истины. Вро, однако, не обратил внимания. Подобные дискуссии доставляли ему удовольствие; атеист в душе, он любил сложные теологические построения.

— Ваши собственные убеждения чрезвычайно близки к верованиям травматиков, — повторил он Мейру еще раз. — Наш мир нереален или относительно нереален, а страт реален. По мнению травматиков, мир был создан Хулму, их богом, обитающим в глубинах страта, и он создает мир, проецируя его на экран, как в кино. Цель этого действа — создать для него зрелище. Вот почему у травматиков эмблемой творения является голографический проектор, и вот почему у них одно из ритуальных имен Хулму — «Оператор Проектора».

— Непонятно, когда организация, совершающая такие ужасные действия, успела обосновать их столь глубоким философическим учением.

— О, культ Хулму не нов. По крайней мере не новее Церкви. Говорят, в свое время этот культ соперничал с Церковью за главенство.

— Вы хотите сказать, что он возник независимо? — Мейр нахмурился. — Я всегда считал, что он был основан отступниками.

— Происхождение секты травматиков не совсем ясно, — признал принц. — Но собственная идеология Церкви с течением лет претерпела изменения. В самом начале Святое Учение было несколько ближе к верованиям травматиков. Считалось, что Бог обитает в самых дальних глубинах страта. Святой Орден Хронотических Рыцарей даже посылал экспедиции на поиски Бога, но все они закончились трагически. Позднее теология Церкви усложнилась, и теперь она учит, что Бог не может быть найден ни в одном направлении, доступном кораблю времени. Попытки разыскать Бога в глубинах времени рассматриваются как ловушка для невежд, ибо там обитает не Господь, а Враг.

— Хулму.

Вро кивнул:

— Официально травматики считаются дьяволопоклонниками. Хулму отождествляется с Сатаной. Самое интересное, что даже Церковь не отбрасывает учение секты как простую глупость. В глазах Церкви Хулму реально существует; он лишь обманывает своих последователей, заставляя верить, что создатель — он.

— Тогда душа принцессы Веа находится в смертельной опасности, — сказал негромко архивариус и тут же пожалел о своих словах.

Лицо принца Вро затуманилось.

— Вы правы, архивариус, — тихо согласился он. — Но я еще могу спасти ее. Вооружившись подобно древнему рыцарю, я отправляюсь в поход в будущее!

Этон материализовался за колонной главного зала внутренних покоев.

При подлете к месту выхода перед ним сменялись сцены многообразной дворцовой жизни. Мелькнул Наместник Филипп, дающий аудиенции аристократам, министрам, администраторам и военным.

В самом дворце царила атмосфера радостного возбуждения, будто ожидания чего-то. Этон вышел из-за колонны и с интересом осмотрелся. Вокруг сновали люди и стоял несмолкающий гул разговоров.

Этона, привыкшего к более аскетической обстановке, блеск и роскошь несколько выбивали из колеи. Он задумался, как достичь своей цели — аудиенции у Наместника, — когда его поймала за руку молодая женщина с чуть вытянутым лицом и в тиаре принцессы Иксианов.

— Добрый вечер, капитан. Вы ведь здесь впервые?

Этон поспешно поклонился, лихорадочно пытаясь воскресить в памяти фотографии членов императорской семьи. Трудность была в том, что семья очень большая. Но кажется, это была принцесса Майра, одна из дочерей Наместника.

— Вы улетаете с армадой? — спросила Этона принцесса, не дав ему и рта раскрыть. — Ну конечно же! Такой бравый молодец ни за что не позволит себя оставить в тылу. Правда, это здорово? Сражаться за веру!

У принцессы искрились глаза.

У Этона уже почти сложился в голове ответ, когда вдруг наступила тишина. Через украшенные двери в зал вошла процессия: Наместник, заметно пошатывающийся и с трясущейся правой рукой, слегка поддерживаемый слугами, за ним несколько важных лиц, с которыми он сейчас совещал-

ся. Рядом с Наместником тенью держался архикардинал Ремуар, глава Церкви. На лице Ремуара читалось что-то вроде ликования. И бусины глаз Филиппа тоже блестели неестественно ярко.

Все присутствующие поклонились.

Слабый, но пронзительный голос Филиппа обратился к собравшемуся двору.

— Близок конец наших невзгод! — провозгласил он. — Все корабли Армады закончили испытания, полностью оснащены и готовы к походу. И лишь считанные дни отделяют нас от великого события!

Слова Наместника были подхвачены приветственными криками и аплодисментами. Филипп двинулся через огромную залу — перед ним в толпе сам по себе открывался проход — и остановился у широкой золотой панели, занимавшей почти всю стену.

— Император! Почти нас своим присутствием!

Золотая плита скользнула вверх. Из глубин открывшегося за ней помещения выкатилась на колесиках машина-Император.

Завороженный Этон смотрел во все глаза. Так вот каким был он, Император, таинственное сооружение, стоящее в иерархии правителей Империи выше самого Наместника. Вместе с тем Этон не слышал ни об одном эдикте, изданном этой машиной. В практической жизни люди считали, что власть Императора чисто номинальна.

Представ перед тихо гудящим механизмом, Филипп повторил свои слова.

— Император, дай нам одобрение нашего плана! — попросил он. — Подтверди его исход, дабы оправдалась наша вера.

Гудение, исходящее из недр Императора, усилилось. Неожиданно механизм заговорил гулким величественным баритоном:

— Враг Империи набирается сил. Великая битва неминуема.

Пауза.

— Говори же, могучий Император! — настойчиво потребовал Филипп. — Поделись с нами мудростью моих отцов!

На этот раз в величественном голосе были слышны скрежет и дрожь, почти страдание.

— Великая битва неминуема!

— Во всеведении своем, дай нам благо знания, что исход предрешен, о Император!

Но машина, украшенная башенками, уже отступала в свое убежище. Золотая плита опустилась на место.

— Ну, что вы скажете на это, Ремуар? — Филипп обернулся к своему духовнику, сморщив узкое лицо.

— Речь Императора всегда таинственна, ваше величество, — пробормотал Ремуар, — однако ясно одно: он велит нам следовать нашему плану.

— Да, это так. Это так.

Филиппу помогли взойти на трон, обложенный подушками для удобства немощного тела Наместника, и он расположился там, иногда бросая короткие фразы почтительно приближающимся придворным.

Разговоры под сводами зала возобновились с прежней силой.

Этон резко обернулся к принцессе Майре и чуть не схватил ее за руку, забыв об этикете.

— Ваше высочество, я должен поговорить с вашим отцом. Вы мне поможете?

— Это еще что? — весело улыбнулась девушка. — Хотите подать прошение? Прямо самому Наместнику? Это, знаете ли, на грани наглости.

Посерьезнев, принцесса подалась вперед, приблизив губы к уху Этона:

— Вы поосторожнее. Отец бывает старым брюзгой и иногда выходит из себя по пустякам.

— Это не пустяки, ваше высочество. И я не могу изложить это дело по обычным каналам. Я офицер Хронофлота и считаю своим долгом... — Этон замолчал, внезапно осознав, насколько невозможно объяснить, кто он такой и как здесь оказался. — Если вы поможете мне поговорить с его величеством, остальной риск я возьму на себя, — тихо закончил он.

Несколько заинтригованная, принцесса направилась к трону, увлекая Этона за собой. Подойдя поближе, Этон ус-

лышал разговор Наместника со своим старшим сыном, будущим Наместником Филиппом Вторым.

— Два часа назад прибыл курьер со станции в Береке — от самого адмирала Хайта, который зашел туда по пути в Хрононолис. Он вернулся без искривителя, но с предложением перемирия от гегемонцев. Похоже, они хотят мирных переговоров. И это хороший знак — они поняли, насколько безнадежно их положение.

Филипп Второй рассмеялся пронзительно и сухо. Вместе с внешними чертами он унаследовал от своего отца манеру говорить.

— Они опоздали!

Наместник удовлетворенно кивнул:

— Очевидно, наши карательные экспедиции дали им понять, что их ждет. И они, наверное, получили от своих разведчиков сведения о мощи армады. — Наместник нахмурился. — Хайт кое-что узнал об искривителе, но нам придется подождать, пока он прибудет в столицу для личного доклада.

Этон и принцесса теперь пробились в первые ряды придворных, окруживших трон. Этон отважно выступил вперед и предстал перед Наместником и принцем.

— Ваше Всевременное Величество! — громко сказал он.

Отец и сын одновременно повернулись к дерзкому незнакомцу. Филипп Второй смотрел холодно и высокомерно, Наместник — просто удивленно.

На миг Этон заглянул в утомленные, лихорадочные глаза Наместника и понял, что у его миссии нет шансов на успех. За этими глазами было... ничего там не было. Ничего, кроме фанатизма, предубежденности, косности. Внутри Наместник давно уже был мертв. Даже если Этону удастся его убедить в истине своих слов, что было маловероятно, на этом этапе уже ничто не заставит старика изменить свое решение.

Этон повернулся и взглянул на молодого Филиппа, потом на архикардинала Ремуара, держащегося тенью рядом с Наместником. И опять его новые способности позволили ему увидеть природу этих людей. В Филиппе Втором не было

ничего, кроме слепой надменности — в некотором смысле обратной версии елейного религиозного самоуничижения его отца. А Ремуара заполняло невероятное честолюбие — честолюбие, готовое жертвовать целым миром, предавать, лгать и убивать ради личных и церковных целей.

Этон побледнел, язык его присох к гортани.

— В чем дело, молодой человек? — резко спросил Филипп. — Кто вы такой?

— Капитан Этон из Третьего Хронофлота, ваше величество!

— Тогда вы должны быть на передовой — защищать границы Империи. Или у вас отпуск? За какие заслуги?

— Бой за Гирреад, ваше величество, — выдавил из себя Этон после секундного замешательства.

— Ах да, помню. Мужайтесь, юноша. Мы возвратим Гирреад вместе с другими нашими утраченными владениями.

Сквозь круг придворных протиснулось какое-то официальное лицо и быстро зашептало что-то Наместнику на ухо. Филипп отвернулся от Этона и заговорил с кем-то еще. Молодого капитана перестали замечать. О его отчаянной выходке забыли.

Когда Этон выбрался из толпы, его снова перехватила принцесса Майра.

— Что ж, не слишком содержательный разговор!

— Я вдруг понял, насколько это было глупо, — печально улыбнулся Этон.

— Довольно запоздалая мысль, вам не кажется? — Принцесса пытливо рассматривала лицо Этона. — О чем вы хотели просить Наместника? Может быть, я смогу помочь?

— Боюсь, что нет, ваше высочество.

С неловкостью осознавая свое невоспитанное поведение, Этон небрежно поклонился и скованно двинулся прочь. Он был в отчаянии. Здесь, в самом сердце Империи, все и каждый были твердо намерены привести дело к разрушению. Беда нависла над Империей и гудела огромным колоколом.

Миссия Этона оказалась невыполнимой.

Или почти невыполнимой.

* * *

Несколько часов спустя в главном зале было пусто и царил полумрак. Сквозь этот полумрак кралась какая-то тень, прислушиваясь к звукам спящего дворца.

Этон остановился перед тускло поблескивающей золотой плитой, за которой был Император.

До самой ночи Этон слонялся по залам и переходам дворца или тихо сидел в библиотеке. Никто не спрашивал его о том, что он здесь делает. Считалось, что раз человек попал во дворец, то имеет полное право здесь находиться.

— Император, — произнес Этон хриплым голосом, не решаясь говорить громко, чтобы его не услышали за пределами зала. — Ваш верноподданный просит аудиенции.

Этон не знал, реагирует ли машина на чей-нибудь голос, кроме Наместника. Но попробовать стоило.

Золотая плита осталась на месте, и он попробовал еще раз:

— Император, Империя в опасности!

Чудесным образом дверца обиталища машины скользнула к потолку. Из темной пещеры послышались гудение моторов и рокот колес.

Император величественно выплыл наружу, мерцая странными бликами на матовой поверхности. Между башенками Императора светилось едва заметное сияние.

— Кто смеет звать меня?

Внушающий трепет глубокий голос был негромок, но он, казалось, заполнил собой зал.

Странно и страшно было оказаться наедине с Императором. Машина излучала харизму. Этон ощутил, что значит этот механизм для Империи, и почувствовал себя маленьким и незначительным.

— Я капитан Монд Этон, — ответил он. — Когда-то служил в Третьем Хронофлоте.

Гудение и щелчки внутри Императора стали громче.

— Приговорен к смерти за трусость и пренебрежение долгом. Передан в распоряжение Департамента Связи. Послан с депешей к адмиралу Хайту тридцатого дня пятого месяца сего года.

— Факты таковы, как вы их изложили, Император. Но я до сих пор жив, как видите.

— Бедный маленький инструмент сломанного времени...

— Император, я только что вернулся из Гегемонии. — Этон начал свой рассказ, описал эксперимент адмирала Хайта, встречу с министрами Гегемонии и последующее открытие своих новых способностей. В течение всего повествования Император ни разу Этона не перебил, только гудел то громче, то тише.

В заключение Этон с полной откровенностью сообщил о косной непримиримости Наместника и его главных советников.

— Вы стоите выше Наместника, Император. Повелите Империи согласиться на мир. Свернуть с этого самоубийственного курса.

— Все должно быть как есть.

Этон озадаченно замолчал. Он знал, что Император редко выражается простым языком.

— Враг Империи — враг человечества, — сказал Император. — Сражайся, Этон. Все в твоих руках.

— Император, я не понимаю вас. Объясните, что я должен сделать? Мне это не ясно.

— Мы живем в сновидениях и ходим во снах. Все, что реально, — нереально.

Внезапно Этон услышал чьи-то шаги за спиной. Из темноты к нему вышел молодой человек в пурпурном коротком плаще. Черты лица у него были иксианские, но, в отличие от большинства представителей этой породы, глаза у него были живые и внимательные, и еще, что было нехарактерно для Иксианов, в них не было тщеславия. Когда человек в плаще подошел ближе, Этон узнал принца Вро.

— Невероятная история! — сказал ему принц.

— Вы все слышали?

— Извините, подслушал. — Принц пожал плечами. — Проходил мимо, но не смог сдержаться, когда увидел эту сцену. Да, я слышал каждое ваше слово.

Тихий рокот заставил Этона обернуться. Император удалялся в свою камеру. Золотая плита опустилась на место, и наступила тишина.

— Должен вам сказать, что вы зря теряете время, обращаясь с петицией к этой машине, — участливо сказал принц. — Никто никогда не мог добиться от нее толку и не сможет, я думаю, по очень простой причине: наш хваленый Император полный псих.

Очевидно, у Этона был очень глупый вид, потому что Вро тихо рассмеялся:

— А чему вы удивляетесь, мой друг? В него же сложены мозги всех наместников! Если судить по примеру моего отца, то там безумие лежит штабелями.

Вро хлопнул Этона по плечу:

— Знаете, мы здесь торчим как-то на виду. Я как раз шел посмотреть, как готовят мою яхту времени к небольшому романтическому приключению. Пойдемте со мной. Потом посидим у меня, поболтаем.

Бросив последний отчаянный взгляд на золотую плиту, за которой скрылся Император, Этон двинулся вслед за принцем.

В леденящих и погребальных апартаментах принца чувство безнадежности у Этона еще усилилось. Осматривая яхту, принц поведал ему о своей великой потере и о том, что он делает для возвращения возлюбленной.

И все же, несмотря на эту дурацкую одержимость, принц показался Этону человеком редкого по стандартам Императорского дворца ума. Возможность говорить с ним была облегчением.

— Хм. Это объясняет правило насчет немедленной ликвидации курьеров, — заметил Вро, деля свое внимание между Этоном и голографическим изображением пустого саркофага. — Очевидно, люди, подвергшиеся действию страта, могут вырабатывать у себя естественную способность перемещаться во времени. Церкви это не может нравиться.

— Это также означает, что я не первый, — добавил Этон. — Этот феномен должен быть известен. Но где остальные?

— Это, несомненно, один из самых тщательно охраняемых секретов Церкви, — ответил Вро. — Спасенных из страта хрононавтов обычно помещают под опеку в отдаленные мо-

настыри, и дальнейшая их судьба неизвестна. Официально считается, что они лишаются рассудка. Но мы теперь знаем, что это не совсем так, верно, капитан? Можно не сомневаться, что Церковь принимает все меры, чтобы эти люди никогда не воспользовались своей силой. И вам, друг мой, следует быть начеку, иначе вы вдруг обнаружите, что насильно пострижены в монахи. — Вро едва заметно улыбнулся.

Этон кивнул.

— То, что вы говорили об Императоре, — это серьезно? — спросил он.

— Конечно. Это просто сумасшедшая машина, и не больше. Вот почему Император — всего лишь декоративная фигура. Конечно, мой отец не может поверить в это до конца. Он считает Императора тотемом и иногда спрашивает у него совета. Но никогда не слышит ничего осмысленного.

— Тогда не поможете ли мне вы, ваше высочество? — с искренней мольбой спросил Этон. — Вы хотя бы понимаете, к чему может привести теперешняя ситуация. Не можете ли вы попытаться убедить вашего отца?

— Я? — Принц Вро засмеялся. — Государственные дела далеки от моих интересов.

— Но как вы можете не думать о них в такое время?

— Меня волнует лишь моя возлюбленная Веа, — отозвался Вро, с болью вглядываясь в глубины пустого саркофага. — Пусть мир погибнет, для меня это ничего не значит.

Этон глубоко вздохнул.

— А насчет моего отца и его похода против Гегемонии, — продолжал Вро, — так этого старого безумца никакие мои слова не переубедят. Я уже три года с ним не разговариваю, а он все равно рассчитывает, что я буду командовать эскадрой этой Армады! Но его ждет разочарование. Меня здесь не будет. Я буду далеко в будущем, чтобы спасти мою возлюбленную и вернуть ее себе!

Неожиданно выражение лица принца изменилось. Он вскочил на ноги и внимательно к чему-то прислушался.

— Что это? — тревожно спросил Этон.

— Разве вы не чувствуете?

Этон замолчал, прислушался и внезапно почувствовал нечто. Какую-то поднимающуюся волну в себе и в окружающем мире, во всем. Он на миг лишился сознания, а когда пришел в себя, то понял, что потеря сознания продолжалась какую-то долю секунды.

Принц Вро метался по комнате, заглядывал в углы, пристально рассматривал усыпальницу, изучал в зеркале свое лицо.

— Что случилось? — спросил Этон, понизив голос.

— Они снова прорвались — это уже третий раз. Как бы там ни было, здесь ничего не изменилось. Хотя я бы не помнил... разве что если бы изменение было разрывным, а может, даже и тогда не помнил бы.

— Гегемонцы? Они добираются даже сюда?

Вро кивнул:

— Обычно их отбивают на дальних подступах, но иногда им удается сфокусировать искривитель на секунду или две. В Хрононолисе отмечены некоторые незначительные изменения, как считают в Архиве. Интересно, что изменилось на этот раз. — Губы Вро изогнулись в кривой усмешке. — Может быть, это и к лучшему. Даст Бог, мутации вложат моему отцу немного ума.

Открытие, насколько далеко забираются корабли Гегемонии, было самым худшим из всего, что Этон до сих пор видел. Опустив подбородок на сцепленные руки, он глубоко задумался.

И потом принял решение, давно уже зреющее в его сознании, но о котором он до сих пор даже думать не решался.

— Теперь вы видите, почему мой отец так страстно желает послать армаду в поход, — заметил Вро. — Если эти атаки усилятся, от Империи мало что останется.

— Но если Армада начнет свой поход, станет еще хуже! — возразил Этон. — Обе стороны пустят в ход все, что у них есть. Гегемонцы применят искривитель времени на полной мощности!

У принца слова Этона интереса не вызвали.

— Что вы собираетесь делать дальше, капитан? Вам бы стоило об этом подумать. Во дворце вам оставаться опасно.

Как только здесь поймут, кто вы, разговор с вами будет коротким.

— Но я еще не сдался. Наместник не стал меня слушать. Император тоже. Но остается еще некто.

— Кто же?

— Святой Хеватар!

Вро хмыкнул:

— Он? И что вы хотите, чтобы он сделал?

— Еще не знаю. Но вся Империя взяла от него начало. Быть может, он в силах все изменить. Может быть, он даже предотвратит открытие путешествий во времени.

— В результате чего Империя исчезнет полностью? — Голос Вро был тихим от благоговейного ужаса.

Чтобы ответить, Этону пришлось сделать над собой усилие. Когда он заговорил, в голосе его звучала свинцовая тяжесть.

— Странно, не правда ли? Я, преданный слуга Империи, говорю о глобальном ее уничтожении. Верх предательства. Но другого выхода я не вижу. На карту поставлена не только Империя, а человечество, если не само время вообще. Безумен Император или нет, в одном он был прав: враг Империи — враг человечества. Возможно, безумцы — пусть даже механические — видят то, чего не видят нормальные люди.

— То, о чем вы говорите, изменит мир в корне.

— Без перемещений сквозь время каждый узел будет развиваться сам по себе, без вмешательства со стороны. Не будет Хронотической Империи, но не будет и искривителя времени, не будет хронотических войн, не будет напряжения ткани времени. Кто знает, что будет, если она разорвется?

— И не будет Святой Церкви, — добавил Вро. — Интересно, что скажет на это Святой Хеватар.

Этон повернулся к принцу:

— Ваше высочество, вы говорили, что сегодня утром собираетесь отправиться к Шестому узлу. Найдется ли на вашей яхте место для меня? Можете подбросить меня в межузловое пространство?

— Я думал, что вы способны передвигаться сквозь время произвольным образом.

— Не совсем произвольным. Я уже проверил. Мне представляется, что моя нервная система включает эту способность только в случае крайней опасности или под определенным давлением.

— Что ж, самое меньшее, что я могу сделать, — вполголоса сказал принц Вро, — это помочь уничтожить Империю.

Глава 9

Происхождение Хронотической Империи в некоторой степени застлано дымкой рекуррентного времени. Это случилось в некоторой точке, находящейся теперь между Пятым и Шестым узлами — между Береком и Ривьерой, — примерно около пятидесяти лет за Пятым узлом. Но по этой точке после перевернувшего мир открытия, приписываемого Святому Хеватару, прошли уже два узла. У Империи было более трехсот лет узлового времени — отличающегося от исторического или ортогонального, — есть где развернуться.

В течение этого узлового времени душа Святого Хеватара, разумеется, подобно любой другой душе, успела повторить свою жизнь неоднократно. В течение этих повторений мир, в котором жил святой, сильно изменился. Исходный Святой Хеватар его бы не узнал. Он теперь рождался в мир, в котором, в основном благодаря ему самому, уже существовали путешествие сквозь время и Хронотическая Империя.

В учебниках истории говорилось, что Иксианы уже были властителями Умбула, когда Святой Хеватар предоставил в их распоряжение тайну перемещения во времени. Но принц Вро сказал, что считает это искажением истины. Маловероятно, что Умбул вообще существовал в начале. Принц считал, что Иксианы были не королями или правителями, а владельцами огромного промышленного и исследователь-

ского концерна, где работал Святой Хеватар. И они не упустили шанса осуществить самые амбициозные планы и стали завоевывать прошедшие века, где технический уровень был значительно ниже, чем в их собственном времени.

Святой Хеватар оказался весьма прозорлив. Он подвел под свое открытие религиозные основы и нашел для своего учения благодатную почву в прошлом. Основанная им Святая Церковь оказалась объединительной силой расцветающей Империи.

Со временем Иксианы поняли, что перемещение во времени, которым они до сих пор с успехом пользовались, может обернуться против них, если станет достоянием всего человечества. Особенно опасным было бы проникновение путешественников в прошлое, за пределы власти Империи, — они могли бы вызвать изменения, неизбежно влияющие на настоящее, причем далеко не так, как хотел бы Департамент Истории. Было решено установить в прошлом дату, ранее которой путешествия во времени не могли быть введены. Для этой цели был воздвигнут колоссальный Барьер, потребляющий треть государственного бюджета и делающий прошлое недоступным. Когда-нибудь он тоже будет сдвинут дальше в прошлое, распространяя власть Империи на еще больший кусок истории, но пока что Барьер служил и границей расширения империи в прошлое, и ее защитой с тыла.

С другой стороны, Умбул находился слишком близко к границе со стороны будущего, чтобы ему не грозили набеги оттуда. Поэтому вблизи Барьера, в Узле, названном Первым (хотя сейчас между ним и Барьером находился еще один узел, Нулевой), была выстроена новая столица, Хронополис, защищенная почти всей протяженностью Империи.

И сейчас Святой Хеватар, пророк и избранный слуга Божий, жил в относительной тиши вдалеке от основного потока событий. Но в каждом повторении жизни он снова совершал свое ключевое открытие — способа передачи массы сквозь время, что было более чем парадоксально, поскольку свидетельства этого открытия окружали его еще до того, как оно было сделано. Было так, будто внутренняя

сущность Хеватара совершала это действие как священный ритуал — центральный, основополагающий ритуал Церкви.

Так думал капитан Этон, пока яхта принца Вро добиралась до Пятого узла.

— В каком месте жизни Святого Хеватара вы желаете высадиться? — вежливо спросил принц.

Бесполезно пытаться договориться с пророком, когда он был молодым человеком, полным сил и пылким, подумал Этон. Ученый, стоящий на пороге грандиозного открытия, вряд ли согласится отказаться от него. Лучше говорить с человеком, у которого было время подумать, с человеком достаточно старым для трезвого суждения.

— Где-то лет в пятьдесят его возраста, — попросил Этон.

— Так поздно? Это же через четверть века после открытия перемещения во времени. Если ваша цель — отменить Империю, я бы посоветовал выбрать время лет на двадцать раньше.

— На самом деле такой цели у меня нет, — с улыбкой отозвался Этон. — Это значило бы просить слишком многого. Но если бы Святой Хеватар согласился бы, скажем, появиться в Хрононолисе и выступить против войны — не сомневаюсь, что его слово перевесило бы слова всех наместников, вместе взятых.

— Может быть. Если только его преосвященство архикардинал Ремуар не объявит его еретиком! — Вро ядовито засмеялся.

Места на яхте принца Вро было не очень много (большую часть внутреннего пространства занимал мощный двигатель), и поэтому, приняв на борт пять пассажиров, трое из которых были помощниками Ролца, принц был вынужден обходиться без экипажа и сам исполнять роль штурмана и пилота. Он вводил команды в бортовой компьютер и корректировал курс по цифрам на мониторе.

Ролц и его люди, стараясь не проявлять излишнего любопытства, все же исподволь поглядывали на Этона. Очень уж невероятно было то, что он собирался сделать.

Яхта замедлила ход возле точки, указанной Этоном, и Вро сказал несколько раздраженно:

— Я в затруднении насчет выхода в ортогональное время. Честно говоря, мне бы не хотелось этого делать вообще. Как вы знаете, гражданским кораблям запрещено материализоваться где-либо, кроме узлов, а я не хочу привлекать к себе внимание. Боюсь, что мне придется высадить вас где-нибудь в тихом месте, капитан, а тогда вы можете оказаться в сотнях миль от Святого Хеватара.

На лице Этона появилось странное выражение.

— Выходить в ортогональное время вообще не понадобится, — сказал он. — Просто откройте дверь, и я выйду.

Перло Ролц вскочил на ноги, и на квадратном лице отразилось совершенно нехарактерное для него изумление.

— Ваше высочество!

Детектив и его люди не сомневались, что Этон сошел с ума.

Вро успокоительно поднял руку:

— Все в порядке, Ролц. Мы знаем, что делаем.

Однако даже он глядел на Этона с сомнением.

— Вы уверены?

— Не меньше, чем пловец уверен, что в воде можно плавать.

Вро подошел к буфету и достал пояс с плоской коробочкой.

— На всякий случай возьмите с собой ортофазер.

— Спасибо, хотя не думаю, что он мне понадобится, — сказал Этон, надевая пояс с прибором.

Принц вернулся в кресло пилота и стал следить за обратным отсчетом на экране компьютера, поглядывая на небольшой страт-экран.

— Все, мы на месте.

— Вам бы всем лучше отвернуться к стене, — посоветовал Этон. — Открывайте люк, ваше высочество.

Вро набрал на клавиатуре код замка входного люка. Загудел мотор, и люк распахнулся. За ним, за пределами поля ортогонального времени яхты, клокотал и извивался страт.

Этон собрался и прыгнул.

Когда люк закрылся снова, пятеро человек, оставшихся в кабине, повернулись и молча посмотрели туда, где он только что стоял.

* * *

Поместье Святого Хеватара располагалось посреди обширного парка в юго-западной части Умбула — более тихого и спокойного Умбула, чем этот город станет в Шестом узле через сто двадцать лет. Тут и там среди парка попадались часовни и религиозные монументы. Вьющаяся через город дорога к Поместью была застроена церквями, а ее участок, пересекающий парк, по приказу местного епископа каждый день посыпался свежими лепестками роз.

При всей величественности поместья в нем все еще угадывался научный институт, которым оно когда-то было. Известняковые купола венчали прямоугольные строения из стекла и стали. В отдельном строении стояли подключенные к подземным кабелям мощные трансформаторы, когда-то снабжавшие энергией экспериментальные установки.

Этон заметил все это, еще приближаясь из страта невидимым призраком. В ортогональное время он вышел в круглом вестибюле с мозаичным полом, балкончиками и куполом из желтого стекла с морозными узорами.

Сбоку послышались голоса. Пойдя на звук, Этон увидел открытую дверь часовни. Перед алтарем стояли на коленях двое, и на голове у одного из них была митра пророка, носить которую позволялось только Святому Хеватару. Второй был сгорбленный старик лет семидесяти, с морщинистым лицом и кустистыми бровями.

Этон не расслышал ничего из молитвы или службы, которую вел лихорадочным шепотом Святой Хеватар. Старик исполнял роль прислужника, подавая ответы на возгласы и держа чашу со святым вином, в которую пророк опускал кончики пальцев, помазывая себя и своего министранта.

Вскоре служба закончилась. Старик и пророк поднялись с колен; Святой Хеватар расправил просторную мантию и отошел от алтаря. Тут он заметил Этона и направился к нему.

— Офицер Хронофлота! — воскликнул он с удивлением. — Могу я спросить вас, как вы сюда попали? Аудиенций никому не было назначено, а о непрошеных посетителях мне бы сообщили.

— Я прибыл сюда своим путем, ваше святейшество, из другого времени. Я убежден, что сведения, которыми я располагаю, настолько важны, что вы должны их услышать.

Святой Хеватар оглянулся по сторонам:

— Вы прибыли из другого времени? Но я не вижу здесь корабля. И я все равно не понимаю, как вы сумели проникнуть в мое поместье незамеченным.

— Я прибыл, пользуясь собственной силой, ваше святейшество. Мой мозг освоил умение перемещать тело через темпоральный субстрат.

Святой Хеватар приподнял брови и указал на дверь слева от себя:

— Сюда. Там будем говорить.

Когда Этон закончил свой рассказ, выражение лица Святого Хеватара совершенно не изменилось.

— Нельзя сказать, что ваши способности — вещь совершенно неизвестная, — сказал он. — Одно время Церковь даже собиралась создать священный орден рыцарей, путешествующих сквозь время. Однако дар этот ненадежен. Человек не может применять его, когда захочет. Скорее наоборот — эта способность проявляется самопроизвольно. Похоже, что этим свойством управляет подсознание, а не мысль. В этом отношении оно напоминает другие легендарные способности святых — левитацию, умение понимать речь животных и тому подобное.

— Я это уже обнаружил, ваше святейшество.

— И вот почему Церковь держит это знание в тайне. Все неконтролируемое опасно. Есть и другая причина. Вы должны остерегаться, капитан.

— Чего, ваше святейшество?

— Все хрононавты боятся страта. Вам кажется, что вы этот страх преодолели, потому что думаете, будто страт не причинит вам вреда. Это не так. В какой-то момент ваша способность исчезнет, и тогда страт поглотит вас. Вы утонете в Пучине Погибших Душ подобно многим, тоже возомнившим себя сверхлюдьми.

Этон почувствовал, что и в третий раз его ждет неудача. Даже в пожилом возрасте лицо Святого Хеватара было по-

разительно. Полные чувственные губы, большие и живые глаза и выражение невероятного самообладания, скорее эгоистичного, чем благосклонного. Это было лицо фанатика. И Этон уже догадывался, что будет дальше.

— Ваше святейшество, я о том деле, из-за которого решился обратиться к вам. Вы должны согласиться, что Церковь, Империя, все вообще, что было достигнуто, погибнет, если война будет продолжаться. Велите вашей Церкви прекратить этот безумный Армагеддон. Император — человек глубоко религиозный; он подчинится любому приказу, исходящему из ваших уст.

Святой Хеватар едва заметно усмехнулся. Повернувшись, он посмотрел на своего пожилого помощника, будто видел что-то смешное, что понимали только они двое.

— У вас так мало истинной веры? — спросил он спокойным голосом. — Церковь и Империя не могут — не должны — быть уничтожены. Они вечны. Армада есть воля Божия. Воплощение Зла должно быть побеждено. Человечество должно быть спасено.

Этон заметил, что последнюю фразу Святой проговорил с видимым трудом. К его удивлению, пророк, будто пораженный горем, прикрыл глаза рукой и принялся раскачиваться взад-вперед.

— Бейся с врагом человечества, капитан Этон! — выдохнул он, словно в трансе. — Сокруши его фаворита! Все не так, как кажется!

С изумлением Этон услышал в словах пророчества почти дословное эхо сказанного ему недавно Императором. Потом Святой Хеватар пришел в себя и снова стал олицетворенным самообладанием. Он встал.

— Ваша забота, хотя и граничит с ересью, все же похвальна, — мягко проговорил, словно забыв, что произнес только что. — Она заслуживает награды. В моих силах изменить ваш смертный приговор. У нас есть монастырь, где при помощи специальных технологий ваш опасный дар будет излечен, а ваша нервная система вернется к норме. Конечно, остаток жизни вам придется провести в уединении, стать монахом. Вы слишком много знаете, чтобы вернуться

в мир. — Святой наклонил голову. — Переночуйте здесь и обдумайте это. Рильке за вами присмотрит.

Этон неожиданно спросил:

— Что вы знаете о человеке с драгоценными камнями вместо глаз?

Он не знал, почему вдруг ему на ум пришел этот образ, но у пророка посерело лицо и отвисла челюсть.

— Вы его видели? Уже видели?

— Да.

Лицо Святого Хеватара замкнулось. Когда он выходил, шелестя развевающимися полами мантии, в его облике было что-то от оскорбленной женщины.

Старик долгую секунду рассматривал Этона усталыми глазами.

— Меня зовут Дуайт Рильке, — сказал он наконец, вставая и протягивая руку. — Пойдемте со мной, найдем вам комнату.

Этон проспал несколько часов и проснулся от звука открывающейся двери. Он сел в кровати, тут же зажегся свет.

В комнату вошел Дуайт Рильке, сгорбленный, сломленный и очень усталый.

— В чем дело? — спросил Этон.

Рильке подошел ближе и облизал губы, потом заговорил иссохшим, дряхлым голосом:

— У меня есть разговор к вам, капитан. Послушайте, может, вы и не убедили Хеватара, но меня вы, черт побери, убедили.

— Вот как.

— Я был ассистентом Хеватара, как вы понимаете.

— Да, я видел, как вы помогали во время службы.

— Я не о религии, я о науке. Над проектом мы работали вместе.

— Над тем самым проектом?

— Да. Пойдемте со мной, я вам кое-что покажу.

Этон быстро оделся и пошел за Рильке по переходам и залам ярко освещенного здания. Кое-где стояли часовыми монахи и утешители в рясах с капюшонами, и у некоторых поверх рясы висели в кобурах лучевые писто-

леты. Но Рильке прошел мимо них, не замечая, и остановился возле двери — с виду свинцовой. Старик достал из-под рясы большой железный ключ, вставил в замочную скважину и повернул. Дверь отворилась.

— Вот здесь все это начиналось.

Погруженный в полумрак зал был заставлен тяжелым оборудованием — это была лаборатория физики высоких энергий. Этона охватил благоговейный трепет при мысли о том, что сейчас он стоит в самом сердце Империи.

Рильке осторожно закрыл за собой дверь.

— Значит, именно здесь Святой Хеватар открыл тайну перемещения во времени! — почтительно выдохнул Этон.

— Хеватар? Он ее не открыл, — ровным голосом отозвался Рильке. — Это я ее открыл.

Этон уставился на старика непонимающим взглядом:

— Вы?

— Хеватар развил открытие, но сделал его я. — Лицо Рильке смягчилось; он погрузился в воспоминания. — Мы работали вместе. Хеватар был руководителем, а мы с Абсолом Хумбартом — его главными ассистентами. Тогда здесь было куда больше всякого железа. Вон там находился ускоритель элементарных частиц, а там — камера высокотемпературной плазмы и много чего еще. Но мы тогда даже и не думали о перемещении во времени. Нам и не снилось, что оно возможно. Мы исследовали силы взаимодействия барионов, только и всего. Как-то я придумал новый способ изоляции пи-мезонов. Собрал установку, включил ее, и тут совершенно случайно вышел из строя подавитель бросков, и произошел прорыв энергии. И вдруг оказалось, что я нашел способ разгонять пи-мезоны быстрее света.

Старик обвел лабораторию глазами, как будто вспоминая.

— Это было везение — один шанс из миллиона. С этого момента все взял в свои руки Хеватар. Естественно, что в такое открытие он вцепился обеими руками, изучил со всех сторон. Вскоре он нашел одно важное следствие найденного мною эффекта: его можно было использовать для перемещения массы сквозь время. Дальше его было не остановить. Сейчас, конечно, все лавры принадлежат ему, но ни-

чего бы этого не было, если бы я тогда не поставил свой опыт.

— Вам есть чем гордиться.

— Вы думаете? Довольно долго я и гордился, но в последнее время скорее боюсь. Видите ли, мы пользуемся привилегией знать все новости. И я понимаю, что история рвется на части. Я вижу конец света, но никто не понимает, что само время разваливается, и никто не хочет это предотвратить. Своим экспериментом я открыл настоящий ящик Пандоры. Ваш приход показал мне, что дело зашло слишком далеко.

— А что случилось с тем другим ассистентом Хеватара — Абсолом Хумбартом? Он умер?

Рильке отвернулся и что-то тихо пробормотал — Этон едва расслышал.

— О нем мы уже говорили. Не будем трогать эту тему.

Этон с горечью подумал, что из двух человек во всей Империи, разделяющих его точку зрения, один одержим безумной любовью к трупу, а другой — вот этот дряхлый старик.

— Я рад, что вы согласны со мной, — сказал он Рильке. — Но, как я понимаю, мы мало что можем сделать.

— Есть одна вещь, которую я могу сделать. Или хотя бы попытаться. Я могу отправиться в прошлое и сделать так, чтобы ничего этого не было.

— Можете?

Рильке подвел Этона к большому тускло-коричневому шкафу, который капитан сперва принял за буфет.

— Это действующая машина времени. Самая первая.

Старик открыл дверцу шкафа. Внутри были сиденья и пульт управления.

— Вы действительно думаете, что сможете убедить молодого Хеватара — или самого себя в молодости?

Улыбка Рильке была ледяной.

— Хеватара никто, никогда и ни в чем не мог убедить. Что же касается меня, я тогда был полным энтузиазма щенком и ни за что не отказался бы от шанса сделать величайшее открытие — ни для кого на свете. Кроме того, поймите еще одно: мой рассказ прозвучал бы совершенно невероят-

ной выдумкой. Мы ведь в те времена ничего не знали об Империи.

Ошеломленный Этон попытался это понять.

— Как вообще кто-то мог не знать об Империи?

— Не забывайте, что время очень сильно изменилось. Прошлое, настоящее, будущее — все стало другим. Однако есть один аспект, который и Церковь, и Империя оберегают с особой тщательностью, — самое главное событие, которое привело к возникновению Империи. Святого Хеватара и меня поместили в особые условия, чтобы мы даже не узнали о том, что перемещения во времени уже существуют. Мы работали все в той же компании «Монолит Индастриз», в которой работали, как предполагалось, до всех изменений. Когда мы установили принцип двигателя времени, нам постепенно открыли все. Мы едва смогли поверить. Даже сейчас все это кажется сном.

— Это логично, — согласился Этон. — Департамент Истории постарался бы избегать парадоксов в таком важном вопросе, как открытие двигателя времени. Но вы говорили о другом ассистенте Святого Хеватара, о Абсоле Хумбарте. Очевидно, он тоже прошел через эту процедуру?

— Разве я упоминал вам Абсола Хумбарта? Нет, он в этом не участвовал, — неопределенно отозвался Рильке. — Возможно, в каких-то ранних повторениях, но не теперь...

Настаивать далее не имело смысла.

— Так что вы предлагаете сделать? — спросил Этон.

Рильке вытащил из-под складок своего плаща тяжелый лучевой пистолет.

— Я собираюсь убить самого себя, — ответил он просто. — Это единственный выход. Убить молодого Рильке прежде, чем он поставит свой эксперимент с изоляцией пи-мезонов. Тогда ничего не случится. Не будет ни Империи, ни войн во времени. Мир станет таким, каким был до изобретения машины времени.

— И на что это будет похоже, как вы думаете?

— Не знаю. Кажется, теперь уже никто этого не знает.

— А вам не кажется, что вы в своей преданности идее доходите до фанатизма?

— Кто-то должен что-то сделать. Ничего другого я придумать не смог, а кроме того, я действительно виноват в том, что происходит. — Морщины на лице старика стали резче. — Шесть часов я колебался, принимая решение. Но я его принял и теперь знаю, что мне делать.

— Опять парадоксы, — пробормотал Этон. — Если вы убьете самого себя в молодости, то не сможете дожить до того момента, когда вы это сделаете.

— Ничего не остается — будь что будет. — Рильке решительно выставил челюсть.

— Но зачем вы рассказали обо всем этом мне?

— Для управления машиной времени нужны двое. Один занимается прокладкой курса, другой ведет аппарат. Если со мной что-нибудь случится, вы сможете вернуться сами. Машина запрограммирована на автоматическое возвращение по собственному следу.

— Но если у вас получится, — медленно проговорил Этон, — тогда вопрос о возвращении не стоит. Путешествий во времени не будет. Кстати говоря, я, вероятно, тоже перестану существовать. Мало кто останется из живущих.

— Да. И что из того?

Самопожертвование Дуайта Рильке не вызвало у Этона ни удивления, ни восхищения. По сравнению с тем, что было поставлено на карту, судьба отдельной личности была исчезающе малой величиной. Однако Рильке явно не подумал о другой стороне медали: если мир вернется к первоначальному состоянию, то через несколько сот лет человечество все равно погибнет.

Но на самом деле Этон был уверен, что возврат к прошлому отнюдь не будет настолько полным, насколько старик рассчитывал. Иначе он бы и не подумал позволить Рильке провести свой план в жизнь. Бывший ассистент Хеватара понимал хронотические мутации очень грубо и упрощенно. Он не отдавал себе отчета в том, что исходный мир стерт настолько, что вряд ли может появиться вновь. Из мешанины, в которую превратило время Хронотическая Империя, возникнет что-то новое, очень во многом напоминающее ее.

Это значит, есть хороший шанс, что самоубийственная война, превратившая Землю в пустыню, не случится. Человечество выживет даже и без путешествий во времени.

— Хорошо, я лечу вашим штурманом, — сказал Этон. — Но командовать будете вы.

Этон вошел вслед за Рильке в тесную кабину и рассмотрел верньеры. Это была живая древность, но Этон смог узнать далеких предков привычных рукояток управления.

Рильке закрыл дверь и занялся подготовкой аппарата к работе. Раздался высокий гул ожившего двигателя времени, и Этон понял, что машина мощнее, чем он сперва подумал.

Этон стал смотреть на штурманский экран. Рильке, что-то тихо бормоча себе под нос, отправил машину в страт.

Умбул времен Шестого узла был городом высоких изящных башен с гладкими стенами, раскидистыми внизу и сходящимися в кинжальные острия шпилей наверху. Это был город бульваров и затейливо переплетенных переулков между опорами заоблачных зданий. Гонимая ослепляющим страхом, бежала по этим кривым улочкам Инприсс Сорс.

В Умбуле она находилась уже полтора дня, проведенных без сна. Она не искала ни где жить, ни где заработать на жизнь. Она только бежала и бежала.

Она отчаянно пыталась найти на хронолайнере того симпатичного молодого офицера, который обещал ей помочь. Его нигде не было, и это можно было объяснить только одним: его убили травматики. И пассажира, с которым он вышел тогда из салона, тоже не было видно.

Но она запомнила слова этого офицера: травматики играют с ней в кошки-мышки. Ей не уйти от них, и они ее убьют, когда решат, что настало время.

Как только хронолайнер достиг Умбула, Инприсс бросилась в город. Но вскоре оказалось, что бежать ей некуда. Почти у самого трапа из толпы встречающих навстречу ей вышел мужчина и широко улыбнулся.

Это был Рол Стрин!

Инприсс бросилась бежать, но он не пытался ее остановить. С тех пор то он, то его напарник, Вилен, попадались Инприсс всюду.

И она сломалась. Она подбегала на улице к незнакомым людям и кричала «Спасите меня!», но они только шарахались прочь. Раз или два Инприсс упоминала о травматиках, но тогда реакция прохожих была еще более враждебной. Травматики были тайной силой в Умбуле, как и повсюду, и вряд ли кто решился бы сознательно встать у них на дороге.

Инприсс, всхлипывая, упала на скамейку.

Кто-то присел рядом с ней.

— Видишь, детка? Нет смысла с нами воевать. Смирись, так будет лучше.

Инприсс подняла лицо и с открытым ртом уставилась на вытянутую хищную физиономию Стрина.

— Ты просто делай, что мы говорим, — мягко продолжил травматик. — И кончится этот кошмар.

Внезапно Инприсс превратилась в кролика, загипнотизированного удавом. Глаза ее остекленели.

— Вы хотите, чтобы я пошла с вами добровольно, — проговорила она пустым, ровным голосом. — Вот почему вы раньше меня отпускали. Потому что я не хотела.

— Именно так, дорогая. Теперь ты понимаешь. — Стрин оглянулся на стоящего неподалеку Вилена и подал своим помощникам, которые следили за женщиной, знак разойтись.

Воля Инприсс сломлена, и теперь она будет повиноваться. Признаки этого перелома Стрин узнавал безошибочно. Он даже слегка жалел, что преследование закончилось так скоро. Многие из жертв ударялись в бега на годы. Был один человек, который сдался только после двадцати лет преследования.

— Только Хулму — истинная реальность, дорогая моя. И ты скоро в этом сама убедишься. Ты отправишься к нему.

Инприсс закрыла глаза.

— Пойдем, Инприсс. Пойдем.

Она послушно поднялась и пошла за Стрином и Виленом, сжимая в руках сумочку. Инприсс была во власти никогда не изведанного ранее чувства: полного смирения. Нельзя было сказать, что эти люди сломали ее волю. Ее воля будто изменилась, и она приняла то, что они собирались с ней сделать, потому что просто не видела иного будущего.

— Понимаешь, дорогая, когда игра доходит до этой стадии, мы уже оказываем тебе благодеяние, — говорил по дороге Стрин. — Ты только представь себе, что было бы, если бы мы почему-то не смогли принести тебя в жертву. Ты бы в каждой своей жизни проходила через это снова и снова. Но на этот раз твоя жизнь не повторится. Твоя душа отправится к Хулму. И никогда больше тебе не придется испытать эту погоню.

— Где мы это будем делать? — оживленно поинтересовался Вилен. — Выберем местечко потише и поспокойней? Можем снять комнату в отеле.

— Церемонию надо провести в главном храме, — сообщил ему Стрин. — Сам Фаворит проявил интерес к этому случаю. Он будет наблюдать.

— Фаворит? Вот это да!

— Да, он из них, ваше высочество. Я был прав.

На полу номера, снятого принцем Вро в отеле, доступном лишь немногим избранным, лежал человек. Вокруг его головы стояли овальные пластины детектора биополя. Перед экраном детектора сидел Перло Ролц и колдовал с ручками прибора, время от времени поглядывая на смутные образы, проносящиеся по зеленоватому экрану. Один из помощников Ролца с парализатором в руке склонился над лежащим.

Дело двигалось куда быстрее, чем ожидал принц. Детектив начал с осмотра улиц, где архивариус Мейр считал возможным прохождение провала. Пытаясь по карте проследить возможные пути, по которым могли перевозить тело, Ролц заметил нечто, на что непрофессионал не обратил бы внимания. Как сказал он сам, «шпики так и кишели». Ролц решил рискнуть и со своими людьми свинтил одного такого прямо на улице — просто, но эффективно.

— А откуда на улице столько травматиков? — задумчиво поинтересовался принц Вро, потягивая ликер.

— Ответ простой, ваше высочество. Этот тип — из группы слежения. Гоняют по городу какого-то беднягу, пока он не свалится.

Ролц кивнул помощнику, и тот снова ткнул парализатором в пленного, повторив вопрос. Травматик испустил долгий булькающий крик и забился на толстом ворсистом ковре. Ролц, задумчиво поглаживая подбородок, вглядывался в экран детектора.

Он давно обнаружил, что сочетание детектора биополя и с долгими ударами невыносимой боли — почти безотказный способ допроса. Допрашиваемый мог иметь дисциплинированный мозг, мог препятствовать возникновению в нем образов, нужных следователю, но боль разрушала эту дисциплину. Боль отвлекала внимание и не позволяла сосредоточиться, а тем временем образы и сведения проявлялись в электростатическом поле человека автоматически, даже против его воли.

— О принцессе Веа он ничего не знает, — через несколько секунд доложил Ролц. — Однако ему известен адрес главного храма травматиков в Умбуле.

— И что вы рекомендуете?

— Принцесса может быть в храме или его окрестностях. Так или иначе, там кто-нибудь наверняка знает, что с ней сделали, — подытожил Ролц. — Наш лучший шанс — действовать быстро и решительно, пока травматики ничего не заподозрили — а они могут, если заметят исчезновение своего человека. Я предлагаю наведаться в этот храм и прихватить с собой полицейских или ребят из здешнего контингента Имперской Гвардии. Даже если принцессы в храме нет, мы наверняка уже близки к цели.

Вро указал на лежащего на полу пленника:

— А с ним что делать?

— Если здешнему менеджеру можно поручить избавиться от трупа...

— Не беспокойтесь. В этом отеле сервис безграничен.

— В таком случае... — Ролц наклонился, вынимая из кармана куртки резиновый цилиндрик, и приложил его к голове пленника. Человек на полу тут же обмяк — его мозг превратился в желе. — Теперь, ваше высочество, я думаю, действовать надо без промедления.

* * *

Инприсс Сорс удостоилась высокой чести. Ее принесут в жертву на алтаре Хулму в Храме Умбула в полном и торжественном обряде.

Как загипнотизированная, она смотрела неотрывно на Невозможный Образ Хулму. Здесь Образ был не абстрактной скульптурой, а голографическим мобилем, извивающимся и клубящимся. Стрин заметил, что девушка впадает в транс, и взял ее за подбородок, чтобы отвернуть ее взгляд в сторону. Если долго смотреть на Невозможный Образ, глаза начинают двигаться независимо друг от друга, и иногда даже за час не удается восстановить их координацию.

Стрин и Вилен, назначенные на эту жертву Гончие, имели право выполнить обряд без присутствия других членов секты. В зале стояла камера, и Фаворит, основатель и глава секты, мог следить за ритуалом из других помещений храма.

— Веришь ли ты теперь в Хулму, сестра? — спросил Стрин.

— Да, — слабо отозвалась она, и она действительно верила. Зло столь могущественное, как это, не могло основываться только на воображении. Что-то настоящее должно было стоять за ним.

— Ибо он существует, и ты это знаешь, — говорил ей Стрин. — А вот Бог Церкви не существует. Все мы — творения Хулму. Он проецирует нас на экран времени, чтобы смотреть на нас.

Стрин и Вилен пошли по залу, настраивая какие-то аппараты.

— Разденься, Инприсс, — приказал Стрин жертве.

Она послушно сбросила с себя одежду.

— Очень хорошо. Теперь ложись на алтарь. — Голос травматика стал нежен.

И начались обряды — «Сотворение Злодейства», «Заговор и контрзаговор», «Развлечение Сценариста». Для собственного удовольствия, ибо это не было обязательно, они вторично совершили обряд «Священного Покрова», вознеся свой оргазм Хулму, как и в первый раз. Секс и смерть всегда хорошо сочетаются.

Гудели и щелкали приборы, назначение многих из которых было тайной даже для членов секты. Наконец Инприсс стала подавать реплики в ответ на вопросы, и это было самое важное. Добровольность жертвы должна быть непритворной.

Стрин и Вилен знали: Инприсс дошла до степени покорности, совершенно оторванной от реальности, почти до эйфории. Если они будут действовать правильно, то дальше наступит возвращение к холодному реализму с обновленным ужасом понимания собственного положения. Именно поэтому эйфория столь полезна: после нее куда сильнее душевная мука.

Вилен щелкнул выключателем. Зал заполнился мощной ледяной вибрацией, которая подействовала на Инприсс подобно ведру холодной воды. Ее глаза расширились, взгляд сфокусировался. Травматики прекратили молитвенное пение.

— А что будет со мной, когда моя душа утонет в Пучине? — спросила она дрожащим голосом.

— Ты будешь принадлежать Хулму, который вселит в тебя ужас и будет пытать тебя вечно, — отозвался Стрин грубо и холодно.

Инприсс охватила внезапная дрожь, ее голые руки и пятки забарабанили по алтарю. Стрин понял, что жертва готова — приведена в состояние ужаса, которого требовал обряд. Ужаса, который в сто раз усилит естественную травму смерти.

Для проверки он глянул на приборы, окружающие алтарь. Уровень страха Инприсс превышал отметку «Сто».

И при этом Стрин знал, что ее покорность остается безусловной; разум оставил все надежды на спасение.

И он включил аппарат, похожий на миниатюрный радар. Из вогнутой чаши сканера хлынул поток розово-лиловой энергии и окружил Инприсс Сорс бледной мерцающей аурой.

Этот прибор был, вероятно, самой главной тайной секты. Его конструкция была создана Фаворитом, а он, как говорили, узнал ее от самого Хулму. При помощи этого устройства душа в момент смертной травмы полностью отде-

лялась от тела, за которое так долго цеплялась. Инприсс Сорс никогда не вернется к началу жизни и не проживет ее снова. Она беспомощно утонет в потенциальном времени, где ее схватит Хулму и использует себе на радость.

Стрин кивнул Вилену. Исход Инприсс было решено совершить с помощью медленно вонзаемых ножей. Они взяли в руки сверкающие лезвия.

— Выгни спину, Инприсс. Подними свое тело, — приказал Стрин.

Инприсс повиновалась. Ее грудь и живот напряглись, стремясь навстречу остриям.

Медленно пошли вниз ножи.

В течение всего полета на древней машине времени Этон и Рильке почти не разговаривали. Рильке тщательно настраивал конечный вектор подхода. Точка назначения была заранее выбрана им с точностью до минуты.

Лаборатория, в которой они оказались, была той же самой, только она была не так чисто прибрана и аппаратуры было больше — действительно лаборатория, а не тщательно оберегаемый музей. Единственный человек, находящийся в помещении, сидел у стола к ним спиной и разбирал какие-то бумаги. Появления машины времени он не заметил.

Все это Этон видел на внешнем смотровом экране машины. Рильке поднял лучемет. Старик дрожал, на морщинистом лице выступила испарина.

— Вам страшно, — тихо заметил Этон.

Рильке кивнул:

— Не за себя. За него.

— Что вы чувствуете, глядя на себя в прошлом? Это кто-то другой? Или все еще вы?

Рильке не ответил.

— Вы останетесь здесь, капитан, — сказал он. — Это должен сделать я, и никто другой. — Рильке наклонился, открыл панель под пультом управления и достал еще один лучемет.

— У него тоже есть оружие, — сообщил старик Этону. — Пистолет, стреляющий свинцовыми пулями. Может выйти так, что он меня убьет. Тогда работа ляжет на вас. Сможете?

— Если придется.

Рильке открыл стальную дверь и вышел. Молодой Рильке оглянулся на звук. Этон увидел спокойные глаза молодого человека лет тридцати и понял, что этот человек куда меньше поражен появлением незнакомца в лаборатории, чем был бы любой другой на его месте.

— Кто вы такой? — быстро спросил он после короткой паузы. — И как вы сюда попали?

Старший Рильке был на грани обморока от нахлынувших эмоций.

— Я — это ты, Дуайт, только старше, — произнес он дрожащим голосом. — И я здесь для того, чтобы убить тебя!

Молодой человек испуганно вздрогнул и вдруг рассмеялся.

— Вы сумасшедший! — Молодой Рильке протянул руку и нажал кнопку на столе. — Охрана? У меня в лаборатории посторонний.

Сказав это, он повернулся к старику:

— И почему вы хотите меня убить?

— Потому что через несколько лет ты совершишь открытие, которое вывернет мир наизнанку. Посмотри на меня, Дуайт. Неужели ты не узнаешь меня?

Этон никак не мог взять в толк, зачем Рильке тянет сцену вместо того, чтобы покончить со всем разом. Но потом он понял. Старику была невыносима мысль, что его молодое «я» умрет в неведении. Слишком большое у него было уважение к себе.

Самоуважение старшего Рильке едва не кончилось плачевно для его предприятия. Его молодой двойник был весьма сообразителен. Он перевел глаза на машину времени, будто готовый принять слова старика всерьез, потом неожиданно сунул руку в стол и вытащил оттуда какое-то оружие из синеватого металла.

Старший Рильке, до сих пор прятавший свой лучемет за спиной, прицелился и выстрелил, но у него тряслись руки, и он промазал. Молодой отпрыгнул в сторону, обернулся и выстрелил сам.

Гром дважды грянул под сводами лабораторного зала. Луча видно не было, но что-то со звоном отскочило от

металлических стоек. Старшего Рильке, похоже, не задело. Он перехватил лучемет обеими руками и дал непрерывный луч — редко используемый режим, потому что при нем батареи садятся почти сразу. Тусклый красный луч быстро погас, но успел полоснуть человека наискось через грудь, и тот свалился на пол.

Этон подошел к дверце машины. Рильке выпустил лучемет. Глаза старика потускнели, щеки обвисли.

— Сделано! — хрипло выкрикнул он. — Сделано!

Этон с любопытством уставился на живой парадокс.

И сразу жизнь, теплившаяся в глазах старика, ушла. Он свалился на пол как марионетка, когда обрезают нити. С невероятной скоростью стала исчезать плоть. Не прошло и минуты, как от упавшего старика остался скелет, обтянутый пергаментной кожей.

Парадокс разрешился. Если исключить игру со временем, это было простое самоубийство.

Охрана могла появиться с минуты на минуту. Этон оглянулся вокруг еще раз, изумленный тем, что до сих пор существует. Потом вернулся к пульту машины.

И осторожно нажал на кнопку автоматического возврата.

Двигатель аппарата загудел, и машина немедленно переместилась в страт.

Всю обратную дорогу Этон просидел неподвижно, и мысли его мешались. Сквозь оставленную открытой дверь был виден клубящийся страт, и поверхность его раздела с ортогональным полем тесной кабины была необычнее всего, что Этон в жизни видел. Он подумал, что у него есть способ управлять, пусть не в полном объеме, своей способностью перемещаться по времени. Он может вывести корабль времени в страт, открыть люк и выйти, где захочет, — если только в этот момент подсознание не возьмет верх. Если хочет, он может это сделать прямо сейчас. Но Этон решил до конца досмотреть, что будет, и закрыл дверь. Время от времени он смотрел на приборы, опасаясь, что автоматика может сбиться с курса из-за хронотических капризов, но все функционировало нормально.

Когда машина вышла в ортогональное время, в лаборатории находился Святой Хеватар, и вид его был печален.

— Где вы были? — спросил Святой грустно.

— Пытались выправить наше время, — цинично улыбнувшись, отозвался Этон без требуемых титулований. — Ваш ассистент Рильке внезапно обратился в мою веру и подумал, что может отменить все, что случилось со времен вашей совместной работы. Он ошибся.

Этон кратко рассказал, что произошло. Святого Хеватара ничуть не смутило оглашение того факта, что главный принцип, лежащий в основе перемещения во времени, открыл Рильке. Он лишь заметил, что ради целостности религиозной мифологии именно ему, основателю Церкви, должны были принадлежать лавры и что он в смирении своем приписал это прямому откровению Божию.

— Я подозревал, что все так и закончится, — отозвался Этон. — Это догмат Церкви, который, очевидно, является истинным. Открытое однажды, перемещение сквозь время останется открытым. Жертва Рильке была тщетной, потому что парадоксы ничего не меняют.

Святой Хеватар задумчиво кивнул:

— Я всегда считал, что охранные мероприятия Департамента Истории, связанные с главным, Богом дарованным событием, излишни. Хронотическая История слишком запутанная вещь, чтобы ее можно было так легко распутать. Сам факт появления машин времени в принципе ослабляет жесткую взаимосвязь причины и следствия, даже если перемещаться только между Узлами. И сейчас у нас есть перемещения во времени, хотя их никогда не изобретали. Воистину удивительно.

— И воистину разрушительно, — ответил Этон. — Рильке не смог уничтожить Империю, но Гегемония — может. А с Империей — и человечество.

Но пророк уже смотрел на Этона пристальным огненным взглядом.

— Это ты! — с усилием выдохнул Святой. — Ты избран! Я узнал тебя! — Пророк вскинул руку и прикрыл ею глаза, потом провел ладонью по лицу, как будто борясь с внезапным приступом головокружения.

— О чем это вы? — хрипло спросил Этон.

— Забудь мои мелкие обманы, — со слабой улыбкой ответил ему Святой Хеватар. — Как бы там ни было, а я все еще пророк Господень и вижу иногда сквозь завесу. — Святой говорил как во сне. — Ты наша единственная надежда, Этон. Ты воин Божий. Ты меч Его для битвы с врагом Церкви и Империи.

От этих неожиданных слов у Этона закружилась голова. Потом из глубин разума стало возникать побуждение, призыв. Борясь с этим чувством, он пытался найти ответ на слова Святого Хеватара.

Но напрасно. Подсознание снова взяло его судьбу в свои руки.

Этон перенесся в страт.

Он летел вперед — в положительную сторону, на жаргоне хрононавтов. Вокруг него повсюду снова ревело и бушевало неземное пламя страта. Этот огонь пронизал его насквозь, и Этон понял, что его личное ортогональное поле исчезло. Он наполнился трансцендентальной энергией, стал многомерен по своей природе и возможностям.

Теперь, когда он слился с огнем страта, субъективное чувство проходящего времени исчезло и полет к новой цели не имел продолжительности. Краем сознания Этон улавливал, что несется с огромной скоростью вблизи серебристо-свинцового экрана действительности. События на экране летели, сливаясь в размытый поток.

Экран закачался — Этон сбавил скорость, подлетая к какой-то его точке. Оказалось, что он смотрит в комнату в высоком здании в Шестом узле. Двое мужчин, один высокий и суровый, другой приземистый, толстый и вкрадчивый, стояли над обнаженной женщиной, которая лежала на покрытом тканью столе, выгнувшись дугой вверх. В руках мужчин были блестящие кинжалы, медленно и уверенно опускающиеся к белеющему телу. Вокруг стояли гудящие, тикающие и щелкающие устройства.

Подлетев ближе, Этон вспомнил, где видел эту женщину. Это была Инприсс Сорс.

Он вышел в ортогональное время.

Стрину и Вилену показалось, что Этон появился прямо из Невозможного Образа Хулму, поскольку он материализовался как раз между ними и алтарем. Они отпрянули с криком ужаса, решив на миг, что им явился их бог. Вокруг Этона мерцал радужный ореол. Пропитавшая его энергия пульсировала и мерцала при каждом движении.

Но травматики опомнились и, поняв, что это всего лишь человек, бросились на него, выставив кинжалы.

Из груди Этона подобно шаровой молнии вылетело ослепительное облачко чистой энергии и обволокло Стрина, который тут же упал замертво.

Вилен остановился как вкопанный и застыл с глупым видом, неуклюже держа кинжал. В замешательстве он глядел то на Стрина, то на Этона. В воздухе пронесся второй заряд энергии, и Вилен рухнул, не издав ни звука.

Этон осторожно шагнул к женщине. Она все еще дрожала от усилия, выгибаясь вверх, закрыв глаза, и часто дышала, ожидая пронзающих лезвий. Этон как можно мягче взял ее за плечи, усадил на алтаре и попросил открыть глаза.

Инприсс взглянула на него без всякого выражения.

— Все уже позади, — сказал ей Этон. Но было ясно, что она в глубоком шоке. Человек, прошедший подобное испытание, может на годы стать пациентом психиатров.

Этон положил руку ей на лоб. Из его ладони вышел слабый поток энергии и пронизал мозг девушки. Этон ощущал каждую ее мысль, видел все уголки и закоулки ее сознания. И в эти уголки он посылал исцеляющую силу, следуя за ходом ее мыслей.

Наконец девушка перестала дрожать, успокоилась и пришла в себя.

— Спасибо, — сказала она.

— Одевайтесь, — сказал он. — Пойдемте отсюда.

Пока девушка торопливо натягивала на себя одежду, Этон обошел зал, с омерзением опрокидывая все еще работающие устройства. Обнаружив голографическую камеру, он выругал себя за то, что не заметил ее раньше, и оторвал кабель.

Этон знал, что они находятся в задней части здания на третьем этаже. Приоткрыв дверь, он выглянул в коридор.

Обернувшись к Инприсс и увидев, что та готова, он поманил ее за собой. Они выскользнули в коридор.

По обеим стенам коридора тянулись ряды дверей, из-за которых доносились приглушенные говор или пение. Этон повел Инприсс к лестнице. Уверенный в том, что легко разберется с любым встречным, Этон направился вниз, держа Инприсс за руку.

На втором этаже, в нескольких шагах от площадки лестницы открылась дверь, и оттуда вышел человёк с худым сосредоточенным лицом. Заметив его, Этон резко остановился:

— Сержант Квейл!

Вырванный из своих грез, сержант Квейл взглянул в сторону Этона и не поверил своим глазам. Он пролепетал что-то неразборчивое. Казалось, что его ноги приросли к полу. Затем сержант с нечленораздельным криком повернулся и попытался снова распахнуть дверь, из которой только что вышел.

Этон вскинул руку с вытянутым указательным пальцем. Из кончика пальца вырвался невыносимо яркий луч и ударил Квейла в затылок. Вдоль луча летели изображения — процессия миллиардов изображений в секунду. Часть их мелькнула перед Этоном и Инприсс, проносясь вдоль луча, будто кадры киноленты, пущенной ускоренно ради комического эффекта.

Сержант-еретик рухнул лицом вниз — его мозг был перегружен и сожжен невероятно быстрым потоком вынужденного восприятия.

На тревожный крик Квейла из двери выскочили другие травматики, человек десять. Этон выпустил в их сторону несколько шаровых зарядов, упиваясь властью над новой для него силой. Инприсс только смотрела — то, что она пережила, лишило ее способности удивляться.

Этон и Инприсс пошли дальше вниз, но теперь ожило все здание. Слышались топот бегущих ног, хлопанье дверей.

Этон был озадачен. Вся эта суматоха не могла подняться из-за него, если бы за ним не следили. И камера перед алтарем здесь тоже ни при чем, иначе бы все это началось раньше.

Спустившись еще на один пролет, Этон получил ответ на свой вопрос. Внизу, на первом этаже, лестница выходила в вестибюль с широкой входной дверью, как в гостинице. Дверь была выломана, и вестибюль кишел хмурыми лицами и плюмажами императорских гвардейцев. Посреди толпы стоял в алом плаще принц Вро Иксиан воплощением юного высокомерия. Рядом с ним — широкоплечий коренастый мужчина.

Капитан гвардейцев поднес ко рту мегафон:

— Здание окружено силами закона. Сопротивление бесполезно. Выходите и сдавайтесь.

Гвардейцы уже рассыпались по всем помещениям храма, не обращая внимания на Этона и Инприсс.

Этон подошел к принцу Вро. Принц приподнял брови:

— Хотя ответ может оказаться долгим, я все же спросил бы, что вы здесь делаете.

Этон представил принцу Инприсс. Пораженная благоговением, она автоматически присела в реверансе. Вро ответил едва заметным кивком головы.

— Эта дама была жертвой травматиков, — сказал Этон, — и перенесла много страданий. Я хотел бы просить вас, ваше высочество, взять ее под свою опеку. — Шагнув ближе, капитан тихо добавил: — Ей нужно бережное обращение.

— Обещаю вам, — ответил Вро, но глаза его не отрывались от лица Этона. Он не мог не заметить изменений, происшедших с этим человеком. Молодой офицер казался богоподобным, взгляд твердых глаз излучал свет, все его существо было заряжено энергией и жизнью.

Подозвав к себе капитана гвардейцев, принц поручил ему Инприсс, сказав, что она под защитой Империи. Этон кивнул ей, показывая, что она может уйти с эскортом, который был тут же организован.

— Мы ищем мою возлюбленную Веа, — сказал Этону. — Я был бы очень благодарен вам за помощь. Вы уже успели ознакомиться с расположением здешних помещений?

— К сожалению, вынужден вас разочаровать. Я прибыл сюда только несколько минут назад. Но за это время я успел убить троих травматиков.

— Полегче! — недовольно попросил принц Вро. — Они мне нужны живыми.

Они вместе поднялись по лестнице и прошли в зал. Этон смотрел, как детектив со своими людьми допрашивает приводимых к нему травматиков, применяя пытки под детектором биополя. Почти всех он через минуту-другую отбраковывал. Заинтересовал его лишь допрос одной из немногих обнаруженных женщин.

Это была женщина лет пятидесяти, с упрямым лицом, в растрепанных волосах поблескивала седина.

— Она что-то знает, — объявил Ролц, когда она оказалась между пластинами детектора. — На экране есть изображения.

Вро присмотрелся. На монохромном экране мелькнул силуэт юной девушки в саркофаге.

— Веа! — выкрикнул принц придушенным голосом.

— Парализатор — долго и сильно! — бросил Ролц своему помощнику.

Женщина пронзительно закричала, прерывисто втягивая ртом воздух.

— Я все скажу! — взмолилась она. — Я все скажу!

— Пусть говорит! — приказал принц Вро.

— В этом нет необходимости, ваше высочество. Информация, полученная на детекторе, надежнее.

— Пусть говорит! — заревел принц Вро. Он наклонился к женщине. — Что ты знаешь о принцессе Веа? Ее привозили сюда?

— Ага. — Губы сектантки сладострастно дернулись. — Принцесса Империи! Фаворит решил, что ее душа еще находится в теле. Что она задержалась в страте.

— И так и было?

— Нет. Она была мертва. Мертва всерьез. И ее душа вернулась к началу, как у всякого другого. — Лицо женщины передернулось отвращением.

— И что... что вы сделали с телом?

— Оставили себе. Как трофей.

— Оно здесь, в храме?

— Нет.

— Тогда где?

— Не знаю. — Женщина пожала плечами. — Где-то в городе.

Ролц подтвердил, что сектантка говорила правду. Чем больше проходило допрашиваемых, тем сильнее раздражался Вро. О теле принцессы Веа знали многие. Но куда его перевезли, не знал никто.

— Не отчаивайтесь, ваше высочество, — сказал Ролц. — Принцесса была здесь, это уже точно. Проследить ее перемещение отсюда — дело техники.

Этон решил осмотреть храм. В нем было тихо, но гвардейцам еще придется попотеть, пока они вычистят всех из такого огромного здания. Наверняка здесь еще полно укрытий. Этон поднялся туда, где нашел Инприсс. Может быть, подумал он вяло, там удастся найти то, что ищет принц Вро.

По дороге он открывал все попадающиеся двери. Он видел алтари, кладовые с загадочной аппаратурой, комнаты неизвестного назначения. В некоторых комнатах сидели забившиеся в угол люди, опасливо поднимавшие на него глаза. Этон не завидовал их участи — Церковь не знала снисхождения к еретикам.

Этон шел по тихому боковому коридору, когда из-за закрытой двери послышались странные мяукающие звуки. Этон поколебался, потом осторожно приоткрыл дверь и вошел.

Спиной к двери стоял толстый, рыхлый человек с покатыми плечами, в пухлых руках у него был предмет, похожий на зеркало, и поверхность этого зеркала рябила каким-то неузнаваемыми образами. А мяуканье — это был то ли смех, то ли выражение удовольствия человека, глядящего в глубь переливающейся поверхности.

При входе Этона он отложил зеркало и обернулся. Это был призрак из кошмара — кошмара, пережитого совсем недавно.

Человек с драгоценными камнями вместо глаз!

Самоцветы в орбитах глаз вспыхивали разноцветными огнями, на жирном лице блестели капельки пота. Влажный рот радостно распахнулся.

— А, капитан Этон! Заходи и дверь закрывай, — весело хихикая, вскричало это создание. — А я тебя жду!

Этона охватило побуждение тут же повернуться и бежать без оглядки.

— Кто... кто ты?

— Я? Разве ты не знаешь? Я Фаворит Хулму, предводитель всех, кто ему поклоняется!

— Но ты же не человек.

— Я? Ну вот еще! Может, могу чуть побольше прочих людей, но это потому, что я любимец Хулму, его фаворит. Как и тебе, капитан, мне знаком страт. Я вечно опускаюсь в его глубины, где обитает Хулму, и он забавляется со мной. Иногда он делает мне полезные подарочки. Вот эти глаза он мне подарил, они в страте куда лучше видят.

— Хулму существует? — Внезапно Этон понял, что от Фаворита исходит незнакомый и отвратительный запах.

— А как же! Можешь не сомневаться. Еще он подарил мне искривитель времени, которым так легко устраивать хаос.

— Искривитель времени? Это ты им владеешь?

— Ага. Что, удивлен, капитан? — Фаворит замотал головой. — Сам я им мало пользуюсь. Я договорился с гегемонцами — только по доброте душевной, конечно. Когда они собираются совершить налет на Империю, я одалживаю им искривитель. А потом забираю обратно — так надежней. Один раз они попытались оставить его у себя — так они до сих пор не могут понять, как он вернулся ко мне! — Фаворит хохотнул.

— Искривитель только один?

— Только один. Этого хватает.

— А почему они сами себе второй не сделают?

— Не могут. Думаю, они в нем пытались разобраться. Но людям никогда не создать устройство, подобное искривителю времени. Только у Хулму хватает на это мудрости.

— Но зачем? Зачем вы хотите уничтожить Империю?

— А что тут такого? Это все входит в Заговор и Контрзаговор Хулму. Он ведь Сценарист? Он проецирует нас в бытие! — Хихиканье Фаворита достигло истерической силы. — Как тебе эта аудиенция?

В присутствии этой твари у Этона было такое чувство, будто он вымазался в грязи. Да нет, не может кредо травматиков быть правдой в буквальном смысле! Да если сравнить

истерику этого хихикающего монстра с благообразием и спокойной рассудительностью Церкви...

Казалось, что Фаворит читает его мысли.

— Да нет, культ Хулму очень древний. Даже чуть старше Церкви. Уж я-то знаю, ведь это я его создал. До того, как стать Фаворитом Хулму, я был Абсолом Хумбартом! Но эти глупцы, Святой Хеватар и Дуайт Рильке, отвергли Хулму, подлинного творца. И основали свою дурацкую Церковь.

Ухмыляющийся Фаворит приближался мелкими шажками. Этон был твердо намерен уничтожить эту омерзительную тварь, если только получится. Он исторг из себя поток энергии, окатив семенящий к нему силуэт лучами и волнами. Фаворит захохотал, и его тело начало пульсировать, распространяя вокруг себя искрящуюся радугу. Он продолжал смеяться, будто это была игра. Комната наполнилась фантастическими световыми формами, но ни капитан, ни его противник никак не пострадали.

— Я был мудрее. Я отдал себя Хулму. И он дарит мне маленькие игрушки, а я помогаю ему добыть то, что ему нужно, — души, травмированные смертью!

Оба противника бросили тратить энергию на фейерверк. Внезапно в коридоре затопали сапоги. Императорские гвардейцы прочесывали здание.

— Пойдем, друг мой Этон! — зашипел Фаворит. — Пойдем же к Хулму!

С неожиданной ловкостью толстяк прыгнул вперед и обхватил Этона руками. Капитана обдало зловонным дыханием, и он не успел среагировать, как Фаворит переместился в страт, забрав Этона с собой.

Он оказался на удивление силен. Этон не мог вырваться из его объятий. И они полетели вниз, штопором и кувыркаясь, вниз, вниз, вниз. Четырехмерный экран ортогонального времени остался позади. Позади остались и верхние слои страта, в которых потенциальное еще имело некоторое сходство с актуальным. Все ниже и ниже, в глубины, где потенциальность имела все меньше и меньше шансов стать актуальностью — то есть материализоваться в ортогональном мире, — и все меньше и меньше общих с ней форм. Давление нарастало со страшной скоростью. Этона тащило в темные шестимерные глуби-

ны, где таились во мраке, поджидая, безымянные создания. От них исходила угрюмая ненависть: потенциальные квазисущества чуяли, что Этон и Фаворит пришли из верхнего мира, и испытывали жгучую зависть.

В этом спуске не было времени, и Этон будто потерял волю к свободе. Потом начало ощущаться присутствие какого-то огромного и подавляющего разума.

Хулму!

Хулму не поддавался описанию. Шестимерная, не существующая форма, извивающаяся и корчащаяся во все стороны в диких конвульсиях. Он был владыкой этих глубин; все поклонялось ему.

В сознании Этона раздался голос, почти ощутимый на ощупь.

— Знай меня и покорись мне.

И в этот миг до Этона дошло — с уверенностью, которую он сам ни за что не смог бы объяснить, — о каком враге говорили ему Император и Святой Хеватар.

Врагом Империи была не Гегемония. И даже не секта травматиков или Фаворит.

Это был Хулму.

Этон не мог бы определить то абсолютное зло, которым был Хулму. Он лишь видел, как в момент прозрения, что битва будет беспощадной и длиться она будет, пока кто-то из них не достигнет полной победы.

С обновленной силой Этон рванулся из мертвой хватки. Фаворит пытался его сдержать, но Этон вырвался и взмыл вверх, прочь от извивающихся щупальцев Хулму. Его пытались схватить другие силы, но Этон знал, что это не в их власти.

Вверх, вверх и вверх.

Глава 10

В конце подъема к царству материальности Этон был в полусознании и пришел в себя, только выйдя в ортогональный мир.

Подсознание вынесло его к знакомому месту. Он стоял посреди пустынного главного зала внутренних покоев им-

ператорского дворца в Первом узле. Была ночь, и зал был почти темен.

Во дворце царила тишина.

Оглядевшись, Этон заметил одинокую фигуру на диване и подошел ближе.

Это была Инприсс Сорс.

— Инприсс?

Девушка подняла голову:

— Вы вернулись!

— Как вы здесь оказались?

— Меня привезли люди принца Вро. Они сказали, что здесь, во дворце, меня никто не тронет. Я под защитой Империи. — Нотка гордости прозвучала в ее голосе при этих словах. Потом Инприсс улыбнулась. — Это действительно не такая жизнь, к которой я привыкла.

— Но мы расстались с вами всего минуту назад!

Инприсс слегка насторожилась:

— Прошло уже почти три дня.

Три дня. Неужели он пробыл в страте так долго?

Потрясенный Этон посмотрел на стенные часы и нахмурился.

— А почему никого нет? Еще ведь очень рано.

— Все молятся в церквах и часовнях. Армада выступила в поход.

Значит, события подошли к кульминации, и миссия Этона не удалась.

Охваченный отчаянием, Этон заходил по залу. Он пытался представить себе, что сейчас делается за пределами дворца, в вечном городе и во всей могучей Империи, охватившей столько веков. Ему слышится или это на самом деле трещит структура времени, словно каркас разбиваемого волнами корабля?

Неожиданно раздалось гудение моторов. Из своего убежища выкатился Император и навис над мужчиной и женщиной.

— Слуга мой, капитан Этон, — прозвучал гулкий голос.

— Император?

— Зрелище поистине было завораживающим, капитан. Могучие корабли, которым не было числа, один за другим

представали народу, и архикардинал Ремуар благословлял их перед выходом в страт. Сейчас к трем основным эскадрам из Первого узла присоединяются группы кораблей, построенных в других Узлах. Гегемония должна почувствовать их присутствие очень скоро. Если это вообще произойдет.

— Бог да пребудет с ними, Император, — бесцветным голосом откликнулся Этон.

— Если это вообще произойдет, — повторила машина свою фаталистическую фразу. — Гегемония тоже собирает все свои силы. Там знают, что разыгрывается решающая карта. В последние дни Гегемония использовала искривитель времени на полную мощность.

— Император, — с волнением заговорил Этон, понимая, что опоздал со своей новостью. — Искривитель времени принадлежит секте травматиков и был передан им существом, которое они называют Хулму.

Непрерывный гул машины пошел волнами, будто она задумалась.

— Ортогональное время рушится, капитан. Если бы ты сейчас облетел Империю, ты бы ее не узнал. Последние два дня было невозможно выйти в ортогональное время в Третьем и Четвертом узлах.

— Как? — в ужасе воскликнул Этон.

— От этого участка истории вообще ничего не осталось. Ортогональное время там полностью уничтожено. Во многих отношениях, капитан, страт — это тот же океан. Формирования, которые мы называем Узлами, — это правильная рябь на его поверхности, которая не дает разваливаться ортогональному миру. Но бывают более глубокие волны, и они могут положить конец всему. Приливные волны, способные разорвать мир реальности.

Этон отметил, что сейчас машина говорит нормальнее, чем в прошлый раз. Но если она и обрела вновь разум, то случилось это слишком поздно. Картина, которую нарисовал Император, казалась безнадежной.

— И что теперь будет?

— Что было, то и будет.

Опять туманная таинственность, раздраженно подумал Этон.

Инприсс тем временем подошла ближе. Ее подавляло присутствие Императора, о котором она знала лишь, что это — полулегендарная верховная власть. Она взяла Этона за рукав, будто ища поддержки.

Случайно взглянув направо, Этон выкатил глаза, увидев, как восточная стена прогнулась внутрь, будто это была стена воды. Через секунду колеблющаяся стена выпрямилась и снова отвердела, но Этон хорошо знал признаки пространственно-временной деформации.

— Нас атакуют? — быстро спросил он.

— Атакуют всю Империю. Атакуют время.

Это были последние слова, произнесенные Императором перед тем, как тьма опустилась на них и выбросила из реальности.

Они вернулись, сохранив память о прежнем существовании.

— Что случилось? — спросил Этон.

— Империя исчезла, — ответил Император, — и появилась снова.

Целостное напряжение, которому подвергалось ортогональное время, неуклонно переходило в широкое волновое движение, начинавшееся глубоко в субстрате, и в кульминации породило нечто вроде приливной волны. Хронотическую Империю и все, что было с ней связано, смело этой волной.

Однако гигантская буря времени еще далеко не кончилась. Напротив, колебания нарастали и становились разрушительнее. Когда волна достигла второй половины своего цикла, Империя появилась вновь, почти в точности такая, как была.

Но не совсем.

Были бесчисленные мелкие изменения. Разница между ними и обычными хронотическими мутациями заключалась в том, что население Империи эти изменения осознавало.

Сбылась мечта принца Вро. Идя по следу от храма травматиков в Умбуле, детектив Перло Ролц нашел тело принцессы Веа в старом разрушенном доме на окраине города.

Вооружившись и взяв с собой только детектива, принц Вро лично вошел туда. В доме не оказалось никого.

Принц стал методично обходить все здание комнату за комнатой. На втором этаже обнаружилась камера, обитая белым шелком. На возвышении стоял открытый сосновый гроб, а в самом гробу, прекрасный как бледная роза, покоился забальзамированный труп юной принцессы.

— Моя дорогая, моя возлюбленная Веа! — Протянув руки, Вро бросился к гробу.

В этот миг приливная волна потенциального времени накрыла материальный мир и смела все. Потом мир вернулся — для действующих лиц это было одно мгновение. Но Вро чувствовал провал и знал, какие последствия он влечет.

Лежащая в гробу принцесса Веа открыла глаза, повернула голову и медленно села.

Вро закричал:

— Веа!

— Вро! — так же отчаянно взвизгнула принцесса.

Они смотрели друг на друга в совершенном ужасе.

В Императорском дворце почти ничего не изменилось. Инприсс Сорс вцепилась в Этона, видя в нем своего защитника.

— Это повторится еще раз? — спросил Этон.

— Волна отступила лишь на миг, — ответил Император. — В страте по-прежнему нарастает турбулентность. Когда волна вернется в следующий раз, передышки больше не будет. Все исчезнет... навсегда.

Император зажужжал, защелкал, потом раздалось приглушенное гудение, и в поверхности машины открылась дверь. Внутри оказалась освещенная камера с обитыми стенами.

— Быстро внутрь, — приказал Император.

Повелительный тон машины подействовал. Этон и Инприсс поспешно забились в тесноту камеры. Дверь за ними закрылась.

От взметнувшихся волнами геодезических линий, всплывших из глубин, пошел резонанс, которому ничто не могло

противостоять. Когда мощь хронотической потенциальности обрушилась на Империю вторично, величественное сооружение, построенное с такой тщательностью, не просто временно исчезло, но разлетелось на части, и материальность его фрагментов рассеялась до невосстановимости. Сам экран ортогонального времени разорвался в клочья.

За секунду до этого Император переместился в страт. Этона такая способность машины почти не удивила. Приборы на панели показали движение через страт, и слышалось гудение не слишком мощного двигателя времени, преодолевающего опасные завихрения.

Куда же везет их Император?

Итак, случилось. То единственное, чего так боялись сотрудники Ахронального Архива, наконец произошло.

Перманентно находящийся в страте Ахрональный Архив был единственным департаментом администрации Хронополиса, который не ждала гибель. Так полностью оправдался культ изоляционизма архивистов. Люди бродили по помещениям, стараясь коснуться друг друга для успокоения, поглаживая кожухи гудящих компьютеров, где хранилось все, что произошло в исчезнувшей Империи.

За стенами Архива был только страт и ничего больше. Ортогонального времени не существовало. Его уничтожил временной ураган невиданной силы, и власть потенциальности стала неограниченной. Актуальность исчезла повсюду, за исключением этого единственного пузырька.

В этом могильно-мрачном учреждении всегда была заметна обращенность внутрь себя, но сейчас она усилилась. Главный Архивариус Торн Иллюс Мейр знал, что очень скоро она перерастет в групповое помешательство. Хотя вряд ли кто из работников Архива до этого доживет. Архив успеет раствориться в страте, как сахар в воде. Поддержка его существования — та материальная основа, из которой он возник, — пропала без следа. Архив еще сохранялся лишь по милости времени страта, не имеющего взаимно-однозначного соответствия с ортогональным временем.

Мейр сидел у себя в кабинете один, когда в дверь забарабанили и раздался взволнованный выкрик одного из старших архивариусов:

— Там что-то приближается из страта!

Мейр побежал выяснять. К входному шлюзу он поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как материализуется громада Императора.

Все присутствующие упали на колени. В борту Императора распахнулась дверь, и из нее вышли двое — мужчина в форме офицера Хронофлота и женщина.

Пораженный Мейр широко распахнул глаза.

— Хвала Господу! — смог он произнести, но надеяться еще не смел.

Мужчина и женщина шагнули к нему, но не успел Мейр и слова сказать, как Император снова исчез.

И на Непобедимую Армаду, пробивающуюся сквозь бушующий страт, тоже обрушилось осознание гибели Империи.

Принц Филипп, Верховный Адмирал Армады, восседал на величественном мостике своего гигантского флагмана, «Воли Божией», застыв как парализованный. Его лицо посерело от ужаса.

Ошибки быть не могло. Со всех сторон огромной Армады летела одна и та же ужасная весть. Приборы показывали, что сами понятия порядка и религии, которым присягали служить воины Армады, исчезли безвозвратно.

У окруживших Филиппа адмиралов реакция на известие была совершенно разной. Неудержимая злость, давящий страх, каменная угрюмость, огненная ненависть.

— Мы призраки! — глухим от горя голосом объявил принц Филипп. — Что нам теперь делать? Империя повержена!

— Пускай мы призраки, но мы все еще живы, — отчетливо произнес адмирал Хайт. Он попытался прикинуть, сколько еще пройдет времени, пока армада исчезнет и потеряет последние следы материальности, лишившись экзистенциальной поддержки. Возможно, часы или дни.

— Нам остается только одно, — с силой сказал адмирал. — Месть! Сделаем так, чтобы от Гегемонии тоже не осталось и следа!

Выкриками энтузиазма были встречены эти слова. Принц Филипп, глядя безжизненными глазами, отдал приказ.

Призрачная Армада устремилась вперед, однако оказалось, что ее поход не нужен. Гегемония исчезла вместе с Империей.

Но корабли Гегемонии, вышедшие в страт, еще существовали, как и Армада. Противоборствующие силы столкнулись, и началась битва. Вопрос о выходе в ортогональное время для использования всей мощи оружия не возникал — ортогонального времени более не существовало, — а страт-торпеды были слишком малоэффективны, чтобы удовлетворить жажду крови. И корабли шли на таран. Бой разгорался все жарче, вдохновляемый отчаянием и ненавистью.

Этон заметил, что его появление в Архиве немного подняло настроение главному архивариусу и его помощникам. Казалось, они не могли понять, что действительность, к которой они привыкли, исчезла и что все они очень скоро умрут. Этону показалось патологией, когда он увидел, что сотрудники стараются как можно больше заниматься работой, с любовью просматривая видеозаписи прошедших дней и бесконечные списки имен, мест и событий.

И на их вопросы он ответить не мог. Но два часа спустя сотрудники, сканирующие окрестности Архива, доложили, что объект возвращается снова.

Второй раз Император материализовался в приемном шлюзе.

— Этон, слуга мой! — раздался его гулкий голос.

Этон встал навытяжку перед Императором.

— Я здесь, Император, — отозвался он. И спросил: — Где вы были?

— В будущем. Теперь мой разум ясен. — Император казался еще больше, еще мощнее и величественнее, чем был раньше. — Настало время твоего великого подвига во имя Империи, капитан Этон.

— Я не понял, Император. Империи нет.

— Что было, то и будет. Если ты победишь. — Император ненадолго замолк. — Фаворит думает, что победа уже за ним. Он забрал искривитель у гегемонцев — своих орудий, и снова хочет его использовать для новой цели.

— Император! О чем вы говорите? — надломленным голосом произнес Мейр. — Уже ведь нет ничего!

Император громко загудел. Этон нетерпеливо сделал архивариусу знак замолчать.

— Сейчас потенциальность, подобно первобытному хаосу, затопила мир времени, — заговорил Император. — Но хронотический шторм уже стихает; и вскоре на поверхности пучины вновь возникнет ортогональное время, как пленка поверхностного натяжения на жидкости. Невозможно сказать, каким станет мир, если дать ему возникнуть без всякого вмешательства. И Фаворит собирается вмешаться. Искривителем времени он хочет спроецировать мир, желательный Хулму, его повелителю. Этого нельзя допустить. Ты будешь биться с ним, капитан Этон. Ты отберешь у него искривитель.

— Но смогу ли я это сделать, Император? — спросил Этон неуверенно. — Я уже знаю, насколько силен Фаворит.

— Одолеть его тебе поможет вера.

Внезапно из машины вырвался конический луч света и окутал Этона. В ту же секунду в сознание капитана хлынул поток мыслей и чувств, связанных с той религией, в которой он был взращен. Молитвы, гимны, строки Катехизиса, выученные с детства, будто запели в мозгу.

Эмоции, порожденные этим пением, внесли смирение в душу Этона. Объективно он понимал, что луч работает по принципу детектора биополя, только в обратном направлении. Император напоминает ему о религиозном воспитании. Но зачем?

— Фаворит уже близко. Иди.

Дверь в борту машины снова открылась. Этон вошел внутрь. Император перенесся в страт и быстро устремился вниз.

Кажется, он знал, куда направляется.

Наконец дверь открылась снова. Этон вышел в страт.

Фаворита он увидел почти сразу. Тот быстро всплывал из глубины, неся уже знакомый Этону предмет, похожий на трубу. Подлетев ближе, Этон увидел сквозь неземной огонь страта блеск его кристаллических глаз.

— Ха-ха-ха! Хочешь забрать мою игрушку! Ну уж нет! На этот раз Хулму получит тебя!

Этон бросился в атаку.

Фаворит вскинул свою трубу. Из жерла искривителя запенился пар, и Этон ощутил, как его отбросило назад, как формы его четырехмерного тела искажаются и плывут. С

огромным трудом он выскользнул из струи пара, молнией метнулся к Фавориту и сцепился с ним врукопашную.

У Фаворита оказалось больше одного облика! Из него полезли конечности и псевдоподии во всех направлениях пятимерного пространства, в котором шла битва. Этон оказался в живой западне конечностей, корней и ветвей.

Но и сам он не был безоружен. Предельным усилием воли Этон заставил все клетки своего тела освободить трансцендентную энергию, приобретенную при погружении в страт. Произошел своего рода взрыв, развертка нематериального континуума, и Этон оказался на свободе.

Но ослабленный. И прежде чем Этон успел собраться, он снова оказался в плену.

На этот раз он был зажат внутри яркого цветного хрусталя или стекла. Потом он почувствовал резкую перемену и понял, что перенесся в другую, но точно такую же тюрьму.

Он был внутри глаз Фаворита, и тот перебрасывал его из одного глаза в другой!

С громогласным хохотом слуга Хулму выхватил Этона из своего ока и поднес к радостно скалящемуся рту. Его способность менять размер показала Этону истинный масштаб мощи противника. Отчаяние стало овладевать его душой.

— Хи-хи-хи! Первым делом я изменю мир, а потом отнесу тебя, мой бедный маленький капитан, своему повелителю!

Этон был зажат так, что не мог шевельнуться. Держащая его рука описала круг и снова приблизилась к огромному рту.

В памяти Этона внезапно всплыла молитва, одна из тех, которые он учил еще в детстве. Какой-то внутренний голос настойчиво требовал произнести эту молитву вслух, и когда Фаворит снова оказался близко, Этон стрелой послал вибрации этих слов через страт.

— Святой Отец, несущий утешение, избави нас от врага времени.

Это и все, но Фаворит сжался и отпрянул, словно в ужасе. Этон бросился за ним в погоню, повторяя молитву снова и снова.

— Святой Отец, несущий утешение, избави нас от врага времени. Святой Отец, несущий утешение, избави нас от врага времени.

Фаворит завизжал от боли. Он вспыхнул и задергался миллионами иллюзорных образов, освобождая весь спектр своей энергии зла в неконтролируемом спазме. Как будто молитва произвела на него такое действие, как нервно-паралитический газ на обычную нервную систему. Этон нырнул вперед и схватил искривитель времени. Фаворит попытался бороться, но отпрянул.

И вдруг с нарастающей скоростью полетел вниз головой в пучину.

— Хулму! Я опять не исполнил волю твою! Ооохххх...

Этон выполнил приказ Императора.

«Воля Божья» была разбита в металлолом.

Огромный линкор потерял счет протараненным кораблям противника. Эсминцы он давил как мух. Но наконец все эти столкновения сказались. Почти дюжина искореженных и изломанных корпусов кораблей Гегемонии застряла в обшивке «Воли Божьей», и двигатель флагмана замолчал.

— Поле ортогонального времени долго не продержится, сэр! — доложил молодой сублейтенант. — Кое-где оно уже отключилось.

— Тогда кончай счеты с жизнью, дурак, как другие, и не морочь мне голову! — рявкнул адмирал Хайт. — А я лично не собираюсь подыхать, как крыса в ловушке.

Действительно, мостик был усыпан телами самоубийц, среди которых был и принц Филипп. Никто даже не думал о том, чтобы воспользоваться спасательными плотами или страт-скафандрами. Но адмирал Хайт был не на мостике. Он ушел в глубины корабля и был сейчас у наружной обшивки. А сублейтенант стоял возле шлюза, через который, в случае успеха Армады, должны были высаживаться войска.

— Есть одна вещь, которую мне давно уже хотелось испытать на собственной шкуре, — скрипнул зубами Хайт, — и сейчас я это сделаю. Откройте шлюз, сублейтенант.

— Но, сэр!

— Ты слышал, что я сказал, сопляк? Это приказ. Открыть шлюз!

Молодой офицер отвернулся от крышки шлюза и дрожащими пальцами перекинул несколько переключателей.

Шлюз загудел и раскрылся, как диафрагма объектива. Поднялась наружная броневая крышка.

Закрыв глаза локтем, чтобы не потерять сознание и не упасть на палубу, адмирал Хайт бросился вперед и нырнул в страт.

— Чтобы понять, что произошло, — сказал Император Этону, Инприсс Сорс и столпившимся вокруг работникам архива, — необходимо понимать природу времени и происхождение Империи и Церкви.

Ортогональное время есть реальность. Но реальность не может постоянно сама себя поддерживать. Ей, как любой структуре во Вселенной, для стабильности необходима какая-то обратная связь. Необходимо нечто, на чем она может основываться, на что реагировать, иначе, если бы она существовала в пустоте, вскоре исчезла бы в ничто.

Этим «нечто» является темпоральный субстрат. В некотором роде страт можно назвать искаженной реальностью; он обеспечивает обратную связь, которая поддерживает — или относительно поддерживает — стабильность времени. Страт как таковой является потенциальным, а не актуальным — вполне нереальным, иначе говоря.

И чем глубже в страт, тем меньше он похож на реальность. В предельных глубинах страта находятся формы квазибытия, непостижимые ни для кого из нас, и они находятся там лишь потому, что где-то в ортогональном времени имеется подлинная сущность, из деградации которой они возникли.

Эти квазисущества в глубинах испытывают страшный голод к подлинному существованию, но не способны к нему, поскольку они слишком далеки от его природы. Однако некоторые из них обладают огромной мощью в своем собственном царстве; и таков Хулму.

Он и есть враг человечества.

— Я полагал, что Хулму — всего лишь суеверие травматиков, — нерешительно заметил Мейр. — Я не верил в Хулму даже тогда, когда Церковь объявила его олицетворением Зла.

— Он есть, и мы ведем с ним борьбу бесчисленные эпохи. В понятиях вечности возраст Империи гораздо больше, чем вы думаете.

Император задумчиво загудел, словно размышляя.

— До открытия перемещения сквозь время мир реальности был защищен от подобных чудовищ. Они не могли коснуться ортогонального времени. Но затем, благодаря уникальному повороту истории, человек по имени Дуайт Рильке нашел брешь в строении мира. Он обнаружил способ передавать материю сквозь время.

С этого момента над вселенной актуальности нависла угроза, и эта угроза заявила о себе почти сразу же. Во время одного из ранних экспериментов с аппаратом времени произошел несчастный случай, и один лаборант улетел в темпоральный субстрат. Это был Абсол Хумбарт, позже ставший Фаворитом. Его поймал Хулму. Он давно понял, что ослабление ортогонального времени предоставляет ему возможность выбраться на поверхность и стать реальным. Однако это все еще было нелегко. Чтобы завоевать плацдарм, Хулму надо сначала приобрести достаточно реальности, и лишь тогда он сможет выйти на поверхность.

Абсол Хумбарт — это была возможность приобретения душ! Если бы Хулму поглотил достаточно душ, живших когда-то в ортогональном мире, то смог бы вырваться в наш мир и утвердиться здесь, удовлетворив свое бешеное желание стать реальным.

Но тех крупиц, которые ему давали, и близко не было достаточно! И его план имел лишь одну цель: поглотить смертную травму всего человечества, прошлого, настоящего и будущего! Только поглотив душу каждого человека, кто жил когда-то или будет жить, сможет Хулму набрать силу, вылезти из своей ямы и овладеть Землей, а потом, вероятно, и галактикой. Для этого они с Фаворитом строят козни, пытаясь создать ситуацию, когда все человечество погибнет при некоторых специальных условиях. Если бы Фаворит сумел воздействовать на вновь возникающую действительность искривителем, это могло бы получиться. Искривитель времени — прибор, который не мог быть придуман человеческим существом; для этого необходимо могущество бога.

Император сделал паузу, давая слушателям возможность вникнуть в его слова.

— Вы сказали, что мы воюем с этим чудовищем уже многие эпохи, — осмелился заметить какой-то сотрудник, — но ведь Империя насчитывает куда меньше лет.

Из недр машины донесся звук, напоминающий смех.

— Империя возникала, погибала и возникала вновь бесконечно много раз. И это было и будет снова, и снова, и снова. Всегда в этой вот точке нам удавалось разрушить планы Хулму; нам всегда удавалось воссоздать Империю теми же средствами, которыми он ее разрушал. Этот процесс, по моим оценкам, повторялся около миллиарда раз.

Но мой рассказ еще не закончен. Как возникла Империя? Это не было случайно. Из всех, чьей опрометчивостью человечество получило возможность путешествовать во времени, был один — Святой Хеватар, который увидел опасность. Он знал, что необходимо противостоять секте травматиков. И он основал Церковь для противодействия Хулму. Как защиту и оружие против Хулму он разработал обряды Церкви. Вот почему, Этон, твоя молитва так подействовала на Фаворита: в нее специально заложены вибрации, которых он не выносит. Если бы не Церковь, вся вселенная могла бы стать жертвой Хулму.

— Но я говорил со Святым Хеватаром, и мне не показалось, будто он знает то, что вы говорите, — усомнился Этон.

— Он и не знал. В тот первый раз — почти наверняка не знал. Но теперь, после стольких перемен и воскрешений Хронотического государства, мы вспоминаем свои роли будто во сне. Знал ли ты, что должен будешь вступить в схватку с Фаворитом? Даже я не знал, а лишь вспомнил в озарении, как Святой Хеватар. Почти все время я полностью безумен, как правильно сказал твой друг принц Вро. Я безумен, и просветление у меня наступает, лишь когда исчезает Империя. Тогда я отправляюсь в далекое будущее, в тамошние цивилизации, и ко мне возвращается ясность мысли.

— А почему, — возразила Инприсс, — эти самые люди будущего не помогут нам в борьбе с Хулму?

— Они не могут, и они вообще не верят в Хулму. Они знают только, что тайна перемещения во времени — самая опасная из всех тайн вселенной и что без контроля она может привести к разрушению времени. Вот почему они хотят, чтобы Империя возникала непрерывно и гибла в борьбе с Гегемонией, — это предупреждение истории человечеству. В будущем нет государств, подобных Хронотической

Империи, — люди знают, что это слишком опасно. Но если бы перед ними не было примера крушения целого государства, они могли бы забыть и поддаться соблазну подчинить себе время.

— А вы, — спросил Этон, — кто вы такой? В чем ваше назначение?

— Я — то, с чего началась Империя. В самом начале я был административным компьютером в физической лаборатории «Монолит Индастриз». Я принимал участие в тех самых исследованиях пи-мезонов. Когда началась борьба с Фаворитом, я играл в ней ведущую роль. Я постепенно расширялся и набирал интеллект. Сейчас я и Фаворит — основные действующие лица этой пьесы. У него колоссальное преимущество — поддержка Хулму. С каждым циклом он становится сильнее. И мы должны становиться сильнее, Этон! Я даже не могу сказать тебе, сколько раз ты дрался с Фаворитом!

— Миллиард раз, — сухо ответил Этон.

— Нет, это не так. Ни один человек столько не выдержит. Судьба то и дело меняет бойца, который бросает врагу вызов. Когда-то им был адмирал Хайт; теперь он освобожден от этого долга и ничего о нем не знает. В следующий раз это можешь быть ты, а может быть и кто-то другой. Я не знаю. Но всегда есть человек, который исполняется достаточной силы и вступает с ним в бой. И я всегда оказываюсь здесь и слежу, чтобы это произошло. Быть может, когда-нибудь я достаточно разовьюсь, чтобы самому сыграть эту роль.

Гудение Императора сделалось громче.

— Следует понимать, что от мира, существовавшего до появления Империи, не остается ничего. Даже календарь меняется. Дуайт Рильке совершил свое открытие в двадцать четвертом веке своей эры; а Великий Барьер установлен Империей в точке, где был их пятнадцатый век, еще до появления технической цивилизации.

— Вы говорите о воссоздании Империи, — спросил Мейр, все еще недоумевая, — но как это может быть? Как вообще возможно это сделать?

— Тем же способом, которым Фаворит собирался создать мир, где мог бы жить Хулму. У меня есть искривитель времени Хулму. Убедив Фаворита в том, что это он создал

мир посредством проецирования своих желаний на экран действительности, Хулму солгал: он не творец, а лишь бессильный наблюдатель. Тем не менее его искривитель времени способен творить — в некоторых пределах.

Император покатился вперед и навис над людьми почти зловеще.

— В момент, предшествующий образованию пленки ортогонального времени, Страт похож на перенасыщенный раствор, в котором начинается кристаллизация от любой крупинки. При помощи искривителя времени в этом растворе можно вызвать вибрации, из которых вырастает мир. Здесь у нас есть все, что нужно для воссоздания Империи. У нас есть Ахрональный Архив с детальным описанием истории Хронотического государства. Сами обряды Церкви являются той основой, на которой можно восстановить суть Империи — с этой целью и создавал их Святой Хеватар. У нас есть искривитель времени, чтобы спроецировать все это на формирующийся ортогональный мир, и у нас есть я, Император, который пустит этот искривитель в дело!

С резким взрывным звуком отлетела стенка секции Императора, и под ней открылась полость.

— Очень давно я приспособил себя для выполнения этой задачи. Вставьте сюда искривитель. Подсоедините ко мне выводы компьютеров Архива. Торопитесь, времени мало! Я воссоздам исходные условия и точку, из которой вырастет Империя! Все будет предопределено! Война с Хулму должна быть вечной!

Инприсс Сорс тихо вскрикнула:

— И я должна буду снова пройти через все это? — Ее голос дрожал.

— Возможны вариации, — ответил гулкий голос почти шепотом. — Быть может, в следующий раз ты мирно проживешь свою жизнь. Быть может, не капитан Этон, а другой офицер Хронофлота выживет в страте и будет призван биться с Фаворитом. Важно лишь одно: если Империя падет и не сможет быть восстановлена, человечеством овладеет Хулму и выползшие из потенциальных глубин монстры захватят Землю.

Пока машина говорила, работники Архива быстро выполняли, что он велел. С Императором не спорят.

Когда включился искривитель и мощный поток энергии вырвался из его жерла и когда в тот же миг все вокруг стало исчезать из реальности, Этон, держа Инприсс за руку, ощутил самой глубиной своего существа, что это еще не конец, и что снова он будет призван стать слугой Империи, и что война эта воистину вечна.

Глава 11

— До чего же хитрые бестии эти пи-мезоны, — заметил Дуайт Рильке.

— Чертовски хитрые, — согласился Хумбарт.

Рильке отложил карандаш и откинулся на стуле. Все его мысли и соображения вертелись вокруг одной проблемы: как изолировать пи-мезоны в стабильном состоянии достаточно надолго и в достаточном количестве, чтобы с ними можно было работать.

Взгляд Рильке случайно упал на компьютер в углу. Необычно большой размер машины был связан с тем, что в нее для страховки от сбоев питания был встроен портативный ядерный генератор. Последнее время усилились гражданские беспорядки, а компьютер вел почти всю административную работу лаборатории.

Этот компьютер всегда сообщал цифры таким глубоким повелительным баритоном, что у Рильке мелькнула забавная мысль.

Можно бы прозвать машину Императором.

Дверь лаборатории открылась. Вошла лаборантка с пачкой отчетов.

— Спасибо, мисс Сорс, — сказал ей Абсол Хумбарт.

Содержание

Курс на столкновение 5
Падение Хронополиса 215

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – "Книги по почте"**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Бейли Баррингтон

Курс на столкновение
Падение Хронополиса

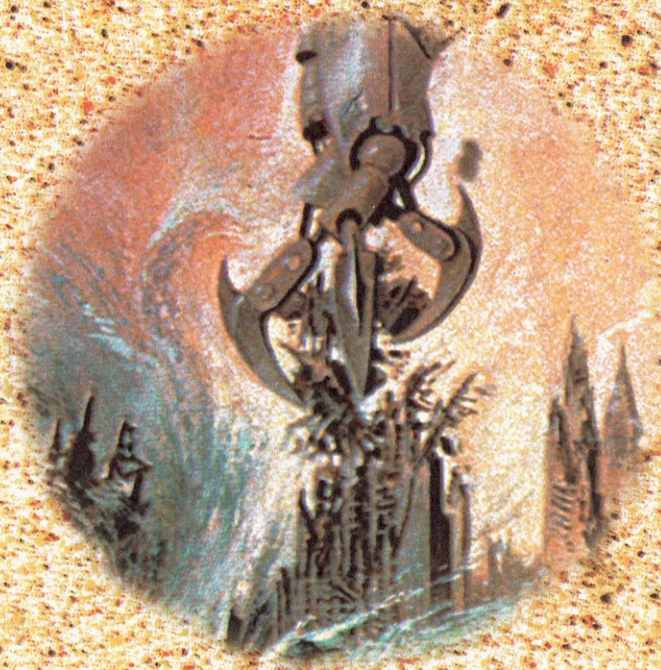
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

...Жизнь на Земле существует лишь в пределах «волн времени».

Не потому ли развалины, которые исследует ученый-археолог, становятся не древнее, а — МОЛОЖЕ?!

Не потому ли экспедиция на машине времени отправляется не в прошлое, а — в Будущее?

Туда, где на Земле идут, навстречу друг другу, две небывалые по силе «волны времени», и жить Земле — пока они не встретятся в страшном катаклизме. В катаклизме, что раз и навсегда потрясет пространство и время...

ISBN 5-17-012748-0

9 785170 127481